

М. И. ФОМИНА

СОВРЕМЕННЫЙ
РУССКИЙ
ЯЗЫК

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебника
для студентов институтов
и факультетов иностранных языков

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1983

ББК 81.2Р—9

Ф76

Рецензент:

д-р филол. наук, проф. А. Н. Кожин
(Институт русского языка АН СССР)

Фомина М. И.

Ф76 Современный русский язык. Лексикология: Учебник для
ин-тов и ф-тов иностр. яз. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. школа,
1983 — 335 с.

В пер.: 95 к.

2503186 242

В учебнике изложены теоретические сведения о лексико-семантической системе русского языка в функционально-стилистическом освещении. Во всех разделах имеются упражнения на усвоение и закрепление теоретического материала. Дано описание современных лингвистических словарей.

Во втором издании (1-е вышло в 1978 г.) внесены уточнения в теоретические разделы, добавлен раздел «Фразеология», обновлены упражнения.

◆ 4602010000—305

001(01)—83

176—83

ББК 81.2Р—9

4Р

© Издательство «Высшая школа», 1978

© Издательство «Высшая школа», 1983, с изменениями

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебник написан в соответствии с программой курса «Современный русский язык», предназначенной для студентов институтов иностранных языков, в частности для студентов переводческих факультетов, и отражает один из основных разделов программы, посвященный лексикологии и фразеологии русского языка, на котором базируется подготовка будущих специалистов-переводчиков и всех тех, кто будет работать со словом.

Учебник состоит из двух разделов: лексики и фразеологии, каждый из которых включает в себя по несколько частей.

Раздел лексики состоит из трех частей. В первой дана семасиологическая характеристика современной лексической системы: определено лексическое значение, его типы и способы развития разных значений; прослежены системные связи внутри одного слова и между словами. Во второй рассмотрены основные этапы исторического формирования: определено место русского языка среди других славянских языков; раскрыто понятие исконной лексики русского языка, описаны место и роль заимствований; дано представление о наличии русских слов в других языках мира. В третьей прослежены системные связи слов, объединяемых спецификой их функционирования в речи, т. е. сферой употребления, стиливой принадлежностью и экспрессивно-стилистической характеристикой, активностью или пассивностью использования.

Раздел фразеологии состоит из двух частей. В первой дана семасиологическая характеристика современной фразеологической системы: определение фразеологизма; связь фразеологизма со словом и свободным словосочетанием; определение фразеологического значения в сопоставлении с лексическим значением; описаны виды системных связей фразеологизмов; их структурная, семантико-грамматическая, генетическая и стилистическая характеристика.

Теоретические сведения о лексико-фразеологической системе дополнены функционально-стилистической характеристикой изучаемых единиц и сведениями о нормах их употребления.

В заключение рассмотрены основные пути развития современной лексики и фразеологии.

Кроме теоретических разделов в учебник включены упражнения, выполнение которых должно помочь выработать навыки творческого подхода к языку, развить языковое чутье и повысить речевую культуру. Значительная часть упражнений, посвященных сравнению отдельных редакций одного и того же текста, позволит студентам глубже проникнуть в творческую лабораторию писателей, журналистов, переводчиков. Есть упражнения, предполагающие сопоставительный анализ современных газетно-журнальных текстов, в результате которого студентам предлагается выбрать (или предложить свой) стилистический обобщенный вариант и убедительно мотивировать выбор. К упражнениям прилагаются тексты для анализа по изученным вопросам теории. Есть немало упражнений теоретического характера. Их выполнение ознакомит студентов с мнением разных исследователей по изучаемым вопросам и поможет обоснованно присоединиться к той или иной точке зрения. Однако основной упор сделан на приобретение практических навыков, связанных с активным овладением материалом данных разделов.

В учебник включены сведения об основных лингвистических словарях русского языка и дана их общая характеристика. К книге приложены предметный и именной указатели.

В книге частично использованы материалы работ, ранее опубликованных автором, в частности учебного пособия «Лексика современного русского языка» (М., Высшая школа, 1973).

При цитировании отдельных высказываний, а также в случае отсылки к некоторым исследованиям использован метод цифровых указаний на литературу, помещаемую в конце книги: в квадратных скобках первой цифрой обозначен источник, кото-

рый под этим номером помещен в списке литературы; после запятой указана страница (или страницы) упоминаемого источника; точка с запятой отделяет одно исследование от другого, содержащего сходные выводы.

Приводимая в конце учебника литература может быть использована в качестве дополнительного источника при изучении разделов курса. За аутентичность фактического материала несет ответственность автор.

Автор пользуется возможностью выразить благодарность рецензентам первого издания учебника — доктору филологических наук, профессору Н. П. Колесникову; кандидату филологических наук, доценту Ю. С. Мжельской, а также рецензенту рукописи второго издания доктору филологических наук, профессору А. Н. Кожину за все ценные критические замечания и высказанные рекомендации.

Автор

§ 1. Понятие о лексикологии и фразеологии русского языка

Слово является основным объектом особого раздела науки о языке — лексикологии (греч. *lexicos* — словесный, словарный от греч. *lexis* — слово + *logos* — учение). В лексикологии слово изучается не только само по себе, но и в определенной связи с другими словами, образующими систему лексических единиц. К лексикологии тесно примыкает фразеология (греч. *phrasis* — род. пад. от *phraseos* — выражение + *logos*), в которой рассматриваются лексически неделимые, несвободные сочетания слов во всем многообразии их системных связей. Таким образом, лексикология и фразеология являются учением о словарном составе русского языка.

Основные задачи лексикологии и фразеологии: 1) семасиологическая характеристика слов и оборотов (т. е. выявление внутренней организации типов значений и анализ разного рода системных связей); 2) определение лексических и фразеологических единиц, а также их различительных признаков; 3) описание фразеологических единиц в сопоставлении со словом и свободным словосочетанием; 4) анализ закономерностей отношений слов и оборотов с другими словами и т. д.

§ 2. Функции лексикологии и фразеологии, их основные направления. Роль смежных наук

В современной лингвистике понятия «лексикология» и «фразеология» не однозначны. Соответственно по-разному будут называться и направления, ответвления, обусловленные спецификой их задач.

Во-первых, различают общую лексикологию, занимающуюся изучением словарного состава разных языков, и частную лексикологию, в которой рассматриваются проблемы конкретного языка. То же самое можно сказать и о фразеологии. Во-вторых, само определение понятия лексикологии может быть широким и суженным. В широком понимании в лексикологию включают учение и о словах, и об устойчивых (фразеологических) сочетаниях слов. (Это нашло отражение в трудах В. В. Виноградова, К. А. Левковской, Н. М. Шанского, Д. Н. Шмелева и др.). В узком понимании лексикология занимается только словами. В-третьих, как частная, так и общая лексикология (это относится и к фразеологии) могут изучать лексическую и фразеологическую системы в их современном состоянии. В этом случае каждую из них называют описа-

тельной, синхронической (греч. *syn* — вместе + *chronos* — время). Но могут заниматься изучением словарных запасов в историческом плане, и тогда они соответственно называются историческими, или диахроническими (греч. *dia* — через, сквозь + *chronos*).

Лексическую и фразеологическую системы русского языка или отдельные их элементы можно сопоставить с подобными фактами других языков (родственных и неродственных). Этим занимается так называемая сопоставительная лексикология и фразеология. Для выявления и характеристики системных связей на лексическом и фразеологическом уровнях может быть использован, с одной стороны, переkreшивающийся тип анализа, т. е. сближение синхронического плана с диахроническим [54, с. 5, 6, 22 и др.], с другой стороны, данные разнообразных сопоставлений.

Для более полного, углубленного описания лексики и фразеологии привлекаются сведения из других разделов языкознания, например семасиологии (греч. *sēmasia* — обозначение + *logos*) — науки о значении словарных единиц; этимологии (греч. *etymon* — истина + *logos*) — науки о происхождении слов и оборотов; ономастиологии (*onoma* — имя + *logos*) — науки о назывании, номинации; лексикографии (греч. *lexikon* — словарь + *grapō* — пишу), фразеографии (греч. *phrāseos* + *grapō*) — науки о составлении словарей как лексико-фразеологических, так и собственно фразеологических.

Роль словарей в изучении лексики и фразеологии особенно значительна.

§ 3. Понятие о национальной и литературной лексике и фразеологии

Понятие о национальном словарном составе тесно связано с общим понятием о национальном русском языке как средстве общения русской нации, т. е. исторически сложившейся устойчивой общности людей, объединяемых единством территории, экономики и языка. Национальный русский язык включает в себя всю совокупность языковых средств русского народа, в том числе диалектных и социально-профессиональных. Следовательно, национальная лексика и фразеология, являясь частью национального русского языка, охватывает почти все его словарные запасы: общераспространенные; средства ограниченного употребления (диалектные, социально-профессиональные и жаргонно-арготические); слова и обороты по стилевой принадлежности, стилистическим свойствам являющиеся общепринятыми, узаконенными и выходящие за рамки этих норм (грубо-просторечные, бранные, вульгарные) и т. д.

Литературная лексика и фразеология составляют основу современного русского литературного языка как высшей формы национального языка. Литературная лексика и фразеология отличаются от общенациональной четкой нормированностью. Нормы письменно узаконены (т. е. кодифицированы) и закреплены соответствующими правилами и словарями современного литературного языка (см. § 6).

Нормированность литературной лексики и фразеологии заключается прежде всего в большей или меньшей регламентации современного словарного состава. Напомним, что нормированность литературного языка в целом — понятие более широкое: в него входят кроме собственно лексических еще и орфоэпические, орфографические, словообразовательные, словоизменительные, морфологические и синтаксические нормы. Для национальной лексики и фразеологии подобные нормы не являются основным различительным признаком.

Следует учесть, что в процессе исторического развития русской лексики (в период формирования национального языка) в связи с изменением и расширением общественных функций менялись и ее содержание, и ее границы в соответствии с общими закономерностями становления и развития литературного языка вообще. Например, если применительно к периоду конца XVIII — начала XIX в. можно говорить только об активизации процесса формирования общих норм литературного языка, и прежде всего его лексики, то применительно к пушкинской эпохе речь идет уже о более четком и целенаправленном становлении общелитературных норм. «...Именно в художественном языке Пушкина и нашел русский национальный язык ту воплощенную норму, которая была целью всех сложных событий, происходящих в нем с конца XVII в.» — указывает Г. О. Винокур в историческом очерке «Русский язык».

Понятия «литературный язык», «лексика и фразеология литературного языка» и другие в последующие времена претерпевали изменения, что отражало и подтверждало историческую закономерность эволюции, происходившей в общенародном русском языке вообще и в его обработанной, нормированной форме — литературном языке в частности.

Наличие нормы, однако, допускает несколько способов ее выражения, т. е. вариантность (или вариативность). Например, одинаково правильными признаются варианты: *абрикосовый* и *абрикосный*, *спазм* и *спазма* и многие другие. Вариантность литературных норм проявляется так широко, что за последние годы ее изучение привлекло особое внимание (см. работы К. С. Горбачевича, Р. П. Рогожниковой и др.).

Хронологические границы понятия «современный русский литературный язык» (а следовательно, и понятия «литературная лексика» и «литературная фразеология») тоже оказываются изменчивыми. Так, до последних лет многие исследователи называли «современным» в широком смысле слова язык от Пушкина до наших дней. Акад. В. В. Виноградов условной границей считает время с 90-х годов XIX в. вплоть до 70-х годов нашего столетия, т. е. от Горького до наших дней.

Ф. П. Филин выделяет два основных исторически и хронологически ограниченных этапа в развитии современного русского литературного языка: 1) от Пушкина до Великой Октябрьской социалистической революции и 2) после 1917 г. до наших дней, что

не исключает, по его мнению, «частные подразделения внутри каждого этапа» [102, с. 137].

Анализ изменений, происшедших в языке советского периода, позволяет некоторым исследователям еще больше сузить хронологические рамки этого понятия, считать «современным» язык, начиная с конца 30-х—40-х годов до наших дней [10, с. 14—15; 31, с. 36—40; 32, с. 41—43].

Нам представляется целесообразным при определении границ понятия «современный язык» опираться на опыт составления толковых нормативных словарей литературного языка, где используются национальные литературные источники преимущественно с конца XIX в. до наших дней, т. е. принять условные хронологические рамки, намеченные В. В. Виноградовым. Однако такая временная ограниченность не мешает активно привлекать для анализа лексики и материалы языка пушкинского периода. Но основное внимание должно быть обращено на характеристику лексики в последние несколько десятилетий ее развития.

Итак, понятия национальной и литературной лексики и фразеологии не тождественны. Первое намного шире, объемнее второго. Лексика общенационального языка по составу почти безгранична, так как включает всю лексику: профессионально-терминологическую, устно-диалектные ее разновидности, устно-жаргонные образования, просторечие и т. д.

Лексический и фразеологический состав литературного языка значительно уже. Так, в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» (см. § 6) объяснено немногим более 120 тыс. слов. Этим, конечно, не ограничиваются лексические литературные запасы. Точно учесть их нелегко: они постоянно пополняются за счет научно-технической, профессиональной терминологии, а также слов из некодифицированных устных разновидностей речи, т. е. слов ограниченного употребления. Бесспорно одно: в целом словарь литературного языка намного меньше словаря общенационального.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ ЛЕКСИКА

ЧАСТЬ I-

СЕМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

§ 4. Слово как единица лексики русского языка

В русском языке, и прежде всего в богатейших его словарных запасах, воплощены процессы и результаты познавательной деятельности человека, отражено развитие культуры, искусства. Являясь основным средством лексической системы, слова и сами по себе, и в соединении друг с другом передают накопленные из поколения в поколение трудовые навыки, понятия, культурно-исторические ценности. А это служит одним из важнейших условий существования человека в обществе, позволяет постоянно совершенствовать производство как основу жизни общества, развивать науку и культуру, систему образования и т. д.

По своей лингвистической природе слово — сложная, многомерная, разноплановая единица языка. Уже при первой попытке аналитически осмыслить слово становится очевидным присущий ему дихотомизм (греч. *dicha* — две части + *tome* — сечение), легко вычленяемая исконная двусторонняя сущность: с одной стороны — материальное звуковое оформление, с другой — одинаково понимаемый носителями языка, общественно закрепленный за словом смысл (т. е. отражение путем языкового обозначения, названия того или иного предмета, явления, качества и т. д. внеязыковой реальной действительности).

Однако определять слово только как языковой элемент, состоящий из ряда звуков, обозначающих то или иное понятие, — значит изолировать его от системы языка в целом. Учитывая сложность многоплановой структуры слова, современные исследователи при его характеристике используют так называемый многоаспектный тип анализа, т. е. указывают на сумму самых разных языковых признаков: фонетическую оформленность и наличие одного основного ударения (или неударность); лексико-семантическую значимость слова, его отдельность и непроницаемость (т. е. невозможность дополнительных вставок внутрь слова без изменения его значения); идиоматичность (иначе — непредсказуемость, немотивированность названия или неполную его мотивированность); отнесенность к тем или иным частям речи [54, с. 52; 89; 96; 109, с. 9—32; 111, с. 35—102, 112, с. 49—65).

В современной лексикологии русского языка достаточно моти-

вирующим представляется краткое определение, предложенное Д. Н. Шмелевым: «Слово — это единица наименования, характеризующаяся цельнооформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью» [111, с. 55].

Перечисленные выше отличительные признаки слова и одно из его определений дают лишь общее представление о нем. Полнее и глубже структурно-семантическая сущность слова, его функциональная роль будут поняты в процессе последовательного изучения лексико-семантической системы русского языка.

§ 5. Понятие о современной лексико-семантической системе русского языка

Словарные запасы национального русского языка практически неисчислимы. Только в картотеке словаря русского языка зарегистрировано свыше пяти миллионов слов в их основном значении. В это количество не входят десятки и сотни тысяч ограниченных в употреблении специально-терминологических слов и значений [50, с. 37].

Несмотря на фактически неисчерпаемые запасы слов, многоплановую их сущность, разнообразный характер связей друг с другом, словарный состав русского языка представляет собой определенную систему, которая не выходит за пределы общезыковой системы, а наоборот, активно участвует в ее логическом развитии. Как уже было отмечено, слово — единица с многообразными характерными признаками и разнообразными языковыми связями, т. е. оно соотносится с разными уровнями языка:

фонетическим, или **фонематическим**, поскольку оформлено при помощи звуков (а точнее — кратчайших смыслоразличительных единиц — фонем) русского языка;

словообразовательным, так как корневые, немотивированные (или непронизованные) основы служат базой для создания новых слов, от которых, в свою очередь, вновь образуются лексические единицы;

морфологическим, ибо по своим категориально-семантическим признакам слова образуют определенные системные группы, например слова с предметным значением входят в состав имен существительных, слова со значением действия или состояния — в состав глаголов и т. д.;

синтаксическим, поскольку слова реализуют свои семантические возможности при соединении с другими словами, т. е. в словосочетаниях, предложениях и более сложных синтаксических конструкциях.

С одними уровнями связь слова выражена четко, последовательно двусторонняя (например, со словообразованием), с другими — дихотомизм отношений не столь постоянен и четок (например, с морфологией). Итак, будучи связанным с разными уровнями языка, слово скрепляет, цементирует общезыковую системность.

Однако оно является основой и самостоятельной лексико-семан-

тической системы как внутреннего организованного единства, элементы которого, постоянно взаимодействуя друг с другом, в то же время закономерно связаны определенными более или менее устойчивыми отношениями.

В понятие о системности лексики включены два взаимообусловленных характерных признака этого уровня: во-первых, лексическая система как набор словарных единиц (слов и оборотов, являющихся назывными средствами), во-вторых, лексическая система как форма организации этих единиц и способы их взаимодействия [97, с. 170—171]. Словарный состав языка (как набор слов) последовательно описан в различных лингвистических словарях. В них раскрыты системные свойства слова, но нередко в относительно ограниченных семантических пределах одной единицы. Однако, как отметил еще в 1895 г. М. М. Покровский в работе «Семасиологические исследования в области древних языков», «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе), независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению».

Группы, в которые по семантическим признакам объединяются слова, могут быть выделены на разной основе.

Так, основанием для объединения могут служить не лингвистические характеристики. Примером является деление лексики на тематические классы, т. е. такие наборы слов, которые связаны единой темой и сходством обозначаемых понятий (ср.: слова, называющие конкретные предметы быта, и слова, являющиеся наименованием абстрактных понятий, и т. д.). Заметим, что на предопределенность системных семантических связей слов внеязыковыми факторами (связь самих предметов, явлений, понятий объективного мира) как на ведущий признак системности указывают некоторые исследователи (см. работы В. И. Кодухова, С. Д. Кацнельсона и др.).

В основу могут быть положены собственно лингвистические свойства слов. Например, традиционное распределение слов по частям речи основано на сходстве лексико-семантических и формально-грамматических признаков.

Объединение слов осуществляется и по лингвистическим признакам. На этом, в частности, основано выделение групп слов, которые кроме называния предмета, или денотата (лат. *denotare* — обозначать), дают ему добавочную оценку, т. е. обладают дополнительной эмоционально-экспрессивной окраской, или коннотацией (лат. *cum/con* — вместе + *notare* — отмечать). На этом признаке, например, основано объединение слов с оттенком торжественности или с шутилой, фамильярно-сниженной окраской и т. д.

Однако в любом случае объединения слов важнейшим критерием служит наличие (или отсутствие) как сходных, так и различительных признаков в семантической структуре слов. Например, чтобы обосновать закономерность объединения в одну предметно-

тематическую группу таких слов, как *диван, кресло, скамейка, стул, табурет, тахта* и под., необходимо выявить тот общий семантический признак, который явился основанием для объединения. Таким признаком будет соотнесенность каждого из приводимых слов с общим понятием, имеющим лексическое наименование — *мебель*. Но эти слова называют не любую мебель, а «род мебели, предназначенной для сидения или лежания». Данный различительный признак позволяет вычленить слова из общей тематической группы «мебель вообще» в сравнительно небольшую подгруппу «мебель для сидения или лежания», образующую определенную лексико-семантическую парадигму (греч. *paradeigma* — пример, образец), т. е. совокупность единиц как элементов системы языка.

Отношения слов в подобных группах (а затем и в подгруппах, классах, подклассах и т. д.) называются парадигматическими. Они являются основным, наиболее важным и существенным показателем системности лексического уровня. (Заметим, что выделение различительных, или дифференциальных, семантических признаков всех перечисленных слов может быть продолжено. Это позволит определить сходство и различие в их значениях, см. § 7 и след.)

Как на весьма значимый семантический признак, позволяющий выделять лексические парадигмы, современные исследователи указывают на так называемую противопоставленность смыслов «в пределах тех или других семантических разрядов и классов слов в системе номинаций» [97, с. 112]. Например, выделение указанной выше подгруппы слов, обозначающих «мебель для сидения или лежания», стало возможным при их сопоставлении (и противопоставлении) с подгруппой слов, обозначающих мебель, предназначенную «не для сидения или лежания», а, допустим, «для хранения чего-либо» (*шкаф, горка, сервант, тумбочка* и т. д.). Эта парадигматическая группировка, в свою очередь, может быть противопоставлена по наличию или отсутствию относительных и существенных признаков другой лексической парадигме, в которую войдут слова, обозначающие «предмет мебели в виде широкой горизонтальной доски на одной или нескольких ножках, на который кладут или ставят что-либо», т. е. *стол, стойка* (в одном из значений), *залавок* (*простореч.*, в одном из значений) и др.

Одно и то же слово может входить в разные парадигматические группировки, что подтверждает наличие системных связей в языке. Например, слово *шесть* является по сходству основного значения членом синонимической группы «идти, передвигаться»; по противоположности значения — входит в группу слов с основным значением «стоять, не двигаться»; по сходству происхождения — в группу заимствований из родственного старославянского языка; по первичной функционально-стилистической сущности является словом книжным, торжественно-возвышенным (однако может быть использовано и с оттенком шутливо-ироническим); по лексико-грамматическим признакам является членом самой большой груп-

пировки глагольных слов с основным значением «действия», входит в подгруппу глаголов, обозначающих «передвижение» и т. д.

Следовательно, парадигматические отношения в лексике многоплановы, семантически разнообразны.

Результатом сопоставления слов или их противопоставления по различным семантическим признакам является образование «рядов соподчиненных или перекрещивающихся лексико-семантических парадигм» (по терминологии Д. Н. Шмелева [111, с. 113]), или рядов слов, объединенных «силой их связи» между собой (по терминологии Ю. С. Сорокина [90, с. 10—13]).

Являясь в первую очередь свойством языка, лексико-семантические парадигмы достаточно устойчивы по своей сущности и мало зависят от функционирования в речи, от конкретного контекстуального употребления. (Заметим, что выявление определенных закономерных связей семантики слова с окружающим контекстом также служит примером проявления системных связей в лексике).

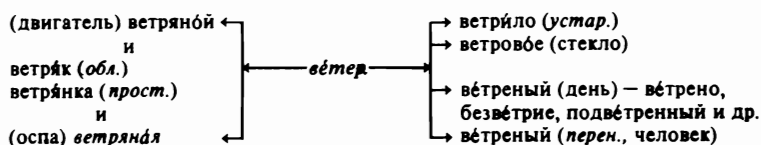
Одним из видов проявления системных связей лексических единиц является закономерность их сочетания друг с другом, т. е. синтагматические отношения (греч. *syntagma* — нечто соединенное). Они также обусловлены системой языка в целом, но по сравнению с семантическими парадигмами больше зависят от контекста. Синтагматические связи раскрываются в процессе реализации значений слов именно в определенных лексических сочетаниях.

Лексическая сочетаемость — это своего рода связь значений, опирающихся на их предметно-логический смысл, синтаксическая сочетаемость — закономерность соединения слов друг с другом в речи.

Лексическая сочетаемость нередко влияет на развитие новых значений слов, сначала только в пределах определенных словосочетаний, а затем — семантической структуры слова в целом, что влечет за собой изменение в лексических группах (парадигмах). Например, совсем недавно слово *география* имело одно значение — «комплекс наук, изучающих поверхность земли с ее природными условиями, распределением на ней населения, экономических ресурсов». Оно употреблялось в сравнительно ограниченных семантических сочетаниях: *физическая география, изучение географии, география растений, развитие географии* (как науки), *урок географии, книги по географии* и др. Тожественным по значению было слово *землеописание*. В 60-х годах появились сначала чисто контекстуальные синтагмы с этим словом, например *география командировок спецкоров, география вмешательства* и др. Затем сочетаемость слова несколько расширилась. Постоянными стали такие сочетания, как *география соревнования, география спортивных побед, география новых предприятий, география московских метростроителей* и др. (иногда — не совсем удачные, например *география торта*). У слова развилось новое значение «границы размещения, распространения чего-либо», которое закрепилось в лексической синтагматике, а затем повлекло изменения в парадигматических

отношениях, например при образовании нового ряда слов, близких по значению: *география* — *граница, место, область, район* (распространения) и др. Следовательно, характер лексической сочетаемости слов влияет на их местоположение в лексической парадигме и ее специфику в целом.

Системные отношения в лексике проявляются также в том случае, когда слова связаны отношениями словопроизводства, т. е. в зависимости от значения мотивировано их объединение в разные словообразовательные ряды. Например, мотивирующая (производящая) основа *ветер* дала несколько словообразовательных гнезд, лексически объединяемых ассоциативными связями:

Отношения слов подобного рода могут быть названы *дери-вационными* (лат. *derivatio* — отвод, отведение), они основаны на возможности ассоциативных сближений и объединений слов между собой — словообразовательных, семантических, этимологических и др. [111, с. 190—210].

Примечание. Этот тип связи не ограничивается собственно словообразовательным родством слов. В широком смысле *дери-вационными* отношениями охвачены и разного рода экспрессивно-смысловые преобразования слов, сближаемые общностью звучания (например, *водевиль-удивиль* в народно-разговорном переосмыслении), индивидуальные образования (например, *солнечность*, ср. *лунность, млечность* у С. Есенина) и др. Дери-вационные отношения в лексической системе углубляют, расширяют и дополняют первые два вида связей — парадигматических и синтагматических. Поэтому их именуют еще *эпидигматическими* (греч. *epi* — над, сверх, после).

Итак, взаимодействие разных значений внутри одного слова и его отношения с другими словами чрезвычайно разнообразны. В целом они образуют сложную лексическую систему, многоярусный характер которой может быть рассмотрен в такой последовательности: 1) в пределах одного слова — раскрытие его значения (или значений), связь разных значений между собой (полисемия) и разрыв этой связи (омонимия, паронимия); 2) в пределах словарного состава — описание разных типов семантической связи слов (синонимия, антонимия, по сходству происхождения, сферы употребления, функционально-стилевой принадлежности, экспрессивно-стилистической роли и т. д.), т. е. выявление их парадигматических, синтагматических и дери-вационных отношений; 3) в пределах общезыковой системы — установление зависимости семантической структуры слова от формально-грамматических признаков, фонетических изменений и других факторов собственно лингвистических; несобственно лингвистических, сопровождающих речевое общение, например: мимики, жестов, интонации и под., т. е. пара-

лингвистических (греч. *para* — около, возле, при + лингвистика) и экстралингвистических (т. е. сверх-, надъязыкового или внеязыкового свойства). Сущность общезыковой системы (как, впрочем, и отдельных языковых уровней) выявляется и познается в процессе функционирования языка, которое, в свою очередь, влияет на характер общезыковых изменений, определяя пути развития системы языка. [См. иную трактовку. 52].

§ 6. Толковые словари русского языка как один из способов характеристики системных связей слов

Лексико-семантическая система в виде перечня слов описана с разной степенью полноты и точности в толковых лингвистических словарях современного национального языка и словарях литературного языка.

Роль лингвистических словарей (в отличие от энциклопедических, где описываются не сами слова, а реалии, предметы и научные понятия, обозначенные теми или иными словами) при изучении лексической системы огромна. В них она представлена в наиболее наглядном виде: слова располагаются в алфавитном порядке, раскрывается общая семантическая структура слова, указываются основные типы (а точнее — модели, формулы) его связей с другими словами, дается достаточно полный перечень характерных признаков слова на других уровнях общезыковой системы (фонетико-орфоэпическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом), указываются основные стилистические свойства, приводится большой иллюстративный материал. В этом смысле толковые словари являются своего рода обширнейшим учебным пособием по лексикологии, но без теоретических обоснований и обобщений.

Толковые словари русского языка в их современном виде возникли не сразу.

В первом русском рукописном словаре-списке (конец XIII в.) были объяснены лишь отдельные непонятные слова, которые встречались в памятниках древнерусской письменности. В 1596 г. как приложение к грамматике Лаврентия Зизания вышел первый печатный словарь русского языка, который содержал 1061 слово. Он имел название «Лексис, сиречь речения вкратце собранны и из-словенского языка на проты русский диялект истолкованы». Такому «истолкованию» подверглись преимущественно церковнославянские, а также немногие иноязычные слова.

В словаре 1627 г. «Лексикон славеноросский, имен толкование», составленном украинским филологом Памвой Берындой, насчитывается уже 6982 слова. По сравнению с предыдущими словарями объяснения слов в нем даны точнее, использовано много источников, в том числе и живая разговорная речь.

В петровскую эпоху и последующие десятилетия интерес к словарям возрос. Появляются словари иностранных слов, дву- и трехязычные словари, словари церковнославянского языка и т. д. Все они подготовили основу для дальнейшей лексикографической

работы и позволили приступить к созданию первого обширного нормативного словаря русского языка, который был издан в 6-ти томах в 1790—1794 гг. Он назывался «Словарь Академии Российской» и включал в себя 43 257 слов, основная масса которых, как и в словарях предшествующего периода, представлена церковнославянской лексикой. Слова живого разговорного языка немногочисленны. Кроме толкования значения слов в словаре имеются стилистические пометы, что способствовало закреплению определенных словоупотребительных норм. Так, постоянны пометы *простореч.* и *простонар.*, указывающие на сферу распространения. Слова расположены в алфавитно-гнездовом порядке, т. е. словарные статьи построены с учетом алфавита *корневых слов*, а внутри статьи приведены все производные слова (и префиксальные и суффиксальные). Например, после раскрытия двух значений слова *годъ* дано гнездо слов с тем же корнем, занимающее 12 столбцов, т. е. 6 страниц. В гнездо включены наряду со словами *годѣна*, *годовѣкъ*, *годовѣѣна*, слова *погодѣно*, *прошлогодѣний*, *двухгодовѣлый*, *двухгодовѣый*, *ежегодѣный*, *безгодѣе*, *перегодѣать* и т. д. Однако, несмотря на имеющиеся недочеты, значение этого словаря велико: он был первым нормативным толковым словарем русского языка.

Вторым, еще более полным (51 388 слов) шеститомным толковым¹ словарем был «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» (1806—1822). От предыдущего словаря он отличается большим лексическим объемом и собственно алфавитным (не только по корневому слову, но и по всем производным) расположением материала. По существу объяснений, стилистических и грамматических характеристик словарь сохраняет традиции предыдущего и является как бы вторым его изданием.

Следующим по времени и значимости был четырехтомный «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847), составленный вторым (словесным) отделением Академии наук. В нем значительное место занимает лексика живого разговорного языка начала XIX в., богаче иллюстративный материал, больше слов иноязычных, которые употреблялись в речи. В словарь включено вдвое большее число слов (114 749), расположенных в алфавитном порядке. В нем шире использованы стилистические пометы: кроме тех, которые применялись в предыдущих словарях, имеются и такие, которые указывают на сферу употребления — *арифм.*, *астр.*, *геод.*, *канц.*, *мед.*, *рем* [есленное] и т. п.; на принадлежность к пассивным запасам словаря — *стар.*, *обвет.* [шалое]; на стиливую принадлежность и эмоционально-экспрессивную оценку — *простон.*; *ласк* [ательное], *смягч.* [ительное] и т. д. Значительно полнее и выразительнее в нем иллюстрации — приведены примеры из произведений Н. М. Ка-

¹ Слово «толковый» не было употреблено ни в первом словаре, ни в последующих его изданиях. Но, по существу, «толковыми» являются все филологические словари, в которых даны объяснения, т. е. толкования значения слов. В последнее время даже в некоторых словарях энциклопедического типа используется это наименование, например: *Ясулевич Н. И.* Толковый словарь терминов, применяемых в судовом машиностроении. Л., 1966.

рамзина, И. А. Крылова, А. С. Пушкина и др. В 1867 г. словарь был переиздан без изменений.

Большую роль в лексикографической практике сыграл четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (в дальнейшем — Словарь Даля), который до сих пор является непревзойденной сокровищницей меткого народного слова, разнообразной диалектной речи. 1-е издание вышло в свет в 1863—1866 гг., 2-е — в 1880—1882 гг., 3-е — в 1903—1909 гг. и 4-е — в 1912—1914 гг. под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ. Затем несколько раз осуществлялось переиздание 2-го издания фотомеханическим способом.

В. И. Даль, современник и друг А. С. Пушкина, посвятил словарю более 50 лет своей жизни. Он включил в него свыше 200 тысяч слов, пытаясь при этом освободить русский язык от излишне книжных слов, а также слов иноязычного происхождения. В. И. Даль старался заменить их собственно русскими, нередко сочиненными (не всегда удачно) им самим, например: *логика* — умословие; *кашше* — носопятка, нарощник; *эксплуатация* — нележанье чего впусте; *эгоист* — самотник, себятник; *эллипс* — долгодуг и т. д. Это было некоторой крайностью, так как при таком подходе к иноязычным заимствованиям не учитывались закономерность их возникновения, интернациональный характер некоторых из них и т. д. Многие слова (особенно из области общественно-политической терминологии) были объяснены нечетко. В их толковании смешивались энциклопедический (т. е. описание реалии, а также понятия о ней) и собственно филологический (описание значения слова) подходы. В словаре мало иллюстраций из художественной литературы, их заменяют примеры из диалектной речи, многочисленные пословицы, поговорки (свыше 30 тысяч), народно-разговорные фразеологизмы, а также примеры, сочиненные самим В. И. Далем. Несколько затрудняет пользование словарем гнездовой принцип подачи слов: по алфавиту располагаются только корневые слова, выделение которых нередко является субъективным. Остальные (бесприставочные) слова, так или иначе связанные, по мнению Даля, с корневыми, даются в том же гнезде, т. е. в одной словарной статье.

См., например, следующую словарную статью:

Вокабулы — лат. слова, въ знач. отдельныхъ словъ, списка словъ съ переводомъ для затверженія наизусть. **Вокальный** — музыкальн. голосной или голосовой, относящийся до человеческого голоса. **Вокация** ж. — зовъ, призывъ, особ. приглашеніе на ученую должность, в университетъ или академію.

В этой статье соединены три слова, совершенно разных по происхождению и словообразовательным связям: *вокабула* — пришло через польское посредство (*wokabula*) в петровскую эпоху. Оно происходит от латинского *vocabulum* (слово), *вокальный* — из французского *vocal*, восходящего к латинскому *vocalis*, т. е. голосовой; *вакансия* (у Даля *вокация*) — пришло через польский язык (*wokancja*) из французского *vacance*, восходящего, в свою

очередь, к латинскому *vacans/vacāre* — пустующий, свободный. Подобных примеров немало.

Однако никакие отмечаемые с точки зрения современной лексикографии недочеты не могут снизить общей высокой оценки совершенно неповторимого словаря, являющегося до сих пор сокровищницей живой русской речи XIX в.

Следует отметить, что 1-е и 2-е издания осуществил сам В. И. Даль, 3-е и стереотипное 4-е редактировал в течение семи лет профессор Петербургского университета И. А. Бодуэн де Куртенэ. Он внес в словарь значительные изменения: гнездовой способ расположения слов заменил собственно алфавитным, уточнил многие этимологические сведения, объяснения значений и грамматические комментарии. В соответствии со своими лексикографическими взглядами Бодуэн де Куртенэ значительно дополнил словарь вне-литературной лексикой. В целом — это был совершенно новый труд, а не словарь В. И. Даля. Поэтому все последующие переиздания осуществляются со 2-го авторского издания.

В середине XIX в. началась подготовка нового академического словаря. Были определены принципы его составления: нормативность, наличие подробных стилистических помет, ограничение лексического материала за счет отказа от узкодиалектных и просторечных слов. В словарь решено было включать общеупотребительную лексику от времени Ломоносова до конца XIX в. В обсуждении всех вопросов, связанных с составлением нового словаря, принимали участие многие лингвисты того времени, писатели и видные специалисты из других областей науки. Однако дело двигалось медленно, и лишь в 80-х годах, после назначения редактором акад. Я. К. Грота, началась практическая работа. В 1895 г. вышел первый том, включавший 21 648 слов на буквы А—Д. В нем система толкования слов, а также грамматические и стилистические пометы отличаются четкостью, приводится богатый иллюстративный материал из произведений видных писателей XVIII и XIX вв. Однако немало объяснений носило политически тенденциозный характер.

После смерти Я. К. Грота редактирование словаря было поручено акад. А. А. Шахматову, который отказался от ранее принятого принципа нормативности и предложил расширить границы словаря, включив в него диалектные слова, церковнославянизмы и даже индивидуально-авторские неологизмы. Вплоть до 1929 г. выпуски словаря осуществлялись с учетом принципов, выдвинутых А. А. Шахматовым. Несмотря на значительные изменения, происшедшие в лексической системе после Великой Октябрьской социалистической революции, границы и состав словаря не отразили этих перемен. Оставалась прежней даже орфография. В словарных объяснениях были допущены серьезные политические ошибки. В иллюстративном материале нередко использовались произведения реакционных писателей. После 1929 г. принципы работы над словарем изменились: было решено издавать словарь современного русского языка с отражением истории развития и современных норм. Издание словаря продолжалось до 1937 г.

В 1935—1940 гг. был издан четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова (в дальнейшем — Словарь Ушакова). Его подготовка велась в соответствии с указанием В. И. Ленина «создать словарь *настоящего* русского языка <...> словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 122).

В Словарь Ушакова было включено 85 289 слов общелитературного языка. Слова диалектные, просторечные, малоизвестная профессионально-терминологическая лексика представлена в незначительном количестве. Словарь очень ценен нормативными положениями, например сведениями о правописании, произношении и грамматических свойствах. Этому посвящен особый раздел «Как пользоваться словарем» (т. 1). Представляют большой интерес подробные стилистические пометы, богатый иллюстративный материал. Словарь был переиздан фотомеханическим способом в 1947—1948 гг. и до сих пор является полезным пособием, хотя в нем есть отдельные недочеты (например, нечеткость в разграничении многоязычности слов и омонимии, не всегда точное толкование значений), которые стали особенно заметны в связи с развитием научных основ современной лексикографии.

Двенадцать изданий (с 1949 по 1978 г.) выдержал однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (в дальнейшем — Словарь Ожегова). К настоящему времени в него включено свыше 57 000 слов (в первом издании содержалось 50 100 слов). В словаре активно использованы новейшие научные данные по лексикологии и стилистике, отражены послевоенная лексика и фразеология. Толкование значений отличается четкостью и краткостью, отбор слов ограничен рамками общеупотребительной лексики.

Значительным событием явилось издание подготовленного словарным сектором Института русского языка АН СССР 17-томного академического «Словаря современного русского литературного языка», осуществленное в 1950—1965 гг. (т. е. Большого академического словаря, в дальнейшем — БАС). Этот словарь является и толковым, и нормативным. Он содержит лингвистические объяснения слов, включая фразеологические обороты. Значения слов и особенности их употребления иллюстрируются многочисленными примерами из художественной, научной и общественно-политической литературы XIX—XX в. Дается грамматическая характеристика слов, отмечаются особенности их произношения и написания, приводятся нормативные стилистические пометы, показаны (и довольно широко) разнообразные типы лексической сочетаемости слова, сообщаются некоторые сведения исторического характера (по словообразованию, правописанию, ударению и т. д.), а также приводятся справки об этимологическом составе слов, их происхождении, сведения о времени отражения их в русских словарях. Всего в словаре объяснено свыше 120 000 слов.

В 1957—1961 гг. вышел четырехтомный академический «Словарь русского языка» (Малый академический словарь, или МАС). В него

включено 82 159 слов и фразеологических оборотов, охватывающих период от Пушкина до наших дней. Словарь является нормативным, в нем даны разнообразные грамматические и стилистические пометы, использован большой иллюстративный материал.

В дополнение к толковым словарям Институт русского языка АН СССР в 1971 г. выпустил словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов «Новые слова и значения». В настоящее время подготовлен второй аналогичный словарь по материалам газет и журналов за 1972—1976 гг. Вышли и два выпуска из серии «Новое в русской лексике», в них приведены словарные материалы за 1977 и 1978 гг. (см. об этом подробнее в § 58).

Словарный сектор Института русского языка АН СССР начал подготовку к изданию нового многотомного словаря современного русского литературного языка. Как отмечает К. С. Горбачевич в книге «Вариантность слова и языковая норма» [32, с. 43], «переиздание Большого академического словаря (БАС) предполагает не только актуализацию отбора лексики, но и пересмотр нормативных характеристик многих слов и словоформ под углом зрения современного восприятия языковых фактов» [32, с. 43].

В 1982 г. вышел первый том «Словаря русского языка» АН СССР в 4-х томах. Изд. 2-е, исправленное и дополненное, главный редактор А. П. Евгеньева. В этом издании будет отражено современное состояние словарного состава, т. е. будут включены все слова и фразеологические обороты, пополнившие лексическую систему после 1961 г., когда вышел последний том первого издания МАС. Словарь нормативный, в нем широко представлены разнообразные стилистические пометы, к иноязычным словам даны этимологические справки. Большое место в новом издании отведено иллюстрациям.

Остальные виды русских одноязычных лингвистических словарей будут рассмотрены в той последовательности изложения, какая принята в данной книге: сведения о словарях омонимов, синонимов и т. д. даны после разделов, посвященных описанию этих явлений в русском языке.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 1. Сопоставьте словарные статьи из «Большой Советской Энциклопедии» (БСЭ) и Словаря Ожегова. Укажите, есть ли различия в построении и содержании статей, и объясните эти различия.

1. Б С Э.

Волны. Содержание

- I. Понятие о волнах <...>
- II. Общие свойства волн <...>
- III. Волны в других телах <...>
- IV. Волны на поверхности жидкости <...>
- V. Электромагнитные волны <...>
- VI. Другие виды волн <...>

1. **Понятие о волнах.** Волны — процесс распространения возмущений (изменений состояния) в каких-либо средах. Так, удар по одному концу стального стержня вызывает на этом конце состояние местного сжатия, которое распространяется затем вдоль стержня со скоростью ок. 5 км. в сек., — по стержню распространяется звуковая В <...> и т. д. (более 6 страниц текста).

2. С л о в а р ь О ж е г о в а

Волна́, *ы, мн. во́лны, волн, волна́м (и во́лнам), ж.* 1. Водяной вал, образуемый колебанием водной поверхности. *Цвет морской волны* (зеленовато-голубой). 2. Колебательное движение в физической среде, а также распространение этого движения. *Звуковая в. Передача на короткой волне. Воздушная в.* 3. *перен., чего.* О чем-н. движущемся друг за другом во множестве на нек-ром расстоянии; о массовом проявлении чего-н. *Новая в. самолетов. В. недовольства.* || *прил. волновóй, -áя, -бе* (к 1 и 2 знач., спец.).

Упражнение 2. Сопоставьте статьи из Словаря Даля и Словаря Ушакова. Выявите различия в построении словарных статей, их содержании, характере толкования значений слов и орфографии.

1. С л о в а р ь Д а л я

Діалéктика *ж. греч. умословіе, логика на дѣль, въ преніи, наука правильного разсуженія; по злоупотребленію, искусство убѣдительнаго пустословія, ловкаго спора, словопренія. Діалекті́ческий, къ діалектѣ относящійся. Діалéктикъ, ловкій, искусный спорщикъ, доводчикъ; иногда софистъ. Діалéктъ м. говоръ, наречіе, мѣстный, областной языкъ, говоръ.*

2. С л о в а р ь У ш а к о в а

Диалéктика, *и, мн. нет ж* [греч. *dialektikē*]. 1. Наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления, как процесса накопления внутренних противоречий, как процесса борьбы противоположностей, приводящего к скачкообразному, революционному переходу из одного качества в другое. <...> *Законы диалектики: закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количества в качество и обратно, закон отрицания отрицания.* 2. Умение применять логические доводы в споре (устар.). 3. Самый процесс такого движения и развития (книжн.). *Д. событий. Д. истории.*

Упражнение 3. Сопоставьте построение и содержание словарных статей в БАС и в словаре-справочнике «Новые слова и значения». Укажите, чем обусловлены различия в объяснении значения слова.

1. БАС

Голубóй, *áя, -бе.* Имеющий цвет ясного неба, светлосиний, лазоревый, лазурный. *Голубые обои.* <...> ◇ Г о л у б а я в ы с ь,

даль; голубой свет и т. п. <...> И только замолкли — в дали голубой Столбом уж крутился песок золотой. Лерм. ◇ Голубой день, голубое утро — светлые, ясные, безоблачные. А дни стоят один другого лучше — голубые, безоблачные <...>. Голубой песок — дымчатый с голубым оттенком. ◇ Голубая лошадь — лошадь пепельного цвета, сходная с цветом мыши <...>

— Срезневский: **голубын, голубь** — голубое поле, главный цвет ткани; Лекс. 1762: голубой; Росс. Целлариус 1771, с. 101, голубы <...>

2. Словарь-справочник «Новые слова и значения»

Голубой, ая, бе. 1. Такой, который не отражает не учитывает недостатков; идеализированный (*иронически*). ...Выдали дебоширу «голубую» характеристику [Известия, 11 окт. 1966]. <...>

2. **Голубое топливо.** О природном газе, горящем голубоватым пламенем. <...> Рядом обнаружены гораздо более обширные запасы голубого топлива — более 850 миллиардов кубометров [Труд, 16 марта, 1967].

3. **Голубой экран.** О телевизоре; об экране телевизора <...>. И вот мы видим героев уже не на голубых экранах, а в Голубом зале редакции [Комсом. правда, 17 окт. 1966]. <...>

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

§ 7. Понятие и слово. Значение слова

Семантические связи внутри слова, т. е. анализ зависимости его смысловых компонентов, определяются отношением между значением слова и понятием.

Предметно-логическая соотнесенность слова указывает на то, что оно непосредственно связано с представлениями о реальной действительности, которые затем становятся основой разного рода понятий, называемых при помощи слов. Именно в них человек оформляет, формулирует свои представления и понятия о тех или иных предметах, явлениях, физическом и психическом состоянии, системе общественных отношений и т. д. Но понятие — категория логическая, а слово с его значением — категория лингвистическая. Чтобы логический смысл мог восприниматься как единица языковой системы, он должен быть соотнесен с определенным словом. Связь между словом и понятием — очень тесная. И одной из основных задач семасиологии как раз является изучение вопроса о том, как в словах отображается внеязыковая действительность.

Понятие о предмете, явлении, качестве, состоянии или действии — это своего рода обобщенное отражение в сознании людей основных представлений о свойствах реального мира, познаваемого в процессе общественно-трудовой деятельности.

Первоначально в сознании людей отражались только конкретно видимые, ощущаемые, осязаемые предметы, т. е. все то, что

человек воспринимал при помощи пяти органов чувств (слуха, зрения, вкуса, осязания, обоняния). В результате развития человеческого мышления появляется способность к абстрактным представлениям. В сознании людей отражаются уже не только реально существующие предметы, но и все отвлеченные процессы, явления (например, понятие о радости, волнении, смелости и т. п.). Познавая предметы и явления, человек абстрагируется от всего несущественного в их свойствах, качествах, т. е. сосредоточивает внимание на основных чертах. Затем он сопоставляет свои представления, полученные от познания сходных или однотипных предметов. Таким образом в его сознании, мышлении образуются понятия о предметах и явлениях действительности. (В данном случае вопрос о познании действительности затрагивается лишь частично, в связи с необходимостью дать некоторое представление о понятии. Собственно теория познания, или гносеология, — самостоятельная философская наука.)

В понятии отражаются не все качества и признаки, присущие тому или иному предмету, действию, а лишь общие, основные, наиболее существенные, которые позволяют отличать один предмет (или явление) от другого.

Так, если речь идет о *рыбе*, то для данного понятия наиболее существенным является представление о том, что перед нами разнородность позвоночных, обитающих в водных пространствах, дышащих жабрами, имеющих конечности в виде плавников. Именно эти признаки позволяют отличить рыбу от других позвоночных (птиц, млекопитающих). Другие признаки и качества, присущие рыбам, являются в данном случае менее существенными, они будут необходимы для создания каких-то более конкретных, частных характеристик семейств, видов, подвидов и т. д. *общего класса рыб*.

За понятием закрепляется наименование, слово, т. е. сами понятия тоже формируются при помощи языковых средств. Связь между словом и понятием устанавливается в процессе совместной деятельности людей. Поэтому слова более или менее одинаково понимаются всеми членами общества, говорящими на данном языке в одно и то же время его исторического развития. Следовательно, при изучении соотношенности слов с обозначаемыми ими предметами и явлениями действительности (через понятие о них) необходимо учитывать данные истории этой действительности.

Обозначая предмет, выражая понятие о нем, слово выполняет основную свою функцию — функцию называния, или номинативную (лат. *nomen* — имя), которая позволяет выделить предмет (явление, признак, действие) из ряда подобных или из множества других разнообразных предметов, или денотатов.

В русском языке не все слова называют какое-то понятие. Например, междометия, модальные слова, союзы, предлоги, частицы, а также в какой-то мере местоимения и имена собственные прямо не называют понятий, т. е. не связаны с ними непосредственно. Значение же имеют все слова. Только у одних оно непосредственно связано с понятием, и они являются интеллектуально, или по-

нятийно, полнозначными (с учетом грамматической роли их называют также словами знаменательными). Эти слова обладают и лексическим и грамматическим значением. У других слов такая связь отсутствует, им не свойственна непосредственная соотнесенность с предметом. Подобные слова (междометия, модальные слова, предлоги, союзы, частицы и др.) являются как бы понятийно неполнозначными (в грамматике последние три группы слов называют служебными). Они тоже обладают и лексическим и грамматическим значением, но в их семантической структуре преобладающим оказывается выражение волевых побуждений, чувств, отношения к действительности и т. д. (т. е. эмоционально-оценочное содержание, называемое коннотацией) или указание на связь между полнозначными словами, а не прямое, непосредственное соотношение с логическим понятием.

Итак, понятие является самым существенным элементом значения слова, но не всегда единственным. В значение слова могут включаться и оценочно-экспрессивные элементы, и грамматические признаки, и контекстуально-стилистические ассоциации. Например, цветное понятие *белизны* можно выразить словом с основным значением качества — *белый*; это же понятие служит базой эмоционально-оценочной формы — *беленький*; с ним (понятием) легко можно связать слово, называющее состояние (как действие) — *белеть*; оно является основой представления о конкретном предмете — *белок* и абстрактном — *белизна* и т. д. С точки зрения грамматической принадлежности все приводимые выше слова различны: *белый* (и *беленький*) — имя прилагательное; *белок* и *белизна* — имена существительные; *белеть* — глагол. А по смыслу — они сходны, так как значение каждого из них связано с общим понятием определенного цвета, т. е. в их значении есть общий семантический признак.

Лексическим значением слова является, по определению В. В. Виноградова, его «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» [20, с. 10]. Оно закреплено общественно-языковой практикой, является основой семантической структуры слова и, как правило, называется денотативным.

Примечание. Слово, как было указано выше, является предметом изучения и других разделов науки о языке, например фонетики, морфологии и т. д. В каждом из них выясняется значение — *фонетическое, грамматическое*. В лексике рассматривается *лексическое значение*.

Для определения лексического значения слова необходимо, во-первых, выяснить его предметно-вещественное и понятийно-логическое содержание (т. е. связь с денотатом); во-вторых, установить, как связана называемая словом реалья с теми, которые объективно существуют в окружающей действительности; в-третьих, выявить, как определяемое лексическое значение соотносится с другими значениями, так как слово «выражает свои значения не изоли-

рованно, не в отрыве от лексико-семантической системы данного конкретного языка, а в неразрывной связи с ней, как ее составной элемент» [20, с. 14]; в-четвертых, найти такой различительный признак, который позволил бы вычленить именно это лексическое значение из ряда подобных. Необходимость подобного рода поэтапного, последовательного определения значения слова убедительно доказана современными лексикологами (Н. З. Котеловой, Л. А. Новиковым, Н. М. Шанским, Д. Н. Шмелевым и др.).

Например, в определение слова *стул* должны быть включены следующие признаки: 1) указание на общую предметную отнесенность — «мебель»; 2) раскрытие общего характера назначения — «мебель только для сидения»; 3) указание на особенности формы — «со спинкой»; 4) конкретизация характера назначения — «для сидения одного человека». Все перечисленные признаки (или «элементы» значения) очень важны, существенны, во-первых, для отграничения слова *стул* от других парадигматически сходных единиц, во-вторых (и это самое главное), для определения данного конкретного значения слова «род мебели только для сидения, со спинкой, предназначенный для одного человека». (Небезынтересно вспомнить, что это слово, как было отмечено на с. 12, входит в разные парадигматические группы. Теперь можно внести дополнительное уточнение: по первому признаку слову *стул* противопоставлен *стол, шкаф, тумбочка* и многие другие наименования мебели, по второму — словам *диван, тахта* и под; по третьему — *табурет*; по четвертому — *диван, скамейка* и под.).

Итак, лексическое значение слова — это не только его непосредственная (или опосредованная) соотнесенность с отображаемым конкретным (или абстрактным) предметом. В значении слова (т. е. в его семантической структуре) отражены и общие предметно-логические связи, и отношения с лексическими значениями других слов данной (или близкой) лексической парадигмы, и границы лексической сочетаемости, и характер лексико-грамматической отнесенности (именно поэтому в словарях указывается часть речи, к которой относится определяемое слово, а также общие формально-категориальные значения), и присущие слову эмоционально-экспрессивные свойства. (Н. З. Котелова в интересной, острополюемичной книге называет двенадцать основных семантических признаков, характеризующих слово. Все они, по ее мнению, должны войти в определение лексического значения [50, с. 7].

Значение слова — понятие историческое. Оно не остается неизменным, в его содержании находят отражение те существенные (языковые и внеязыковые) признаки, которые характерны для каждого периода развития лексики, непосредственно связанного с внеязыковой действительностью. Это особенно важно учитывать тем, кто будет постоянно иметь дело со словом, причем не только современным (например, при переводе текстов предшествующих эпох, в процессе использования разного рода исторических реминисценций, сравнений и т. п.).

Историческую судьбу развития значения слова с большей или

меньшей точностью и полнотой отражают толковые словари (см. § 6). В них последовательность расположения толкования значений нередко указывает на процесс развития слова: сначала дано значение в современном понимании и далее следуют те значения, которые претерпели изменения.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 4. Сопоставьте приводимые ниже определения лексического значения и укажите, какие признаки объединяют эти определения, какие различают их.

1. Значение — «отображение предмета действительности (явления, отношения, качества, процесса) в сознании, становящееся фактом языка вследствие установления постоянной и неразрывной его связи с определенным звучанием, в котором оно реализуется» (*О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов*).

2. «Значение слова — это исторически образовавшаяся связь между звучанием слов и тем отображением предмета или явления, которое происходит в нашем сознании» (*Р. А. Будагов. История слов в истории общества*).

3. «Значения языковых единиц существуют не в человеческом сознании, а в самих этих единицах, то есть не в мозгу человека, а в речи. <...> Однако все дело в том, что значение — **вовсе не сущность, а отношение**. <...> Вот это-то отношение знака к чему-то, лежащему вне самого знака, и есть значение знака» (*Л. С. Бархударов. Язык и перевод*).

4. «Значение — то, что обозначается словом, — это какой-либо факт или явление действительности, о которых в своей речи один человек хочет сообщить другому и которые должны пониматься одинаково как говорящим, так и слушающим» (*Л. А. Булаховский. Введение в языкознание*).

5. Лексическое значение слова — это его «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» (*В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слов*).

6. «Значение языковой единицы — это условное обозначение одного из признаков данного понятия (мотивированное или немотивированное)» (*И. Р. Гальперин. Информативность единиц языка*).

7. «Значение слова — это совокупность его лексико-семантических вариантов. Лексическое значение слова есть обязательный элемент слова; без значения не может быть слова, но значение не является чем-то раз навсегда приданным слову <...>» (*В. А. Звегинцев. Семасиология*).

8. «Значением слова называется его соотнесенность, связь с определенными явлениями действительности» (*А. В. Калинин. Лексика русского языка*).

9. «<...> Семантика слова по существу совпадает с понятием

как логической формой, понятием, выражаемым в слове» (Г. В. Колшанский. Логика и структура языка).

10. «Значение слова — это реализация понятия средствами определенной языковой системы...» (Л. С. Ковтун. О значении слова).

11. «Значение слова — это системная в данном языке данного периода и социально осознанная отнесенность слова к определенному понятию, вместе с ним выполняющая функцию обобщенно абстрагированного обозначения реалий <...>

Эксплицируется лексическое значение набором дифференциальных признаков, в которых отображаются свойства обозначаемой реалии и характер ее обобщения мышлением (Н. З. Котелова. Значение слова и его сочетаемость).

12. «Значением слова является общественно закрепленное за данным звучанием и всеми его разновидностями постоянное содержание, охватывающее, кроме лексических, также и грамматические элементы» (К. А. Левковская. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала).

13. «Значение слова есть известное отображение предмета, явления или отношения в сознании <...>, входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития (А. И. Смирницкий. Значение слова).

14. «<...> Лексическое значение слова понимается как обусловленное тремя основными факторами: логико-предметной соотносительностью; семантическим контекстом; соотносительностью слова с другими элементами в парадигматике» (А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка).

15. «Самостоятельные слова, таким образом, предстают перед нами всегда как слова, соотносённые с тем или иным явлением. Эту соотносительность слова с каким-либо явлением объективной действительности, исторически закреплённую в сознании говорящих, и считают обычно лексическим значением. Однако это не совсем так. Соотносительность слова как лингвистической единицы с определённым внеязыковым фактом является лишь одним из обязательных компонентов лексического значения. В последнее входит также и выражение словом понятия и отнесенность слова к определённому лексико-грамматическому разряду» (Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка).

16. «Значение слова — отображение в слове того или иного явления действительности (предмета, качества, отношения, действия, состояния). Различают грамматическое и лексическое значения слова. <...> Лексическое значение определяется как соотносительностью слова с соответствующим понятием (что составляет ядро лексического значения слова), так и его местом в лексической системе языка (т. е. различными связями данного слова с другими словами) <...> (Н. Д. Шмелев. Значение слова. — Русский язык. Энциклопедия).

Упражнение 5. Ознакомьтесь с приводимыми ниже словарными статьями из четырех толковых словарей русского языка, обратив особое внимание на способы раскрытия значений слов. Укажите, есть ли различие в толковании значений и чем они обусловлены.

1. С л о в а р ь Д а л ь

Пла́зма, *пласма*, ж. темно-зеленый агат.

2. С л о в а р ь У ш а к о в а

Пла́зма, *ы, мн. нет, ж.* (греч. *plazma* — образование). 1. Жидкая составная часть различных органических тканей, преимущ. крови и лимфы (биол). 2. Темно-зеленый халцедон (мин.).

3. С л о в а р ь О ж е г о в а

Пла́зма, *ы, ж.* (спец.). 1. Жидкая часть крови. 2. Вещество, подвергшееся сильной ионизации в результате сильного нагрева или удара. || *прил. плазматический*, -ая, -ое (к 1 знач.) и *плазменный*, -ая, -ое (ко 2 знач.).

4. Б А С

Пла́зма, *ы, ж.* 1. Спец. Жидкая часть крови. [Курков:] *Красные кровяные шарики уходят в плазму, кровь обесцвечивается.* Лаврен. Мы будем жить! 2. Устар. Протоплазма. Способностью образовывать клетчатку обладают только те части плазмы, которые заключают в себе ядро. Тимир. Жизнь раст. 3. Темно-зеленый халцедон. Загадочно хорошо известная в амулетах и украшениях восточного Средиземноморья и Рима темно-зеленая плазма, которая обычна в античных кольцах. Это темный просвечивающий камень. Ферсман. Оч. по ист. камня.

— Слов. Акад. 1847: *п л á з м а* — от греч. *plasma* — вылепленное, фигура.

1. С л о в а р ь Д а л ь

Плака́ть *м.* паспорт для людей податного сословия. *Годовой плакатный* паспорт.

2. С л о в а р ь У ш а к о в а

Плака́т, *а, м.* (латин. *placatum* — свидетельство). 1. Большой цветной рисунок с кратким текстом, вывешиваемый на улице или в общественном помещении с целью объявления о чем-н. или рекламы. *Плакаты кинофильмов.* || Агитационный рисунок с кратким текстом. *Революционный п. П. Маяковского.* || Вообще большое объявление о чем-н. 2. Паспорт, выдававшийся представителям податных сословий (мещанам, крестьянам; истор. офиц.).

3. С л о в а р ь О ж е г о в а

Плака́т, -а, м. Цветной настенный рисунок с агитационным или рекламным текстом. || прил. **плака́тный**, -ая, -ое. *Плакатная живопись. Плакатная манера* (перен.: яркая, простая и броская).

4. Б А С

Плака́т, а, м. 1. Художественный рисунок, сопровождаемый кратким текстом, органически связанным с изображением и призывающим к определенным действиям. *Плакаты, изображавшие аэроплан, осла и черепаху, появились на лесах у главного входа — сравнительное изображение темпа работы бригад в ходе социального соревнования.* Кавер. Откр. книга. <...>

2. Кусок, полоса ткани, бумаги и т. п. с призывом, лозунгом. <...> *И вот над участком бригады Якова Шумного на двух длинных шестах, вбитых в землю, то надуваясь дугой от легкого ветерка, то опадая, появился плакат: «Обгоним бригаду Левашова! Тендряк. Среди лесов <...>»* || Объявление, написанное на чем-либо <...> *На вокзалах висели плакаты: нужны плотники, плотники, арматурищики, токари.* Павлен. На востоке.

3. Устар. Паспорт, выдававшийся в дореволюционное время крестьянам и мещанам <...> *Не трожь его, пусти! Поезжай, говорит, по плакату!* — закричали в толпе ямщику. Наумов. Паутина.

— Нордстет. Слов. 1782: плака́т — Нем. Plakat от франц. placard.

Упражнение 8. Сопоставьте приводимые ниже определения лексического значения слов *ракита* и *ранец*. Укажите, есть ли различие в определениях и какова его семантическая роль.

1. С л о в а р ь О ж е г о в а

Ракита́. -ы, ж. Дерево или кустарник из рода ив, растущие гл. обр. по берегам рек. || прил. **раkitовый**, -ая, -ое.

2. Б А С

Ракита́, -ы, ж. Народное название некоторых видов ивы, ивовых кустов. *В чистом поле под ракитой Богатырь лежит убитый.* Пушкин. Ворон к ворону <...>

— Лекс. 1762: раки́та; Даль, Слов.: раки́та.

1. С л о в а р ь О ж е г о в а

Ра́нец, -нца, м. Жесткая сумка для ношения за спиной. *Р. для книг. Походный р.*

2. Б А С

Ра́нец, -нца, м. Сумка из кожи или другого материала, носимая с помощью заплечных ремней, лямок на спине. *На мне была*

серая шинель с красными погонами...; за спиною ранец, на поясе патронные сумки. Гарш. Из воспом. ряд. Иванова <...>

— Вейсманов. Лекс. 1731, с. 483: р а н е ц; Нордстет, Слов. 1782: р а н е ц. Нем. Ranzen

Упражнение 7. Пользуясь Словарем Ушакова, выпишите определения лексического значения приводимых ниже слов, затем проанализируйте эти словарные толкования с точки зрения достаточности (или недостаточности) перечисленных сходных и различительных признаков, положенных в основу определений.

Водохранилище, залив, канал, море, озеро, океан, пролив, пруд, река, ручей.

Упражнение 8. Пользуясь Словарем Ожегова, выпишите определения лексического значения приводимых ниже слов, сопоставьте эти определения и выделите в каждом из них существенные сходные и дифференциальные семантические признаки.

Воробей, дрозд, клёст, пеночка, соловей, снегирь, шегол.

§ 8. Основные типы лексических значений слов

Лексическое значение слова, являясь элементом общезыковой системы, тем не менее обладает достаточной самостоятельностью. Оно имеет собственно семантические, т. е. присущие только ему, специфические свойства, например разные способы номинации предметов, понятий, явлений, признаков по характеру соотношения с действительностью (прямое — не прямое, или переносное), по степени мотивированности (непроизводное — производное), по способам и возможностям лексической сочетаемости (свободные — несвободные), по характеру выполняемых функций (номинативные — экспрессивно-синонимические). Рассмотрим каждое из них.

1. По способу номинации, т. е. характеру связи значения слова с предметом объективной действительности, выделяются два типа лексических значений — прямое, или основное, и не прямое, или переносное. П р я м ы м значение названо потому, что слово, обладающее им, прямо указывает на предмет (явление, действие, качество и т. д.), т. е. непосредственно соотносено с понятием или отдельными его признаками. Основным (или главным) называют обычно то значение слова (в плане синхронного анализа лексики), которое менее всех остальных значений обусловлено свойствами его сочетаемости. Основное значение четко и определенно обусловлено парадигматически [111, с. 211—214]. Прямое значение, выступающее в качестве основной, устойчивой номинации предмета в современный период языкового развития, называют также первичным (об относительном характере этого наименования см. ниже).

Н е п р я м ы м (или п е р е н о с н ы м) называется такое значение слова, появление которого обусловлено возникновением сравнений, ассоциаций, объединяющих один предмет с другим. Переносное значение появляется в результате переноса прямого (основного) обозначения предмета на новый предмет. Переносные значения являются частными, их называют вторичными. Следует,

однако, отметить, что понятия «первичное» и «вторичное», используемые в данном случае, распространяются лишь на современные системные отношения в лексике. Рассмотренные диахронически, многие из подобных определений (первичные, вторичные) окажутся смещенными. Например, современное основное номинативное значение цвета у прилагательных *красный* или *темный* в историческом плане не является первичным. Слово *темный* первоначально было известно со значением морально-оценочным, т. е. употреблялось в сочетаниях типа *темная речь*. То же можно сказать и о слове *красный*, у которого исторически первичным исследователи считают значение «прекрасный, красивый, хороший». Таким образом, в каждый исторический период развития лексической системы языка выделение прямых (первичных) и непрямых (вторичных) значений не всегда совпадает. Это особенно важно знать переводчикам и журналистам, которым нередко приходится иметь дело с текстами не только современных произведений.

Например, у слова *нога* (уменьш. *ножка*) основное, прямое значение — «одна из двух нижних конечностей человека». По сходству выполняемых функций, а также месту расположения это название было использовано и для наименования «опоры, нижнего конца мебели, стропил, сооружений, механизмов», например: *ножки стола, ноги шасси* и т. д. С лексико-семантической точки зрения это значение является уже не прямым, а переносным. Среди последних есть немало таких значений, которые утратили первоначальную образность сходства, остроту ассоциаций, позволивших вторично использовать ту же номинацию. Например, переносное значение — *ноги (ножки) стола или стула* уже лишены яркой образности. Она как бы стерлась, «потухла». Но у многих слов переносные значения сохраняют яркость и свежесть первичных образных сопоставлений. Такие слова выполняют определенные эмоциональные функции.

К слову *накись* в современных словарях (в частности, в БАС) указаны следующие значения:

1. Пена, осадок, образовавшиеся на поверхности жидкости в результате кипения. *Снять накись с ухи.* <...>

2. *Перен.* Все то, что накопело <...> тяжелое чувство, неприятный осадок. [Палашка] *негодовала, на душе у нее собиралась накись.* Чех. Моя жизнь.

3. *Перен.* О подонках общества. *Куда попал Виктор? Босьяки, рвань, золотая рота, бродяги, вся накись, выброшенная прочь с шахты.* Горбат. Донбасс.

Итак, в зависимости от того, каков характер выполнения словом номинативной функции, какова связь слова с предметами и явлениями действительности, выделяются два вида (или типа) лексических значений: прямые, основные (главные) и переносные, частные значения. Переносные, в свою очередь, могут быть подразделены на переносные с потухшей образностью (*нос корабля, крылья самолета*) и переносно-образные (*золотое сердце, каменное лицо*...).

2. По степени семантической мотивированности выделяются два вида значений слова: произ-

водное (немотивированное, первичное) и производное (т. е. мотивированное первичным, исходным значением, являющееся вторичным).

Так, Д. Н. Шмелев, сопоставляя слова *земля, лес, земной, земляк, лесной* отмечал, что два первые считаются немотивированными, а два вторые — мотивированными, производными. «Можно сказать, — заключает он, — что производные имеют “связанное” в деривационном отношении значение, само же исходное слово — относительно “свободное”» [111, с. 194]. Если с этих позиций посмотреть на значение слова *накипь*, то все три его значения окажутся производными, мотивированными. Но последовательность и степень их мотивации неодинакова: основное (прямое) значение мотивировано прямым, первичным значением слова *кипеть* — «клокотать, пениться от образующегося при сильном нагревании пара», а переносные значения являются, во-первых, производными от основного значения *накипь*, во-вторых, мотивированы вторичными переносными значениями исходного глагола *кипеть*.

Следовательно, и прямые, основные значения, и тем более переносные могут быть различными по характеру и степени мотивированности (или немотивированности). У одних мотивированность бывает семантически связана с исходной, первичной номинацией, как в переносном значении слова *стол* — «питание» (например, *снять комнату со столом*); у других характер мотивированности производных значений гораздо сложнее: кроме связи с первичным значением существенным оказывается общая деривационная зависимость, как у значений слова *накипь*.

3. По возможности лексической сочетаемости, или виду синтагматических отношений между словами, выделяются значения свободные и несвободные.

Если сочетаемость оказывается относительно широкой, то такие значения называются свободными. Например, к свободным относятся значения слов *голова, нос, глаз; стол, скатерть; лепесток; сказка, спор, удача* и многие другие (ср.: *сказка* — длинная, короткая; интересная, страшная; русская, казахская и т. д.). Однако «свобода» лексической сочетаемости подобных слов — понятие относительное, ибо она ограничена предметно-логическими отношениями слов в языке. Так, исходя из предметно-логических связей (т. е. совместимости или несовместимости понятий, а следовательно, и слов, их называющих) нельзя соединять слова *рука* со словами типа *веселая, умная, глубокая* и т. п. И тем не менее значения этих (и многих других) слов с точки зрения лексико-семантической могут быть названы свободными.

Примечание. Существует точка зрения, согласно которой наличие в языке свободно-номинативных значений полностью отрицается. При этом выделяются три основных типа «контекстуально связанных значений»: лексически связанные, синтаксически связанные и фразеологически связанные (см.: *Амосова Н. Н. Слово и контекст. — Ученые записки ЛГУ, 1958, вып. 42, № 243*).

В другую группу значений включаются слова, лексическая сочетаемость которых ограничена не только предметно-логическими

отношениями, но и собственно языковыми. Подобные значения называются несвободными [20; 52]. Среди лексически несвободных выделяются две группы значений слов: фразеологически связанные и синтаксически обусловленные с разновидностью конструктивно ограниченных (или обусловленных).

Фразеологически связанным называется такое значение, которое реализуется только в условиях определенных сочетаний данного слова с узко ограниченным, устойчивым кругом лексических единиц, т. е. в так называемых фразеологических сочетаниях (см. §62). Связи слов в этих сочетаниях обусловлены не предметно-логическими отношениями, а внутренними закономерностями лексической системы русского языка. Фразеологически связанное значение, как отмечает В. В. Виноградов, «лишено глубокого и устойчивого понятийного центра. Общее предметно-логическое ядро не выступает в нем так рельефно, как в свободном значении» [20, с. 17]. Так, у слова *крошечный* значение «полный, абсолютно беспросветный» проявляется лишь при условии его сочетания со словами *ад* или *тьма*; у слова *бросать* значение «безрассудно, зря расходовать, тратить» реализуется только в сочетании со словоформой *на ветер*; у слова *втирать* значение «обманывать кого-либо» проявляется в сочетании со словом *очки* и т. д.

Границы фразеологически связанных значений очень узкие: круг слов, в сочетаниях с которыми реализуются эти значения, как правило, невелик, нередко сводится к одному слову (ср. сочетаемость слов *закадычный*, *горючие*, *стоеросовая* и др., которые используются только со словами *друг*, *слезы*, *дубина*).

Синтаксически обусловленным называется такое переносное значение, которое появляется у слова при выполнении необычной для него функции в предложении (В. В. Виноградов называет такие значения слов «функционально-синтаксически обусловленными»).

Так, прямое значение слова *ворона* — «хищная птица; сем. вороновых или врановых, средней величины, с черным или серым оперением» реализуется в том случае, когда слово используется в роли подлежащего или дополнения, например: *Воро́н скорее следует отнести к полезным птицам, чем к вредным* (Арс.). Переносное значение слова *ворона* — «нерасторопный, неловкий человек, ротозей, простофиля» (разг.) развилось у слова в процессе его использования в явно не характерной для имени существительного функции — сказуемого. Это значение и является синтаксически обусловленным. Например: — *Ворона! — перебил он вдруг себя. — Пропустил почтовый ящик.* (Купр.). У слова *зверь* переносное значение «бессмысленно жестокий, бессердечный, грубый человек; свирепый насильник» реализуется также лишь в том случае, когда оно выполняет функции сказуемого: *Иван Иванович хорошо знал отца Вахнова, который был в полном смысле слова зверь, по свирепости и крутости нрава* (Гарин).

В развитии и утверждении подобных значений весьма существенна роль контекста, который и обуславливает реализацию

потенциальных семантических возможностей слова. (Заметим, что выбор лексического окружения, правильная оценка потенциальных лексико-семантических оттенков слова — одно из важнейших условий работы переводчиков, журналистов, редакторов.)

Разновидностью синтаксически обусловленных значений являются конструктивно ограниченные (или обусловленные) значения. К ним относятся такие, которые реализуются только в условиях определенной синтаксической конструкции, т. е. «в сочетании с другими словами, количество и состав которых могут быть ничем не ограничены» [20, с. 27]. Например, у слова *мираж* основным является терминологическое (физ.) значение — «оптическое явление». В конструкции с существительным в род. пад. (в функции определения) это слово приобретает значение «обманный призрак, иллюзия, что-то созданное воображением»: *мираж любви*. Первое значение, предметно-терминологическое — свободное, второе — несвободное, оно строго обусловлено использованием только в конструкции с родительным падежом и в этом случае имеет переносное значение.

Конструктивно обусловленным оказалось и новое качественное значение слова *век* — «наиболее важное в ряду подобных явлений, событие века». Оно реализуется только в определенной синтаксической конструкции: слово *век* в форме род. пад. ед. числа после существительного в форме им. пад. Ср.: *Здесь найдено богатейшее, пожалуй, крупнейшее в стране месторождение и не случайно, и, полагаю, довольно точно одна из западных газет определила <...> как «находку века»* (газ.) — *Восемнадцатый век дал России первое высшее учебное заведение по горнозаводскому делу* (В. Данилевский).

4. По характеру выполняемых функций могут быть выделены два вида лексических значений слова: собственно номинативные и экспрессивно-синонимические.

Номинативные — такие значения слов, которые используются прежде всего для называния предметов, явлений, качеств, действий и т. д. В семантической структуре слов, обладающих подобным значением, как правило, не находят отражения дополнительные признаки (например, оценочные). Однако в процессе последующего употребления эти признаки могут появиться. Номинативным будет значение слов *бессмысленность, гордиться, двигаться, еда, конь, лошадь, ноша, помощник, путешествие, расплата, смещение* и многие другие. Каждое из них непосредственно соотносено с понятием, называет его.

Экспрессивно-синонимическим называется такое значение, в котором основным является коннотативный, или эмоционально-оценочный, признак. Слова с таким значением возникли как добавочные экспрессивно-эмоциональные наименования уже существующих в языке номинаций с денотативным значением. Например, каждое из приводимых выше слов в соответствующем контексте может быть заменено словом, обладающим экспрессивно-синонимическим значением: *бессмысленность — ахинея, гордить-*

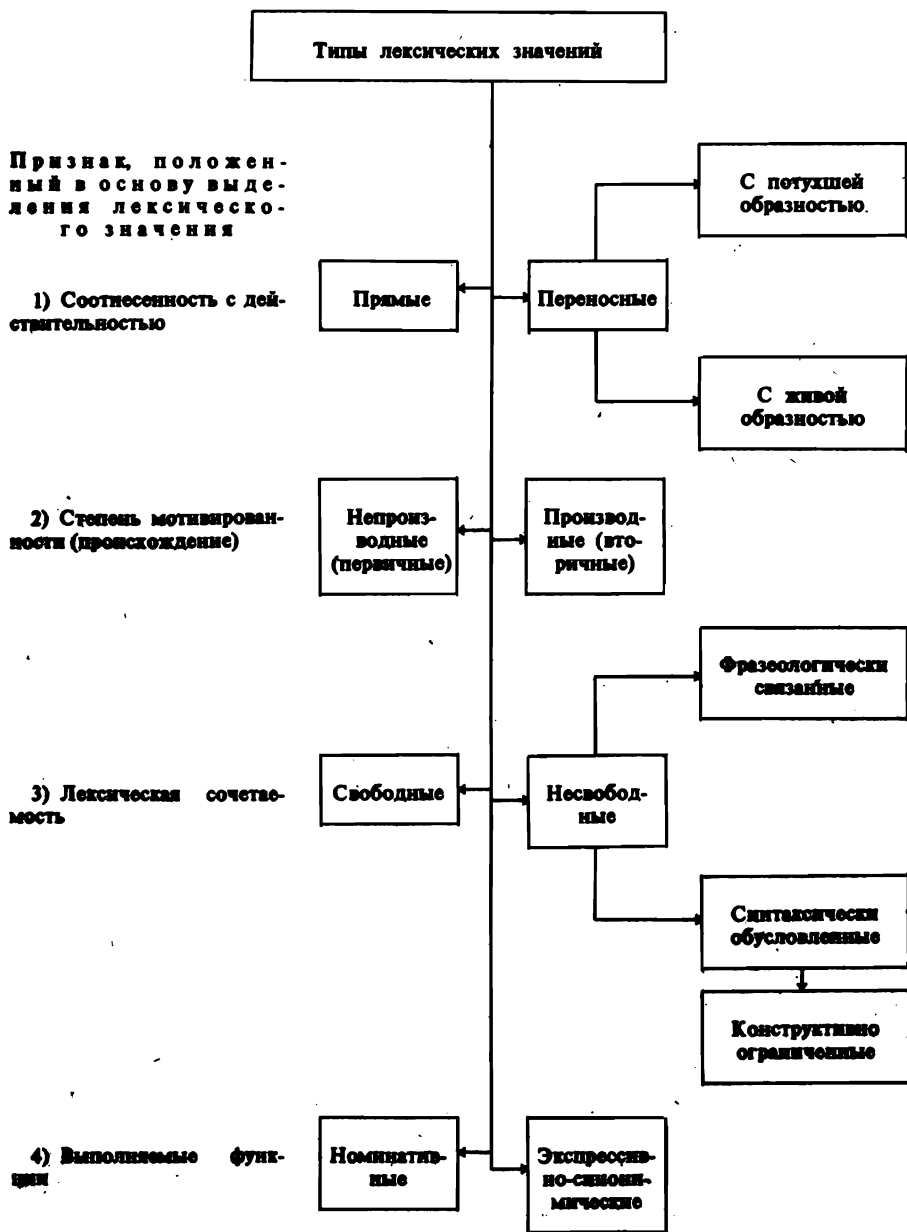
ся — вознестись, двигаться — плестись, конь — коняга, лошадь — кляча, ноша — бремя, помощник — пособник, путешествие — вояж, расплата — возмездие, смешение — мешанина, а также одеть — облечь, прижаться — прильнуть, припасть, прикинуть [20, с. 13—15; 111, с. 245—247].

Слова с такими значениями существуют в языке самостоятельно и отражены в словарях, однако воспринимаются в сознании носителей языка по ассоциации с их номинативными синонимами. Так, *болтать* не просто «говорить», а «говорить много, быстро о чем-нибудь незначительном», *вознестись* не только «гордиться», а «становиться особо гордым, высокомерным», *плестись* не просто «двигаться», а «особенно устало, медленно двигаться» и т. д. Следовательно, само появление слов с экспрессивно-синонимическим значением возможно лишь при условии существования в языке нейтральных лексических единиц, выполняющих собственно номинативные функции. Слова, обладающие экспрессивно-синонимическим значением, как правило, несвободны в своих связях с другими словами. Многим из них свойственны синтаксически обусловленные значения. Например, экспрессивным синонимом к словам *красив, хорош* будет разговорное слово *загляденье*. Его значение реализуется в роли сказуемого: *Петр Степаныч купил пару кровных рысаков — кони загляденье*. (М.—П.)

Кроме указанных основных типов лексических значений, многие слова в русском языке имеют семантические оттенки, которые тесно связаны с тем или иным значением, но все-таки отличаются от него. Например, уже упоминавшееся слово *накиль* имеет в качестве основного первое значение (см. с. 31) и его оттенок «твердый осадок на стенках котлов или других сосудов, в которых что-либо кипит, испаряется». Например: *Около мастерской на улице валялись покрытые белой накилью самоварные стояки... цинковые корыта* (В. Бел.). Несмотря на кажущееся семантическое тождество, данное значение отличается от основного, но не настолько, чтобы считаться самостоятельным. Это как бы «побочный» оттенок основного, прямого значения. Но он может развиваться и у переносного. (В толковых словарях оттенок значения обозначается либо тем, что дается после точки с запятой, либо перед ним ставятся две параллельные черты.) О. С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» (М., 1966) определяет его следующим образом: «Оттенок <значения> То же, что значение побочное», т. е. «значение вторичное, сопутствующее <...>. Сознание (дополнительное значение), накладывающееся на основное (номинативное)» (с. 163 и 304).

Итак, типология лексических значений опирается на три основных вида отношений: понятийно-предметную связь (то, что составляет основу лексической парадигматики), отношения слов друг к другу (т. е. синтагматические отношения) и степень мотивированности значения (деривационные связи). Выделение разных типов лексических значений помогает глубже разобраться в семантической структуре слова, т. е. понять характер системных внутрисловных связей.

Разные типы лексических значений слов можно изобразить схематично:

§ 9. Однозначность и многозначность слов русского языка

В современном русском языке немало слов, которые имеют одно лексическое значение, устойчиво закрепленное за определенным звуковым комплексом. К ним относятся, например, терминологические наименования: мед. — *аппендицит, бронхит, гастрит*; зоол. — *земноводные, млекопитающие, парнокопытные*; геол. — *боксит, малахит, уран*; некоторые наименования деталей машин — *штулка, лебедка, шестеренка*; названия отдельных разновидностей деревьев, кустарников, ягод, грибов — *береза, ель, пихта; вереск, можжевельник; брусника; подосиновик, сыроежка, шампиньон*; некоторые наименования тканей — *батист, вельвет, сатин* и т. д. Подобные слова характеризуются четко выраженной предметной соотнесенностью, семантические границы их вполне определены. В лексикологии такие слова называются **однозначными**, или **моносемантическими** (и **моносемичными**, от греч. *monos* — один + *semantikos* — означающий), а свойство слов иметь одно значение называется **однозначностью**, или **моносемией**.

Эти слова противопоставляются другой группе слов, не менее обширной в современной лексике — словам **многозначным**, или **полисемантическим** (и **полисемичным**, греч. *poly* — много + *sema* — знак), а само свойство слов иметь несколько значений называется **многозначностью**, или **полисемией**. Все значения слова при этом между собой так или иначе связаны, образуя довольно сложное семантическое единство, которое называется **семантической структурой слова**. В наличии семантических связей внутри многозначного слова системность лексики отчетливее всего проявляется на уровне одного слова. Учитывая, что характер внутрисловных семантических связей в языках неодинаков, можно считать многозначность одним из ярких признаков национальной самобытности лексики. В этом случае современные исследователи говорят уже не просто о полисемии, а о ее законах. Например, Р. А. Будагов в статье «Закон многозначности слова» пишет: «Многозначность слов естественных языков народов мира — это одна из важнейших особенностей их лексики, одна из важнейших особенностей человеческого языка вообще. Именно поэтому следует говорить о законе многозначности слова, о законе лексической полисемии» (Русская речь, 1972, № 3, с. 140). Изучение этих законов дает, в частности, возможность активно использовать потенциальные свойства слова при переводе с одного языка на другой, т. е. при выявлении межязыковых семантических соответствий.

Многозначность слово приобретает не сразу: иные значения появляются в процессе функционирования слова в речи, затем становятся фактом языка, т. е. входят в лексическую систему. При этом иногда первоначальное (прямое) значение слова становится или менее употребительным, или вообще выпадает из активного состава словаря, а вторичные (переносные) значения становятся

основными. Такой путь прошло слово *утлый*, первичное его значение — «дырявый» было базой для появления переносного — «ненадежный, непрочный» (с оттенком «плохо держащийся, готовый сломаться, упасть»), которое затем стало основным. Переносным же в современном русском языке является еще одно значение этого слова, употребляемое применительно к человеку — «убогий, бедный, жалкий». Таким образом, хотя у слова и развилось три значения, но одно из них (в данном случае наиболее древнее, отмечаемое еще в памятниках XI в.) вышло из употребления.

В развитии разных значений, а затем в их утверждении существенна та речевая ситуация, в которую попадает слово, т. е. так называемая его семантическая позиция. Роль контекста в данном случае не является основной: он лишь определяет, обуславливает реализацию значения слова, которое, как отмечал В. В. Виноградов, «вне зависимости от его данного употребления... присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность...» [22, с. 17].

На процесс развития значений слов большое влияние оказывают и внеязыковые причины (социальные, общественно-политические, культурно-исторические, научно-технические и т. д.). Иногда новое значение возникает в результате переноса названия. И в этом случае разные значения возникают по-разному. Это зависит от многих причин, в частности от того, какой признак положен в основу переноса названия, каковы границы переноса (расширение, сужение).

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 9. Пользуясь одним из современных толковых словарей (см. § 6), определите значение приводимых ниже слов и объясните, по какому принципу они объединены между собой.

Желтеть, желтенький, желтизна, желток, желтый; земля, земляника, земляничный, земляной, земляничник; попрыгунья; прыгать, прыгун, прыгучий, прыжок.

Упражнение 10. Определите значение (или значения, если слово многозначно) приводимых ниже слов и укажите, к какому типу значений каждое из них относится (см. § 8).

Втянуться, заздравный, закадычный, заклятый, залитый, лакомство, лакомый, племенной, пленительный, пленарный, творение, творительный, брать, нагонять, преклоняться, простираться, проступать.

Упражнение 11. Пользуясь Словарем Ожегова, выпишите, определения значений приводимых ниже слов и укажите, к какому типу значений относится слово по характеру а) связи с предметом, б) семантических отношений (сочетаемости), в) семантической мотивированности, г) выполняемых функций.

Образец:

Атомоход. Судно с двигателем, работающим на атомной энергии.

Лицедей.

1. То же, что актер (устар.)

2. *перен.* То же, что притворщик (устар.)

Значение:

а) прямое, б) свободное, в) семантически мотивированное (производное, вторичное), г) номинативное.

Значение:

а) прямое, б) свободное, в) семантически мотивированное (производное, ср. действие в лицах), г) номинативное.

Значение:

а) переносное, б) свободное, в) семантически мотивированное, г) экспрессивно-синонимическое.

Альянс, безысходный, бич, вертолет, взвиться, возложить, деляга, довод, личина, прожект, утеха.

Упражнение 12. Ознакомьтесь со статьей В. В. Виноградова «Основные типы лексических значений слова» (Вопросы языкознания, 1953, № 5) и изложите основные ее положения в виде реферата. Для подтверждения выводов используйте приводимые ниже примеры (слова, характеризующие типы лексических значений, выделены).

1. Несравненно труднее было *усадить* Зизи и Пафа, которые, толкая друг друга, нетерпеливо *осаждали* Верочку то с одного бока, то с другого (*Григор.*). 2. Кусты раздвинулись и два мальчугана, настороженные, как любопытные синички, готовые каждую минуту *сорваться* и *дать стрекача*, осторожно, держась за руки, стали подходить к нему (*Б. Пол.*). 3. Эту клумбу решили сплошь *усадить* гвоздиками. 4. Задача проводника *состояла* в том, чтобы встретить отряд у перевала и *провести* по малохоженным горным тропам. 5. Почти все офицеры облегченно вздохнули, когда адмирал уехал. — Ну, и *пила* этот адмирал! Тоже новые порядки наводит. А капитану-то как *попало!*.. — говорили в кают-компании сконфуженные мичмана (*Станюк.*). 6. Степанида внесла на чугунной сковородке большие лепешки — скороспелки, и они шипели маслом, стоя на столе, — *объедение!* (*А. Н. Т.*). 7. Сестра во всем *следовала* старшему брату. 8. Медленно *следуя* по пятам за отступающим неприятелем, мы, наконец, убедились, что в тылу у неприятеля наших частей совершенно нет (*Фурм.*). 9. Наивный я человек, — подумал Швейцер. — Вот уж действительно *шляпа* (*Пауст.*). 10. Положение на Северном фронте стало *чревато* такими *осложнениями*, что Краснов решил сам выехать в Каргинскую (*Шол.*). 11. Спокойное отчаяние, *безысходная тоска* звучали в песне моего товарища (*М. Г.*) 12. Уже вечерет, когда мы подходим к воротам гавани и поочередно *втягиваемся* в них (*Лаврен.*). 13. Командир бригады видел, как с каждым днем *втягиваются* молодые танкисты в сложную работу, и он был доволен их рвением (*Тих.*). 14. Мой отряд *состоял* из шести человек сибирских стрелков и четырех лошадей с вьюками (*Арс.*). 15. Это были экземпляры редких растений, и они все *состояли* на учете исследователей. 16. [Антон Иванович] растолстел, щеки отекали от бездействия и *объедения* (*Гонч.*)

17. — У-у, оголец! — мрачно кричит она сыну, грозя палкой. — Поди, уши-то выдеру! (Павл.).

Упражнение 13. Определите значение слова *высокий* (-ая, -ое), использованного в разных словосочетаниях.

Высокая постройка, высокая гора, высокий потолок, высокий человек; высокий лоб, высокий звук, высокий стиль, высокая поэзия; высокая печать, высокая вода, высокий сорт, высокое напряжение; высокая культура, высокое положение.

Упражнение 14. Используйте разные значения слов *круглый* (-ая, -ое) и *гремучий* (-ая, -ое), составьте с каждым из них по 2 словосочетания.

Упражнение 15. Сформулируйте лексикографические определения значения слова *связь* (-и), используемого в разных словосочетаниях, а затем сопоставьте эти определения с теми, которые даны в МАС.

Связь теории с практикой, связь артиста со зрителем, родственные связи, связь явлений, связь мыслей, телефонная связь, послать для связи (кого-либо), связь молекул, связь бревен в плоту.

Упражнение 16. Составьте (или подберите в литературе) предложения, в которых были бы использованы все известные вам типы значений приводимых ниже слов: свободные и несвободные — фразеологически связанные, синтаксически обусловленные, конструктивно ограниченные.

Аккорд, взгляд, голова, кровь; оптический, воздушный, длинный, живой, сознательный, сухой; брать, кричать, плыть, поставить.

Примечание. Здесь и в дальнейшем для иллюстрации рекомендуется использовать произведения русских писателей, так как переводы не всегда могут дать точное представление о тех или иных языковых явлениях, свойственных русскому языку.

Упражнение 17. С приводимыми ниже словами составьте словосочетания, используя в них прямые и переносные значения слов.

Гнездо, дорога, молния, соль; гудеть, вылетать, играть; белый, зеленый, ударный.

Упражнение 18. В отрывках из произведений М. Кольцова «Испанский дневник» (I) и М. Пришвина «Я встаю в предассветный час» (II) найдите слова, используемые в переносном значении. Определите их стилистическую роль.

I. <...> В этом сложном нагромождении скал, ущелий, леса вот уже скоро месяц идет напряженная, сосредоточенная борьба. Ни разу здесь не было затишья. Фашисты загипнотизированы близостью столицы. Всего пятьдесят километров — да и того меньше. Стоит только прорваться вниз, в котловину, — и уже можно схватить за горло Мадрид, правительство, республику. Республиканцы понимают это. Они понимают, чего может стоить ничтожный промах, зевок.

Орудий с обеих сторон не так много. Но горная акустика разносит канонаду стократным эхо по ущельям, создает фантастический, поистине адский грохот <...>

II. Времена года любят капризничать, но по существу вернее их нет ничего на свете: весна, лето, осень, зима.

Весна

<...> Сугробы волнисто сверкали: одна сторона к солнцу сверкает, другая голубеет. Сосны очнулись — лес был сосновый, я подошел к нему в полдень на лыжах и вдруг увидел, что все сосны очень зеленые и стволы золотые и что не отдельно и мертво стоят, а вместе, щека к щеке и все к солнцу: «И что же это было с нами?»

* * *

Живая елка. [Шрифтовые выделения автора текста — М. Ф.]
Сверху снег и снег, но от лучей солнца капельки невидимые проникли вниз к месту соприкосновения веточки со снегом. Это водица подмывает, снег с еловой лапки падает на другую.

Капельки, падая с лапки на лапку, шевелят пальчиками, и вся елка от снега и капли, как живая, волнуясь, шевелится, сияет. Особенно хорошо смотреть сзади елки против солнца. <...>

* * *

В каждой душе слово живет, горит, светится как звезда на небе и как звезда погасает, когда оно, закончив свой жизненный путь, слетит с наших губ.

Тогда сила этого слова, как свет погасшей звезды, летит к человеку на его путях в пространстве и времени. Бывает, погасшая для себя звезда для нас, людей, на земле горит еще тысячи лет.

Человека того нет, а слово остается и летит из поколения в поколение, как свет угасшей звезды во вселенной.

* * *

Мой современник — это не тот, кто устраивается потребителем всего нового, а кто сам участвует в создании нового времени, кто на это душу свою положил.

...Всего каких-нибудь две недели над облаку, чтобы обогнуть всю планету — не такой уж большой наш общий дом — Земля. Ни небо, ни воды, ни звери, ни птицы не признают государственных границ. Нельзя спасти белого медведя в Арктике, если на него будет разрешена охота на Аляске; невозможно очистить небо над Венгрией, не очистив его над Англией; не предупредишь заранее об урагане прибрежные города Америки, если нечетко сработает служба Солнца в Сибири. Хотя люди сохранить благоприятные условия существования для себя, своих детей и внуков, пора им всем вместе выработать рациональные формы взаимодействия с природой...

Упражнение 19. Укажите, в каких значениях употреблено слово *русский* в приводимых ниже предложениях.

1. Тема этих картин в большинстве случаев тоже самая простая — русский пейзаж в духе Левитана: березки, речка, поле,

помещичий дом и пр. (К. Станиславский). 2. Не стану описывать ни русского кафтана Адриана Прохорова, ни европейского наряда Акулины и Дарьи (П.). 3. Курская битва была ясным доказательством того, что немцы более не в силах наступать, что русские солдаты и их оружие сильнее, ловчее, отважнее немецких солдат с их вооружением, что русские генералы умнее немецких генералов и русская военная наука более передовая, чем немецкая (А. Н. Т.). 4. Маша — в брезентовой аккуратной курточке, в складчатой юбке, в русских сапогах, волосы повязаны платочком (Кочет.). 5. Примеру рабочих русских следуют рабочие всего мира, постепенно организуясь на борьбу против капиталистов (М. Г.). 6. Швед, русский — колет, рубит, режет (П.). 7. И на море, и на суше По дорогам фронтовым Ходит русская «Катюша», Ходит шагом боевым (Исак.). 8. Москва! Как много в этом звуке Для сердца русского слилось. Как много в нем отозвалось (П.). 9. Казалось, Карла приводил желанный бой в недоуменье... Вдруг слабым манием руки На русских двинул он полки (П.). 10. Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин (В. М.).

§ 10. Развитие значений слова

Семантические изменения, происходящие внутри слова, играют существенную роль в развитии всей лексической системы языка. Они обусловлены прежде всего развитием новых значений слова в процессе переноса названия с одного предмета на другой по их сходству или по наличию устойчивых связей между ними (т. е. по смежности).

С этим способом развития значений тесно связано семантическое обновление всего слова в целом, а также изменение семантического объема обозначаемых словом признаков предмета (расширение и сужение значения).

Рассмотрим эти явления на конкретных примерах.

Перенос наименований по сходству внешних признаков, места расположения, формы предметов, вкуса, а также выполняемых функций происходит в результате возникновения сходных образных ассоциаций между предметом, уже имеющим наименование, и новым, который нужно назвать. Именно таким образом возникли, например, переносные значения слова *дно* (*морское дно* — *глазное дно*, сходство места расположения), *яблоко* (*антоновское яблоко* — *глазное яблоко*, сходство формы) и т. д. Перенос подобного типа называется **метафорическим** (греч. *metaphora* — перенос).

Примечание. Следует учесть, что понятие метафоры (т. е. метафорического типа переноса) в языкознании несколько шире, чем в литературоведении. Например, метафорическим типом переноса названий, возникающих в результате уподобления по сходству, являются такие значения слов, образность которых еще вполне ощутима: *закипать* — «приходить в состояние сильного возбуждения», *докатиться* — «дойти до униженного состояния», а также значения, образность которых как бы «угасла» и давно не ощущается. Однако она в слове есть и заключена в самом факте сравнительного переноса названия с одного предмета на другой, т. е. в тех сходных ассоциа-

циях, которые возникают при использовании слова в переносном значении, ср.: *нос человека — нос корабля, хвост птицы — хвост самолета, лапка птицы — лапка швейной машины* и т. д.

Метафорическое значение не только служит средством оценки, но и выполняет номинативную функцию, определяя и называя новое понятие старым, знакомым словом, вовлекая новые явления жизни в уже известный, достаточно устоявшийся круг понятий.

Иногда наблюдается метафорический перенос наименований, закрепленных за предметами неживой природы, на качества, действия, свойственные живым существам, ср.: *золотой браслет — золотой человек, теплая комната — теплый взгляд; кипит вода — кипит толпа* (т. е. кишит, двигается в различных направлениях); *колючий кустарник — колючий человек* (т. е. язвительный, насмешливо-злой).

Нередки случаи обратного переноса, когда те или иные признаки, действия живых существ становятся основой для наименования предметов неодушевленных: (что-то) *забирает человек* — (кого-то) *забирает мороз* (т. е. производит сильное действие, дает себя чувствовать). Ср.: *Мы ехали на остров Сегез и забирали там двух людей как проводников* (Миклухо-Маклай). — *Семи или восьмилетние нянюшки дули в кулаки, перескакивали с одной ножки на другую, когда чересчур забирали их холод* (Григор). Или: *злой человек — злой ветер, огонь; ревет зверь — ревет огонь* (т. е. производит громкие протяжные звуки). Ср.: *Разъяренный зверь в двух шагах от него [Дубровского] ревел, прыгал, становился на дыбы* [П.]. — *Злой огонь ревет и пышет, двух пожарных сбросил с крыши* (Михалк.). К разновидности метафорических переносов можно отнести и вторичные наименования предметов, возникающие в результате сходства выполняемых ими функций. Так появились, например, новые значения слов *счетчик, перо, кондуктор*. Ср. *счетчик* (лицо, производящее подсчет кого-, чего-нибудь) — *счетчик* (прибор); *перо* (гусиное) — *перо* (стальное); *кондуктор* (должностное лицо, сопровождающее поезд) — *кондуктор* (в технике — приспособление, направляющее инструмент). Ср.: переносное значение слова *ключ* — «средство, возможность для разгадки, понимания кого-, чего-либо, для овладения чем-либо», которое семантически соотнесено с прямым — «металлическое приспособление для запираания и отпираания замка» именно по основному признаку функционального назначения предмета. Общность или тождество функций позволяет использовать глаголы *гореть, зажигать* применительно к новым осветительным приборам — *горит лампочка, люстра* (ср.: *горит лучина, свеча, керосиновая лампа*), *зажигать лампочку, люстру* (ср.: *зажигать лучину, свечу, керосиновую лампу*).

Метафорические, а также их разновидности — функциональные переносы возникают в лексической системе постоянно, однако не все группы лексики одинаково подвержены их влиянию. Метафоризация и функциональная ориентация особенно заметны в тех слоях лексики, которые связаны с наименованием актуальных для

общества проблем. Например, в современном языке наблюдается активизация научной лексики, употребляемой в космологии, космонавтике и других смежных науках. Значение слова *звездный* расширилось как раз на метафорической основе, ср.: *звездное небо* и *звездный час* (об особом успехе, триумфе, достижении). Сходное явление наблюдается в развитии семантической структуры слова *космический*, ср.: *космические скорости ракеты* и *космические цифры пятилетнего плана* [12]. Значительное распространение получило вторичное, переносно-метафорическое значение слова *голубой* применительно к наименованию телевизионного экрана и некоторых типов телепередач в нашей стране («Голубой огонек»).

Важную роль в развитии и организации современной лексической системы играют переносы наименований по смежности. В этом случае вторичные значения опираются на ассоциативные связи, возникающие при наименовании одним словом материала и предмета, изготовленного из этого материала; действия и результата, получаемого от этого действия; целого и части, а также части и целого; имени собственного и нарицательного и др. Подобные виды переносов по смежности называются *метонимическими* (от греч. *metonymia* — перенаименование).

В отличие от метафорических (с их разновидностью — функциональных) переносов, метонимические сдвиги в семантической структуре слов более регулярны и продуктивны. Например, если учесть все возрастающую роль профессиональной лексики в развитии лексико-семантической системы русского языка, то станет понятной мысль о регулярности возникновения метонимических переносов, используемых для следующих обозначений:

— материала и предмета, изготовленного из этого материала: *хрусталь* — 1) особый вид свинцового стекла, 2) посуда, изделия из этого стекла; *фарфор* — 1) минеральная масса из лучших сортов белой глины, 2) изделия, посуда из такой массы (ср.: *Есть тонкое свинцовое стекло. По-нашему оно называется флинтглас, а по-вашему — хрусталь. У него блеск и звон очень чистые. Оно играет радугой, как алмаз* (Пауст.). — *София присутствовала в зале при укладке хрусталя и фарфора* (Л. Т.);

— процесса и результата этого процесса: *плавка* — 1) превращение чего-либо в жидкое состояние в результате нагревания, накаливания, 2) выплавленный за один производственный цикл металл (спец.) (ср.: *Плавка металла. — Дюма выдала первую плавку*); *проба* — 1) испытание, проверка, 2) часть материала, кусочка, взятого для анализа испытания, проверки (ср.: *Проба механизмов, машин. — Взять пробу*).

К разновидности метонимии относятся также переносы, возникающие при назывании всего предмета по его части, и наоборот. Например, слово *борода* имеет основное прямое значение «волосы на нижней части лица, ниже губы, на щеках и на подбородке». Однако им нередко называют и человека, имеющего бороду. Причем в данном метонимическом значении это слово в конкретном контекстуальном употреблении приобретает и другие оттенки зна-

чения. Так, *бородой* в разговорной речи называют человека с большим жизненным опытом, например: *Тут на заседании надо бороду в председатели* (Гладк.). В произведениях, посвященных Петру I, запретившему боярам и служилым людям носить бороду, этим словом образно именуют противников его реформы: *Петр должен был оставить Москву — там шипели против него бороды* (Бел.). Метонимические переносы подобного типа некоторые исследователи называют *синекдохой* (греч. *synekdoche* — соподражание) и нередко отделяют их от собственно метонимических как самостоятельный тип переноса названий [42, с. 33; 76, с. 83]. Однако данный подтип (или вид) перенаименований основан именно на смежности возникающих ассоциаций. Следовательно, разного рода «соподражания» все-таки строятся по метонимической модели, довольно продуктивной в языке.

Метонимическими являются и такие значения, которые возникают в результате использования имени собственного для называния конкретных понятий, предметов. В этом случае оно теряет лексико-грамматические черты имени собственного и становится нарицательным. Ср.: *Рентген* — немецкий исследователь, открывший особые лучи, и *рентген* — 1) просвечивание рентгеновскими лучами, 2) единица измерения излучения; *Меценат* — первоначально «покровитель поэтов Вергилия и Горация» и *меценат* — «щедрый покровитель искусств» и т. д. Расширился объем значения у слова *оружие* (в древнерусском языке — палка, кол как одно из средств боя). Постепенно этим словом стали называть все появляющиеся виды оружия, вплоть до современных. Значение слова при этом становилось все шире и обобщеннее, утрачивая свою первоначальную связь с конкретным предметом.

Подобное расширение значения способствует появлению вторичных метонимических номинаций. Возникнув на синтагматическом уровне (в условиях того или иного конкретного лексического окружения), они становятся фактом системы как определенные составные части лексико-семантической структуры слова.

Отмеченные типы (с их разновидностями) переноса наименований характеризуются относительной регулярностью возникновения, общепринятостью, обычностью (иначе они называются *узальными*, лат. *usus* — обычный) и находят отражение в словарях.

Наряду с расширением объема значения слов в процессе развития переносных названий наблюдается и его сужение. Например, словом *наказание* в древности обозначали любое «поучение, наставление» (от *казати* — говорить, наставлять, поучать, отсюда *наказ* — наставление). Шире был понятийный объем слова *труд*, обозначавшего не только понятия «деятельность, работа», но и «страдание, горе, болезнь» [16, с. 74]. Сузились семантические границы слов *позор*, *пошлый*, *порох*, *рогатка*, *сосуд*, *щепетильный*, *хоронить* и других. У слова *позор* исчезло значение «зрелище» (в старину существовал обычай выставлять преступников «на позор», т. е. для обозрения). С этим же значением употреблялось еще в XIX в. слово *позорище*: *Очевидец описывает следую-*

щим образом кровавое *позорище* (П.). В современных славянских языках сохранилось первоначальное значение слова *позор* и его производных: в польском *pózor* — внешность, наружный вид, т. е. то, что можно видеть, обозревать; в чешском *rozornost* — внимание (с этим же значением используется в качестве предостерегающей надписи на уличных переходах и перекрестках сокращенная форма *pózor*); в сербскохорватском *позориште* — зрелище, театр.

Значительно сузился семантический объем слова *пошлый*. В современном языке оно употребляется лишь в переносном значении «низкий в нравственном отношении, безвкусно-грубый». Однако в XIX и в начале XX вв. этим словом обозначали несколько понятий, семантически связанных между собой.

1. Давно известный, старинный, ведущийся издавна (когда речь шла о том, что идет или пошло исстари). Ср. у Н. В. Гоголя в «Мертвых душах»: *Теперь равнодушно подвезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на ее пошлую наружность.*

2. Обыкновенный, обычный, ничем не примечательный. Ср., например, в «Материалах к истории изучения русского сектантства» Бонч-Бруевича: *Отвлекись от мелких, пошлых дел твоих...*

3. Банальный, безвкусный, избитый. Ср. у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине»:

...Онегин с Ольгой пошел,
Ведет ее, скользя небрежно,
И, наклонясь, ей шепчет нежно
Какой-то пошлый мадригал.

Слово *порох* в древности обозначало «пыль», «прах» (с этим значением оно до сих пор сохраняется в украинском языке). Затем объем понятия сузился, специализировался. Теперь *порох* — «взрывчатое вещество в виде порошка».

Нередко в процессе функционирования значение слова полностью изменяется. При этом одновременно могут происходить и расширение значения и разного типа переносы наименования. Например, словом *неделя* в древности называли «день отдыха» (от «неделати», т. е. не работать), который в дальнейшем получил название *воскресенья*. Затем словом *неделя* стали именовать вообще семидневный отрезок времени. Следовательно, в слове не только изменилось значение, но расширился понятийный объем и произошел перенос наименования с части на целое.

Рассмотренные основные способы развития значений слов в общей лексической системе языка не исключают возможности отдельных индивидуальных, контекстуально обусловленных употреблений переноса названий как по метафорической, так и по метонимической модели. Такие переносы, как правило, не зафиксированы в словарных толкованиях значений слов. Их возникновение обусловлено разными причинами, основная из которых — нерегулярность их образования и контекстно-стилистическая зависимость. К таким значениям современные исследователи (например, Д. Н. Шмелев) относят несколько случаев:

1) употребление единственного числа вместо множественного: *И слышно было до рассвета, как ликовал француз* (Л.);

2) использование наименований одежды для обозначения их владельца: *Прошли гуськом последние посетители дворца-музея — полушубки, чуйки, ватные куртки* (А. Н. Т.);

3) название совокупности людей словом, которым обозначается место, где эти люди живут, работают, отдыхают и т. д.; *Группа 204 приняла участие в коммунистическом субботнике*;

4) использование существительных, имеющих количественно-временные значения, в функции собственно временной: *Всю дорогу она злобно сжимала кулаки под платком* (Тендр.);

5) употребление сокращений (эллипсисов, греч. *elleipsis* — опущение, пропуск) метонимического характера, опирающихся на общеизвестную модель: *Прочитал всего Лермонтова* (т. е. все сочинения М. Ю. Лермонтова); *На профкоме было принято обращение ко всем студентам* (т. е. на заседании профкома); *съел две тарелки супа; выпил целую чашку чая* и т. д.

Во всех указанных выше случаях употребление слов в том или ином переносном значении не стало фактом словарной системы языка, не зафиксировано словарями. Иногда оно отличается явной авторской индивидуализацией; такие слова называются *о к к а з и о н а л ь н ы м и* (от лат. *occasionalis* — случайный).

Например, контекстуально обусловленным оказывается употребление словосочетания *телефонная трубка* в фельетоне «Безумный день» В. Козлова: — *Экий ты бестолковый, братец! — укоризненно сказала телефонная трубка*. В этом случае наблюдается метонимическое смешение номинативных функций, т. е. использование общеязыковой модели метонимического переноса. Однако, как отмечает Д. Н. Шмелев, комментируя данный пример, словосочетание *телефонная трубка* все-таки не приобрело общеязыкового значения «человек, говорящий по телефону», и ни в одном словаре это значение не отражено.

Окказиональным будет и такой (в данном случае метафорический) тип переносного использования слова *выплюнуть* у А. Калинина: *Прямо рядом с номером лифт выплюнул партию пассажиров на этом этаже*. Без контекста значение слова разговорного стиля речи *шнырять* окажется связанным с представлением о поспешном движении человека то в одном, то в другом направлении. В конкретном тексте оно может быть отнесено не только к человеку (или вообще живому существу), но и к предмету неодушевленному: *По степи шныряли юркие рыжие овражки* (Верес.). Этот вид метафорического переноса также окказионален, однако создан он на базе существующего в языке типа производно-переносных наименований по сходству.

§ 11. Функционально-стилистическая роль полисемии

Природа лексического значения, пути его возникновения, разнообразные способы семантического обновления слова благопри-

являются важнейшим условием его функционирования и одним из «ярких проявлений творческого начала в языке. Это и чудесный дар обобщения, составляющий основу научного познания; это — и блеск метафор с их образно-поэтическим осознанием действительности; это — и причудливая игра мысли, раскрывающая в слове все новые и новые потенции выразительности» [1, с. 138].

Вместе с тем способность слова иметь не одно, а несколько значений узуального характера, а также возможность появления окказиональных значений создает немало затруднений. Они нередки и в практике перевода. Один из современных теоретиков перевода замечает по этому поводу: «Никакой словарь не может предусмотреть все разнообразие контекстуальных значений, реализуемых в речевом потоке, точно так же, как он не может охватить и все разнообразие сочетаний слов. Поэтому теория перевода может устанавливать лишь функциональные соответствия, учитывающие зависимость передачи смысловых категорий от действия различных факторов. Этот принцип действителен и при определении контекстуальных значений, и при осуществлении различных лексических трансформаций» [77, с. 9], к числу которых относятся и рассмотренные выше способы развития значений в семантической структуре одного слова.

Многозначные слова могут функционировать в одном и том же тексте без особого стилистического задания, как, например, у А. Грина: *Остальные уроки [домашние задания] я наспех прочитывал в классе перед началом урока [учебного занятия], полагаясь на свою память.*

Нередко разные значения слов при их функционировании в речи становятся средством так называемой актуализации (лат. *actualis* — деятельный), т. е. такого намеренного использования потенциальных возможностей языка, которое воспринимается как необычное и поэтому привлекает к себе внимание. Актуализация разных значений одного и того же слова зависит от многих причин: и внеязыковых (роли личности автора; тематики публикации или высказывания; жанровой специфики текста или выступления; типа издания или места расположения сообщения в тексте; характера печатного или передающего органа и т. д.), и собственно языковых (богатства словаря; характера системных связей внутри слова и между словами; общепринятых лексико-семантических норм функционирования разных значений слова или тех моделей, по которым развиваются эти значения; роли всего текста в целом и др.).

Большие возможности для реализации внутрисловных связей заложены в поэтической речи. Ср., например, актуализацию разных значений слова *играть* у Б. Пастернака (поэт пишет об актрисе, создавшей образ Марии Стюарт):

...Сколько надо отваги,
Чтобы *играть* на века,
Как *играют* овраги,
Как *играет* река,

Как *играют* алмазы,
Как *играет* вино,
Как *играть* без отказа
Иногда суждено.

В прозе роль полисемий не менее значима. Писатели и публицисты с давних пор используют прием намеренного столкновения в тексте разных значений одного и того же слова. Ср., например, сатирически-обличительную роль подобного сопоставления значений слова *подойти* в романе «Былое и думы» А. И. Герцена: *Губернатора велено было судить сенату, — оправдать его даже там нельзя было. Но Николай издал милостивый манифест после коронации; под него не подошли друзья Пестеля и Муравьева, — под него подошел этот мерзавец. Через два-три года он же был судим в Тамбове за злоупотребление властью в своем имении; да, он подошел под Манифест Николая I — он был ниже его.*

Интересно шутливо-ироническое сопоставление разных значений слова *роман* у Н. А. Островского в произведении «Как закалялась сталь».

«Среди пустого легкомысленного разговора Виктор Лешинский, подсев к Тоне, тихо спросил:

— Вы прочли роман?

Тоня подумала... подняла голову и посмотрела на него:

— Нет, я начала другой роман, более интересный, чем тот, что вы мне принесли.

— Вот как, — обиженно протянул Виктор. — А кто автор? — спросил он.

Тоня посмотрела на него искрящимися, насмешливыми глазами.

— Никто...»

Намеренно, с юмористическими целями, сталкивают разные значения слова *мягкий* фельетонисты А. Суконцев и И. Шатуновский: *Оно [неожиданное чудо] явилось к Аркаше в образе средних лет человека в мягком ратиновом пальто и с мягкими, интеллигентными манерами.*

Итак, многозначность слова, богатство его семантической структуры во многом определяют характер развития всей лексической системы русского языка и являются неисчерпаемым источником создания выразительности речи.

Однако нередко полисемия может стать и причиной смысловой неточности, двусмысленности, а то и прямых ошибок. Например, если писатель применительно к слову *ветер* использует метафорическое значение слова *топтаться* (см. у Ю. Бондарева: *Ветер шумел, топтался в кронах сосен*), то он допустит и языковую и логико-смысловую неточность, так как *ветер* не может *топтаться*, т. е. — *перен.* «бездействовать, не продвигаться вперед». Неточным окажется и употребление многозначного слова *полотно* в одной из газетных заметок под заголовком «Найден шедевр»: *Обратив внимание на полотно, он [реставратор] изучал его несколько дней. И пришел к неожиданному для всех выводу — Рубенс!*. Для читателя осталось неясным, какое *полотно* изучал реставратор — 1) произведение живописи, картину или 2) ткань, на которой написана картина.

Нередки бывают ошибки в использовании многозначных слов в практике устного и письменного перевода. Так, М. М. Морозов в «Пособии по переводу русской художественной прозы на английский язык» (М., 1956, с. 21) рассказывает о том, как английские переводчики в разное время неодинаково переводили последнюю часть прощальной фразы капитана Миронова, коменданта Белогорской крепости, в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Капитан обращался к жене с такими словами: *«Прощай, прощай, матушка! — сказал комендант, обняв свою старуху. — Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой: да коли успеешь, надень на Машу сарафан...»*

Сопоставим эти переводы.

У А. С. П у ш к и н а:

..да коли успеешь, надень на Машу сарафан.

У а н г л и й с к и х п е р е в о д ч и к о в:

- 1) *И если у тебя будет время, одень ее в самое лучшее.*
- 2) *Пусть наденет сарафан, вышитый золотом, согласно нашим обычаям хоронить.*
- 3) *И если будет время, надень на Машу сарафан.*
- 4) *Одень Машу, как крестьянскую девушку.*

М. М. Морозов отмечает, что первые два переводчика исказили смысл оригинала — во-первых, слово *сарафан* отнюдь не всегда употреблялось для обозначения нарядной одежды; во-вторых, в повести Пушкина не было и речи о том, чтобы Василиса Егоровна подготовила Машу к возможной смерти от руки пугачевцев и к захоронению, как говорит второй вариант перевода. В третьем варианте смысл не искажен, но значение употребленного слова *сарафан* будет неясным английским читателям, так как они не знают всех смысловых оттенков, которые ассоциативно и конкретно связаны с этим словом, и со всем предыдущим текстом в целом. И лишь четвертый вариант по смыслу ближе всего к пушкинскому тексту: именно это имел в виду капитан, давая наказ жене передать Машу: он хотел, чтобы в простой одежде никто не узнал в ней дочь капитана крепости. Подобных примеров использования многозначных слов без учета всех значений, а также их оттенков можно привести немало.

Несмотря на все типы и виды изменений, сдвигов, трансформаций в лексико-семантической структуре узуальных и окказиональных значений слов, их употребление не дает оснований каждый раз говорить о возникновении нового слова. Многозначность — свойство именно одного слова иметь несколько значений, ассоциативно связанных между собой и образующих сложное семантическое единство, элементы которого по тем или иным признакам оказываются близкими друг другу.

Если же значения слов, совпадающих в звучании и написании (в плане выражения), утрачивают близость смыслового образа, сходство ассоциативных связей (в плане содержания), то возникают разные слова, т. е. слова-омонимы.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 20. Из приводимых предложений выпишите выделенные слова, определите их значение и укажите способ его развития или переносно-семантическую модель, по которой употреблено слово.

1. — Что вам за удовольствие доставляет пугать меня? Я не виноват, что у меня *нервы* (Купр). 2. Все *флаги* в гости будут к нам (П). 3. Расширяются *горизонты* научного поиска (газ.). 4. Летят *алмазные* фонтаны с веселым шумом к облакам (Л.). 5. Мы идем сквозь *револьверный* лай (В. М.) 6. В поле чистом *серебрится* Снег *волнистый* и *рябой*, Светит месяц, тройка мчится По дороге столбовой (П.). 7. Наш сильно *пожилой* автомобиль катится не торопясь, *храпит* и *чихает*, вздымая облака пыли (М. Г.). 8. Крыши у сторожки не было. Хмель *запеленал* избушку так, что напоминала она косматую одноглазую голову (В. Астафьев). 9. Заря *окликает* другую, дымится овсяная гладь... (Есен.). 10— *Золотые очки* круто отвернулись (М. Кольц.). 11. Рядом была Майя, светились ее радостные глаза, в солнечных лучах, заглядывавших в окна, переливался *золотой* шелк ее локонов (Кочет.). 12. Солдаты окружили колодец, заскрипели *журавли* (Горб.). 13. Это имя той *железной* воли, о которой гимны говорят (О. Бергг.). 14. — Прaporщик, я вам в третий раз кричу: передайте ротному — продвигнуться до деревьев, *рассыпаться* в цепь!.. (А. Н. Т.) 15. Зеленые *бороды* мха липнут к одежде (Песк.). 16. О том, что началась война, Синцов и Маша узнали в Симферополе на жарком привокзальном *пяточке* (Сим.). 17. — *Испеклась*... — сказал Леонид, поднимая темную *плеть* змеи (Песк.). 18. За далекие пригорки *уходил* сраженья жар (Твард.). 19. Поездка удалась, как он и не думал, *сердце* у Раисы прошло, она была даже приветлива (А. Н. Т.). 20. ...Ну, как заполнять рядовому *Истории* Унылые карты «историй болезни?» (Е. Долматовский).

21. Его зарыли в шар *земной*,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат *простой*,
Без званий и наград. <...>
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Солдат положен в *мир земной*,
Как будто в мавзолей (С. Орлов).

Упражнение 21. С приводимыми ниже словами составьте (или подберите из художественной литературы) предложения, в которых реализовались бы разные значения слов. Назовите способ развития этих значений.

Подтянутый, красный, острый, солнечный, горячий, шаткий.

Упражнение 22. Пользуясь МАС или Словарем Ожегова, укажите, с какими словами могут сочетаться приводимые ниже слова.

Спутник, лазейка, ударник; классный, беспробудный; тереть, хрустеть, поступить, ограничивать.

Упражнение 23. Используя метафорическое определение роли слова в творческой деятельности писателя (I), найдите в приводимых текстах (II) многозначные слова, определите способ развития их значения и роль в предложении.

I. ...Поговорим о слове — о слове писателя, о нашем главном оружии, нашем союзнике, друге и мучителе. Да, мучителе, ибо каждый знает, как не дается в руки слово, единственное нужное для мысли, чувства, образа, как оно упрямится, прячется за слова ненужные, стертые, плоские... (*Л. Соболев*).

II. 1. Блестели две горки, битком набитые серебром: грудями чайных и столовых ложек, ...десятками подстаканников, бокалов с чернью, золоченых рюмок (*М. Г.*). 2. От него [Варавки] веяло пыльной скукой, усталостью, ожесточением (*М. Г.*) 3. Сидит, как сова в тенетах (*М.-Сиб.*). 4. — Море — вовсе не такое, как я думала, — говорила она матери. — Это просто большая, жидкая скука. Горы — каменная скука, ограниченная небом (*М. Г.*). 5. Когда-то я ходил пешком по гладкой скуке этого края. Теперь... эти степные места кажутся мне еще более пустынными (*М. Г.*). 6. В окно ударяли косые прутья ливня (*С. Ант.*). 7. Лягу в каморку, покроюсь тенётами... (*Н.*). 8. Надо иметь дубовую натуру и заскоруждое чувство, чтоб смотреть на красоту, не пленяясь и трогаясь ею (*Бел.*). 9. И все же окончательный вывод обозревателя черен, как небосвод в глухую ночь (*Ю. Ж.*). 10. По просеке, которую проскребли бульдозеры... двигались долговязые экскаваторы, подталкивая ковшами себе под гусеницы связки бревен (*В. Кож.*). 11. Ручей обрадовал всех своей болтливостью среди всеобщего оцепенения (*Пауст.*). 12. Мелкий грибной дождь сонно сыплется из низких туч, и лужи от этого дождя всегда теплые. Он не звенит, а шепчет что-то свое, усыпительное, и чуть заметно возится в кустах, будто трогает мягкой лапкой то один лист, то другой (*Пауст.*).

Упражнение 24. В приведенном ниже отрывке из «Книги скитаний» К. Паустовского найдите слова, употребляемые в переносном значении, и объясните их стилистическую роль.

У нас в России так много чудесных названий рек, озер, сел и городов, что можно прийти в восхищение.

Одно из самых точных и поэтических названий принадлежит крошечной реке Вертушинке, вьющейся по дну лесистых оврагов в Московской области недалеко от города Рузы.

Вертушинка все время вертится, как егоза, шныряет, журчит, бормочет, звенит и пенится окроло каждого камня или упавшего ствола березы, тихонько напевает, разговаривает сама с собой, пришептывает и несет по хрящеватому дну очень прозрачную воду.

Вода эта вытекает из древних и темных, как их возраст, земных пластов, из каких-нибудь юрских глин и девонских песчаников.

Непонятым, но милым кажется одно обстоятельство, связанное с Вертушинкой.

Как известно, у нас, в Московской области, никаких гор нет, — одна всхолмленная равнина, а между тем Вертушинка откуда-то

вымывает и притаскивает большие обкатанные гранитные камни.

Это, конечно, валуны, оставшиеся от ледникового периода. Летом они лежат в теплой струистой воде и будто жмурятся от дремоты. Они заросли лишаями. Вода, обтекая валуны, напевает свою немудрую песенку. Трудно поверить, что эти добродушные валуны были свидетелями катастрофы нашей земли, что ледник свирепо проволокал их через всю Россию, от самых Скандинавских гор, и бросил здесь, в уютной Вертушинке, мирно доживать бесконечный и спокойный каменный век.

Упражнение 25. Сопоставьте варианты предложений, найдите внесенные исправления и письменно объясните их, используя данные словарей, теоретические сведения о лексическом значении слов, стилистической роли семантики.

Образец:

Неотредактированный текст

Нередко телезрители становятся свидетелями острейших дуэлей многих сильнейших спортивных команд мира.

Отредактированный текст

Нередко телезрители становятся свидетелями острейшей борьбы между многими самыми сильными спортивными командами мира.

В неотредактированном тексте, во-первых, неверно употреблено слово *дуэль*. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (М., 1972, с. 169) приведены два значения слова: 1. В дворянско-буржуазном обществе: поединок (т. е. вооруженная борьба двух противников в присутствии секундантов, см. с. 501), 2. *перен.* Борьба, состязание двух сторон. В тексте речь идет о состязаниях *многих* команд мира с *большим количеством* участников. Во-вторых, использование подряд двух прилагательных с одним и тем же суффиксом *-ейш-* создает однообразие, что стилистически не оправданно.

Неотредактированный текст

Издавна из осины делали лодки-долбленки, заготавливали черепицу для крыш.

— Это как понимать? — спросил он, подперев щеку локтем.

Гвардии младший лейтенант Кедров — зрелый воин, на боевом счету которого немало побед.

Грызуны имеют большое значение в сельском хозяйстве.

Рыбачья артель перевыполнила месячный план.

В рыболовецкий поселок приехали известные писатели.

На летучке стенгазетчиков с докладами выступили редактор

Отредактированный текст

Издавна из осины делали лодки-долбленки, заготавливали дранку для крыш.

— Это как понимать? — спросил он, подперев щеку ладонью.

Гвардии младший лейтенант Кедров — опытный воин, на боевом счету которого немало побед.

Грызуны приносят большой вред сельскому хозяйству.

Рыболовецкая артель перевыполнила месячный план.

В рыбацкий поселок приехали известные писатели.

На совещании стенгазетчиков с докладами выступили редактор

газеты, инструктор обкома партии,
секретарь райкома партии.

Студент С. П. Миронов был
отчислен из института за система-
тические прогулы без уважитель-
ных причин.

Упражнение 26. Ознакомьтесь с образной характеристикой внутрисловных лексико-семантических сдвигов, которая дана К. Паустовским (I). В приводимых ниже текстах (II) найдите слова, значение которых воспринимается как переносное. Объясните функционально-стилистическую роль каждого из них.

I. Поэзия обладает одним удивительным свойством. Она возвращает слову его первоначальную свежесть. Самые стертые, до конца «выговоренные» нами слова, начисто потерявшие для нас образные качества, живущие только как словесная скорлупа, в поэзии начинают сверкать, звенеть, благоухать!

Чем это объяснить, я не знаю. Я предполагаю, что слово оживает в двух случаях.

Во-первых, когда ему возвращают фонетическую (звуковую) силу. А это сделать в певучей поэзии легче, чем в прозе. Поэтому и в песне и в романсе слова сильнее действуют на нас, чем в обыкновенной речи.

Во-вторых, даже стертое слово, поставленное в стихах в мелодический музыкальный ряд, как бы насыщается общей мелодией и начинает звучать в гармонии со всеми остальными словами.

И, наконец, поэзия богата аллитерациями. Это одно из ее драгоценных качеств...

- II. 1. Ночь, улица, фонарь, аптека
Бессмысленный и тусклый свет,
Живи еще хоть четверть века
Все будет так. Исхода нет.
Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь (Бл.).
2. ...Покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег (Есен.).
3. Я недаром погибал от жажды,
Я фронтов десятков пересек,
В душах комсомольцев и сограждан
Собирая золотой песок...
Ни за что не стану торопиться.
Жизнь моя, по-прежнему теки!
Дорогие желтые крупницы
Не истратить бы на пустяки!
Жизнь идет, года идут подряд.
И над прошлым и над настоящим
Золотые бабочки летят! (М. Свет.).

4. «...А ведь язык — это каким количеством пальцев ощупать вещь, характер, событие. Язык — это дополнительные ступени во-внутрь страницы, по которым можно сойти и осмотреть изнутри описанные явления. Языком для меня мерится грузоподъемность строки. Он для меня, как станок, производящий множество одно-временных операций». (Л. Леон.).

Упражнение 27. В приводимых ниже предложениях найдите примеры неточного (в частности, двусмысленного), излишнего или ошибочного употребления многозначных слов. Внесите в текст нужные исправления, письменно мотивируя их.

1. «Вперед — московское трио». (Заголовок газетной заметки, в которой идет речь о трех волейбольных московских командах; оказавшихся впереди после первого тура соревнований.) 2. Трио Михайлова оказалось решающим. (Из сообщения спортивного комментатора, рассказывающего о трех шайбах, забитых хоккеистом.) 3. На сеялках, прицепленных к трактору, удобно примостились трио сеяльщиков. 4. «У хирургов — новоселье». (Заголовок газетной заметки, в которой корреспондент рассказывает о создании центра детской хирургии в Минске.) 5. В этом году наш завод представлял свою научно-техническую выставку за рубежом. 6. Не все хозяйства района взяли новогодний уверенный старт. Два колхоза, как и в прошлом году, продолжают минусовать. 7. На дне оврага было болото — питомник комаров. 8. Мощный источник сырья для производства полимеров — нефтепродукты и природные газы. 9. В последние десятилетия в русском языке активизировались некоторые семантические действия (метафоризация, метонимизация, расширение значения и т. д.). 10. Функционально-стилистическая роль слова определяется не только собственно языковедческими факторами. Нередко она бывает прочно увязана с социально закрепленной оценкой соответствующего явления. 11. Девушки из бригады монтажников шумной стайкой ввалились в кабинет начальника строительства. 12. В нормировании языка прежде всего находят отображение объективные процессы национально-языкового развития. 13. Зато на соревнованиях приятно порадовали мастера шпаги. 14. Машина лейтенанта стала достигать беглецов, когда раздалась автоматная очередь. 15. Установлено, что один брошенный в воду окурочек отравляет ее в радиусе кубического метра. 16. Модным дополнением к мужской одежде являются безрукавные жилеты. 17. Когда в будущем межпланетный корабль приблизится со стороны дневного светила к загадочному Сатурну, взорам космического экипажа предстанет многоцветная радуга.

ОМОНИМЫ, ИХ ТИПЫ И РОЛЬ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 12. Понятие о лексических омонимах

Лексическими омонимами (греч. *homos* — одинаковый + *онута* — имя) называются два и более разных по значению слова, совпадающие в написании, произношении и грамматическом

оформлении. Например, *блок*¹ — союз, соглашение государств и *блок*² — простейшая машина для подъема тяжестей; *ключ*¹ — металлический стержень особой формы для отпираания и запираания замка и *ключ*² — бьющий из земли источник, родник.

В лексикологии различают два типа слов-омонимов — полные и неполные (или частичные).

К полным лексическим омонимам относятся такие слова одной и той же части речи, у которых совпадает вся система форм. Так, приведенные выше омонимы *блок*¹ и *блок*², *ключ*¹ и *ключ*² являются полными омонимами.

К неполным (частичным) лексическим омонимам относятся слова одной и той же части речи, у которых совпадает не вся система форм. Например, слова *завод*¹ — промышленное предприятие и *завод*² — приспособление для приведения в действие механизма (второе слово не имеет мн. числа); *мир*¹ — совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве и *мир*² — согласные отношения, спокойствие, отсутствие вражды, войны, ссоры (второе слово также не употребляется в форме мн. числа).

Примечание. Для иллюстрации приведено лишь по одному значению слова, в то время как каждое из них является многозначным. Однако на сущность омонимии это не влияет.

Слова-омонимы характеризуются прежде всего тем, что они соотносятся с тем или иным явлением действительности независимо друг от друга, поэтому между ними не существует никакой ассоциативной понятийно-семантической связи, свойственной разным значениям многозначных слов. При реализации лексического значения слов-омонимов их смешение практически невозможно. Например, никто не подумает, что речь идет о *ключе* как «роднике, источнике», если, стоя у двери, просят дать *ключ*, т. е. «приспособление для приведения в действие замка». Понятийно-тематическая соотношенность слов совершенно разная, и употребление в тексте (или в живой речи) одного из омонимичных слов исключает использование другого. (Если, конечно, нет нарочитого их столкновения с определенным стилистическим заданием. См. об этом § 16.)

Итак, лексическая омонимия наблюдается среди слов одних и тех же частей речи. При этом двум или нескольким лексическим омонимам (полным или частичным) свойственно абсолютное тождество звукового и орфографического комплекса, т. е. внешней структуры (ср.: *отстоять* — простоять до конца, *отстоять*² — защитить, *отстоять*³ — находиться на каком-то расстоянии и др.) и всех (или части) грамматических форм (ср. сходное изменение по падежам, наличие одних и тех же форм числа у трех слов, являющихся полными лексическими омонимами: *банка*¹ — сосуд, *банка*² — отмель, *банка*³ — спец. поперечное сидение в лодке).

В процессе исторического развития словаря появление лексических омонимов было обусловлено рядом причин.

Одной из них является семантическое расщепление, распад полисемантического слова. В этом случае омонимы возникают в результате того, что первоначально разные значения одного и того же слова расходятся и становятся настолько далекими, что в современном языке воспринимаются как разные слова. И лишь специальный этимологический анализ помогает установить их прежние семантические связи по каким-то общим для всех значений признакам. Таким путем еще в древности появились омонимы *свет* — освещение и *свет* — Земля, мир, вселенная.

В 1972 г. впервые признана и зафиксирована в Словаре Ожегова омонимия слов *долг* — обязанность и *долг* — взятое займы. В 50-х годах эти слова рассматривались как варианты одного и того же слова с разными значениями (см.: БАС, т. 3, М.—Л., 1954, стлб. 927—930). Это указывает на длительность процесса расщепления многозначного слова и превращения его значений в самостоятельные слова-омонимы, на неизбежность появления «промежуточных, переходных случаев», когда затруднительно дать однозначную семантическую характеристику слова. Например, неодинаково в разных словарях рассматриваются слова *вязать* (стягивать веревкой) и *вязать* (спицами, крючком); *махнуть* (чем-нибудь) и *махнуть* (отправиться куда-нибудь); *палить* (обжигать пламенем) и *палить* (стрелять залпами) и др. [111, с. 87].

Расхождение значений многозначного слова наблюдается в языке не только у исконно русских слов, но и у слов, заимствованных из какого-либо одного языка. Интересные наблюдения дает сравнение омонимии этимологически тождественных слов: *агент* — представитель государства, организации и т. п. и *агент* — действующая причина тех или иных явлений (оба слова из лат. *agens, agentis* → от *agere* — действовать); *ажур* — сквозная сетчатая ткань и *ажур* — ведение бухгалтерских книг, документов до последнего дня (от фр. *à jour* — сквозной; подытоженный).

Следует заметить, что по вопросу о роли распада многозначного слова в образовании омонимов в современной лексикологии нет единого мнения. Так, В. И. Абаев в статье «О подаче омонимов в словаре» (см.: Вопросы языкознания, 1957, № 3) высказал мысль о том, что новые омонимы, их «размножение идет в основном за счет полисемии». Е. М. Галкина-Федорук в статье «К вопросу об омонимах в русском языке» (см.: Русский язык в школе, 1954, № 3) и З. А. Толмачева в статье «Образование омонимов путем распада полисемии» (см.: Русский язык в школе, 1959, № 4) также считали одним из продуктивных способов образования омонимов «обособление значения слов». Однако В. В. Виноградов отмечал непродуктивность этого способа образования, считая, что «еще меньше омонимов обязано своим образованием семантическому распаду единой лексемы на несколько омонимичных лексических

единиц типа *свет* — вселенная, и *свет* — освещение [23, с. 10]. А. А. Реформатский утверждал, что в русском языке «больше всего омонимов, возникших благодаря заимствованиям», хотя он признавал и факт активности процесса производной омонимии [76, с. 90]. А. И. Смирницкий основным источником пополнения языка омонимами называл случайные звуковые совпадения [89]. О. С. Ахманова, признавая достаточную активность омонимов, возникающих в результате разошедшейся полисемии, указывала в то же время и на большие трудности, с которыми связаны поиски объективных критериев оценки завершения процесса омонимизации [2, с. 114]. Эти статьи, как и ряд других письменных и устных выступлений, послужили стимулом для развернувшейся дискуссии по вопросам омонимии.

Нам представляется наиболее целесообразным считать, что способ расщепления значений достаточно активен, хотя продуктивность его для разных структурных типов омонимов неодинакова. Об этом свидетельствуют приводимые выше примеры. На это указывают и 248 случаев разошедшейся полисемии, отмеченных О. С. Ахмановой из числа 2360 омонимичных слов, приводимых ею в «Словаре омонимов русского языка» (см. § 17).

Омонимия может быть результатом совпадения звучания, написания и полного или частичного совпадения формоизменения исконного слова и заимствованного. Например, русское (ставшее теперь уже областным по употреблению) *лава* — плот, помост и русское же *лава* — забой со сплошной системой разработки совпал в звучании со словами *лава* — боевой порядок в строю (из польск. *ława* — ряд, шеренга) и *лава* — расплавленная минеральная масса, извергаемая вулканом (из итал. *lava*); русское *рубка* — рассечение на части совпало со словом *рубка* — закрытое помещение на верхней палубе судна или надстройках корабля (из голл. *roef* — каюта); русское *горн* — «кузнечный» совпало с *горн* — «рог» (из нем. *Horn*) и т. д. Но таких примеров в языке сравнительно немного.

Омонимы появлялись и в результате того, что два или несколько слов, заимствованных из разных языков (нередко и в разное время), в силу определенных фонетических причин оказывались в русском языке созвучными. Таков путь возникновения уже упоминавшихся омонимов *блок* — союз (из франц. *bloc* — объединение), *блок* — машина для подъема тяжестей (из англ. *block*). Есть еще и третье слово *блок* — железнодорожный пост, где находится пункт управления движения поездами (из англ. *to block* — закрывать, загромождать) и т. д.

Нередко омонимичными в русском языке оказываются разные слова, заимствованные из одного языка. Например: *банкет* — торжественный обед, прием (из франц. *banquet* — пиршество) и *банкет* — 1) воен. небольшое возвышение у траншеи, устроенное для удобства ружейной стрельбы; 2) морск. и ж/д выемка вдоль верхнего края откоса (из франц. *banquette* — уменьшит. от *ban* — куртина); *карьер* — самый быстрый бег лошади (из франц.

corriere — бег) и *карьер* — спец. открытые разработки неглубоко залегающих ископаемых (из франц. *carrière* — каменоломня); *мас-сировать* — делать массаж (из франц. *masser* — производить массаж) и *массировать* — спец. сосредоточить в одном месте войска, авиацию и т. д. (из франц. *masse* — масса, глыба, ком) и др.

Совпадение звучания русского и заимствованного слов происходит иногда не сразу. Слова когда-то по-разному произносившиеся и писавшиеся в процессе исторического развития языка совпадают и в написании, и в произношении. Такой путь прошли, например, слова *лук* — огородное растение (древнее заимствование из германских языков) и *лук* — ручное оружие для метания стрел (восходит к древнерусскому слову, в котором на месте гласного *у* стоял носовой звук *о*). С исчезновением из алфавита носового *о* эти слова стали омонимами, хотя и неполными (у первого слова нет форм мн. числа).

Результатом «фонетического совпадения этимологически разных славянских слов с непроемной основой» считает В. В. Виноградов и появление омонимии слов *мир*¹ — вселенная и *мир*² — покой; *пар*¹ — газ, воздух и *пар*² — незасеянное поле [23, с. 10]. Но таких омонимов в языке немного. (Заметим, однако, что омонимия слов *мир*¹ и *мир*² является скорее следствием графических изменений, результатом исчезновения разных написаний букв *и* и *і*).

По структуре омонимы бывают простые, или непроемные, и производные. Непроемные омонимы чаще всего встречаются в кругу имен существительных. Это такие омонимы, которые, как уже отмечалось, возникли в результате совпадений слов исконных и заимствованных, путем фонетических трансформаций исконных русских слов, а также в процессе словообразования. В производной омонимии существительных и глаголов исследователи вслед за В. В. Виноградовым обычно выделяют такие разновидности:

1) омонимичные производные основы состоят каждая из двух (и более) одноклассных омонимов, например: *лезгин-к-а* (ср. лезгин) и *лезгин-к-а* (танец), *толст-овк-а* (последовательница учения Л. Н. Толстого) и *толст-овк-а* (рубашка особого покрова);

Примечание. Омонимичными (греч. *homos* — одинаковый + *morphē* — форма) называют фонетически совпадающие морфемы (аффиксы, флексии), различные по значению (т. е. омонимичные морфемы). Например, суффикс *-ин-* в словах *соломинка*, *бугинка*, *горошинка* (значение единичности), *доминка*, *кирпичинка* (увеличительное значение), *уродинка* (пренебрежительно-бранное значение), *свининка*, *баранинка* (придает значение «мясо животного»); приставка *из-* в глаголах *изгнать* (значение удаления) и *израсходовать* (значение истощенности действия); окончание *-а* в словах *стенá* (им. пад. ед. числа), *домá* (им. пад. мн. числа), *ушла* (глагольное окончание ед. числа ж. р.) и т. д.

2) омонимичные производные основы состоят из морфем, которые не совпадают по звуковому оформлению, например: *бу-мажн-ик* (рабочий бумажной промышленности) и *бумаж-ник* (кошелек для бумаг), *ударн-ик* (работающий по-ударному) и *удар-ник* (часть затвора);

3) в омонимичной паре слов производность основы ощущается лишь у одного из слов, а у другого (или других) происходит морфологический процесс опрошения, ср.: *осад-ить* — *осажда́ть* (подвергнуть осаде, т. е. окружать войсками); *осади́ть* — *осажда́ть* (выделять составную часть осадки), *осади́ть* — *осажива́ть* (т. е. заставить замедлить ход на всем скаку, податься назад, чуть присев);

4) одна из омонимичных основ имеет производный характер, другая — непр производна, например: *нор-к-а* (уменьшит. к *нора*) и *норка* (животное и шкура животного).

Примечание. О. С. Ахманова подобные типы производных омонимов называет «словами с выраженной морфологической структурой» и различает среди них пять подтипов: 1) омонимии основ: *колкий* (взгляд, трава, насмешка) и *колкий* (сахар, дрова); 2) омонимии аффиксов: *финка* (к финн) и *финка* (нож); 3) омонимию с разной степенью членности: *выпрáвить* (гранки) и *выпрáвить* (паспорт); 4) омонимию с различной внутренней структурой: *самострел* (вид оружия, которое само стреляет) и *самострел* (тот, кто в себя стреляет); 5) омонимию разных частей речи: *печь* (существительное) и *печь* (неопределенная форма глагола) (см.: Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. М., 1974, с. 6—7).

Производная омонимия среди глаголов (процесс, наиболее активный в современном языке) «возникает в таких случаях, когда у одного глагола приставка сливается с основой, теряя свою морфологическую выделяемость или отделяемость, а у другого, омонимичного с первым, она сохраняет свои смысловые функции отдельной морфемы. Например: *назвать* “называть кого чем” (ср. *название*) и *на-звать* (много кого); *заговори́ть* “заговаривать зубы” (ср. *заговор*) и *за-говори́ть* (заговаривать, начать говорить)» [23, с. 11].

Многие из производных омонимичных глаголов являются частичными лексическими омонимами. Ср. омонимию производных глаголов *зака́пывать* — от *копать* и *зака́пывать* — от *ка́пать*; *засыпа́ть* — от *спать* и *засыпа́ть* — от *сы́пать*. Образование подобных омонимов во многом обусловлено омонимией словообразовательных аффиксов, т. е. омоморфем.

Если полное совпадение внешней формы двух и более слов нарушено, а слова в речевом потоке по тем или другим языковым признакам сближаются, то речь может идти не о лексической омонимии, а о явлениях, лишь в чем-то сходных с ней, но совершенно самостоятельных.

§ 14. Языковые явления, сходные с лексической омонимией

Омонимия как языковое явление наблюдается не только в лексике. В широком смысле слова омонимами иногда называют разные языковые единицы (в плане содержания, структуры, уровней принадлежности), совпадающие по звучанию (т. е. в плане выражения). В отличие от собственно лексических (или абсолютных) омонимов, все другие созвучия и разного рода совпадения называют иногда относительными, хотя здесь правильнее было бы говорить не об омонимии в широком смысле слова, и даже не об относительной омонимии, а об омонимическом употребле-

лени и в речи разнообразных видов омофонов, в состав которых, как указывает В. В. Виноградов, входят «все виды единозвучий или созвучий — и в целых конструкциях, и в сцеплениях слов или их частей, в отдельных отрезках речи, в отдельных морфемах, даже в смежных звукосочетаниях» [23, с. 4].

Следовательно, широкое понятие омофония (греч. *homos* — одинаковый, *phōnē* — голос, звук) охватывает созвучие самых разных языковых единиц. Например: 1. Совпадение произношения слов (так называемые собственно омофоны, или фонетические омонимы): *грипп* — *гриб*, *труд* — *трут*, *дог* — *док* и т. д. 2. Совпадение слова и словосочетаний: *немой* — *не мой*, *занос* — *за нос*, *сútками* — *с ýтками* (разновидность омофонии). 3. Совпадение отдельных форм слов (так называемые омоформы, или грамматические омонимы): *пилá* (существительное) — *пилá* (глагол в прошедшем времени); *лечу* (от *лететь*) — *лечу* (от *лечить*), *молодой человек* — *забота о молодой матери* и т. д.

Нередко к омонимии относят еще и омографы (греч. *homos* + *graphō* — пишу), т. е. слова, совпадающие в написании, но различающиеся произношением, в частности ударением. Это их четко отличает и от омофонов и от лексических омонимов. К таким словам современные исследователи относят свыше тысячи пар слов типа *и́рис* (конфеты) — *и́рис* (вид ниток), рассматривая при этом разные типы омографов: лексические — *а́тлас* и *атла́с*, лексико-грамматические — *се́ло* (глагол) и *селó* (существительное), *бе́гу* (глагол) и *бе́гу* (от *бег*) (существительное), грамматические — *а́дреса* и *адреса́*, *до́ма* и *дома́*; стилистические — *ко́мпас* (лит.) и *компа́с* (морск.) и т. д.

В современных исследованиях, пособиях, словарях утвердилась тенденция использовать двойные наименования тех явлений, которые построены на разного рода совпадениях, созвучиях. Например: омофоны — фонетические омонимы, омоформы — грамматические омонимы, омоморфемы — морфологические омонимы (или словообразовательные омонимы). Иногда употребляют и такие термины: омосинтагмы — синтаксические омонимы, оmostилемы — стилистические омонимы. Представляется, что, несмотря на критическое отношение исследователей к такого рода двойной терминологии, в особенности к терминам-словосочетаниям типа «синтаксическая омонимия» и под., ее употребление не вызывает путаницы, а наоборот, позволяет четко определять то или иное языковое явление. И дело здесь не в том, как назвать явление, а в том, какое понимание вкладывается в название, что скрывается за ним.

Итак, собственно лексическую омонимию (полную и частичную) «нельзя смешивать или даже сближать» (как отмечает В. В. Виноградов) с омофонией в широком смысле слова, т. е. со всеми созвучиями и подобозвучиями, которые встречаются в речи.

От собственно лексической омонимии и от разных типов омофонии следует четко отграничивать явления чисто графического совпадения, т. е. омографию. Соединение этих совершенно разных языковых явлений возможно лишь при нарочитом их обыгрывании, т. е. омонимическом употреблении в речи, что связано уже не с собственно лексикологическими проблемами омонимии, а с анализом ее функционально-стилистической роли (см. § 16).

§ 15. Омонимия и полисемия в русском языке

Разграничение разных слов-омонимов и одного слова с многими значениями, как уже отмечалось, вызывает немало затруднений и не всегда может быть проведено однозначно.

На трудность разграничения этих явлений и сложность их четкого, последовательного определения указывает и современная лексикографическая практика. Так, многие слова, которые в одном словаре даны как многозначные, в другом (или других) рассматриваются как разные слова, омонимичные друг другу.

Сопоставим статьи к слову *перевод* (даются в сокращенном виде):

1. Словарь Ушакова

Перевод. 1. Чаше ед. Действие по глаголу *перевести* — *переводить*. *П.* в старшую группу. 2. Текст (или устная речь), переведенный с к.-н. языка на другой. 3. Поручение, принимаемое банком или почтовым учреждением, об уплате денежной суммы (спец.). 1 Денежное почтовое или телеграфное отправление. 1 Бланки для <...> пересылки денег (разг.). 4. Рельсовый путь для перехода подвижного состава с одного пути на другой (ж.-д.). 5. Бесплезная, нерасчетливая, трата, расходование (разг.).

2. БАС

Перевод. 1. Действие по знач. глаг. *переводить* — *перевести* (1—9-е и 13-е). 2. *Разг.* Уничтожение, истребление, исчезновение всех или многих. 3. *Разг.* Непроизводительный, ненужный расход, трата. 4. Текст или устная речь, слово, переведенное с одного языка на другой. 5. Денежные отправления через банк, почту, телеграф; извещение о денежном отправлении. 6. *Спец.* Рельсовый путь для перехода подвижного состава... 7. *Спец.* Горизонтально положенная балка в к.-л. постройке.

3. Словарь Ожегова

Перевод¹ — 1. См. *перевести*¹. 2. Текст, переведенный с одного языка на другой. 3. Денежное отправление через банк, почту, телеграф.

Перевод² — 1. *кого-что*. Извести, истребить. 2. *что*. Израсходовать полностью.

4. Словарь Ахмановой

Перевод I (*От* *перевести I* — *переводить I*). *Англ.* transfer; postal order, *фр.* transfert, mutation, *нем.* Überführung, Versetzung; Postanweisung.

~ на другое место <...>; почтовый ~. [Здесь и в дальнейшем знак ~ заменяет объясняемое слово (или слова). — *М. Ф.*]

Перевод II (*От* *перевести II* — *переводить II*). *Англ.* waste, *фр.* gaspillage, dépense inutile, *нем.* Vergeudung, Verschwendung. ~ *денег, муки, продуктов*.

Перевод III (*От* *перевести III* — *переводить III*). *Англ.* translation, *фр.* traduction, *нем.* Übersetzung, Übertragung. *Переводчик, переводчица, переводческий.* ~ на немецкий, французский язык; <...> подстрочный ~ <...>.

Неодинаково объяснены и многие другие слова в словарях. Например, слова *базис*, *гладить* в Словаре Ушакова и Словаре Ожегова даны как многозначные (т. е. к каждому приведено по одной словарной статье), а в Словаре Ахмановой — как омонимы (к двум словам даны четыре статьи). Слово *агент* в Словаре Ушакова толкуется как одно многозначное слово, а в БАС, в словарях Ожегова (начиная с 9-го издания) и Ахмановой — как два разных слова-омонима.

Все сказанное свидетельствует прежде всего о сложности самой проблемы разграничения омонимии и полисемии, а иногда и о недостаточно строгом и последовательном подходе к этому вопросу, об излишнем увлечении омонимизацией, на что справедливо указывал В. И. Абаев: «В недавнем прошлом в нашей лексикографии наметилась тенденция превращать в массовом порядке полисемию в омонимию. Скажем, *добрый* в смысле “хороший” (“добрый день”) и *добрый* в противоположность *злому* рассматривать не как два значения одного слова, а как два разных слова» [1].

Какие же существуют способы, позволяющие отличать омонимию от полисемии?

Одним из них является подстановка синонимов к каждому омониму или ко всем значениям полисеманта, а затем сравнение подобранных синонимов между собой. Если они оказываются семантически близкими друг другу, перед нами многозначное слово, если нет — омонимы. Например, сопоставим синонимы, подобранные к словам *бой*¹ — сражение и *бой*² — мальчик-слуга (в заграничных гостиницах, учреждениях). Слова *сражение* и *слуга* между собой никакого сходства в семантике не имеют, следовательно, *бой*¹ и *бой*² — омонимы, т. е. разные лексические единицы.

Если же раскрыть синонимичными заменами значения слова *бой* (в словосочетаниях типа *морской бой* (битва), *кулачный бой* (борьба, поединок), *бой быков* (состязание, сражение) и т. д., то нетрудно заметить семантическую близость подобранных синонимов (*битва — борьба — состязание*), которая подтверждает, что в данном случае перед нами разные значения одного слова. Это отражено и в современных словарях. Рассмотрим статью к слову *бой*¹ в БАС (приводится с сокращениями):

Бой. 1. Столкновение враждебных армий, отрядов, воинских частей и т. п.; битва, сражение. 2. Борьба, состязание; единоборство, поединок. 3. Драка, побоище. 4. Хозяйственный, промысловый и т. п. убой животных. 5. Звучание, звон. 6. Разбивание, ломание, повреждение (обычно о посуде, стекле, камне и т. п.). 7. Сила, направленность огнестрельного оружия. 8. Стар. Огневой, огненный бой — огнестрельное оружие, пушки и т. п. 9. В просторечии. Бойкий, бедовый, проворный.

Отграничению многозначного слова от омонимичных помогает сопоставление словоформ каждого из них, подбор родственных (однокоренных) слов, т. е. установление их деривационных связей. Если словоформы одинаковы или сходны и есть родственные слова, которые по типу образования тождественны, а между ними существует семантическая близость, можно говорить о полисемии. Например, почти все значения рассмотренного выше слова *бой* имеют сходные словоформы (*боя, о бое, в бою*, мн. *бой* и т. д.) и родственные образования (*боевой, боец, бойцовый, боевик* и др.). Если словоформы различны или (при их совпадении) семантически четко отграничены друг от друга, а словообразовательные связи слов вычлениваются достаточно ясно и не утрачивают своей деривационной значимости в языке, следует говорить об омонимии. Например,

ни одно из производных, указанных выше, не имеет отношения к слову *бой*² со значением «мальчик-слуга», так как оно в русском языке не имеет однокоренных родственных слов.

Для различения омонимии и полисемии полезны этимологические сведения о словах, т. е. выяснение их происхождения. Так, этимология указанных выше слов различна: *бой*¹ — со всеми значениями восходит к общеславянскому глаголу *бить*, а *бой*² — пришло из английского языка (*boy* — мальчик).

Большую пользу приносит сопоставление перевода русских слов-омонимов на другие языки. Это заметно уточняет представление о действительной омонимизации.

Немаловажное значение в случае разграничения омонимии и полисемии имеет выявление тематической отнесенности слова и определение типичных моделей лексической сочетаемости (микроконтекста), а также семантики всего контекста в целом (макроконтекста). Если сравнить: *И грянул бой, Полтавский бой. В огне, под градом раскаленным, стенной живою отраженным, Над падшим строем свежий строй Штыки смыкает* (П.) И: *Мальчик был на американском бриге «Бетси» и принадлежал капитану <...>, которому чистил платье, сапоги и подавал кофе с коньяком или коньяк с кофе. Капитан звал слугу своего «боем», и мальчик был уверен, что это его имя* (Станюк.), то легко можно убедиться, что лексическая сочетаемость неодушевленного существительного *бой*¹ и одушевленного *бой*² — различна, в то время как большая часть разных значений слова *бой*¹ характеризуется сходством лексических связей, которое, естественно, обусловлено понятийно-тематической близостью значений. Следовательно, установление специфики сочетаемости сопоставляемых слов, т. е. характеристика их синтаксических возможностей, позволяет выявить и семантическое различие в формировании более крупных (чем синтагма) синтаксических конструкций с этими словами. Этот признак также может служить одним из критериев разграничения сходных языковых явлений.

Таким образом, для обоснованного отграничения омонимии от полисемии необходимо использовать как можно больше сопоставительных данных, которые позволят выявить, какие признаки преобладают: сходные над различительными или наоборот — различительные над сходными. Однако решающими признаками для этапов анализа (сопоставление синонимических замен, подбор словоформ, установление деривационных связей, перевод на другие языки, определение границ лексической сочетаемости и сравнение синтаксического построения макротекстов) являются все-таки собственно семантические. Именно они, как отмечают современные исследователи [2, с. 113—114; 111, с. 64], должны быть признаны основными при отграничении омонимии от полисемии, именно они должны присутствовать во всех остальных различительных сопоставлениях.

§ 16. Функционально-стилистическая роль омонимии и близких к ней явлений

Функционирование омонимов в речи, как правило, не вызывает особых затруднений. Их значения не сталкиваются друг с другом. И тем не менее совмещение значений омонимичных слов возможно. Однако в этом случае оно бывает обусловлено определенной стилистической целью, причем в разных стилях речи эта цель различна.

В поэзии столкновение омонимов служит средством создания образа, выразительной речевой ситуации, заостренности, публицистичности. Ср. использование у А. Суркова общеязыкового крылатого изречения-лозунга, построенного на использовании омонимов — «Мир — мир»:

Вообрази, что не шрапнель,
А ливни хлещут по долинам,
Что гимнастерка и шинель
Погребены под нафталином,
Что в мире мир и тишина...

Намеренное совмещение двух неполных лексических омонимов *приключение* — происшествие и *приключение* — действие по глаголу *приключать* использует Д. Гранин в романе «Искатели»:

«Здесь, в Управлении, находился мозг всех станций, сетей, строителей, ремонтных заводов — всего сложного гигантского хозяйства системы. Сюда приезжали директора предприятий договориться о подключении нового цеха, нового дома. Домашние хозяйки хлопотали о своих счетчиках. Управхозы приходили с жалобами на плохое напряжение.

Разговор происходил у дверей с надписью «Отдел *приключений*». Андрей понимал истинный смысл этих слов, но, посмотрев на унылого сотрудника этого отдела, улыбнулся. А жаль, что действительно не существует на свете такого отдела увлекательных, волнующих *приключений*!.. И вдруг эта смешная надпись как-то по-новому осветила и его приход в лабораторию и путешествие по зданию Управления. Начинались удивительные события в его жизни».

Нередко наблюдается столкновение или даже совмещение в одном тексте и слов-омонимов и слов, случайно совпадающих в звучании (омофонов, омоформ и т. д.). Интересно сопоставить намеренное столкновение частичных омонимов *есть* — «быть, иметься» и *есть* — «принимать пищу», в переводе С. Я. Маршака «Заздравного тоста» Роберта Бернса:

У которых *есть*, что *есть* — те подчас не могут *есть*,
А другие могут *есть*, да сидят без хлеба,
А у нас тут *есть*, что *есть*, да при этом *есть*, чем *есть*, —
Значит, нам благодарить остается небо!

Удачно использовано столкновение неполных омонимов *исходить* — «побывать во многих местах» и *исходить* — «основываться на чем-либо, отправляться от чего-либо». Так у Б. Слуцкого в стихотворении «Сегодня и вчера»:

Я *исходил* из хлеба и воды,
И неба (сверху), и суглинка (рядом),
И тех людей, чьи тяжкие труды
Суглинок полем сделали и садом.
Из них я первым делом *исходил*
И с ними пол-Европы *исходил*.

Совмещая созвучные слова, писатель, поэт, публицист как бы сближает и те предметы, понятия, которые ими обозначены. Такой прием является средством актуализации, он выполняет задачу сообщения дополнительной художественной информации. Так, К. Симонов в поэме «Победитель» использует прием сближения омоформ для создания публицистической заострённости:

Слышишь, как порохом пахнуть стали
Передовые статьи и стихи?
Перья штампуют из той же стали,
Которая завтра пойдет на штыки.

Прием совмещения разного рода созвучий особенно часто используется в стихотворных каламбурах (фр. *calembour* — игра слов). В них такое столкновение также выполняет разные функции. Например, может быть использовано с познавательно-разъяснительной целью. Подобное употребление находим во многих шуточных стихотворных каламбурах Я. Козловского, в частности в серии стихов под общим названием «О словах разнообразных — одинаковых, но разных». Например:

Хороша у Алены коса

Хороша у Алены *коса*.
И трава на лугу ей *по косу*.
Скоро лугом пройдет *коса*:
Приближается время к *покосу*.

Март

Снег сказал: — Когда я *стаю*,
Станет речка *голубей*,
Потечет, качая *стаю*,
Отраженных *голубей*.

В данном случае используется полная лексическая омонимия (*коса*¹ — сплетенные вместе волосы и *коса*² — сельскохозяйственное орудие), омофония слова и словосочетания (*по косу* — *покосу*), омоформия (*стаю* от *таять* — *стоять* и *стаю* — дат. пад. существительного *стая*; *голубей* — сравнительная степень прилагательного *голубой* и *голубей* — род. пад. мн. числа существительного *голуби*). Те же функции выполняют в шуточных стихах Я. Козловского и омографы:

Кумушки

Серая *ворона*
Черного *ворона*
Утром ругала, присев на сучок.
Новость о том разнесли во все стороны
Сорок сорок.

Подобные сопоставления иллюстрируют возможность создания так называемых омонимических ситуаций. Однако, как уже было отмечено, не каждый раз при созвучии слова оказываются собственно лексическими омонимами. Тексты, в которых используются омонимичные слова, как правило, без особого труда воспринимаются носителями одного и того же языка. Однако при переводе их на другой язык могут возникнуть затруднения. Так, в книге «Временник Пушкинской комиссии» (1939) читаем о том, как П. Мериме, переводя «Пиковую даму» А. С. Пушкина, использовал вместо слова *затянулся* — «куря, глубоко втянул в себя табач-

ный дым», словосочетание *затянул кушак*, т. е. «затянулся, стягивая на себе кушак».

У А. С. Пушкина

Томский закурил трубку, *затянулся*
и продолжал.

У П. Мериме

Томский закурил, *затянул кушак* и продолжал.

На эту неточность Просперу Мериме в 1851 г. указал Лев Пушкин. И впоследствии она была устранена.

Для более углубленного изучения семасиологической сущности слов-омонимов необходимо хорошо знать соответствующие словари.

§ 17. Словари омонимов

Омонимия достаточно полно представлена в современных толковых словарях. Однако, как уже говорилось, не все случаи омонимизации слов даются в них одинаково последовательно и четко, что объясняется неразработанностью многих теоретических вопросов омонимии и отсутствием общепризнанных критериев разграничения омонимии и полисемии.

В 1974 г. был издан первый в русской лексикографической практике «Словарь омонимов русского языка», составленный О. С. Ахмановой (в дальнейшем Словарь Ахмановой). В словарь включено свыше 2000 словарных статей, содержащих пары (или группы) омонимов. В каждой статье даны:

- 1) указание одного из трех основных типов образования и его виды: производная омонимия слов с выраженной морфологической структурой, исконно разные слова, разошедшаяся полисемия;
- 2) грамматические сведения о словах;
- 3) стилистические характеристики;
- 4) этимологические данные;
- 5) перевод каждого из омонимичных слов на три языка: английский, французский, немецкий;
- 6) примеры употребления омонимов в словосочетаниях или предложениях.

Словарь дополняют «Указатель отнесенности омонимов к различным типам омонимии» и два Приложения. В Приложении I дан словарь так называемой функциональной омонимии (типа: *Больные вошли в кабинет* и *У брата больные ноги*), т. е. таких слов, омонимизация которых возникает при их функционировании в речи. В Приложении II приведен словарь омографов. В Словаре Ахмановой собран большой интересный материал, впервые дан перевод омонимичных слов на другие языки, сделана попытка разграничить явления собственно омонимии и функциональной омонимии и т. д. Все это делает данный словарь ценным пособием, особенно для студентов переводческих факультетов.

В 1976 г. в Тбилиси издан «Словарь омонимов русского языка», составленный Н. П. Колесниковым (под ред. Н. М. Шанского), содержащий четыре тысячи слов-омонимов. Явление омонимии Н. П. Колесников понимает несколько расширенно и включает в

состав омонимичных все слова «с различным лексическим и/или грамматическим значением, но с одинаковым (тождественным) написанием и/или произношением» (с. 5), т. е. лексические омонимы, омоформы, омофоны и омографы. В словаре выделены различные группы абсолютных и относительных омонимов, в составе которых учтена омонимия знаменательных и служебных слов. Все приводимые слова снабжены толкованием значения, этимологическими пометами, ударениями. Примеров их употребления в тексте или словосочетаниях не дается. Отсутствуют и стилистические пометы.

В 1978 г. вышло 2-е издание этого словаря, которое значительно отличается от предыдущего. Из словаря исключены омоформы типа *косой* (тв. пад. суш. ж. р.) и *косой* (прил. муж. р.), но введено немало новых слов-омонимов. Уточнены толкования значений слов, проставлены ударения в омографах, даны стилистические пометы. Новое издание словаря (как, впрочем, и словарь 1976 г.) будет весьма полезно всем, кто активно осваивает и творчески использует лексические богатства русского языка.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 28. Ознакомьтесь с приводимыми ниже определениями явлений омонимии и омонимов, принадлежащих разным лингвистам, и укажите общие признаки, по которым эти определения могут быть объединены.

1. а) «**Омонимия** *исп.* homonimia. Звуковое совпадение двух или более разных языковых единиц. Омонимия звуковая. Омонимия лексическая. Омонимия окончаний. Омонимия падежных форм. Омонимия фразеологизмов. Омонимия частичная...»

б) Омонимы (равнозвучающие слова) *англ.* homonyms, *фр.* homonymes, *нем.* Нотопуте. Две (или более) разные языковые единицы, совпавшие по звучанию (т. е. в плане выражения). □ Русск. тушь — туш, ключ (в замке) — ключ (родник)» (О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов).

2. «**Омонимы** — это слова, одинаковые по звучанию, но разные по своему значению.

⟨...⟩ Омонимы могут быть разных типов ⟨...⟩ Омонимы первого типа обычно называют лексическими (*ключ* и *ключ*), омонимы второго типа — морфологические (*три* и *три*).

Особый и более сложный случай — это лексико-грамматические омонимы [типа *течь* и *течь*]» (Р. А. Будагов. Введение в науку о языке).

3. «Специальное явление, важное для природы языка, представляет омонимия. **Омонимами** называют два или несколько слов, одинаково звучащих, но имеющих совершенно различные значения. Омонимия может иметь разные степени полноты — начиная от омонимности только отдельных форм

(русс. *лечу* — 1-е л. ед. ч. от «лететь» и «лечить» (...)) и кончая совпадением во всей системе форм: (...) коса: 1) “земледельческое орудие”; 2) “убор волос” (...)» (Л. А. Булаховский. Введение в языкознание. Ч. 2).

4. «О м о н и м а м и называются слова, отличающиеся по значению, но одинаковые по звучанию и написанию.

Омонимы подразделяются на лексические и лексико-грамматические.

Лексическими омонимами называются различные по значению слова, имеющие одинаковое звучание и написание во всех грамматических формах. Например, у слов *наряд* (одежда) и *наряд* (распоряжение)...

К лексико-грамматическим омонимам относятся слова, которые совпадают по звучанию и написанию не во всех грамматических формах. Среди лексико-грамматических омонимов различаются такие, у которых наблюдается совпадение одних и тех же грамматических форм. Например, у существительных *полка* (действие по глаголу полоть) и *полка* (горизонтальная доска) совпадают по своему звучанию и написанию все падежные формы единственного числа. Во множественном числе такого совпадения быть не может, так как отвлеченное существительное *полка* форм множественного числа не имеет» (Л. А. Введенская, Т. В. Дыбина, И. И. Щеболева. Современный русский литературный язык).

5. «Термин “омонимия” следует применять к разным словам, к разным лексическим единицам, совпадающим по звуковой структуре во всех своих формах.

(...) Если омонимы — это разные по своей семантической структуре, а иногда и по морфологическому составу, но тождественные по звуковому строю во всех своих формах слова, то омонимы следует отличать не только от созвучных омофонных или совпадающих по звукам речевых цепей либо синтаксических отрезков иного качества, но и от омофонных морфем.

...Впрочем, само собой разумеется, что здесь возможны переходные и смешанные типы. По отношению к ним можно применить термин “частичная омонимия”» (В. В. Виноградов. Об омонимии и смежных явлениях).

6. «Слова, одинаково звучащие, но никак не связанные между собой по смыслу, называются **омóнимами**, а само явление совпадения в одном звучании совершенно разных по значению слов носит название **омонимíи**.

Итак, *клуб* (организация, помещение) и *клуб* (дыма) — омонимы, как и слова *простой* (несложный, обычный, нетрудный) и *простой* (бездействие, остановка в работе)» (А. В. Калинин. Лексика русского языка).

7. «Если определить **о м о н и м ы** (греч. *гомонүта* из *homos* — одинаковый и *опүта* — имя) как слова с разным лексическим и/или грамматическим значением, но с одинаковым (тождественным) написанием и/или произношением, то объективно можно выделить следующие их виды.

1) Омонимы, имеющие разное лексическое и грамматическое значение, но тождественное написание: *отлично* (1. Наречие. 2. Краткое прилагательное среднего рода) <...>

2) Омонимы, имеющие разное лексическое (но одинаковое грамматическое) значение и тождественное написание и произношение: *лук* (1. Растение. 2. Оружие) <...>

3) Омонимы, имеющие разное грамматическое (но одинаковое лексическое) значение и тождественное написание и произношение: *грузин* (1. Существительное в форме именительного падежа единственного числа. 2. То же существительное в форме родительного падежа множественного числа) <...>

4) Омонимы, имеющие разное лексическое и грамматическое значение и одинаковое написание (при нетождественном произношении): *белка* (1. Существительное женского рода в форме именительного падежа единственного числа. 2. Существительное мужского рода в форме родительного падежа единственного числа) <...>

5) Омонимы, имеющие разное лексическое, но одинаковое грамматическое значение и одинаковое написание (при нетождественном произношении): *орган* и *орган* <...>

6) Омонимы, имеющие разное грамматическое, но одинаковое лексическое значение, и одинаковое написание (при нетождественном произношении): *волны* и *волны* <...>

7) Омонимы, имеющие разное лексическое и грамматическое значение при тождественном произношении (но разном написании): *лесá* и *лисá* <...>

8) Омонимы, имеющие разное лексическое, но одинаковое грамматическое значение при тождественном произношении (но разном написании): *осветить* и *освятить* <...>

9) Омонимы, имеющие разное лексическое, но одинаковое грамматическое значение при тождественном произношении (но разном написании): *девятью* и *девятью* <...>

Названные виды омонимов образуют две основные группы: 1. Омонимы абсолютные (1—3) и 2. Омонимы относительные, состоящие из омографов (4—6) и омофонов (7—9) <...> (Н. П. Колесников. Словарь омонимов русского языка).

8. «<...> Омонимы — это разные слова, имеющие одинаковый звуковой состав. В пределах омонимии в широком смысле следует различать:

1) Омофоны, т. е. такие случаи, как *пруд* и *прут*, слова, звучащие в именительном и винительном падежах одинаково, но имеющие разный состав фонем, что обнаруживается в других формах этих слов и в производных: *прута* — *пруда* <...>.

2) Омормы, т. е. случаи, когда у двух слов совпадает и произношение и состав фонем, но лишь в одной форме или в отдельных формах; например, *три* — “3” и *три!* — повелительное наклонение от глагола *тереть*...

3) Собственно омонимы, которые, в свою очередь, могут распадаться на существенно различные группы:

а) Подлинные омонимы, т. е. слова, звучащие одинаково, имеющие одинаковый состав фонем и морфологический состав (те же морфемы аффиксальные, но разные корни) и при этом и в словоизменительных формах слова, но разное происхождение из двух ранее не совпадавших по звучанию слов, например: ...*лама* — “копытное животное” и *лама* — “тибетский священник”...

б) Те случаи, когда от тех же корней или основ, независимо друг от друга, образованы “такие же слова”, т. е. в той же части речи и тех же совпадениях по словоизменению, например: *голубец* — “голубая краска” и *голубец* — “кушанье из фаршированной мясом капусты”...

в) Наконец, могут быть и такие случаи, когда одно и то же слово заимствуется в разное время, с разными значениями и, очевидно, из не вполне тождественного источника, например: из итальянского *banda* — банда — “сборище бандитов” и более позднее, из жаргона итальянских музыкантов, *banda* — “духовой оркестр, играющий в опере на сцене” (участники которого... *не бандиты, а бандисты*).

г) Особый вид омонимии представляют собой случаи так называемой *конверсии* [дано в сноске: *конверсия* — от латинского *conversio* — “обращение”. — М. Ф.], когда данное слово переходит в другую часть речи без изменения своего морфологического и фонетического состава, например, *зло* — краткое прилагательное среднего рода и *зло* — наречие...» (А. А. *Реформатский*. Введение в языковедение).

9. «Омонимы (от греч. *homos* — одинаковый + *опута*, *опота* — имя). Слова, принадлежащие к одной и той же части речи и одинаково звучащие, но различные по значению. *Брак* (супружество) и *брак* (испорченная продукция)...

Омонимы полные (абсолютные). Омонимы, у которых совпадает вся система форм. *Ключ* (для замка) — *ключ* (родник)...

Омонимы частичные. Омонимы, у которых совпадают по звучанию не все формы. *Ласка* (животное) — *ласка* (проявление нежности) (расходятся в форме родительного падежа множественного числа: *ласок* — *ласк*)...

Омонимы простые. Непроизводные слова, совпадающие по звучанию. *Клуб* (дыма) — *клуб* (завода)...

Омонимы производные. Омонимы, возникающие в процессе словообразования. *Заставить* (мебелью, обставить) — *заставить* (принудить) (<...>» (Д. Э. *Розенталь* и М. А. *Теленкова*. Словарь-справочник лингвистических терминов).

10. «От различных лексических значений многозначного слова следует четко отграничивать слова, находящиеся между собой в омонимических отношениях...

<...> Омонимами являются... слова, одинаково звучащие, но имеющие совершенно различные, не выводимые сейчас одно из

другого значения, которые совпадают между собой как в звучании, так и на письме во всех (или в ряде) им присущих грамматических формах. Омонимы, следовательно, представляют собой слова одного грамматического класса» (Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка).

11. От многозначных слов, т. е. слов, которые в различных контекстах (иначе говоря, в зависимости от тех лексико-семантических позиций, в которых они выступают) имеют различные значения, принято ограничивать слова-омонимы. <...>

<...> Омонимы — это слова, совпадающие по звучанию, одинаковые по своей форме, но значения которых никак не связаны друг с другом, т. е. не содержат никаких общих элементов смысла, никаких общих семантических признаков. Омонимы — это отдельные, самостоятельные слова, слова-двойники. <...> (Д. Н. Шмелев. Современный русский язык. Лексика).

Упражнение 29. Прочитайте статью В. В. Виноградова «Об омонимии и смежных явлениях» (Вопросы языкознания, 1960, № 5) и подготовьте ее реферат.

Упражнение 30. Ознакомьтесь с «Предисловием» к «Словарю омонимов русского языка» О. С. Ахмановой (М., 1974) и подготовьте тезисы для устного сообщения о теоретических установках автора словаря.

Упражнение 31. Сопоставьте приводимые ниже словарные статьи. Выявите и объясните сходство и различие в их построении, а также в толковании значения слов.

1. С л о в а р ь У ш а к о в а

Титán, а, м. [греч. titanos] 1. В греч. мифологии — божество из числа возглавлявшихся Кроносом гигантов, к-рые были побеждены и низвергнуты в тартар (преисподнюю) богами-олимпийцами, возглавлявшимися Зевсом <...> || Потомок кого-н. из этих гигантских божеств. <...> 2. Человек, отличающийся выдающейся, исполинской мощью ума, гения, деятельности (книжн. ритор.) <...> 3. **Только ед.** Химический элемент — серебристо-белый твердый металл (хим.) 4. Громадный кипяtilьник особого устройства (назван так по фабричной марке; нов.).

2. Б А С

1. Титán, а, м. 1. В греческой мифологии — одно из божеств старшего поколения, детей Урана и Геи, восставших против олимпийцев <...> 2. **Перен.** Человек, отличающийся исключительной силой ума, таланта; выдающаяся героическая личность <...> ◇ **Т и т а н** мысли, поэзии и т. п.

— Алексеев, Церк. слов. 1773; **Т и т а н** — Греч. Titán.

2. Титán, а, м. Химический элемент, имеющий вид темно-серого порошка или кристаллов, используемый в самолетостроении и т. п.

в связи с его высокими механическими и антикоррозийными свойствами <...>

— Слов. Акад. 1847: титан — Новолат. *titanium* от греч. *Titán*.

3. **Титán**, а, м. Большой кипяtilьник особого устройства (назван так по фабричной марке) <...>

— Ушак. Толк. слов. 1940: титан.

3. Словарь Ахмановой

Титан I *одуш.* [От греч. *Titán*] Англ. *Titan*; *titan*, фр. *Titan*, нем. *Titan*, *Riese*. Титанический, титановский, титанский.

Борьба богов и ~ов, ~мысли, поэзии.

Титан II *неодуш.* Англ. *titanium*, фр. *titane*, нем. *Titan*. Титановый.

Ковкий~, примесь~а в стали, использование ~а.

Титан III *неодуш.* [От новолат. *titanium* из греч. *Titán*]. Англ. *electric(tea-)boiler*, фр. *bouilleur électrique*, нем. *elektrischer Siedekessel*.

~Закипел, кипятить воду в ~е, налить кипятку из ~а.

4. Словарь Колесникова

1. **Титán** — божество из числа гигантов, вступивших в бой с богами Олимпа; потомок гигантов (в древнегреческой мифологии).

2. **Титán** (греч. *Titan*) — человек, отличающийся исключительной силой ума, таланта; выдающаяся героическая личность (книжн.).

3. **Титán** (греч. *Titan*) — химический элемент, имеющий вид темно-серого порошка или кристаллов, используемый в самолетостроении, судостроении и т. д.

4. **Титán** (греч. *Titan*) — большой кипяtilьник особого устройства.

Упражнение 32. Определите лексическое значение приводимых ниже слов, отграничивая слова-омонимы от многозначного слова. Составьте предложения с каждым словом, учитывая его различные значения.

Бригадир, гвардия, гласный, жать, мех, косяк, круг, спор, след, увязать, утка, ханжа, цвет, чело.

Упражнение 33. Используя сведения о типах слов-омонимов (полные лексические омонимы — неполные лексические омонимы; простые омонимы — произвольные омонимы), распределите приводимые омонимичные пары слов по соответствующим группам.

Болтун (разг., болтливый человек) — болтун (разг., насиженное яйцо без зародыша); бор (хвойный лес) — бор (спец., стальное сверло); вид (внешность) — вид (тип, разновидность); выкрашивать (от глагола *выкрасить*) — выкрашивать (от глагола *выкрошить*); горн (печь для переплавки металлов) — горн (духо-

вой инструмент); гладь (гладкая поверхность) — гладь (род вышивания); кулак (кость руки со сжатыми пальцами) — кулак (богатый крестьянин — собственник, эксплуататор); повод (обстоятельство, способное быть основанием для чего-нибудь) — повод (ремень узды, которым правят лошадей); простой (несложный, нетрудный) — простой (вынужденное бездействие); стан (*устар.*, туловище человека) — стан (лагерь, место расположения кого-либо) — стан (большая машина или система машин для изготовления крупных металлических изделий); строчка (от глагола *строчить*) — строчка (от *строка*); тушить (прекращать горение) — тушить (варить на медленном огне); фон (основной цвет, тон, на котором пишется картина) — фон (*слеч.*, единица степени громкости); хмель (растение) — хмель (состояние опьянения); цокать (издавать, производить звуки ударом о камень) — цокать (при произнесении смешивать *ц* и *ч*).

Упражнение 34. Пользуясь МАС, укажите, какие имеются в современном языке слова, омонимичные приводимым ниже; определите их значение, составляя словосочетание, затем подберите к ним однокоренные слова. (Значение каждого из двух или более слов-омонимов и словообразовательные ряды к ним рекомендуется записывать на отдельные листы или карточки.)

Ажур, балка, брак, долг, колода, ласка, норка, рысь, точка; видовой, взрывной, прокатный, сплавленный, тонический.

Упражнение 35. Дополните карточки, подготовленные при выполнении предыдущего упражнения, краткими сведениями о происхождении и первой лексикографической фиксации омонимов, используя для этой цели справки, помещаемые в конце словарных статей в БАС. После этого дайте возможно более точный перевод на изучаемые иностранные языки.

Упражнение 36. Проанализируйте полученные на карточках сведения об омонимах (см. упражнения 34 и 35) и укажите возможный путь их возникновения в русском языке (распад полисеманта; совпадение звучаний русского слова и заимствованного; заимствование из одного языка сходных по звучанию, но разных по значению слов и т. д.).

Упражнение 37. Из Словаря Ожегова и Словаря Ахмановой выпишите словарные статьи к словам *бухта*, *вышка*, *выдаваться*, *занос*, *плита*. Сопоставьте эти статьи и объясните, что положено в основу толкования значения слов.

Упражнение 38. Сопоставьте статьи к словам *знать*, *положить*, *ударник*, *язык* в Словаре Ожегова и Словаре Ушакова. Затем, используя теоретические сведения, мотивируйте возможность подобных толкований каждым из составителей словаря.

Упражнение 39. Используя указанные в § 15 способы, позволяющие отличать многозначное слово от омонимичных, постройте логически обоснованное доказательство омонимии (или многозначности) слов *банка*, *глава*, *свод*, *реакция*, *шашка*.

Упражнение 40. В приводимых ниже текстах найдите слова, совпадающие фонетически и орфографически или только фонетически. Укажите, какое из языковых явлений (полисемия, омонимия, омофония или омоморфия) использовано и какова стилистическая роль каждого из них (см. § 16).

1.
Журавлиные станицы
Гонит времени опала.

Осень

Речка в облачной опушке,
И черты её не чётки.

С тополей вблизи станицы
Желтая листва опала.

Сосны на лесной опушке
Дождика перебирают четки.
(Я.К.)

2. — Откуда идешь так поздно? — спросил его царь.

— Из депа, Ваше императорское величество! — громогласно ответил юнкер.

— Дурак! ...Разве «депо» склоняется! — крикнул царь.

— Все склоняется перед вашим императорским величеством! — еще громче гаркнул юнкер.

Этот ответ понравился царю... Он вообще любил, когда перед ним склонялись (С.-Ценск.).

3. Война в меня металл метала,
Я сделался прочней металла (С. Остр.).

4. Маленькие твари
С размаху шлепались ему на грудь
И, бешено подпрыгивая, падали,
Но Соколов ступал по падали
И равномерно продолжал свой путь (Н. Заболоцкий).

5. Чему ты, маска, рада,
Чем объяснить твой лик?
Во время маскарада
Я — маска, а не лик! (Я. К.)

6. Здравствуй, ясность вечерних рос!
Здесь холм, как луна, покат.
Этим краем, в котором рос,
Я на целую жизнь богат (С. Марков).

7. Мир, нам нужен мир!
Мир, чтоб смеяться,
Мир, чтоб трудиться,
Мир, чтоб дружить и любить!
Мир, чтоб любовью своею гордиться
И песни о ней сложить (Л. Ош.).

8. И этих строчек
вывод простой:

Рабочий,
уничтожь
и гульбу и
простой! (В. М.).

9. ...Вдруг лебедей метнулась пара...
Не знаю, чья была вина...
Закат замлел за дымкой пара,
Алея, как поток вина (Бл.).

10. От беседы, от жидкого чая ли
Растопилась ночная тоска.
Мы их видеть уже не чаяли,
А они привели «языка» (Сурк.).

11. Шторм
Мне виделся моря вечерний овал
В седом облаченье и в алом,

Рокочущий вал разбивался о вал,
Сменялся рокочущим валом.
Над гребнями моря, и сосен, и скал,
По тучам высоким, как хоры,
Не демон, летая, утех и искал,
А ласточек резвые хоры (Я. К.).

Упражнение 41. Укажите в приводимых ниже отрывках из стихотворных произведений А. С. Пушкина, где использована многозначность, а где омонимия слова *свет*. Выделите особо случаи совмещения полисемии и омонимии. Раскройте стилистическую роль слова *свет* в тексте.

1. Прости, веселая природа,
Меняю милый, тихий свет
На шум блистательных сует...
2. А сам отправился, дабы вельможу злого,
Столь гнусные дела творящего во тьме,
Пред светом обличить.
3. Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?
4. Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.
5. Всю ночь в темнице
Дук последствий ожидал
И, сидя с Клавдио, страдальца утешал.
Пред светом снова к ним явилась Изабела.
6. Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал,
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.
7. И в молчаливом кабинете,
Забыв на время все на свете,
Осталась наконец одна.
8. — Ах ты, свет моя медведиха,
На кого меня покинула,
Вдовца печального,
Вдовца горемычного?

Упражнение 42. Ознакомьтесь с приводимыми ниже текстами. Найдите в них слова, которые имеют омонимы в современном русском языке, раскройте их лексическое значение. Объясните, какие стилистические функции выполняют эти слова в тексте.

1. Шутки в сторону, приезжай. Что тебе стоит прокатиться?
А лучше всего приезжай в конце августа в Нижний на ярмарку
и[ли] ярмонку (как лучше?), и возвратимся вместе в Пензу. Что
тебе сиднем прирасти к гранитам Петербургским?.. Я всю зиму

проведу в здешнем краю. Я говорю, что я остепенился, потому что зарылся в степь (*Из письма П. А. Вяземского к А. С. Пушкину от 26 июня 1828 г.*). 2. Здание было в два этажа, и над ним вверху надстроен был в две арки бельведер, где стоял часовой; большой часовой циферблат вделан был в крышу (*Г.*). 3. Взять жену без состояния я в состоянии, но входить в долги из-за ее тряпок я не в состоянии (*П.*). 4. [*Турусина:*] Пусть я ошибаюсь в людях. Пусть меня обманывают. Но помогать людям, хлопотать о несчастных — для меня единственное блаженство. [*Городулин:*] Блаженство — дело не шуточное. Нынче так редко можно встретить блаженного человека. (*Григорий входит*). [*Григорий:*] Блаженный человек пришел (*А. Остр.*). 5. [*Исправник:*] Значит — все мы умрем... ты понимаешь? [*Иритыкин:*] Уж такое положение. [*Исправник:*] Верно — положение. Это ты хорошо сказал, каналья! Положат тебя, и — лежи... (*М. Г.*).

Упражнение 43. Прочитайте вслух приводимые ниже отрывки из поэтических и прозаических текстов. Укажите в них слова и словосочетания, которые могут быть неверно поняты слушателями. Дайте обоснованное теоретическое объяснение подобному явлению.

1. Шуми, шуми волнами, Рона! (*К. Батюшков*).
2. Как могу бороться с роком... (*П.*).
3. Слыхали ль вы за рошей глас ночной
Певца любви, певца своей печали? (*П.*).
4. Вдался в задумчивую лень:
Со сна садится в ванну со льдом (*П.*).
5. И шаг твой землю тяготил (*Брюс.*).
6. Он писал стихи, хитроумно подбирая рифмы, ловко жонглируя пустыми словами. 7. Сквозь чашу кустарника продирался мокрый Василий и истошно кричал: «Братцы, шуку пымал, ей-богу!» (Примеры 6 и 7 взяты из ст. М. Горького «О начинающих писателях». — Собр. соч. в 30-ти т., т. 24. М., 1953, с. 413, 414).

Упражнение 44. Найдите в приводимых предложениях слова, имеющие в современном русском языке омонимы. Объясните, верно (или ошибочно) использованы эти слова. При необходимости внесите нужные исправления.

1. Студентов-первокурсников заинтересовала мысль, брошенная их старшим товарищем. 2. Переводчик, окончательно редактируя рукопись перевода, просмотрел ряд ошибок. 3. «И снова простой!» [*Заголовок газетной заметки*]. 4. На исторический конкурс было подано 20 курсовых работ студентов. 5. Когда в нашей стране поднимали целину, туда приехали пионеры из разных уголков республики. 6. [*На заседании завкома:*] Работница ОТК товарищ Захарова в связи с прекращением брака просит дать ей за свой счет отпуск на три дня. 7. Один из выступавших на семинаре предложил оставить термин «фоностилистика». 8. На вопрос преподавателя, знакомы ли студенту произведения Чингиза Айтматова, студент ответил, что он почитает киргизского писателя. 9. «Полный джентльмен» [*вариант перевода заглавия рассказа*]

В. Ирвинга, в котором идет речь о «толстом джентльмене»]. 10. [Из объявления] Прием торгового инвентаря и весовых изделий прекращается за час до закрытия колхозного рынка. 11. [В речи лектора] Рассмотрим вопрос о русских наречиях. 12. Все эти материалы — только для передовой.

СИНОНИМЫ, ИХ МЕСТО И РОЛЬ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 18. Понятие о лексических синонимах

Если анализ семантической структуры слова наглядно показывает степень самостоятельности его значения и ее пределы, т. е. характеризует системные отношения на уровне одного слова, то синонимия (греч. *synonymia* — одноименность) является ярким и убедительным доказательством системных отношений в лексике в сфере групп близких по значению слов. Именно возможность синонимизации двух и более лексических единиц позволяет говорить о силе их семантической связи между собой.

К лексическим синонимам относятся близкие или тождественные по значению слова, по-разному называющие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга либо оттенками значения, либо стилистической окраской, либо одновременно обоими признаками [37, с. 10—11]. Например, *быстрота* — *стремительность*; *верный* — *неизменный*, *преданный*; *иссякнуть* — *истощиться*, *исчерпаться*; *легко* — *несложно*, *просто*, *элементарно*; *конечно* — *разумеется*, *безусловно*, *бесспорно*, *несомненно* и т. д.

Поскольку лексическая синонимия — явление семантическое, постольку наиболее существенным ее признаком будет близость или тождество значения. Именно этот признак позволяет современным исследователям [например, см. 111, с. 12—13; 112] говорить о так называемой нейтрализации значений слов-синонимов, т. е. о стирании семантических различий между ними в определенной контекстуальной позиции и, следовательно, о возможности почти полной их взаимозаменяемости. Ср. фразы: *Кругом царило молчание* и *Кругом царила тишина*, в которых различие в значении слов *тишина* (отсутствие звуков) и *молчание* (отсутствие произносимых звуков) стираются, т. е. происходит семантическая нейтрализация, и синонимы оказываются позиционно взаимозаменяемыми [111, с. 128].

Однако и понятийная соотнесенность, т. е. сходство или близость ассоциативных связей, обозначаемых словами явлений, предметов, качеств, признаков, действий, также является основанием для сближения смыслов.

Если такая соотнесенность нарушается, нельзя говорить о лексической синонимии. Например, для называния того, что *разграничивает* различные области деятельности человеческих отношений, представлений, эмоций и т. д. в современном языке используют синонимы *граница*, *грань*, *предел*, *рубеж*, *черта*, *линия*, *межа*. Например: *Октябрьская революция прочертила границу двух разноименных*

миров, и на этой *меже* уже не поставишь жандарма с семизарядным пистолетом (Леон.). Или: *Говоря все это, он старался найти ту едва ощутимую грань, черту, которая отделяет вежливость от тонкой насмешки* (Чак.). В обоих примерах использовано четыре кажущихся близкими по значению слова, которые отнесены к одному и тому же понятию. Но даже при сравнительно незначительном изменении смысловых ассоциаций не все указанные выше слова будут одинаково синонимичны.

Так, если словом *граница* обозначить «последнюю, крайнюю степень чего-либо допустимого», то синонимом к нему будет, наряду со словами *предел, грань*, еще и новое слово — *мера* (т. е. имеем парадигму: *граница, предел, грань, мера*). Например: *Хочу всего без грани и без меры, Опасных битв и роковой любви* (Брюс.). Или: *Видел совет рабочих депутатов, что стачку надо вести к концу: безысходный голод может толкнуть не только на погромы, — всему своя мера, свой предел* (Фурм.). Для обозначения данного понятия синонимичные слову *граница* слова *рубеж, черта, линия, межа* оказываются уже непригодными, так как их смысловое содержание соотносено с другим понятием, т. е. они входят в разные лексико-семантические парадигмы. Именно в этом прежде всего и проявляются сила связи слов, системность их отношений.

В синонимические отношения вступают далеко не все слова. Не синонимизируются в литературном языке имена собственные, названия жителей, многие конкретные наименования предметов быта. Не должны иметь синонимов термины, хотя практика создания и функционирования современных терминов дает примеры синонимии в этой области. Более того, так называемая абсолютная синонимия (полное совпадение значений) наблюдается преимущественно именно в современных терминологиях (ср. *лингвист* — *языковед*).

§ 19. Синонимия и полисемия

Лексическая синонимия тесно связана с явлением многозначности, так как семантическое отождествление или сближение не всегда идет соответственно по всему смысловому объему слова. Например, слово *недостаток* имеет несколько значений, связанных единой смысловой основой — «отсутствие чего-либо, кого-либо», однако каждое из значений имеет свои синонимы. Так, к значению «нехватка кого-либо или чего-либо в нужном количестве» (*недостаток людей, недостаток деталей*) синонимами будут *отсутствие, нехватка, дефицит*. Например: *Недостаток в огневом снаряжении был пополнен при занятии железнодорожной станции* (А. Н. Т.); *Часто портились винтовки из-за нехватки ружейного масла и шомпольных накладок* (Славин); *Уже сейчас есть дефицит в воде для стада...* (Рябов). В значении «отсутствие достаточных средств существования» слову *недостаток* синонимичны — *бедность, нужда*. Например: *Воспоминания о пережитой бедности, о недостатках, о заржавленной крыше на доме брата вызвали в ней отвращение* (Ч.). Наконец, в значении «видимое, заметное, отрицательное качество кого-, чего-либо из-за отсутствия чего-либо» ему синонимичны *недочет, пробел, изъян, по-*

рок, несовершенство, дефект и др. Ср.: *Я молча предполагал исправить в новом издании недостатки, указанные мне каким бы то ни было образом* (П.); *Конечно, были в издании всякого рода промахи и недочеты* (Брюс.).

Возьмем другой пример: слово **круглый**. Оно имеет три основных значения и оттенки значений, и каждому из них синонимичны разные слова (через две вертикальные линии в данном случае приведен оттенок значения слова **круглый**):

1. Имеющий форму круга, шара, т. е. **шарообразный, шаровидный, сферический**. Ср.: **Кругла, красна лицом она. Как эта глупая луна На этом глупом небосклоне** (П.). **Взглянул — серые знакомые глаза. А еще знакомее показалось мне шаровидное лицо** (Гиляр.) || **Полный, толстый, тучный**. Ср. **Споткнувшись о медь порога, выпрыгнул рыжий круглый мужчина с брюшком** (М. Г.). — **На крыльцо выступила девочка лет семи, державшая на руках толстого, как пузырь, ребенка** (Григор.).

2. Разг. **Совершенный, полный, окончательный, абсолютный**. Ср.: **Гаврик был круглый сирота** (Кат.). — **Значит, ты утверждаешь решительно, что у тебя с матерью никаких связей нет?.. Значит полный сирота** (В. Бел.). || **Целый, полный, весь** (о времени). Ср.: **Двоюродные братья носились по улицам круглый день** (Горб.). — **Только коня уберу, придем с Назаркой, целую ночь гулять будем,** — сказал Лукашка (Л. Т.).

3. **Плавно льющийся, ровный** (о голосе, звуках). Ср.: **Знакомый голос оторвал меня от этого занятия — такой знакомый, круглый, солидный голос** (Кавер.). — **По всему лесу равномерно распространился широкий плавный гул...** (Н. Усп.). **Плавный, гладкий, неторопливый, ровный** (о речи, словах). Ср.: **...У нас на Волге слова круглые, разговор ведем не торопясь...** (Саянов), — **У Бережкова-рассказчика была характерная особенность: он не любил плавного, ровного повествования и, случалось, моментально перескакивал с одной темы на другую** (А. Бек).

Следовательно, синонимичные слова, взаимозаменяемые в одном из значений, утрачивают это свойство при их соотнесении с другим значением. С этим тесно связана проблема сочетаемости слов-синонимов с другими лексическими единицами, т. е. установление так называемых постоянно употребляемых контекстов.

Например, синонимы **выразить, сформулировать** (формулировать) по своей сочетаемости неодинаковы. С одним кругом слов (**мысль, мнение, суждение, положение; вывод, задача** и под.) они сочетаются оба и являются взаимозаменяемыми, что позволяет говорить о близости их значения в данных типизированных сочетаниях. В другом случае характер связи изменяется, появляются новые контексты. Например, слово **выразить** может сочетаться со словами **чувство, отношение, симпатия, любовь** и под., с которыми слово **сформулировать** не сочетается. В этом проявляется существующая закономерность системности лексических связей различных слов (и групп слов) между собой, сложные и разнообразные преобразования в их отношениях.

Два и более лексических синонима, соотносимых между собой при обозначении одних и тех же явлений, предметов, признаков, действий и т. д., образуют в языке определенную группу, парадигму, иначе называемую синонимическим рядом. Например: для обозначения действия, приводящего в состояние нервного напряжения, подъема, в русском языке используют синонимический ряд *возбуждать, волновать, будоражить, взбудораживать, взвинчивать, электризовать, наэлектризовывать*.

В составе синонимического ряда выделяется какое-то одно слово, семантически максимально емкое и стилистически нейтральное (т. е. не имеющее дополнительных стилистических характеристик). Оно становится основным, стержневым, опорным, его называют доминантой (лат. *dominans* — господствующий). В приводимом выше ряду таким будет слово *возбуждать*. Остальные слова, кроме основного значения «приводить в состояние нервного напряжения, подъема», выражают дополнительные семантико-стилистические оттенки: *волновать, будоражить* — разг. «вызывать тревогу, возбуждение», *взбудораживать* — разг., усилит.; *взвинчивать* — разг., усилит., «доводить чем-либо до высокой степени нервного напряжения», *электризовать* и *наэлектризовывать* — усилит. оттенок основного значения, выражаемого доминантой.

Синонимические ресурсы русского языка могут быть рассмотрены с разных точек зрения. Так, по своей лексико-грамматической соотнесенности в синонимические ряды могут быть объединены только слова одной части речи. Например, имена существительные: *аплодисменты* — *рукоплескания, хлопки*; *бой* — *битва, сражение, схватка, стычка, баталия* (устар.), *сеча* (устар.); прилагательные: *взаимный* — *двусторонний, обоюдный*; *грустный* — *печальный, унылый, невеселый, скучный* (разг.); местоимения: *некоторый* — *некий, какой-то*; *некто* — *кто-то*; глаголы: *найти* — *отыскать, разыскать, откопать* (разг.); *мелькнуть* — *промелькнуть, пронестись, пролететь, блеснуть, сверкнуть*; наречия: *наизнанку* — *навыворот*; *наизусть* — *назубок*.

В синонимическом ряду вместе с отдельными словами иногда объединяются словосочетания разных типов: знаменательные слова и сочетания служебных слов с знаменательными (*назло* — *в пику*; *много* — *по горло, через край, без счета* и др.); слово и фразеологическое сочетание (*здоровый* — *кровь с молоком*; *исчез* — *и был таков*; *мало* — *кот наплакал* и т. д.). Но и в этом случае каждый из членов синонимического ряда выполняет сходные грамматические функции.

Нередко синонимические отношения, наблюдающиеся у слов одной части речи, сохраняются и в том случае, когда от них образуются производные слова другой части речи. Например, синонимический ряд образуют: глаголы *думать* — *размышлять, раздумывать, помышлять, мыслить* и существительные *думы* — *размышления, раздумья, помыслы, мысли*; прилагательные *добрый* — *сердечный, душевный, добросердечный* и производные существительные *добро-*

та — *сердечность, душевность, добросердечность* и т. д. Подобная устойчивость синонимических отношений характерна как для разнокорневых, так и для однокорневых синонимов. Однако особенно последовательно сохраняется синонимия между производными словами. Ср.: *гармония — благозвучие, гармоничный (и гармонический) — благозвучный; гармоничность — благозвучность; гармонично — благозвучно* и т. д.

С точки зрения структуры, как можно было заметить, синонимичные слова неоднородны: одни из них непроеизводны (*добрый*), другие — производны (*доброта*). Причем нередко те и другие объединяются в одном синонимическом ряду: *большой — крупный, большущий* (обих.-разг., усилит.), *большенный* (обих.-разг., усилит.), *немалый, немаленький, знатный* (обих.-разг., усилит.), *здоровый* (обих.-разг., усилит.); *кривой — искривленный; просто — попросту* (разг.), *просто-напросто* (разг., усилит.) и т. д.

По количеству слов синонимические ряды неодинаковы: в одних два-три слова: *закат — заход; направление — курс; брак — супружество, союз* и т. д., в другие включается большее количество слов и оборотов: *бояться — страшиться, ужасаться, пугаться, трусить, робеть, трепетать, дрожать, трястись* (разг.); *мировоззрение — миропонимание, миросозерцание, идеология, убеждения, взгляды, принципы, образ мысли* и др.

С точки зрения постоянства состава слов синонимические ряды характеризуются относительной незамкнутостью (см. об этом статью А. А. Брагиной «О незамкнутости синонимических рядов». — Филологические науки, 1974, № 1). В них возможны изменения и дополнения, обусловленные процессом развития всей лексической системы. (Напомним, что объединение слов в синонимические ряды — одно из ярких проявлений системных отношений в лексике. См. § 5). Например, немало синонимических рядов пополнилось словами из области космических исследований: *соединение — сближение, стыковка; облет — оборот, виток; путь — дорога, маршрут, трасса, орбита* и др. [12, с. 61]. Нередко возникают совсем новые синонимические ряды: *космонавт — астронавт, космолетчик, космопроходец, космоплаватель, звездоплаватель, звездолетчик; высотник — верхолаз* (проф.), *верховик* (проф.) и т. д.

Различаются синонимы и по своей стиливой принадлежности и стилистической сущности (см. § 21). В одном ряду могут быть объединены слова, используемые в разных стилях речи, т. е. книжные (официально-деловые, научные, публицистические) и разговорно-просторечные, например: *казаться (межстилевое) — мерещиться* (разг.), *чудиться* (разг.) и др. В один и тот же ряд нередко входят слова, имеющие неодинаковую стилистическую характеристику (или коннотацию), т. е. выполняющие разные эмоционально-экспрессивные функции, например: стилистически нейтральному *казаться* синонимичны (кроме вышеуказанных разговорных слов) слова с несколько устаревшей стилистически приподнятой семантикой: *грезиться, мниться*. Нейтральное слово *окончание* вступает в синонимические отношения со словом *конец*, тоже нейтральным по сти-

листической сущности, а также с несколько торжественными, приподнятыми словами — *завершение* и *финал*. Последнее слово нередко может привносить шутливый оттенок. Ср.: *Финал имени у Ивана Леонтьевича вышел блестящий* (Ч.). — *Кавалерийские части должны были проскакать через площадь галопом с обнаженными клинками. Это было финалом парада* (Никитин). В первом предложении оно выполняет функцию юмористическую, имеет оттенок тонкой иронии.

§ 21. Возникновение синонимов в русском языке. Синонимы общеязыковые и контекстуально-речевые

Синонимы возникают в языке постоянно. Это обусловлено рядом причин. Одной из основных является стремление человека найти в уже известных предметах, явлениях окружающего мира какие-то новые черты и оттенки, т.е. углубить и расширить существующие понятия окружающей действительности. Новый дополнительный признак понятия называется новым словом, сходным или тождественным по значению с уже имеющимися наименованиями. Например, с давних пор в языке существуют синонимы *мир*, *вселенная* с общим значением «совокупность всего, что существует, всех форм материи». Затем вошло в литературный язык слово *мироздание*, семантика которого отражает «системность, стройность всего существующего». (Слово это впервые было включено в «Словарь церковнославянского русского языка» 1847 г.) В XIX в. появляется еще один синоним — *космос*, семантически сходный с уже существовавшими в языке словами. В Словаре Даля, который первым отметил его употребление в русском языке, это слово объяснено через подбор синонимов: *мир, вселенная, мироздание*. В специальной литературе последних десятилетий с этим же значением употребляется слово *макрокосм* (как противопоставление слову *микрокосм*). Любопытно отметить, что само слово *макрокосм* употреблялось в русском языке и в средние века, но с иным значением: в астрологии и средневековой мистике им обозначали «внешний мир в противоположность внутреннему миру человека». Следовательно, тогда оно не являлось синонимом слов *мир, вселенная, мироздание*. Постепенно, в процессе всестороннего познания действительности, развивалась синонимия таких слов, как *мир, земля, вселенная, свет, земной шар* с общим значением «планета со всем существующим на ней», но с определенными семантическими нюансами.

Нередко возникновение синонимов обусловлено проникновением и освоением заимствованных слов, близких или тождественных по значению русским, например *самолет* — *аэроплан*. (Заметим, что слово *самолет* употреблялось в народнопоэтической речи с давних пор: *ковер-самолет*. В XVIII в. им также обозначали «устройство для быстрого передвижения судов на реке» и «ткацкий челнок, перебрашиваемый не руками, а машиной». Еще в начале XX в. в России существовала речная компания «Самолет»). Или: *земельный* — *аграрный*; *изречение* — *афоризм*; *напор, натиск, наступление* — *атака*; *буква* — *литера*; *восторженный* — *экзальтированный* и т. д.

Наблюдалось и обратное явление, когда предмет, названный поначалу заимствованным словом, затем получал синонимичное русское наименование, например: *геликоптер, автожир* — *вертолёт*.

Иногда тождественные, а также близкие по значению слова появляются в силу того, что в различных стилях речи или в разных экспрессивно-стилистических группах один и тот же предмет называется по-разному. Например, так называемые межстилевые (стилистически нейтральные) *наугад, бесплатный, вешать, карточный* и многие другие имеют синонимы в разговорной речи: *наобум, даровой, вздергивать, картежный*. Для снижения стиля некоторые из них в разговорно-бытовой речи заменяются синонимами просторечного происхождения. Ср., например: *До четырех часов утра блуждал он по городу и думал о своем горе* (Ч.). — *Вечор целый день плутали, целу ночь не знай куда ехали, а тут еще пятьдесят верст крюку! — А вам нешто к спеху?.. — К спеху не к спеху, а неохота по вашим лесам без пути блудить* (М.-П.). Здесь использованы в значении «ходить или ездить, не зная или не имея определенного направления» три синонима, различных по своей стилистической принадлежности: *блуждать* — межстилевое, нейтральное, *плутать* — разговорное и *блудить* — просторечное.

Синонимы возникают и в том случае, когда предмету или явлению действительности по сравнению с общеизвестным значением дается иная эмоциональная оценка (торжественное, традиционно-поэтическое): *лекарство* — *снадобье* (шутлив., разг.) и *бальзам, панацея* (иронич., книжн.).

В синонимические отношения в определенных условиях могут вступать не только общеупотребительные слова литературного языка, но и ограниченные по своему употреблению лексические единицы: диалектные (или шире — областные вообще, т. е. территориально четко не закрепленные), профессиональные и т. д. Например, общеупотребительному *вести* (водить) синонимичны не только общеупотребительные литературные *править, сидеть за рулем*, но и ограниченное профессиональным употреблением *крутить баранку* (если речь идет об автомашинах). В одном синонимическом ряду могут находиться общеупотребительные *всегда*, а также *когда угодно, в любое время, в любой момент* и ограниченное по сфере распространения, областное *завсегда*; общеупотребительным — *тревога, беспокойство, волнение* синонимично ограниченное в стилевом отношении разговорное *переполох* и территориально ограниченные, т. е. диалектные *спблоти, вспблоти* и т. д.

Синонимы возникают в русском языке и в результате того, что хорошо развитая морфологическая структура языка позволяет использовать разные словообразующие морфемы для сходных по значению слов, например: *невинный* — *невинóвный; необидный* — *безобидный; взрываться* — *разрыватьсЯ, рвАться; вздУться* — *раздУться; надУться; вспомнить* — *припомнить, вспомяну́ть* (разг.), *помяну́ть* (разг.); *отчасти* — *частично; отяготить* — *отягчить* (книжн.).

Большие ресурсы для пополнения синонимов русского языка име-

ет полисемия слов, с которой, как уже отмечалось выше, тесно связано явление синонимии. Появление переносных значений у слова нередко приводит к тому, что оно вступает в новые синонимические отношения. Так, в § 5 указывалось, что в последнее десятилетие развивалось новое значение у слова *география* — «границы распространения, расположения чего-либо, в какой-либо местности, районе и т. д.». Оно возникает и реализуется только в конструкции с существительным в форме род. пад. ед. и мн. числа. С точки зрения границ сочетаемости этого слова с другими данное значение является несвободным, конструктивно ограниченным. Однако частое употребление слова в новом значении приводит к тому, что у него возникают новые синонимические отношения — оно сближается с такими словами, как *границы, расположение, распространение, область, район, место* и др. Ср.: *Дома он [Курымушка] засел **в** *географию* (Пришв.). — Огромен размах предстоящего фестиваля, широка его *география* (газ.).*

Как уже говорилось, освоение космоса заметно активизировало употребление собственно космической терминологии, способствовало расширению возможной сочетаемости слов, появлению новых слов и значений.

Например, относительное прилагательное *звездный*, которое до 60-х годов имело значение «относящийся к звезде, звёздам» (*звездные миры, звездное небо* и т. д.), претерпело ряд семантических изменений. Во-первых, значительно расширились границы его лексических связей. Стали возможны такие сочетания, как *звездный экипаж, звездная эскадрилья, звездная дорога* и др. Во-вторых, в его первоначальном значении в новом употреблении появились явно необычные для относительного прилагательного экспрессивные оттенки: *звездные братья*. Заметим, что возникшие новые оттенки и расширение лексических связей привели к появлению новых синонимических сочетаний, в значении которых также есть экспрессия: *небесные братья, космические близнецы*. В-третьих, это слово было и полностью переосмыслено, т. е. приобрело новое значение, *звездный* — «особенно успешный». Подобные семантические изменения подготовлены наличием в языке образного устойчивого оборота *родиться под счастливой звездой*, который нередко используется в усеченном виде — *под счастливой звездой* с последующим обособлением словосочетания *счастливая звезда* и с возникновением контаминированного сочетания *звездный час* (миг, мгновение и т. д.), а затем и обособлением нового качественного значения *звездный*, выступающего в составе синонимического ряда — *особенно успешный, счастливый, необыкновенный, замечательный, триумфальный*. Например: *Этот исторический подвиг Рублева, этот звездный миг, с которого, собственно, и возникает в русском искусстве мощная, светлая струя гуманизма* (газ.) [12, с. 80—81].

Следовательно, появление у слова нового значения не только расширяет, но и обновляет границы его лексической сочетаемости, т. е. вносит изменения в систему синтагматических отношений слова, которые, в свою очередь, вызывают преобразования в его парадиг-

матических связей (пополнение одних лексико-семантических групп слов, возникновение новых и т. д.).

Наряду с процессом пополнения синонимических рядов наблюдается и обратное явление — их сокращение. Это обусловлено тем, что некоторые слова выходят из активного употребления, попадая в число устаревших. Например, для современного русского языка слово *гостьба* не является синонимом слова *торговля*, слово *вёси* не синонимично словам *сёла*, *селения*, а слово *лечец* не используется вместо слов *врач*, *доктор* и т. д. Синонимизация подобных языковых единиц обусловлена уже определенными стилистическими целями.

Иногда носители языка по тем или иным причинам прибегают к использованию так называемых синонимов-эвфемизмов или синонимичных эвфемистических словосочетаний (греч. *euphēmos* из *eu* — хорошо + *phēmi* — говорю), которые изменяют значение и окраску слова, т. е. придают более мягкое выражение, например *туалет* вместо *уборная*, *использовать носовой платок* вместо *высморгаться* и т. д.

Рассмотренные выше случаи относятся к числу так называемой обычной общеязыковой синонимизации. Слова, семантически сближаемые между собой, сопоставляемые по тем или иным признакам в лексической парадигме, обладающие способностью взаимозаменяемости, характеризуются семантической устойчивостью, относительной независимостью от контекста, нормативностью, достаточной частотностью употребления. Они находят отражение в современных словарях и, как правило, поддаются дословному переводу на другой язык (если не обозначают особых, национально ограниченных понятий, явлений, реалий и т. д.).

Кроме общеязыковых, узуальных синонимов, являющихся единицами лексической системы, выделяются так называемые контекстуально-речевые синонимы, появление которых обусловлено индивидуальным замыслом пишущего или говорящего, особенностями его языка, стиля и рядом других причин. Подобные синонимы выходят за рамки лексико-семантической системы. Исследователи называют их по-разному: контекстуально-речевые, контекстные, ситуативные, индивидуальные, авторские, окказиональные и т. д. Отличительными признаками таких синонимов являются четко выраженная контекстуальная обусловленность и закреплённость, единичный (как правило, индивидуальный) характер семантики (а нередко и словообразования), невоспроизводимость, т. е. явная ограниченность употребления, отсутствие в словарях и трудность дословного перевода на другой язык.

Например, контекстуально-речевой является у М. А. Шолохова в романе «Тихий Дон» синонимизация слова *ручьиться* в значении «литься»: *Сколько же будет из опухших и выцветших глаз ручьиться слез, — не замыть тоски* (ср. общеязыковое употребление — *лить слезы ручьем*). Здесь мы имеем дело не только с контекстуальной синонимизацией, но и с индивидуальным образованием новых слов, выступающих в роли синонимов. Это нередкий способ их создания. Но, как представляется, чаще синонимизируются такие общеязыко-

вые единицы, которые в обычном употреблении прямо, непосредственно не связаны близостью значения. Однако у этих слов могут существовать неярко выраженные ассоциативные связи, которые и позволяют использовать их в роли синонимов. Например, когда литературную (нормированную) речь противопоставляют речи ненормированной, в которой к тому же есть какие-то грубые нарушения тех или иных правил, то говорят об *искаженной, исковерканной, изуродованной, испорченной* речи. В прямом значении слова *исковеркать, изуродовать* могут быть ассоциативно соотнесены со словом *вывихнуть*. Вот эти понятийно-логические ассоциации позволили К. Паустовскому в произведении «Поэзия прозы» синонимизировать слово *вывихнутый* с приводимыми выше: «С *вывихнутой речью* приходится сталкиваться не только в учреждениях и на вывесках <...> много *искаженных, испорченных* слов проникает в газеты и даже в художественные произведения».

Контекстуально-речевым синонимом у М. Горького в романе «Мать» является слово *воткнул* (глаза) к общеязыковым *вонзить, впиться*: *Офицер прищурил глаза и воткнул их на секунду в рябое, неподвижное лицо*.

§ 22. Функционально-стилистическая роль лексических синонимов

Роль лексических синонимов весьма разнообразна и значительна. Они помогают уточнить, дополнить наши представления о предметах, явлениях действительности, ярче и разностороннее охарактеризовать их. Поэтому чем богаче синонимические ряды, тем шире их границы, тем богаче язык, тем большие возможности он дает для творческого его использования. Недаром К. И. Чуковский считал одним из проявлений мастерства пишущих и говорящих (в частности, переводчиков) их умение использовать синонимические богатства русского языка. И наоборот, неумение пользоваться синонимами обедняет язык. Он приводит пример того, как переводчик, имея в подлиннике слова *лошадь, лодка, дворец, худой*, переводит их на протяжении всего повествования только дословно, т. е. повторяет каждое из них много раз, тогда как в русском языке эти слова имеют по несколько синонимов или семантически близких слов: *лошадь* — *конь, жеребец, рысак, скакун, вороной* и т. д.; *лодка* — *бот, челнок, ладья, шаланда* и др.; *дворец* — *замок, палаты, хоромы, чертог; худой* — *сухопарый, худощавый, тщедушный, щуплый, тощий* [106, с. 88.]

Примечание. Заметим, что приводимые К. И. Чуковским синонимические ряды не все нашли отражение в современных словарях синонимов, так как наряду с синонимами общепринятыми он называет и слова, индивидуально синонимизируемые, а также слова, которые могут оказаться ситуативно или контекстуально соотнесенными. Например, слово *худой* в значении «сухой и тонкий, обычно вследствие голодания, болезни и т. д.» в словаре соотнесено со словами *тощий, худосочный, костлявый, исхудалый, отошлый, истощенный, худущий*. А применительно к человеку, его телу, когда речь идет об умеренной худобе, обычно говорят *худощавый, сухощавый, сухой, сухопарый, поджарый*.

В несколько схематичном виде могут быть названы следующие функции лексических синонимов:

1. Смыслоразличительная (идеографическая), или оттеночно-смысловая и уточнительная функции. Они служат для дифференциации значений [70, с. 48; 62, с. 231]

Например, синоним *согласный* к слову *дружный* уточняет значение последнего, указывая на особую слаженность и ритмичность действий; слова *воплъ*, *рев* имеют усилительный оттенок значения по сравнению с синонимичным словом *крик*. Следовательно, в первом и втором случае образуются семантические парадигмы синонимов.

2. Стилеразличительная функция, заключающаяся в том, что синонимы указывают на стиль, сферу их употребления. Подобные синонимы, по терминологии Р. А. Будагова, называются стилевыми [15, с. 62]. Они выделяются обычно на фоне четко не закрепленной за тем или иным стилем доминанты и образуют стилевые парадигмы синонимов.

Например, межстилевому слову *беспристрастный* синонимичны и межстилевое *объективный* и употребляемое преимущественно в книжных стилях слово *нелицеприятный*; с межстилевым *возбуждаться*, *волноваться* синонимизируются слова разговорного стиля *будоражиться*, *взбудораживаться*, *взвинчиваться* и др. См. также стилеразличительные парадигмы: *дети* — *ребята*, *ребятки* (разг.), *детвора* (разг., ласк.-фам.), *ребятня* (прост., ласк.-фам.); *некста́ти* — *невпопад* (разг.), *не к месту* (разг.); *ухать* — *отбыть* (офиц.), *убить* (офиц.-дел., воен.), *ука́тить* (разг.) и т. д.

3. Собственно стилистическая функция, характеризующаяся тем, что к логико-предметному денотативному значению слова присоединяется эмоционально-экспрессивное (коннотативное). Такие синонимы (в отличие от стилевых) называются стилистическими [13; 15, с. 62; 112, с. 197].

Например, нейтральному в стилистическом отношении слову *вылечить* синонимично торжественно-приподнятое *исцелить*; нейтральному *гулять* синонимичны стилистически нейтральные *прогуливаться*, *прохаживаться* и пренебрежительно-ироническое *фланировать*.

Последние две функции трудно четко отделить одну от другой, так как стилевая принадлежность слова нередко семантически усиливается особым эмоционально-экспрессивным содержанием. Так, межстилевому, стилистически нейтральному слову *незабываемый* синонимичны а) нейтральное *неизгладимый*, б) слово с оттенком торжественности *незабвенный* и в) книжные, устаревшие, нередко употребляемые с оттенком иронии *достопамятный* и *приснопамятный*, т. е. «незабываемый» (*присно* — от устаревшего *присный* — вечный, всегдашний). Таким образом возникают в языке экспрессивно-стилистические парадигмы синонимов.

Разные функции синонимов в известной мере обуславливают и различие в приемах, способах их использования. Так, для уточнения смысла и для более полной, всесторонней характеристики предмета, явления, действия и т. д. (или для усиления ее) применяют прием параллельного употребления двух и более синонимов: — *Как я*

может быть тоже использовано как синонимичное первым трем; англ. *very* передано русским словом «порядком» (а не *очень*) в предложении *Пассажиры, видимо, порядком промерзли*. Дословный перевод грубой реплики мужа, обращенной к беззащитной жене: *Почему ты показываешь свое бледное лицо?* (Why do you show your pale face?) в переводе заменено более реальным для наглого грубияна — *Чего ты суешься со своей постной рожей?* Правильно использованы синонимические ряды *разбор — анализ, недостатки — проблемы* в таком тексте: *Собрание в студенческой группе было посвящено разбору недостатков общественной работы, анализу тех пробелов, за которые критиковали некоторых студентов*.

Однако нередко наблюдаются случаи неточного, а то и ошибочного употребления синонимичных слов в оригинальных и переводных произведениях. Например, в газетной заметке, посвященной работе студентов на строительстве в подшефном колхозе, употреблена фраза *Студенты всемерно форсируют строительство колхозного курятника*. Слово *форсировать* вместо *ускорять* создает комический эффект. Иногда может привести к неточности не только сам выбор синонима, но и его расположение в тексте. Например, соединив союзом и близкие по значению слова *грустные — невеселые* в предложении *Разные мысли, порой грустные и невеселые, лезут в голову*, автор газетной заметки допустил явную ошибку [17, с. 94].

На неуместное употребление официально-деловых синонимов в переводных художественных текстах обращает внимание Нора Галь. Она приводит примеры синонимичных слов, которые, по ее мнению, запутывают и засоряют почти всякую фразу, за исключением тех «чисто канцелярских слов и оборотов», которые «даже нужны для портрета или речи “сухаря чиновника”, для “жанровой оценки” в совершенно определенном духе» [28, с. 20]. Приведем примеры этих слов и словосочетаний.

Очень редко уместно
официальное:

следовательно
разумеется
действительно

непроизвольно
заблаговременно
длительное время смотрел
направлялся
произошло
происшествие
лично, самолично
обнаружил

Почти всегда можно
и нужно сказать просто:

значит, стало быть
конечно, ясно
в самом деле, впрямь, вправду,
по-настоящему
невольно
заранее, вовремя, загодя
долго смотрел
шел
случилось
случай
сам
увидел, заметил, нашел, открыл

Выбору синонима, нужного и уместного для каждого конкретного случая, помогает не только углубленное изучение языковых средств русского языка, но и постоянная работа со словарями.

§ 23. Словари синонимов

Объяснение слова путем соотнесения его с близким по значению известно давно. Этим приемом нередко пользуются и современные составители толковых словарей. Ср. в БАС: *кваситься* — «киснуть, становиться кислым»; *комбинировать* — «сочетать, соединять различные элементы в одно целое»; *недреманный* — устар. «недремлющий, всевидящий, бдительный»; *недремлющий* — «бдительный, наблюдательный, внимательный», *неподобный* (разг.) — «непристойный, неприличный, предосудительный» и т. д.

Специальный словарь лексических синонимов (в современном научном их понимании) появился в 1968 г. До этого пользовались учебным «Кратким словарем синонимов русского языка» В. Н. Ключевой, первое издание которого осуществлено в 1956 г. (в нем объяснено 1500 слов), второе в 1961 г. (3000 слов). В словаре хорошо подобран иллюстративный материал, даны методические рекомендации по использованию словаря, приложен алфавитный указатель (индекс) всех слов и указатель синонимических гнезд.

В 1968 г. был издан «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой (под редакцией Л. А. Чешко). В этот словарь-справочник включено уже 9 тысяч синонимических рядов. Однако объяснения слов в нем сведены к минимуму или вовсе не даны. Отсутствуют и примеры употребления слов.

Первым, достаточно полным современным научным толковым словарем является изданный в 1970—1971 гг. двухтомный «Словарь синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой. В нем четко объяснены значения каждого из слов синонимического ряда; показаны оттенки различия значений между синонимами или стилистические различия, приведены примеры-иллюстрации; нередко указаны слова с противоположными значениями (антонимы). Словарь отражает и лексическое, и грамматическое богатство языка: в него включены наряду с непроизводными словами производные (например, бесприставочные и приставочные глаголы совершенного и несовершенного вида, глаголы возвратной формы и т. д.). Появление подобного словаря — значительное событие в истории русской лексикографии.

В 1976 г. был издан однотомный «Словарь синонимов». Он так же, как и двухтомный, подготовлен словарным сектором Института русского языка АН СССР под редакцией А. П. Евгеньевой. Несмотря на меньший объем, словарь содержит значительно большее число синонимических групп. Внесены некоторые изменения и уточнения в их состав и толкование. Словарь задуман как учебное пособие, в нем принят общий алфавитный порядок, и это облегчает поиск нужного слова. В словаре последовательно отражено ударение, раскрыты оттенки значения слова, указаны границы лексической сочетаемости, а также стилевые и стилистические различия между членами синонимического ряда. В нем представлены все части речи — и знаменательные и служебные. Но в качестве синонимов одного ряда соотнесены слова «одной и той же грамматической категории».

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 45. Ознакомьтесь с приводимыми ниже определениями синонимов, сопоставьте и сгруппируйте их по сходству и различию в подходе к данному явлению.

1. «Синонимами считаются слова, которые имеют одно и то же лексическое значение, различаясь лишь оттенками значения, экспрессивной окраской и принадлежностью к тому или иному стилистическому слою языка, и которые имеют хотя бы частично совпадающую сочетаемость, так как только в этом случае они способны замещать друг друга в реальных контекстах» (З. Е. Александрова. Словарь синонимов русского языка).

2. «По мере формирования и развития литературных языков внимание филологов все больше привлекают тождества [тождества], или синонимы. (...) Синонимы — это несходство сходного, это слова, близкие по значению, обозначающие одно понятие» (А. А. Брагина. Рецензия на «Словарь синонимов»).

3. «Синонимы — это близкие по значению, но разнозвучающие слова, выражающие оттенки одного понятия <...>» (Р. А. Будагов. Введение в науку о языке).

4. «Синонимы — слова, идентичные или сходные по значению, способные заменить друг друга в том или ином контексте» (Л. А. Булаховский. Введение в языкознание).

5. «<...> Так называемая синонимичность средств языка, если иметь дело не с лингвистической абстракцией, а с живым и реальным языком, с тем языком, который фактически существует в истории, является просто-напросто фикцией. Синоним является синонимом только до тех пор, пока он находится в словаре. Но в контексте живой речи нельзя найти ни одного положения, в котором было бы все равно, как сказать: *конь* или *лошадь*, *ребенок* или *дитя*, *дорога* или *путь* и т. д.» (Г. О. Винокур. Проблема культуры речи).

6. «Синонимы <...> — слова одной и той же части речи, имеющие полностью или частично совпадающие лексические значения.» <...> (Т. Г. Винокур. Синонимия. — Русский язык. Энциклопедия).

7. «С нашей точки зрения, только смысловое тождество (а не близость значений, как допускают некоторые) позволяет рассматривать слова как синонимы. Различная эмоциональная окрашенность тождественных по значению слов (грубость, возвышенность или сниженность, «поэтичность» или «прозаичность» и т. п.), разная функционально-стилистическая характеристика (разговорность, книжность, просторечность и т. п.), специфика их контекстного употребления <...> специфические для каждого из них формально-грамматические особенности — не мешают признанию явлений синонимичными при наличии тождества» (А. Д. Григорьева. Заметки о лексической синонимии).

8. а) «Синонимами следует считать слова, обозначающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по значению, — слова, которые определенным образом соотносены в данное время в языке и служат детализации и различению тонких смысловых оттенков понятия или выражения экспрессивных, жанровых и иных стилистиче-

ских различий» (А. П. Евгеньева. Основные вопросы лексической синонимии).

б) «Синонимом в полном смысле слова следует считать такое слово, которое определилось по отношению к своему эквиваленту (к другому слову с тождественным или предельно близким значением) и может быть противопоставлено ему по какой-либо линии: по тонкому оттенку в значении, по выражаемой экспрессии, по эмоциональной окраске, по стилистической принадлежности, по сочетаемости, а следовательно, занимает свое место в лексико-семантической системе литературного общенационального языка» (А. П. Евгеньева. Словарь синонимов русского языка).

9. «Под синонимическими средствами понимаются эквивалентные или соотносительные речевые средства, представляющие для говорящего или пишущего возможности выбора. Существуют синонимические слова сходные, но не тождественные по своему значению, фразеологические обороты <...> В основе синонимии лежит общность значения речевых средств. В каждом синониме представлено и то общее, что позволяет его ставить в параллель с другими словами, и то частное, своеобразное, специфическое, что отличает его от других. Тождественных по значению слов в языке не бывает <...> Существование синонима оправдано его смысловой спецификой и стилистическим своеобразием» (А. И. Ефимов. Стилистика русского языка).

10. <...> «Синонимы — разные слова с близким значением. Они как бы дополняют и поддерживают друг друга...»

<...> Верно, что в основе синонимичности слов лежит одинаковая предметная направленность, название одного и того же предмета разными словами. Однако синонимами являются только такие слова, которые указывают на один и тот же предмет с точки зрения сходных его признаков <...>

<...> Синонимика — это совокупность синонимов языка, возникающая в результате многократных синонимических сближений слов в прошлом...

<...> Синонимия — это сам процесс установления смыслового подобия слов в речевой деятельности говорящих. Но не все сближения, которые допускает говорящий в своей речи, становятся синонимами языка, синонимикой» (В. И. Кодухов. Рассказы о синонимах).

11. <...> Синонимами следует считать слова и эквивалентные им фразеологические обороты, при различном звучании называющие одно и то же явление объективной действительности, различающиеся оттенками основного, общего для каждого из них значения, или отнесенностью к различным речевым стилям, или к тем и другим одновременно, способностью к словопроизводству, образованию форм субъективной оценки и сочетанию с другими словами. Обозначая одно и то же явление действительности, слова-синонимы не могут принадлежать к разным частям речи» (М. Ф. Палевская. Проблема синонимического ряда, его границ и возможности выделения доминанты. См. также в кн.: Синонимы в русском языке).

12. «Два слова называют ту же вещь, но соотносят ее с разными

понятиями и тем самым через название вскрывают разные свойства данной вещи» (А. А. Реформатский. Введение в языковедение).

13. «Синонимы — лексемы, связанные между собой общностью в их семантическом содержании, независимо от того, идет ли отождествление по всему смысловому объему или одному из значений отождествленных лексических единиц» (А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка).

14. «Синонимы — слова, обозначающие одно и то же явление действительности. Однако, называя одно и то же, синонимы обычно называют это одно и то же по-разному — или выделяя в называемой вещи различные ее стороны, или характеризуя эту вещь с различных точек зрения. Именно поэтому синонимы (обозначая одно и то же), как правило, не являются словами, абсолютно идентичными друг другу как в отношении семантики, так и в отношении своих эмоционально-стилистических свойств...» (Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка).

15. <...> Таким образом, синонимы можно определить как слова, относящиеся к той же части речи, значения которых содержат тождественные элементы, различающиеся же элементы устойчиво нейтрализуются в определенных позициях. Иначе говоря, синонимами могут быть признаны слова, противопоставленные лишь по таким семантическим признакам, которые в определенных контекстах становятся несущественными...» (Д. Н. Шмелев. Современный русский язык. Лексика).

Упражнение 46. Пользуясь словарями синонимов (а также толковыми словарями), подберите синонимы ко всем значениям приводимых ниже слов.

Волнение, воспитанник, большой, быстрый, бранить, жечь, преимущественно, удачно.

Упражнение 47. Подберите синонимы к приведенным ниже словам и составьте с ними словосочетания и предложения.

Добродушие, клевета, препятствие; грустный, густой, даровитый.

Упражнение 48. Объясните значение каждого из приводимых ниже членов синонимического ряда. Укажите, какой семантический признак является для них общим (отождествляющим) и в чем заключаются их смысловые различия. Подтвердите выводы примерами.

Незначительный — ничтожный, мизерный, нищенский, пустяковый, пустячный, пустой, чепуховый.

Упражнение 49. Подберите к приводимым ниже словам соответствующие синонимические парадигмы, выделяя доминанту. (При выполнении задания учитывайте многозначность некоторых слов.)

Гибель, захолустье, пропасть, сияние, узы; безобидный, дымчатый, знойный; невпопад, раздельно, сжато.

Упражнение 50. Замените в приводимых ниже словосочетаниях выделенные слова синонимичными.

1. Сельский пейзаж, верный признак заболевания, ядро коллектива, стиль поэта, инструкция министерства.

2. *Высокомерный человек, раннее старение, внимательное отношение, торжественные речи, дискуссионные положения.*

3. *Известить о приезде, соответствовать техническим условиям, фиксировать температуру, объединить людей, изучать новый предмет.*

4. *Получать письма отовсюду, отметить нужное направление приблизительно, совершенно не бояться, знать наизусть, быть начеку.*

Упражнение 51. Составьте тематическую парадигму, отбирая для этого синонимичные слова со значением движения: а) быстрого; б) медленного; в) без определенной цели; г) с определенной целью.

Упражнение 52. Укажите, по какому семантико-тематическому признаку объединены в синонимические ряды приводимые ниже слова.

Верный — испытанный, надежный, неизменный, преданный; **выносливый** — закаленный, двухильный, крепкий, неустойчивый, стойкий; **смелый** — храбрый, отважный, бесстрашный, мужественный, безбоязненный, неустрашимый, бестрепетный.

Упражнение 53. Подберите к приводимым ниже словам синонимы, объясняя значение каждого из них. Назовите слова, в сочетании с которыми данные синонимы были бы взаимозаменяемыми (т. е. различие в их значении оказывалось бы минимальным, нейтрализованным).

Задание, поприще, маска, мебель, радость.

Упражнение 54. Ознакомьтесь с высказыванием Л. В. Щербы о системе семантических оттенков в синонимическом ряду (1), после чего определите значение приводимых синонимов (2), указывая на их сходство и различие.

1: «<...> Достоинство отдельных литературных языков <...> определяется прежде всего богатством наличных средств выражения как для общих, так и для частных понятий. Не так очевидно, что оно определяется также и богатством синонимии вообще. Однако нетрудно заметить, что синонимические ряды обыкновенно образуют систему оттенков одного и того же понятия, которые в известных условиях могут быть не безразличны. Возьмем, например, цикл слова *знаменитый* (в применении к человеку), с которым конкурируют *известный*, *выдающийся*, *замечательный* и *большой*. Все эти слова обозначают, конечно, одно и то же, но каждое подходит к одному и тому же понятию с несколько особой точки зрения: *большой ученый* является как бы объективной характеристикой; *выдающийся ученый* подчеркивает, может быть, то же, но в аспекте несколько более сравнительном; *замечательный ученый* говорит об особом интересе, который он возбуждает; *известный ученый* отмечает его популярность; то же делает и *знаменитый ученый*, но отличается от *известный ученый* превосходной степенью качества» (Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык. — В кн.: Избранные работы по русскому языку).

2. **Авторитет** — вес, престиж; **аплодисменты** — рукоплескания, хлопки; **вероисповедание** — религия, вера; **временисчисление** — летоисчисление; **внутриконтинентальный** — внутриматериковый; **напрасный** — тщетный, безуспешный, безрезультатный, бесполезный, бесплодный, пустой, зряшный; **сильный** — мощный, могучий, боль-

шой; наполнить — заполнить, наводнить, запрудить; развлекать — забавлять, веселить, увеселять, тешить, потешать.

Упражнение 55. Подберите к приводимым словам стиливые и стилистические синонимы. Составьте с ними словосочетания.

Алоэ (цветок), архитектор, бахча, ваятель, виток, вояка, высотник, деньги, перерыв, письмо, поездка; веснушчатый, нелюбимый, окольный, преждевременный, скупой.

Упражнение 56. Подберите синонимы к приводимым ниже словам, определите круг слов, с которыми данные синонимы могут сочетаться, укажите семантически сходные и различные сочетания.

Продовольствие, замкнутый, капитал, бороться, угрожающий.

Упражнение 57. Определите значение приводимых ниже слов, учитывая возможность их омонимии или многозначности. Распределите соответственно слова в две колонки, затем подберите к каждому из слов-омонимов или к каждому значению многозначного слова синонимы и сопоставьте их между собой, выявляя черты сходства и различия.

Агент, акция, брань, губа, долг, земля, исходить, край, крона, наряд.

Упражнение 58. Сопоставьте с приводимыми синонимами словосочетания, выбирая для этой цели наиболее семантически близкие слова из тех, которые приведены в скобках.

1. Взгляд, воззрение, убеждение, мнение, суждение, точка зрения (экономические, политические, философские, эстетические, нравственные; иметь, изложить, высказать, придерживаться; глубокий, поверхностный; обоснованный, необоснованный; личный, чужой; одинаковый, разный; широта, узость).

2. Грозный, угрожающий, зловещий (предзнаменование, намек, крик, слух, разговор; жест, взгляд; вид, фигура).

3. Выразить, сформулировать (мысль, чувство, впечатление, суждение, положение, мнение, вывод, задачу).

Упражнение 59. Объясните значение каждого из приводимых ниже слов. Составьте или подберите в литературе примеры, в которых данные слова по условиям контекста оказались бы несинонимичными друг другу. Укажите, чем это обусловлено.

Линия — черта; лезть — карабкаться; выполнять — исполнять, осуществлять, претворять; оригинальный — подлинный; ошибка — заблуждение; обыкновенный — рядовой; ощущение — чувство; пасмурный — серый; бедный — нищий; приют — пристань; процесс — дело; страна — земля; небо — небосвод, небосклон.

Упражнение 60. Укажите сходные и различительные признаки приводимых ниже синонимов.

Братся — хвататься, схватываться, ухватываться; бессодержательный — малосодержательный, пустой, пустопорожний; бессознательный — неосознанный, несознаваемый, безотчетный; взвить — взвеять, взвихрить; взрываться — рваться, разрываться; лопаться.

Упражнение 61. Сопоставьте круг слов, с которыми могут сочетаться приводимые ниже синонимы, и определите выражаемые ими семантические оттенки.

Мелодия — мотив, напев; высота — вышина, вьсь; плодородный — тучный, злачный; театральный — сценический, неестественный; несправедливый — незаслуженный, напрасный; ломаться — кривляться, манерничать, жеманиться, жеманничать; полностью — целиком, сполна; просто — попросту, без затей, не мудрствуя лукаво.

Упражнение 62. Определите значение приводимых ниже членов синонимических рядов и приведите примеры такого употребления синонимов, когда они полностью взаимозаменяемы.

Восстанавливать — настраивать, вооружаться, натравливать (разг.); всматриваться — вглядываться; тишина — молчание; должность — место; долгий — длительный, продолжительный.

Упражнение 63. Найдите в приводимых ниже предложениях синонимы, назовите их функции и укажите группу, к которой они могут быть отнесены.

1. Унылая, грустная дружба к увядающей Саше имела печальный, траурный отблеск (*Герц.*). 2. Пугливо он подножный лес с вершины острой озирает, Глядит на светлые луга... (*П.*). 3. Опять я ваш, о юные друзья! Печальные сокрылись дни разлуки. И брату вновь простерлись ваши руки, Ваш резвый круг увидел снова я (*П.*). 4. Она [Одинцова]... немедленно выписала к себе сестру своей матери <...> злую и чванливую старуху, которая, поселившись у племянницы в доме, забрала себе все лучшие комнаты, ворчала и брюзжала целый день (*Т.*). 5. Все дело, брат, во взгляде, в точке зрения (*Гарш.*). 6. У меня взрослый сын, мужчина. Положим, что он у меня добрый молодой человек и очень тебя любит, но все-таки ты теперь уже совершеннолетняя девушка (*Леск.*). 7. Горе застало токаря врасплох, неожиданно-негаданно, и теперь он никак не может очнуться, прийти в себя, сообразить (*Ч.*). 8. Алчная я, жадная, до всего завистная, до всякой малости завистная (*А. Остр.*). 9. Как втолковать генералу Стремаухову, что эта французская штучка ничтожна, плоска, банальна, избита, если он, кроме таких плоских штучек, никогда не читал ничего другого (*Ч.*). 10. Всегда поражала меня у этого рослого человека страсть ко всему крошечному, микроскопическому (*Григор.*) 11. ...Она меня ненавидела, питала ко мне отвращение, как к гадине (*Купр.*). 12. Сколько потом со мной не случилось огорчений и передряг, а эта неприятность с японским болванчиком одна только не изгладилась из моей памяти (*Купр.*). 13. Он все отчетливее чувствовал и скрытое недоброжелательство и открытую вражду (*Г. Ник.*). 14. Вода у белого прибрежного песка была такая чистая, что казалась очень легкой, невесомой (*Пауст.*). 15. Есть немало таких семей, на плечи которых война нагроулила решительно все испытания, и они выдержали, претерпели удары (*Павл.*). 16. Общая работа еще больше сдружила, сблизила нас (*Сол.*). 17. Вся эта буря, этот дикий самум, смерч, разразившиеся в зале, схлынули, утихли так же внезапно, как и начались (*А. Кривицкий*). 18. Он [Чапаев] связывал, сливал воедино свою дивизию, вдохновлял ее героическим духом и страстным рвением вперед, вдохновлял ее на победы, развивал и укреплял среди бойцов героические традиции... (*Фурм.*).

Упражнение 64. Найдите общеязыковые и контекстуально-речевые синонимы в приводимых ниже примерах; укажите, что явилось общей семантической основой для синонимизации данных слов.

1. Солнце, красный шар в пыли, невыносимо пекло и жгло спину сквозь черный сюртук (*Л. Т.*). 2. Незыблемыми движениями вожжей он сдвигает, сжимает, съезживает тройку и только изредка негромко покрикивает на встречные сани... (*Купр.*). 3. Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараниями нельзя было докопаться, из чего состряпан был его халат... (*Г.*). 4. Вышла румяная девка и стукнула на стол самовар (*М. Г.*). 5. Ее коротенькая, таящая смех улыбка жиганула Митьку крапивой (*Шол.*). 6. У каждого старика есть свой проект восстановления завода. Продуманный, выстраданный, выношенный, как мечта (*Горб.*). 7. Что касается меня, то мне вообще некоторые дисциплины даются с большим трудом, колоссальным напряжением (*Ю. Герм.*). 8. Все то, что сердцу было мило, Даря ему свое тепло, Уж отцвело, отговорило, Откуковало, отошло (*А. Кулеш.*). 9. Не понял, не уразумел, не дошло — значит, ты безнадежно отстал (*Л. Оз.*). 10. Сколько раз пытался я ускорить Время, что несло меня вперед. Подхлестнуть, вспугнуть его, пришпорить, Чтобы слышать, как оно идет (*С. Марш.*). 11. По всему своему складу и образу жизни был горожанином (урбанистом, как мы его насмешливо называли) (*Пауст.*). 12. Какой-то один и тот же дух проснулся во всех этих за минуту жестких, безжалостных, ненавидящих людях (*М. Г.*). 13. Меня заставляет страдать мой скудный, убогий язык, которым книжки написаны. Теперь самому мне тошно от этого обыкновенного, тускленького язычишка (*Фурм.*). 14. Митька посидел, поговорил о войне, о хуторских новостях, пошурил на Дарью зеленые, камышовые глаза и собрался уходить (*Шол.*).

Упражнение 65. Ознакомьтесь с приводимыми ниже примерами. Найдите в них синонимичные слова, определите их тип (общеязыковые или контекстуальные) и стилистическую роль.

1. Коробочка вышла, и Чичиков тот же час поспешил раздеться, отдав Фетинье всю снятую с себя сбрую, как верхнюю, так и нижнюю, и Фетинья, пожелав также с своей стороны покойной ночи, утащила эти мокрые доспехи (*Г.*). 2. Эти господа, как известно, любят засматриваться на луну да слушать шелканье соловьев. Любят они луну-кокетку, которая бы наряжалась в палевые облака да сквозила таинственно через ветви дерев или сыпала снопы серебряных лучей в глаза своим поклонникам. А в этом краю никто и не знал, что за луна такая — все называли ее месяцем. Она как-то добродушно, во все глаза смотрела на деревни и поля и очень походила на медный вычищенный таз (*Гонч.*). 3. Старику захотелось важных, серьезных мыслей, хотелось ему не просто думать, а размышлять (*Ч.*). 4. Клевета и ложь — не одно и то же. Ложь бывает и проста, а клевета всегда с умыслом (*посл.*). 5. Из бездн ночных и пропастей туманных К нам доносился погребальный звон (*Бл.*). 6. А у Ули глаза были большие, темно-карие, — не глаза, а очи (*Фад.*). 7. По площади Льва Толстого мы уже не шли, а бежали под сплошным заградительным огнем

(Ииб.). 8. Для многих было бы большим облегчением не то что ответить, а хоть формулировать, выразить «проклятые» вопросы (Михайловский). 9. Это человек-автомат, человек-машина, злая, бездушная, бездарная и жестокая машина... (П. Новицкий). 10. У всего театра вырвался гром аплодисментов. Радостных аплодисментов. Каждая фраза вызывала восторг. И гром рукоплесканий (Дорошевич). 11. Я стал не большим, а огромным (Я. Смеляков). 12. Тут только я познал, что не все педагоги — манекены, что для них не обязательно быть сухими, жестокими, что они могут быть людьми чуткими, живыми и могут считаться с индивидуальностью каждого из своих питомцев (Юрьев). 13. Неживая, почти мертвенная желтизна заливала его лицо (Леон.). 14. Ветер с моря тише дуй и вей. Слышишь, розу кличет соловей (Есен.). 15. Вальков искоса поглядывал на кормленное, тестовое, крупнопористое лицо директора (Нагиб.)

Упражнение 66. Сопоставьте приводимые ниже черновой вариант (слева) и окончательный текст (справа) некоторых фраз и словосочетаний из произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. Н. Толстого, А. И. Куприна. Укажите внесенные изменения. (Знак ~ в данном случае обозначает, что опускается текст, который не подвергался изменениям. Буквами а) и б) обозначена последовательность внесения исправлений.)

Д е р е в н я

...Сей луг, уставленный
душистыми скирдами.
Где чистые ручьи в
кустарниках шумят...

~

Где светлые ручьи
в кустарниках шумят...

Здесь горестный ярем
до гроба все влекут...

Здесь тягостный ярем
до гроба все влекут...

Надежда милая
стареющих отцов,
Младые сыновья...

Опора милая
стареющих отцов,
Младые сыновья...

Почто в груди моей
Горит напрасный жар...

Почто в груди моей
Горит бесплодный жар...

Б а р ы ш н я - к р е с т ь я н к а

Лиза любила ее чрезвычайно...

Лиза очень любила ее...

Она [мисс Жаксон] догадывалась,
что сурьма и белила были похи-
щены из ее комода, и багровый
румянец гнева пробивался сквозь
искусственную белизну ее лица.

и багровый румянец досады про-
бивался сквозь искусственную бе-
лизну ее лица.

Д у б р о в с к и й

Уверенный в своей правоте Ан-
дрей Гаврилыч мало о нем [судеб-

ном иске Троекурова] беспokoился, не имел ни охоты, ни возможности сорить деньгами...

Шабашкин за него [Троекурова] хлопотал, действуя от его имени, страшая и подкупая людей чернильного племени...

Разбирая его [отца] бумаги, нашел он [Владимир Дубровский] только первое письмо председателя и черновой ответ на оное; из того не мог он получить ясное представление о деле и решился ожидать последствий, надеясь на правоту самого дела.

Мы видели, как изумил он [Дубровский] бедного Антона Пафнутьича своим преображением из учителей в разбойники.

Капитанская дочка

Я не вытерпел, вырвал из рук его [Швабрина] мою тетрадку и сказал, что уж никогда не покажу ему своих сочинений.

Я испугался и стал просить Ивана Игнатьевича ничего не говорить коменданту...

Савельич от радости проговорился.

~ не имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги...

~ страшая и подкупая судей

~ ясное представление о тяжести и решился ожидать последствий, надеясь на правоту самого дела.

~ своим превращением из учителей в разбойники.

~ что уж отроду не покажу ему своих сочинений.

~ ничего не сказывать коменданту...

Савельич от радости проболтался.

(А. С. Пушкин)

Смерть поэта

Что ж? веселитесь — Он
гонений

Последних перенести не мог...

а) Его противник
хладнокровно

Наметил выстрел...

б) Сошлись, противник хладнокровно

Навел удар. Пощады нет.

И он погиб и взят могилой.

Что ж? веселитесь — Он
мучений

Последних вынести не мог...

Его убийца хладнокровно
навел удар... Спасенья нет.

И он убит и взят могилой.

Замолкли звуки дивных песен
а) Не воскреснуть им...
б) Не проснуться им...

Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять...

Княжна Мери

...Только берегись, Грушницкий!..
Княжна, кажется, из тех женщин,
которые хотят, чтоб их забавля-
ли... ты должен ее а) мучить
б) беспокоить ежеминутно...

~ ты должен ее тревожить еже-
минутно.

Когда мы выбрались на берег,
то все поехали рысью.

~ то все пустились рысью.

Я как безумный выскочил на
крыльцо, вскочил на своего Чер-
кеса...

~ прыгнул на своего Черкеса...

Фаталист

...И мне стало смешно, когда я
вспомнил, что были некогда люди
премудрые, думавшие, что свети-
ла небесные принимают участие в
наших ничтожных спорах за кло-
чок земли или за какие-нибудь
воображаемые права.

~ или за какие-нибудь вымыш-
ленные права.

...Я обошел хату и подошел к ро-
ковому окну...

~ и приблизился к роковому
окну...

(М. Ю. Лермонтов)

Петр I

Василий Волков, гоня на коне
вдоль реки, наскочил на рыба-
чий костер, — рыбаки повска-
кали с испугом, чугунок с ершами
опрокинулся в огонь.

Василий Волков, гоня на коне
вдоль реки, наехал на рыбачий
костер, — рыбаки повскакали с
испугом, чугунок с ершами оп-
рокинулся в огонь.

Рысью вслед за санями и обо-
зами пошли по площади вдоль
белооблезлой стены с квадрат-
ными башнями...

Рысью вслед за санями и обо-
зами проехали по площади
вдоль белооблезлой стены с
квадратными башнями...

Все ахнули... На цыпочках по-
шли из подклети и — уже бе-
гом — по лестнице...

Все ахнули... На цыпочках за-
торопились из подклети. И уже
бегом — по лестнице...

(А. Н. Толстой)

Памяти А. П. Чехова

А ведь никто не знает, что самое главное в этом человеке.

А ведь никто не догадывается, что самое характерное в этом человеке.

Приезжал, кажется, с главной целью показать больному тогда А. П.-чу постановку его пьесы.

Приезжал, кажется, с исключительной целью ~

Нет, это не была заочная жажда жизни, идущая от ненасытного человеческого сердца...

Нет, это не была заочная жажда существования, идущая от ненасытного человеческого сердца...

Легли между бровями, у переносья, две вертикальные, задумчивые морщинки.

Легли между бровями, у переносья, две вертикальные, задумчивые складки.

(А. И. Куприн)

Упражнение 67. Ознакомьтесь с приводимыми примерами. Объясните, всегда ли верно использованы в них выделенные слова. В случае необходимости замените их синонимичными.

1. *Следует* обратить внимание на следующие особенности языка рассказа. 2. За дояркой закреплено 30 телят. *Питомцы* чистые, упитанные (*газ.*). 3. Любовь к пению, музыке *соединила* воедино свыше 27 тысяч участников праздника песни (*газ.*). 4. Тракторист Василий Романов сэкономил *ныне* на ремонте закрепленной за ним техники более ста рублей (*газ.*). 5. *Жирафы* шен кранов, возникшие вдруг вдали, воспринимаются как нечто досадное, лишнее в идиллической картине осени (*журн.*). 6. В климатических условиях нашего района необходимо развивать *теплично-оранжерейные* хозяйства (*газ.*). 7. *Возведен* и сейчас оборудуется новый свиноводческий маточник (*газ.*). 8. Елена Рябинкина, впервые *дебютировавшая* в Англии, сразу же покорила сердца зрителей в адажио из «Раймонды» (*газ.*).

Упражнение 68. Объясните уместность (или неуместность) употребления выделенных слов и оборотов в приводимых ниже примерах, взятых из переводных рассказов по книге Н. Галь «Слово живое и мертвое». Подберите для замены синонимичные языковые единицы.

1. [Человек] победоносно взглянул на слушателей над *архаичными* очками. 2. [В житейском разговоре] Не буду вступать с тобой в *дискуссию*. 3. Он позволил себе сделать короткий *антракт* в работе. 4. Пантера *атаковала* девушку. 5. [Врач — больному:] А ну-ка, *покажите мне, как глубоко вы можете вздохнуть*. 6. [Муж в разговоре с женой] Так случилось, что *необходимость в приобретении...* заповонок *совпала с достаточным* для их покупки *количеством денег* в моем кармане.

§ 24. Понятие о словах-паронимах

Паронимами (греч. *para* — возле + *онута* — имя) называются разные по значению слова, сходные по произношению, лексико-грамматической принадлежности и, как правило, родству корней. Например: *адресат* — *адресант*, *вдох* — *вздых*, *земельный* — *земляной*, *интеллигентный* — *интеллигентский*, *напряжение* — *напряженность*, *обидный* — *обидчивый*, *психический* — *психологический*, *психологичный*, *психологистический* и многие другие [26].

По сходству произношения слова-паронимы сближаются с омонимичными словами. Однако отличаются от последних следующими признаками. Во-первых, паронимы имеют разное написание. Ср. например: *диктат* — *диктант* (паронимы), *дача*¹ — «порция, даваемая в один прием», *дача*² — «загородный дом, обычно для летнего отдыха», *дача*³ — «участок земли под лесом» (омонимы). Во-вторых, паронимичные слова никогда не имеют полного совпадения в произношении, ср.: паронимичные *шпиц* — *шпиль* и омонимичные *шпилька*¹ — «припособление для закалывания волос», *шпилька*² — «тонкий каблук».

Смешение разных слов, близких по произношению, наблюдается, как правило, в речи, так как в языковой системе большая часть подобных слов достаточно четко отграничивается друг от друга, хотя в некоторых случаях сходнозвучные однокоренные слова оказываются весьма близкими друг другу и трудности их разграничения не всегда легко преодолеваются. Например, *лиричный* — *лирический*, *комичный* — *комический*, *малинный* — *малиновый* современные исследователи (в частности, Н. П. Колесников) называют неполными паронимами. Слова данного типа сближаются с однокоренными синонимами, хотя имеют и явные отличительные черты. Во-первых, паронимичные слова относятся или только к исконным русским словам (*бродяжий* — *бродячий*, *остатки* — *останки*, *оплатить* — *уплатить*, *пометы* — *пометки*), или только к заимствованным (*абонент* — *абонемент*, *существо* — *сущность*, *факт* — *фактор*). А в синонимическом ряду могут быть объединены и те и другие, ср.: *ярмо* — *ярем*, *рабство*, *кабала*, где два первые — исконные русские, третьи — старославянское заимствование, четвертое — тюркское [26, с. 25—38].

Во-вторых, синонимы, обозначая одно и то же или близкое понятие, семантически нередко предельно сближаются (т.е. различия между ними нейтрализуются), тогда как паронимы обозначают всегда совершенно разные понятия и отличаются друг от друга четкой семантической дифференциацией.

Наряду с другими лексическими средствами слова-паронимы характеризуют богатство русского словаря.

§ 25. Причины смешения паронимичных слов

Неточность употребления паронимов является следствием разных причин.

В одном случае их смешение возникает в результате сближения.

обозначаемых данными словами реалий типа: *дно — днище, иголочный — игольный — игольчатый, чара — чарка, чаша — чашка* и др. Характерно, что почти во всех подобных словах звуковое сходство незначительное, ошибочное их смешение возможно.

В другом случае причиной неверного употребления подобиозвучных слов оказывается общность сферы применения называемых ими понятий, предметов, процессов, действий, качеств и т. д. или сходство возникающих ассоциативных связей. Например: *анафора — эпифора, апогей — перигей, брутто — нетто, ланцет — пинцет, лоцман — боцман, нейтрино — нейтрон* или: *варка — варение, формовой — формовочный* и др., а также *барокко — рококо* и т. д.

Иногда неточность использования слов-паронимов является следствием возможности их синонимического соединения и близости или тождества границ лексической сочетаемости, ср.: *анекдотический (анекдотичный) поход, апатическое (апатичное) состояние, трагический (трагичный) исход* и др. Тогда как в ряде других случаев такое сближение невозможно, приводит к ошибке, например: *Это был совершенно анекдотичный* (вместо *анекдотический*) *рассказ; Он всегда казался каким-то апатическим* (вместо *апатичным*) и т. д.

Возникновение речевой ошибки происходит и в результате неразличения стилевой (не стилистической!) принадлежности слов. Так, нередко наблюдается сближение книжных, специальных слов с разговорными: *антиномия* — (*филос.*) «противоречие между двумя положениями, признаваемыми одинаково правильными» смешивается со словом *антимония* — «ведение пустых разговоров»; слов межстилевых, стилистически нейтральных — с разговорными или просторечными: *бессмысленность* с разговорным *бессмыслица*, *гнилец* — с просторечным *гнильцá*, *заржавленный* — с разговорным *заржавёлый* и просторечным устаревшим *заржавый*, *зубастый* — с разговорным *зубáтый*.

Смешению паронимичных слов способствуют также тесные семантические связи словообразовательных суффиксов, например: *-н-* и *-ск-*; *-овит-*, *-ов-* и *-н-*; *-ство-* и *-ость-* и других (*изобретательский — изобретательный, деловитый — деловой — дельный, благоустройство — благоустроенность*).

Причиной смешения может явиться неразличение мало знакомых носителю языка паронимичных слов, т. е. их употребление лицами, недостаточно владеющими словарным богатством родного языка или небрежно относящимися к семантике слов. Именно этим можно объяснить встречающиеся в речи (в ее устной и письменных формах выражения) смешения слов *ампир — вампир, дистанция — инстанция, экскаватор — эскалатор* и др. Еще в начале века на подобные ошибки не раз указывал М. Горький в письмах молодым писателям или в статьях о них. Например, он отмечал случаи неразличения писателями семантики слов *щиколотка — щеколда, ступня — ступень, плавники — плавни* в таких фразах: *Он щелкнул щиколоткой калитки; Верней клади ступень ноги; ...Шевеля уныло плавнями, Тучи — чудища летят*. В наши дни также наблюдается неверное употребление паронимичных слов. См. например: *В этом месте долго*

не проживешь: жизнь очень **будня** (вместо будничная). (Из записей устной речи.) Или: *Изредка попадались изломанные зарядные ящики, разметанные стога прошлогодного сена и еще какой-то хлам — следы бывших боев* (вместо бывших или с добавлением — *бывших здесь*) (А. Лисовский); *Большие дельфины, которые до этого лежали один от другого поодаль, сомкнулись, приподняли спинами детеныша, дали ему **вздохнуть*** (вместо вдохнуть воздух); *Но это — новые люди, новое поколение военнослужащих: они свято хранят и **приумножают*** (вместо преумножают) *славные боевые традиции* (газ.). Разумеется, решение такой задачи потребует немало времени и будет **происходить** (вместо проходить) *отдельными этапами* (В. Глушков) и т. д. [9].

Отмеченные случаи неточного употребления сходно звучащих слов относятся к числу речевых ошибок.

Несмотря на то что ошибочное смешение паронимичных слов наблюдается нередко, само явление паронимии — вполне закономерно. Новые слова-паронимы возникают в русском языке постоянно. Этому способствует активно действующий в языке закон аналогии, а также специфика авторского употребления подобиозвучных слов.

§ 26. Стилистические функции слов-паронимов

Паронимия как одно из явлений языка с давних пор используется ораторами, писателями, поэтами, публицистами. Она лежит в основе создания особого рода стилистической фигуры — так называемой паронимасии (или паронимазии, греч. *parōnomasia* от *para* — возле + *onomazio* — называю), сущность которой состоит в намеренном смешении или в нарочитом столкновении слов-паронимов, например: *Не туп, а дуб; и глух и глуп*.

Паронимы могут выполнять различные стилистические функции. Так, намеренное соединение подобиозвучных слов является средством создания необычного образа с целью усиления его убедительности. Именно такую роль выполняют паронимы *венец* — *венок* в стихотворении «На смерть поэта» М. Ю. Лермонтова:

И прежний сняв *венок* — они *венец* терновый,
Увитый лаврами, надели на него...

Роль яркой, запоминающейся гиперболы играют подобиозвучные слова *мор* — *море* в стихотворении В. Маяковского «Левый марш»:

Там
За горами горя
Солнечный край непочатый,
За голод,
За *мора море*
Шаг миллионный печатай.

Антонимическое сопоставление паронимичных слов помогает Я. Смелякову создать незабываемый метафорический образ родного языка в стихотворении «Русский язык»:

Ты — выше *цены и расценки* —
В году сорок первом потом
Писался в немецком застенке
На слабой известке гвоздем.

Нередко употребление сходно звучащих слов лежит в основе каламбура и придает речи юмористический оттенок. Ср. например, афоризм Э. Кроткого: *Классиков нужно не только почитать, но и почитывать*. Прием нарочитого столкновения паронимичных слов может придать иронически-сатирический тон тексту, например: *Это не ферма, а в самом деле, одна лишь фирма, то есть пустая забава под формой образцового сельского хозяйства* (Ч.).

Парономасия как одно из средств актуализации нередко используется в заголовках газетных публикаций: *«Трубы и трубадуры», «Отходы и доходы», «Быт и бытие», «Иск и поиск», «Промыслы и помыслы»*, а также в названиях художественных произведений, например: *«Гриф и граф»* С. Сергеева-Ценского.

Итак, слова-паронимы, наряду с другими лексическими единицами, обладают немалыми потенциальными стилистическими возможностями, умелая реализация которых позволяет создавать запоминающийся образ, придавать речи особые эмоционально-экспрессивные оттенки, служить средством юмора, иронии, сатиры и т. д.

Однако правильное использование подобных слов, а также их перевод (в частности, при употреблении исконных русских паронимов) сопряжены с трудностями. Так, при переводе нелегко (а иногда и невозможно) передать те стилистические функции, которые могут выполнять паронимичные слова в русском тексте (например, *бесплодие* — *бесплодность*, *глубокомыслие* — *глубокомысленность*, *гостеприимство* — *гостеприимность*, *дворовый* — *придворный*, *дворовый* — *дворцовый*, *доходы* — *приходы*, *изнашиваемость* — *изнашивание* — *износ* — *изношенность*, *невежа* — *невежда*, *недоверие* — *недоверчивость*, *усвоение* — *освоение*, *усложнить* — *осложнить* и др.). При переводе с русского языка неточно, ошибочно могут быть употреблены и переданы нерусские по происхождению слова-паронимы типа: *антитеза* — *антитезис*, *антрацитный* — *антрацитовый*, *апостроф* — *апострофа*, *изоляция* — *изолирование* — *изолированность*, *иллюзионистический* — *иллюзионистский*, *коллекционирование* — *коллекционерство*, *неврастенический* — *неврастеничный*, *синдикалистский* — *синдикальный* — *синдикатный*, *токсический* — *токсичный* и т. д.

Иногда при переводе встречаются смысловые искажения высказываний: «...слово *humanity* <...> должно быть переведено на русский язык словом *гуманность*, но не *гуманизм*. Это разные понятия. *Ecopotical* следует переводить на русский язык словом *экономичный* (ср. *economic ear*), но не *экономический* (ср. *economie system*)» — указывает В. Н. Крупнов. И далее замечает: «Причины такого рода ошибок кроются... не в иноязычном тексте, а в слабой языковой ориентации самого переводчика» (см.: В. Н. Крупнов. В творческой лаборатории переводчика. М., 1976, с. 71).

§ 27. Словари паронимов

Специальные словари русских паронимов появились в конце 60-х годов. До этого времени явления паронимии находили частичное отражение в словарях неправильностей (или правильностей) русского языка.

Первый словарь-справочник «Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка» (авторы Ю. А. Бельчиков и М. С. Панишева) издан в 1968 г. В нем объяснено около 200 паронимичных слов, к которым авторы относят лишь однокорневые слова одной и той же части речи с общими грамматическими признаками. Каждая словарная статья содержит толкование значения слов, имеющих структурное и звуковое сходство; в некоторых даны типичные «схемы управления»; интересный материал для сравнения сочетаемости паронимичных слов приводится под рубрикой «Обратите внимание». В Словаре обобщены наблюдения авторов над функционально-стилистическими особенностями паронимичных слов в современном языке.

В 1971 г. был издан первый специальный «Словарь паронимов русского языка» Н. П. Колесникова. В нем объяснено 1432 «гнезда» паронимов, т. е. свыше 3000 слов, имеющих разное значение, но сходных по звучанию. Н. П. Колесников термин «паронимия» понимает широко. В словарь включены и однокорневые подбозвучные слова, типа *база* — *базис*, *деловитый* — *деловой* — *дельный*, *коновод* — *коновод*, *семинар* — *семинарий* и разнокорневые слова типа *атлет* — *отлет*, *пагода* — *погода*, *матч* — *мачта*, *моцион* — *рацион*, *кетовый* — *китовый*. В словарной статье дано разъяснение значения каждого из паронимичных слов. Примеры-иллюстрации, а также стилистические рекомендации в словарь не внесены.

В 1976 г. вышел «Словарь трудностей русского языка» (авторы Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова). В нем отражены трудные случаи употребления паронимов, встречающиеся на всех уровнях языка: орфоэпическом, лексико-грамматическом, а также орфографическом, пунктуационном и стилистическом. Словарь включает около 30 000 слов, из них почти 10 000 сходно звучащих, большая часть которых снабжена стилистическими пометами и примерами контекстуально различного употребления.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 69. Сопоставьте приводимые ниже определения понятий «паронимия» и «паронимы», указывая сходство и различие в подходе к данному явлению.

1. **«Паронимы (...)** Слова, которые вследствие сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава могут либо ошибочно, либо каламбурно использоваться в речи; ср. гетерофемия, малопропизм □ *Русск.* представился *вм.* преставился; *ит.* traduttore *вм.* traditore» (О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов).

2. «Под паронимами (гр. пага — 'возле, вблизи' + опота имя) разумеются слова, имеющие структурное (и, следовательно, звуко-

вое) сходство, т. е. паронимы — это однокоренные слова; при этом важно отметить, что паронимический ряд составляют родственные слова, принадлежащие к одной части речи, а также имеющие общие грамматические признаки (в частности, причастия и прилагательные), например: *бродяжий* и *бродячий*, *горячка* и *горячность*, *дымный*, *дымовой* и *дымящийся*, *надеть* и *одеть*» (Ю. А. Бельчиков и М. С. Панюшева. Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. Словарь-справочник).

3. «С омофонами и омографами нельзя смешивать паронимы. Паронимами <...> называются слова, близкие по звучанию и написанию, но разные по значению, например: *кворум* — *форум*, *эмигрант* — *иммигрант*, *контакт* — *контракт*, *континент* — *контингент*, *эскалатор* — *экскаватор*. В отличие от омофонов и омографов паронимы полностью не совпадают в произношении и на письме» (Л. А. Введенская, Т. В. Дыбина, И. И. Шеболева. Современный русский литературный язык).

4. «К омонимам близки паронимы, представляющие собой разные по значению слова, со сходным, хотя и не тождественным произношением (*вакансия* — *вакация*)» (А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка).

5. «Термином паронимия <...> принято называть такое явление в речи, когда два слова, в какой-то мере сходно звучащие, но имеющие разное значение, ошибочно употребляются одно вместо другого. Например, употребление *адресат* вместо *адресант*, *боцман* вместо *лоцман*, *кремень* вместо *кремний*, *одеть* вместо *надеть*, *эмигрант* вместо *иммигрант* является паронимией, а слова, составляющие такие пары, называются паронимами» (Н. П. Колесников. Словарь паронимов).

6. «Паронимы <...> Чаше однокоренные слова, близкие по звучанию, но разные по значению или частично совпадающие в своем значении. *Ароматный* — *ароматический* — *ароматичный*; *банковский* — *банковый*; *встать* — *стать*; *героический* — *геройский* <...>» (Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Справочник лингвистических терминов).

7. «Одним из видов региональных толковых словарей нормативного характера являются словари паронимов, под которыми понимаются то близкие по своему звучанию, но различные по значению слова в целом (как однокорневые, так и гетерогенные), то одни лишь однокорневые слова разной семантики. В последнем случае лексические единицы сходного звучания, но различного значения относятся к паронимазии» (Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка).

Упражнение 70. Определите значение приводимых ниже слов-паронимов. Составьте с ними словосочетания.

Водный — водяной; встать — стать; вправить — выправить; высокий — высотный; годичный — годовалый — годовой; деловитый — деловой — дельный; единичный — единственный — единый; жилищный — жилой; ледовый — ледяной; породить — породнить;

поступок — проступок; провести — произвести; сборчатый — сборочный; скрытый — скрытный; статичный — статический.

Упражнение 71. К приводимым словам подберите паронимичные и укажите различие в их значениях.

Безответный, динамичный, дипломатичный, дождевой, журнальный, земельный, значимый, искусный, косный, криминальный, мелочный, надетый, натуральный, нервный, педагогичный, психологический, упростить, усвоить, усложнить.

Упражнение 72. Спишите, раскрывая скобки и выбирая подходящие по смыслу слова. Объясните свой выбор.

1. В (соседнем, соседском) доме слышались веселые голоса. 2. У билетных касс было немало (командировочных, командированных). 3. Успешно (провести, произвести) раскопки древнего городища. 4. Коротко изложить (существо, сущность) произведения. 5. При переиздании произведения писатель внес несколько чисто (стилевых, стилистических) исправлений. 6. В развитии русской лексики немаловажную роль играют внеязыковые (факты, факторы). 7. Большую часть комнаты занимал (кабинетский, кабинетный) рояль. 8. В стране длительное время наблюдается (кабинетный, кабинетский) кризис. 9. Он был круглый (невежда, невежа), ничем не интересовался. 10. В начале конференции трибуна была (предоставлена, представлена) гостям для приветствий. 11. Для безопасности обслуживающий персонал при электродуговой сварке должен быть обеспечен (высокопроизводственными, высокопроизводительными) электродами.

Упражнение 73. С приводимыми ниже словами-паронимами составьте словосочетания и укажите, в чем заключается специфика использования каждого из них (ограниченность круга слов, с которыми они сочетаются; возможность образования терминологических сочетаний; постоянный или временный характер признака, свойства, качества и т. д.).

Гуманизм — гуманность, гуманистический — гуманный, голосистый — голосовой, гневливый — гневный, глубинный — глубокий, деревянный — древесный, дымный — дымовой, желанный — желательный, костный — косный, оплаченный — уплаченный, помета — пометка, преемник — приемник, субъективный — субъективистский, статус — статут.

Упражнение 74. Ознакомьтесь с приводимыми ниже предложениями. Объясните, правильно (или ошибочно) употреблены в них выделенные слова. В случае необходимости предложите исправленный вариант.

1. Сад был *старинный*, наполовину высохший и почти всегда *пустынный*. 2. Инженер-конструктор предложил такие дополнения к проекту, которые хотя и *осложнили*, но значительно улучшили его. 3. Мой друг отдавал любимому предмету все свои физические и *духовные* силы. 4. С *особенным* удовольствием профессор назвал лучшие курсовые работы. 5. К заседанию комитета комсомола были подготовлены *короткие* отчеты о выполнении порученных *обязательств*. 6. В работах большого художника непременно чувствуется нечто свое, *особенное*. 7. Профессия накладывает на человека свой

особенный отпечаток. 8. *Просторное* помещение, в которое мы наконец попали, оказалось полутемным, заброшенным, *полупустынным*. 9. Огромную территорию этого края занимала выжженная солнцем степь, почти всегда безлюдная, *пустынная*. 10. Экономическая *эффективность* только от своевременного освобождения грузовых машин составит миллионы рублей. 11. Во время экзаменационной сессии даже *краткий* отдых снимает нервное напряжение и *утомляемость*. 12. Начавшиеся снежные обвалы *усложнили* доставку почты жителям горных аулов. 13. Свежий березовый сок — прозрачен, *ароматичен*, вкусен и весьма полезен. 14. При зараженности *земляных* участков побего-вьюном рекомендуется ранней весной применять опрыскивание слабым раствором хлорофоса. 15. *Искомые остатки* показывают, что в период, предшествующий полному исчезновению этих животных, динозавры страдали какими-то недугами (*газ.*). 16. Можно стать *лоцманом* лишь тогда, когда в совершенстве, досконально будешь знать *кильватер* и чувствовать возможности незнакомого корабля. 17. Ученики вникают в самую суть прогнозирования погоды. Есть у них специальный прибор — *ареометр* для определения скорости ветра. 18. ...Хозяин, раскурив *пеньковую трубку* и вооружившись по обыкновению изрядным бокалом старого мозельского вина, начнет рассказывать...

Упражнение 75. Составьте с приводимыми паронимами словосочетания, используя для этой цели слова, данные в скобках.

1. Усложнить — осложнить (задание, упражнение, проект, вопрос, болезнь, доставку чего-л., заболевание, рисунок, дело, положение). 2. Короткий — краткий (рассказ, отчет, рукав, данные, ночь, ответ, биография, разговор, прилагательные, месяц, платье, расстояние, день, весна, сведения, радиоволны, визит, гласные, пребывание, лето). 3. Ближний — близкий (дом, взгляды, отношения, дорога, родственники, путь, село, приятель, объезд, связи, дело, лес, взрыв, весна, озеро). 4. Бродяжий — бродячий (нрав, характер, жизнь, товарищ, шапка, друг, труппа, мастер, обычай, собака, дом, существование, посох, охотник, сын, вид, настроение, пристанище, облик, точильщик, счастье). 5. Мелкий — мелочный (обида, интересы, бусинка, побуждения, подробности, счета, буржуазия, обувь, деньги, черты лица, песок, дрожь, тарелка, почерк, предприятие, человек, служащий, камешки, картофель). 6. Гнилой — гниlostный (процесс, теория, климат, картофель, запах, осень, бактерии, обстановка, яд, зуб, плоды, лето, испарения, мысли, распад, душа, атмосфера, разложение, вода, суждение). 7. Гордый — горделивый (походка, взгляд, лицо, народ, радость, человек, мечта, натура, осанка, характер, поза, сознание, призыв, торжество, создание, скромность, любовь, правда, чувство). 8. Комплемент — комплимент (высказать, к. вызывает что-л., повторить, считать за к., обнаружить, говорить, отпустить, изучить, сказать к., вызвать на к., рассыпаться в к.).

Упражнение 76. Сопоставьте приводимые попарно предложения с использованием в каждом одного и того же слова. Объясните уместность (или неуместность) употребления.

1. Вот хищник замер на мгновение в воздухе, ринулся к земле, опять взмыл, и в мощных узловатых лапах уже темнеет сплюснутый круг черепашьяго панциря (*Калиновский*). — Среди первых блюд в меню было вписано: черепаший суп. 2. Смелость жертвовать эффективностью ради истины, пренебречь немедленным успехом... — большей поэтической смелости я не знаю (*Винок*). — Один за другим посыпались вопросы. За счет чего директор думает повысить эффективность использования флота (*Чак*). 3. В пересменке Витя закончил слесарную доводку, и они поташили тяжелый кокиль в цветную литейную (*Г. Ник*). — Атлас цветов является портативным, наглядным и простым пособием при оценке оттенков цвета. На его основе будет создан единый стандартизированный словарь цветных названий (*газ*). 4. Нет спора, что среди множества личных историй попадаются и типовые, выражающие как бы закономерность времени (*газ*). — В новом, по типовому проекту построенном доме, куда въехали молодые Рубцовы, царили совет да любовь (*Б. Пол*). 5. У тебя — и наивность мальчиковая, и упорная сила мамонта. Ты идешь в строю уважаемых и на совесть держишь равнение, мой колхозник, мой горожанин, мой ровесник, мой современник (*А. Дрожжин*). — Она надела приготовленную заранее рабочую робу: мальчиковые ботинки, штаны и ватник (*В. Пак*). 6. За ним [О. Ю. Шмидтом] давно ходила слава вдумчивого ученого. Затем она слилась с <...> мировой славой комиссара ледяного лагеря (*Л. Кассиль*). — В стекло стучала ледяная крупа (*Перв*).

Упражнение 77. Найдите в приводимых предложениях слова, имеющие в языке паронимы. Определите значение каждого из паронимичных слов, мотивируя тем самым точность (или ошибочность) употребления. В случае необходимости предложите вариант правки.

1. Старики — на скамейке... Сладкий, желанный для всех разговор о медведях, о предстоящей охоте (*Песк*). 2. Ребята брели сквозь густые заросли высоких трав, разновидность которых им была неизвестна. По-видимому, основным красочным составом местной растительности был не хлорофилл, а какое-то другое вещество, так как цвет растений отливал голубым оттенком (*газ*). 3. Восторг в их души жизнь вдохнула. И как легко они парят! (*Винок*). 4. Все же хочу свершить в земле иной Мой первый вздох (*Б. Ахмадулина*). 5. В городе введены жесткие ограничения потребления воды (*газ*). 6. Раздавались крики матросов, стоявших на голосовой передаче (*Нов.-Пр.*). 7. Но прошли годы. И теперь стоит пожарная каланча как скромное воспоминание не о столь уж далеких временах, когда не было ни скорых машин, ни современной пожарной техники, ни телефонной связи (*газ*). 8. Наряд был сдан в бухгалтерию на оплату довольно значительной суммы денег (*газ*). 9. В фильме «Я хорошо ее знал» главную роль сыграла молодая актриса Стефания Сандрелли (*газ*). 10. Один только пес Туман не понимает покровительства зайцам. Его гончая специальность — зайцы (*Песк*). 11. Когда вокруг тебя пустыня, Когда еще далек привал, В тебе рождается гордыня: Вот, дескать, где я побывал (*В. Берестов*). 12. Гуманность есть чело-

веколюбие, но развитое сознанием и образованием (Бел.). 13. Я желаю тебе и себе больше гордости, меньше гордыни (газ.). 14. Жилой фонд нашего завода за год увеличился почти вдвое (из выст. по телевид.). 15. На этом предприятии не создано никакого запаса овощей для переработки. Консервация их ведется из подвозимого сырья, что называется, с колес (газ.). 16. Внешне новый холодильник почти ничем не отличается от прежнего. А качество его улучшено за счет некоторых конструкторских изменений, а также изготовления деталей из более долговечных материалов (журн.).

Упражнение 78. Объясните, какие стилистические функции выполняют паронимические слова в приводимых ниже предложениях.

1. Надев широкий боливар, Онегин едет на бульвар (П.).
2. — Нечего их ни жалеть, ни жаловать, — сказал старичок в голубой ленте (П.).

3. ...То солнечный жар,
 то ушей тоска, —
не верь
 ни единой версийке.
Который москит
 и который мускат,
и кто персюки
 и персики (В. М.).

4. Стройся в ряды! Грми и громи! (В. М.). 5. Потом прапращур Святослав подал знак — и племя, как пламя, хлынуло вниз (Леон.). 6. Упрям и вечен. Жёсток и жесток слепой закон земного тяготенья (М. Дудин). 7. Вознесла хвала слепая, Из коллектива выделяя, От коллектива отделяя и отдаляя от него (А. Безыменский). 8. Человечество сделало гордый шаг от кремневого топора к кремниевому транзистору (газ.). 9. Истина рождается в споре, а не в ссоре (лог.). 10. Молодая и молодежная станция на сопке — всего лишь пост на мировой солнечной вахте (газ.). 11. Меня тревожит встреч напрасность, Что и ни сердцу ни уму, И та не праздничность, а праздность В моем гостящая дому (Е. Евтушенко). 12. Понять шутку — это всегда уметь. А вот принять шутку, то есть на свой счет посмеяться — это уже юмор. (Р. Кушнерович). 13. Маяк мигал... Прошло две с половиной минуты. Ушло две с половиной минуты. Он стал старше на две с половиной минуты (Э. Радзинский). — 14. — Вы все же не торопитесь с ответом, — посоветовал Ковалевский. — Подумайте. — Вы хотите сказать: придумайте? — уточнил Бауман (В. Долгий). 15. Ты, рожденная судачить, Как осмелилась судить? (Л. Шипахина). 16. Не поблагодарит, а отблагодарит: то есть какой-нибудь подарок оставит, а то и деньги (Ю. Феофанов). 17. Агриппина вошла в суету не замеченная, не отмеченная никем, потерявшаяся сразу же многими: было не время для любопытных взглядов (М. Ганина).

Упражнение 79. Сопоставьте приводимые ниже словарные статьи, объясните различие в их построении и подаче материала.

1. Ю. А. Бельчиков и М. С. Панюшева. Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка.

ВПРАВИТЬ (ВПРАВЛЯТЬ) — ВЫПРАВИТЬ (ВЫПРАВЛЯТЬ)

Впра́вить. 1. Вставить, ввести в свое место (вывихнутые конечности). *Вправить сустав. Вправить вывих. Вправить ногу. На другой же день костоправ из кузнецов вправил ему [Мише] плечо.* И. Тургенев. Отчаянный.

2. Разг. Всунуть во что-либо, заправить. *Он и сам был одет походному: куртка, брюки, вправленные в сапоги.* Вс. Иванов. Пархоменко.

Выпра́вить. Выпрямить, расправить что-либо искривившееся, согнутое, помятое. *Выправить согнувшийся гвоздь. Выправить металлехический прут. Выправить полость у саней. Выправить помятый бок самовара.* [Федор Андреев] *взял со стола коробку от макарон... и выправил помятое дно.* Л. Леонов. Конец мелкого человека. <...>

Схема управления

Вправить что? (кость, ногу);
что во что? (вправить брюки в сапоги)

Выправить что? (гвоздь, прут, вмятину).

Обратите внимание. В приведенных значениях оба глагола сочетаются лишь с конкретными существительными. Круг слов, употребляющихся с глаголом *вправить*, лексически ограничен (*рука, нога, конечность, плечо, кость, бедро, сустав, вывих*, а также *брюки, штаны* и т. п.), тогда как *выправить* может употребляться с очень широким кругом существительных.

Рассматриваемые глаголы паронимических сочетаний не образуют.

Ошибочно. *Мимо его [бригадира] внимания не прошло и то, что рабочий Срымбаев вправляет [нужно: выправляет] вмятину на борту кувалдой.* («Водный транспорт», 2.3.1957).

II. Н. П. Колесников. Словарь паронимов

ВПРАВИТЬ — ВЫПРАВИТЬ

Вправить — 1. Вставить, ввести в свое место (вывихнутые конечности).

2. Всунуть во что-либо, заправить.

Выправить — 1. Выпрямить, расправить что-либо искрившееся, согнутое, помятое. 2. Освободить от недостатков; внести исправления (в рукопись).

АНТОНИМЫ, ИХ ТИПЫ И РОЛЬ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 28. Понятие о лексических антонимах

Одним из ярких проявлений системных отношений в лексике является соотносительное противопоставление двух и более слов, противоположных по самому общему и наиболее существенному для их значения семантическому признаку. Такие слова называются лексическими антонимами (греч. *anti* — против + *опута* — имя).

Соотносительным противопоставление называется потому, что в языке в подобные отношения вступают лишь слова, находящиеся в одной и той же лексической и грамматической (по признаку отнесенности к одной и той же части речи) парадигме, обозначающие логически совместимые понятия. В основу их сопоставления положен один и тот же общий и существенный для них признак. Так, семантически (и, естественно, логически) соотносительными являются слова, характеризующие разного рода качественные признаки, например: красоту, цвет, вкус и др. (*красивый* — *безобразный*, *светлый* — *темный*, *горький* — *сладкий*); эмоции (*любовь* — *ненависть*, *веселье* — *грусть*, *ласка* — *грубость*); понятия пространства, времени (*вверх* — *вниз*, *север* — *юг*, *сегодня* — *завтра*, *зима* — *лето*); действие и состояния (*закрывать* — *открывать*, *краснеть* — *бледнеть*, *белеть* — *чернеть*) и многие другие.

Обязательность признака логико-семантической соотносительности понятий при определении антонимичности слов, называющих эти понятия, впервые четко сформулировал Н. М. Шанский [109, с. 64]. Однако на «одновременное наличие сходства в каком-то отношении» у подобных слов указывал и Л. А. Булаховский [16, с. 44].

Соотносительность самых общих признаков противоположности нередко дополняется частными, конкретными, семантически не менее значимыми признаками. Это наблюдается при антонимизации многозначных слов, различающихся спецификой синтагматических отношений. Например, противоположность слов *тяжелый* (пакет) и *легкий* (пакет) основывается на существенном признаке веса; в сочетании со словами *человек*, *животное*, *голова*, *рука* и т. д. (*тяжелая рука* — *легкая рука*) существен признак физических свойств; антонимия сочетаний *тяжелая* (громоздкая) *крыша* — *легкая* (негромоздкая) *крыша* базируется на признаке пропорциональности и т. д.

В том случае, когда в контрастирующие отношения вступают понятия несоотносимые, называющие их слова не являются антонимами. Так, в предложении: *Перед нами был невысокий, но длинный забор*, выделенные слова — не антонимы, так как понятия «высота» и «длина» характеризуют предмет (забор) с разных сторон, семантически не соотносимых между собой. В данном случае мы имеем дело с логическим противопоставлением (которое создает так называемую антонимическую ситуацию), а не с собственно лексической антонимией.

Противоположными подобные значения называются в силу того, что они взаимно исключают друг друга. Например, предмет одновременно не может быть глубоким и мелким, тяжелым и легким и т. д., т. е. слова, обладающие противоположным значением, находятся на крайних точках лексической парадигмы. Между ними в языке нередко имеются лексические единицы, обладающие неким средним, семантически нейтральным значением. Ср.:

Большой — *средний* — *маленький*

Крупный — *средний* — *мелкий* и т. д. [61, с. 67, 70, 78].

Содержание понятия антонимов в последнее время существенно расширено и дополнено. Так, до недавнего времени антонимами считались только слова, содержащие в своем значении указание на

качество. Современные исследователи усматривают антонимию и у слов, принадлежащих к одной и той же части речи, обозначающих разного рода чувства, действие, состояние, оценку, пространственные и временные отношения и т. д., т. е. все более укрепляется широкое понимание антонимии.

§ 29. Типы антонимов по структуре и семантической сущности противоположности

По своей структуре антонимы неоднородны.

Одни являются разнокорневыми: *белый — черный, бодрый — усталый, богатство — нищета, быстрый — медленный, вредный — полезный, жизнь — смерть, просторный — тесный, трус — храбрец* и др. Такие антонимы называют собственно лексическими. Другие — однокорневыми: *бездарный — одаренный, беспокойный — спокойный, вбегать — выбегать, возможный — невозможный, завертывать — развертывать, честный — нечестный, бесчестный* и т. д. Подобные антонимы называют грамматическими, а точнее, лексико-грамматическими. В однокорневых антонимах противоположность значения обусловлена присоединением семантически различных приставок, которые, как и слова, могут вступать между собой в антонимические отношения: ср., например, значение приставок *в-* и *вы-*, *за-* и *от-*, *за-* и *вы-* и др. в словах *вставить — выставить, закрыть — открыть, занести — вынести*. В данном случае лексическая антонимия является следствием словообразовательных процессов.

И разнокорневые и однокорневые антонимические парадигмы представлены в языке словами важнейших частей речи (существительными, прилагательными, глаголами и наречиями). Среди первых чаще наблюдается антонимия прилагательных, затем существительных и глаголов.

Однокорневые антонимы встречаются среди всех лексико-грамматических разрядов слов. Особенно активны в языке глагольные антонимы, так как эта часть речи отличается богатством приставочных образований. Например, десятки антонимов-глаголов образуются при помощи приставок *в-(во-)* и *вы-*, *за-* и *от-*, *недо-* и *пере-*, *под-(подо-)* и *от-(ото-)*, *при-* и *у-*, *раз-(рас-)* и *с-(со-)* и др. Так, с приставкой *недо-*, которая привносит значение «неполноты, недостаточности действия», в БАС приведено свыше 60 слов, многие из которых имеют антонимы с приставкой *пере-*, вносящей значение «чрезмерности, излишества действия» или «доведения действия до отрицательного результата»; ср.: *недоварить — переварить, недокормить — перекормить, недоквасить — переквасить, недоплатить — переплатить* и т. д.

Однокорневые антонимы-прилагательные и антонимы-существительные нередко образуются при помощи иноязычных словообразовательных элементов, например: *а-* (без-), *анти-* (против), *де-*, *дез-* (от-, из), *дис-* (не-), *контр-* (против), *макро-* (большой), *микро-* (маленький), *ре-* (обратно, назад) и др. Ср.: *логичный — алогичный,*

санитарный — антисанитарный, мобилизация — демобилизация, информация — дезинформация, гармония — дисгармония, атака — контратака, макроструктура — микроструктура, прогрессивный — регрессивный и т. д.

Среди однокорневых антонимов выделяются еще две группы: антонимы-энантиосемы и антонимы-эвфемизмы. У энантиосемов (греч. *enantios* — противоположный + *sema* — знак) значение противоположности выражается одним и тем же словом. Такую антонимию называют внутрисловной. Семантические возможности такого антонима реализуются при помощи контекста (лексически) или особыми конструкциями (синтаксически). Энантиосемия наблюдается, например, у слов: *нести* (сюда, в дом), т. е. «приносить» и *нести* (отсюда, из дома) — «уносить»; *оговориться* (намеренно) — «сделать оговорку» (специально) и *оговориться* (случайно) — «ошибиться»; *брошенная* (мысль) — «бегло, только что сейчас высказанная» и *брошенная* (мысль, идея), т. е. «оставленная давно, забытая» и т. д.

Примечание. Следует отметить, что вопрос развития в семантической структуре одного и того же слова противоположных значений давно заинтересовал исследователей. Так, еще в 1883—1884 гг. В. И. Шерцель опубликовал работу: «О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии)». В 1954 г. на это обратил внимание Л. А. Булаховский, отмечая, что «значения могут изменяться в языке до прямой своей противоположности» [16, с. 75]. В 1960 г. В. В. Виноградов указал на случаи формирования в языке «своеобразных омоантонимов» [20, с. 9]. На подобные явления неустойчивой, «неосуществившейся» омонимии он обратил внимание и в другой работе — «О процессах развития и разрушения омонимии в кругу соотносительных русизмов и древнеславянизмов» (см.: «*Studia slavica*», т. XII, Budapest, 1966).

Как разновидность антонимии рассматривают это явление Р. А. Будагов [15, с. 67] и Л. А. Новиков, хотя в работе последнего есть замечание о том, что для современного языка явление энантиосемии непродуктивно и что нередко внутрисловное расщепление значения приводит к возникновению омонимов [61, с. 181—192].

Н. М. Шанский рассматривает слова, заключающие в себе два противоположных значения, как «одну из разновидностей омонимов» [109, с. 64].

Антонимы-эвфемизмы — слова, выражающие семантику противоположности сдержанно, мягко. Они, как правило, образуются при помощи приставки *не-*. Ср.: *красивый* — *безобразный* и *красивый* — *некрасивый*, *добрый* — *злой* и *добрый* — *недобрый*.

Среди разнокорневых антонимов современные исследователи выделяют так называемые антонимы-конверсивы (лат. *conversio* — изменение). К ним относятся слова, которые выражают отношение противоположности и в исходном и в измененном высказывании, но не в обычном, прямом порядке, а в обратном. Например: *Петр покупает дом у Сергея* — *Сергей продает дом Петру*. Или: *Преподаватель принимает экзамен у студента* — *Студент сдает экзамен преподавателю* и т. д. [61, с. 35, 145—146, 197, 201].

Семантика противоположности и у разнокорневых и у однокорневых антонимов может раскрывать понятие о разной степени, мере одного и того же качества, свойства и т. д. Например, *дорогой* — *дешевый*, *глубокий* — *мелкий*, *молодой* — *старый*, где логиче-

ски предполагается возможная степень, градация (или градуальность) противопоставления: *молодой* → *моложавый* → *средних лет* → → *пожилой* → *старый*. Многие антонимические пары не указывают на степень качества, т. е. лишены признака градуальности. Так, нельзя представить семантическую градацию таких слов-антонимов, как *отец*—*мать*, *мужчина*—*женщина*, *день*—*ночь*, *север*—*юг*, *верх*—*низ* и др. [61, с. 217—281].

Заметим, кстати, что именно слова, в семантике которых присутствует предполагаемая, возможная степень качества, или свойства и т. д., нередко используются в эвфемистических выражениях. Ср.: *молодой*—*старый* и *молодой*—*пожилой* или *молодой*—*немолодой*. В первом случае антоним-эвфемизм *пожилой* несколько сдержаннее называет степень качества, выражаемого словом *старый*. Во втором — эвфемизм создан присоединением приставки *не*.

Итак, с точки зрения формально-структурных признаков можно выделить две основные группы слов-антонимов: 1) разнокорневые и 2) однокорневые. Среди первых, в свою очередь, по соотносительности с предметом (одним и тем же или разными) выделяют дополнительно группу так называемых антонимов-конверсивов. Среди вторых, кроме собственно однокорневых, по дополнительно выражаемым семантическим признакам различают антонимы-энантиосемы и антонимы-эвфемизмы. Однако общим, самым существенным признаком каждой группы остается противопоставленность их значений, которые относятся к одному и тому же ряду объективной действительности.

Понимание структурных и семантических возможностей антонимических оппозиций позволяет наиболее правильно и рационально использовать языковые антонимы в речи, выбирать информативно самые значимые из них. А это является важным характерным признаком творческого использования лексического богатства русского языка.

§ 30. Антонимия и многозначность.

Различительные языковые признаки антонимов

Для определения значения каждого из слов антонимической оппозиции и установления границ их лексической сочетаемости необходимо выявить характер их связи с разными значениями слова (если оно многозначно). Известно, что одно и то же слово может вступать одновременно в различные антонимические (и синонимические) отношения, т. е. входить в состав разных лексико-семантических парадигм. Например, слово *глубокий* обозначает: 1) значительное протяжение от поверхности или верхнего края до дна (*глубокий колодец*; *глубокое ущелье*); 2) достигший высокой степени; совершенный, полный (*глубокий сон*). В первом значении антонимами к нему выступают близкие (синонимичные) между собой слова *мелкий*, *неглубокий*. Во втором значении это слово имеет уже другие антонимы — *некрепкий*, *поверхностный*, *неглубокий*. Причем второе значение (как и первое) реализуется в раз-

личных словосочетаниях, в которых раскрываются дополнительные оттенки значения этого слова. Так, слово *глубокий* может сочетаться со словом *обморок*, создавая семантически устойчивое сочетание. Антонимичными в этом случае выступают слова *непродолжительный*, *неглубокий*. Семантическая близость выделенных значений слова *глубокий* приводит в данном случае к тому, что антоним *неглубокий* входит в состав сочетаний, которые характерны и для слова *глубокий*. Следовательно, словам-антонимам присуща известная общность сочетаемости. Это является еще одним языковым признаком антонимичных слов. Например, антонимы *активный* — *пассивный* сочетаются с одним и тем же кругом слов (человек, натура, участник; действие, знания, использование; спец. — операция и др.); сходны границы сочетаемости и других антонимов: *бедный* — *богатый* (человек; язык, словарь; урожай чего-либо и т. д.), *бездарный* — *талантливый* (человек; слова; произведение; игра и под.); *быстрый* — *тихий* (разговор; езда; течение; человек) и др.

Многозначное слово *тихий* кроме указанных выше слов сочетается еще с другими: *тихая улица*, *тихое помешательство*, *тихий свет* и др. В этом случае антонимами к нему соответственно выступают: *шумная улица*, *буйное помешательство*, *интенсивный свет*. Подобное наблюдается у слова *быстрый*. Ср.: *быстрый взгляд*, *быстрая кисть* (*перен.*, в значении «искусная») и *долгий взгляд*, *неискусная кисть*. Таким образом, данные слова (*быстрый* — *тихий*), противопоставляемые друг другу на одном уровне, утрачивают эту способность на другом, т. е. входят уже в состав новой лексико-семантической парадигмы.

Тесная взаимосвязь антонимии с многозначностью подчеркивает системность отношений лексических единиц, их взаимозависимость и взаимообусловленность при сохранении, однако, каждым из явлений своих различительных (дифференциальных) признаков.

Отметим, что не всегда каждое из значений многозначного слова имеет в языке антонимы. Например, слово *день* имеет четыре основных значения: 1) часть суток, от восхода до захода солнца, с утра до вечера; 2) сутки, промежуток времени в 24 часа; 3) календарная дата, число месяца, посвященные какому-нибудь событию, лицу; 4) время, пора. Но в антонимические отношения оно вступает только в первом значении: *день* — *ночь*. В этом случае действуют уже внутренние закономерности лексической системы, характер предмета и понятийные признаки. Так, не имеют антонимов, как правило, существительные с четко закрепленным конкретным значением (*тина*, *дом*, *чай*, *стена* и др.), числительные, большая часть местоимений, т. е. те слова, в значении которых отсутствуют или оценочно-качественные признаки, или прямая, непосредственная соотнесенность с понятием о предмете, а также другие логико-семантические характеристики. Кстати именно преобладанием представления, связанного с датой и числом, во 2-м и 3-м значениях слова *день* можно объяснить отсутствие у этих значений антонимов.

К числу языковых признаков антонимов, кроме связи с полисемией и спецификой синтагматических отношений, относится регулярность их контрастирующих ассоциативных связей, иными словами, упоминание об одном члене антонимической пары может вызвать представление о другом. Называя, например, такие свойства человеческого характера, как *доброта, нежность, чуткость*, говорящий и слушающий может сопоставить их с противоположными — *злость, грубость, бессердечие*.

§ 31. Антонимические ряды, их виды

Слова-антонимы, как и синонимичные слова, нередко образуют в языке и речи группы единиц, семантически близких по функции противопоставления. Как было отмечено (см. § 28), понятие об антониме возникает лишь в том случае, когда существует не менее двух семантически соотносимых слов, противоположных по значению. Поэтому нельзя, например, сказать, что слово *белый* — антоним. При этом необходимо сразу уточнить: *белый* — антоним слова *черный*. Следовательно, антонимы (как и синонимы) существуют как минимум попарно.

Нередко каждое из двух (и более) семантически противопоставленных слов в свою очередь имеет синонимы, которые и образуют ряды единиц, синонимичных (по вертикали) и антонимичных (по горизонтали) между собой. Например:

Волна:

тяжелая — слабая
сильная — легкая
могучая — несильная
и т. д.

Год:

будущий — минувший
наступающий — прошлый
грядущий — прошедший
приближающийся — уходящий
и др.

Таким образом, два и более близких по значению слова, имеющих несколько лексем, противоположных по значению, образуют антонимический ряд.

Слова в антонимических парах (и рядах) вступают между собой в более сложные отношения, образуя своего рода антонимические парадигмы (по терминологии Л. А. Новикова, «антонимические блоки»). Основанием для сближения и сопоставления служат в одном случае родственные словообразовательные связи. Например:

белый — черный
бело — черно
белее — чернее
белизна — чернота
белеть — чернеть
белеющий — чернеющий
побелев — почернев
и т. д.

В другом — их объединение осуществляется общим понятийным содержанием в одной тематической парадигме. Например, в числе антонимических оппозиций глаголов, связанных понятием интеллектуально-этической оценки, находим:

радовать — печалить
хвалить — ругать
одобрять — порицать
прославлять — осуждать
восхвалять — порочить
и др.

Сближение может происходить и по ряду других логических или функционально-семантических, стилистических и т. д. признаков, которые в разных языках неодинаковы, так как в каждом из них антонимы имеют свои, присущие им особенности и полностью не совпадают со словами другого языка.

§ 32. Антонимы общезыковые и контекстуально-речевые. Стилистические функции антонимов

В зависимости от различительных признаков, которыми обладают слова с противоположным значением, могут быть выделены антонимы общезыковые (или просто языковые) и контекстуально-речевые (или индивидуальные).

Языковые антонимы характеризуются рядом черт: а) общественно осознанными системными отношениями; б) устойчивой принадлежностью к определенной лексико-грамматической парадигме; в) регулярностью воспроизведения в одних и тех же (или сходных) синтагматических условиях; г) закрепленностью в словарном составе; д) относительно устойчивой стилиевой принадлежностью и стилистической сущностью (например, эмоционально-экспрессивными оттенками) и др. Подобные антонимы (как, впрочем, и языковые синонимы) существуют в лексико-семантической системе языка относительно независимо. Они составляют так называемую объективную совокупность антонимических возможностей общезыковой системы. К ним относятся все те слова, которые зафиксированы в современных словарях русского языка. Например, *веселый — скучный, вредный — полезный, добродетель — порок, закрытый — открытый, легкий — тяжелый, молодеть — стареть, увеличивать — уменьшать* и т. д.

Наряду с антонимами языковыми, регулярно используемыми (т. е. общеупотребительными, обычными, узуальными) в антонимических отношениях в определенной речевой ситуации, в том или ином контексте могут оказаться слова, которые в обычном употреблении не выражают противоположных значений. Подобные противопоставления не обладают признаком регулярной воспроизводимости и поэтому не находят, как правило, отражения в словарях, оставаясь фактом речи. Они по преимуществу являются однокорневыми, производными словами, стилистически ярче окрашенными

и более выразительными по сравнению с нейтральными языковыми противопоставлениями, которые служат базой для их образования. Такие слова-антонимы нередко называют не только речевыми, но и контекстуальными, индивидуальными, авторскими. Они не обычны, а окказиональны, случайны, единичны и обусловлены определенным авторским заданием. Их появление исследователи (в частности, Л. А. Введенская, И. С. Улуханов и др.) считают результатом некоторого ограничения языковой антонимии. Отступления от нее возможны лишь в индивидуальной речевой практике. К окказиональным антонимам относятся, например: *веселье* — *невеселье*, *выдвижение* — *задвижение*, *дотянутость* — *недотянутость*, *любовь* — *безлюбье*, *содружество* — *совражество*, а также: *вещный* — *безвещный*, *втиснуться* — *вытиснуться*, *фольклорный* — *антифольклорный* и мн. др. (см. анализ этих и других окказиональных антонимов в статье Л. А. Введенской и Г. Е. Гончаренко «Окказиональные антонимы». — В сб.: Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки, 1980, № 1).

Функцию противопоставления в индивидуально-речевом употреблении иногда выполняют и разнокорневые слова, которые далеки и от собственно антонимичных и от рассмотренных выше однокорневых окказиональных антонимов. Прием намеренного сталкивания слов, использования так называемой антонимической ситуации, характерен для поэтов, прозаиков и публицистов XIX и XX вв. См., например, у Ф. И. Тютчева в «Эпитафии Николаю I»:

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей;

у Н. А. Некрасова: *Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан*; у Н. Погодина: *С точки зрения нового мира — это преступление, а с точки зрения старого мира — шалость буйной молодости* и т. д.

Нередко в контексте противопоставленными оказываются и стилистические синонимы, однако это не дает основания включать подобные слова в состав лексических антонимов. Например:

Нет, не ресницы славлю я, но вежды,
Не взгляд, но взор сестры моей Надежды,
И светлыми словами неустанно
Уста и очи славлю у Светланы...
(С. Наровчатов)

Основная функция антонимов (и языковых и контекстуально-речевых) — выражение противоположности, которая присуща семантике подобных противопоставлений и не зависит от контекста.

Функция противоположности может быть использована с разными стилистическими целями:

1) для указания на предел проявления качества, свойства, отношения, действия, например:

Человеку надо мало:
чтоб искал
и находил,
чтоб имелись для начала
друг —
один
и враг
один.
...Человеку надо мало:
после грома —
тишину.
Голубой клочок тумана.
Жизнь —
одну
и смерть —
одну (Р. Рожд.);

2) для актуализации высказывания или усиления образа, впечатления и т. д., например: *Он был похож на вечер ясный: Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет* (Л.); *Кажется, прост человек, а придет суровая беда, в большом или малом, и поднимется в нем великая сила — человеческая красота* (А. Н. Т.);

3) для выражения оценки (иногда в сравнительном плане) противоположных свойств предметов, действий и др., например: *И мне стало казаться, что один старичок, совсем незначительный, — укреплявший овраги садами, был достойней для моего романа, чем все эти великие люди* (Пришв.); *Нижняя его часть значительно тяжелее верхней, поэтому, попадая в сферу притяжения планеты, аппарат всегда поворачивается к ней горлом* (А. Н. Т.);

4) для утверждения двух противоположных свойств, качеств, действий, например: *У нас каждая польза, даже самая маленькая, связана в конце концов с гигантской полезностью — именно с социалистическим строительством* (А. Лунач.); *Он в упор посмотрел ей в глаза своими постаревшими, какими-то странными, одновременно и добрыми и злыми глазами* (Сим.);

5) для утверждения одного из противопоставляемых признаков, действий или явлений реальной жизни за счет отрицания другого, например: *Ей [Майе] казалось, что это не веселая песня, а очень грустная* (М. Г.);

6) для признания некоего среднего, промежуточного качества, свойства и т. д., возможного или утвержденного между двумя противоположными по значению словами: *Кипренский писал ни хорошо, ни плохо, — что-то погасло внутри* (Пауст.).

На резком противопоставлении слов-антонимов построена одна из стилистических фигур — антитеза (греч. *antithesis* — противоположение). Этот стилистический прием с разными целями широко используют не только поэты, писатели, публицисты, ученые. Он с давних пор известен народной поэзии, широко представлен в пословицах и поговорках: *Знание человека возвышает, а невежество — унижает; Меньше говори, а больше делай; Рука коротка,*

да ноготок **длинный**. Этот прием используют в названиях литературных произведений, разного рода статей, заметок. Например: «О пропавших и отыскивавшихся», «Рассуждая длинно и коротко» М. Кольцова; «Дни и ночи», «Живые и мертвые» К. М. Сиимонова; «Париж днем и ночью», «На горах и в долинах» А. Кулешова; «Вверх — вниз» Р. Рождественского; «Жизнь и смерть Холстомера» А. Свободина и др. Его используют как одно из выразительно-образительных средств. См. у С. Я. Маршака в «Избранной лирике»: *Пусть равномерны промежутки, Что разделяют наши сутки, Но положив их на весы, Находим долгие минутки И очень краткие часы.*

• Он характерен для сентенций, образных выражений, крылатых фраз. См. у А. С. Грибоедова: *Минуй нас пуще всех печалей И барский гнев и барская любовь.* У И. А. Крылова: *Пой лучше хорошо щегленком, чем дурно соловьем.* У Н. А. Некрасова: *Правилу следуй упорно: Чтобы словам было тесно, Мыслям — просторно.* У А. В. Луначарского: *Прошлое — это то, чего уже нет, будущее — то, чего еще нет, настоящее абсолютно мимолетно, оно беспрестанно движется.* У Л. А. Озерова: *Лаконизм — это максимум поэтической интонации при минимуме словесных затрат.*

Антонимия может служить средством создания юмористических зарисовок, выражать иронию: *...ТЬфу ты! — хохочет народ у ворот: Старый осел молодого везет!* (С. Марш.). *...Не стану говорить, как горько живется рабочим в этих сладких заведениях, производящих конфеты и пряники* (М. Г.).

Другим стилистическим приемом, который строится на сопоставлении антонимических значений, является оксюморон, или оксиморон (греч. *οξυδῶρον* — букв. «остроумно-глупое».) Он заключается в сочетании слов, выражающих логически несовместимые понятия, резко противоречащие по смыслу и взаимно исключающие друг друга. См.: у М. Ю. Лермонтова: *Погружаясь в холодный кипяток нарзана, я чувствовал, как телесные и душевные силы мои возвращались*; ср., также: «Живой труп» — название пьесы Л. Н. Толстого; «Оптимистическая трагедия» — название пьесы В. Вишневского; «Богатый нищий» — название стихотворения Л. Мартынова; «Этот несвободный «свободный» мир» — название передовой статьи («Новое время», 1976, № 4, с. 1); «Точные неточности» (название статьи, посвященной проблеме перевода, «Литературная газета», 1978, 12 июня) и мн. др. См. также у Р. Рождественского: *За нами — штормовая тишина!* Или: *Холодным станет зной! Горячим будет снег!*; у С. Я. Маршака: *И подумывают так: — «Что за умница дурак!»* и т. д.

Примечание. В данном случае особые стилистические функции семантического противопоставления выполняют слова, относящиеся к разным частям речи. Подобное индивидуальное антонимическое сопоставление возможно, как правило, в условиях определенного контекста. Общеязыковые антонимы — слова одной части речи.

Намеренное столкновение логически и семантически противоположных понятий — прием действенный. Он настраивает читате-

лей на то, что речь идет о противоречивых, сложных явлениях, а нередко — и о борьбе противоположностей. Поэтому злоупотребление таким приемом иногда приводит не к усилению воздействия, а к его ослаблению. Так, вряд ли можно признать уместным использование оксюморона в такой заголовке, как *«Теплая метель»*, если речь идет о проявлении участия, внимания к тем, кто пострадал от стихийного бедствия. Ср. также: *Теплые холодильники и сухие ливни* и др.

Иногда наблюдается намеренное использование в тексте одного антонима вместо другого. К такому приему нередко прибегают современные журналисты. Например, в заголовках газетных публикаций читаем: *«Бюро злых услуг»* (вместо бюро добрых услуг), *«Закон несохранения»* (вместо закон сохранения), *«Овчинка стоит выделки»* (вместо овчинка выделки не стоит), *«Олимпийское беспокойство»* (вместо олимпийское спокойствие). Ср. также обновление в тексте публикаций пословиц: *долг платежом черен* (вместо красен) и др. Этот прием основан на использовании известной еще с античных времен особой стилистической фигуры — *антифразиса* (греч. *anti* — против + *phrasis* — выражение, оборот речи), т. е. употребление слова или выражения в противоположном смысле. Обычно он используется для создания иронии, выражения отрицательной оценки. Например: в обращении к Ослу: *Откуда, умная, бредешь ты голова?* (Кр.).

Употребление антонимов делает речь выразительнее и семантически богаче.

Антонимичные слова (и явление антонимии в целом), как и слова-синонимы, оказывают большую помощь в выборе оптимально информативной единицы в практике устного и письменного перевода.

На использовании явления формально-логической контрастности путем замены какого-либо понятия в подлиннике противоположным при переводе построен так называемый прием антонимического перевода [8, с. 215; 38 с. 48]. Например, при замене семантически утвердительного смысла на отрицательный, ср.: *Stradlater didn't say anything.* — Стрэдлейтер промолчал. «Здесь, — отмечает Л. С. Бархударов, — английская отрицательная конструкция передается русской утвердительной, а глагол *say* сказать заменяется его русским антонимом *промолчать*» [8, с. 216].

§ 33. Словари антонимов

Специальных словарей антонимов русского языка долгое время не было. В толковых словарях при объяснении значения слов иногда приводились антонимичные сравнения. Так, в Словаре Ушакова дано более трехсот антонимических отсылок, немало их в БАС [см.: *Белый* — «имеющий цвет снега, молока, мела (противопоставляется черному)»]. Более последовательно подобные противопоставления даны в двухтомном «Словаре синонимов русского языка», а также в однотомном «Словаре синонимов» (оба изданы

под редакцией А. П. Евгеньевой). Антонимы в этих словарях приводятся в конце словарной статьи. Если члены синонимического ряда имеют несколько противоположных по смыслу слов, они даются все. Например: к синонимическому ряду *боязливый — пугливый, трусливый, трусоватый* (разг.), *робкий, несмелый, малодушный* приведен соответственно ряд антонимов: *смелый — храбрый, отважный, мужественный, безбоязненный, бесстрашный, неустрашимый*.

В 1971 г. были изданы два словаря антонимов. В «Словаре антонимов русского языка» Л. А. Введенской объяснены 862 антонимические пары. Все толкования снабжены многочисленными, весьма убедительными примерами из произведений, различных по стиливой принадлежности (художественных, научных, газетно-публицистических). Кроме собственно лексикографических материалов в словарь включен теоретический раздел, в котором с достаточной полнотой освещены вопросы, связанные с лексической антонимией. В 1982 г. вышло второе издание этого словаря, значительно дополненное — в нем объяснено более 1000 антонимических пар и приведено много новых примеров.

В словаре Н. П. Колесникова (под ред. Н. М. Шанского) объяснено более 1300 слов-антонимов и разного рода противопоставлений, так как автор широко понимает явление антонимии (см. вступление к словарю «Об антонимах в русском языке»). И в том и в другом словарях недостаточно полно отражены однокорневые антонимы. В словарь Н. П. Колесникова включено немало терминов, которые существуют попарно, например: *гласный — согласный, вокализм — консонатизм* и т. д., что вряд ли оправдано, так как в этом случае будет наблюдаться смешение собственно лексических антонимов с логической бинарностью в разных отраслях знаний (в частности, в лингвистике).

В 1978 г. вышел «Словарь антонимов русского языка» М. Р. Львова под ред. Л. А. Новикова. В словаре приведено почти 2000 антонимических пар слов. Толкование их значений дано через приведение словосочетаний с этими словами и примеров в текстах (художественных и публицистических). Лексикографической части предшествует обстоятельная теоретическая глава, написанная Л. А. Новиковым, «Антонимия и словари антонимов». Имеются также разделы: «Как пользоваться словарем», «Указатель слов, объясненных в словаре» и два «Приложения». В первом указаны основные способы образования однокорневых антонимов, во втором перечислены словообразовательные элементы антонимического характера.

В 1980 г. был издан «Школьный словарь антонимов русского языка» М. С. Львова. В словаре объяснено свыше 500 пар наиболее распространенных антонимов. При определении значений учитывается многозначность слов. В конце словарных статей приведены так называемые синонимичные пары. Даны стилевые пометы. Каждая пара антонимов иллюстрируется примером из художественной литературы.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 80. Ознакомьтесь с приводимыми определениями антонимов, сопоставьте их и сгруппируйте по сходству и различию в подходе разных авторов к данному явлению.

1. «**Антонимы** *англ.* antonyms, *фр.* antonymes, *нем.* Antonyme, *gegenätzliche Wörter*, *исп.* palabras antónimas. 1) Слова, имеющие в своем значении качественный признак и потому способные противопоставляться друг другу как противоположные по значению. *Русск.* хороший — плохой <...> 2) Слова, противопоставленные друг другу как коррелятивные (*русск.* брат — сестра), как обозначающие противоположно направленное действие (*русск.* уходить — приходить) и т. п.» (О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов).

2. «Антонимами <...> обычно называют слова с противоположными по отношению друг к другу значениями: *правда — ложь, любить — ненавидеть, сильный — слабый*» (Р. А. Будагов. Введение в науку о языке).

3. «Ассоциация по противоположности (предлагающая одновременно наличие сходства в каком-то отношении) лежит в основании различения **антонимов-слов** с противоположным значением (греч. искусств. "противоположное наименование"). Под антонимией понимают не простое противоположение, которое может быть выражено прибавлением отрицания (белый: небелый <...>), а противопоставление допускающих это значение, выраженных различными корнями (бедный, нищий: богатый <...>).

<...> Антонимы в основном относятся к выражению качеств, но возможны также, например, при названии действий и состояний отрицательного или отменяющего характера» (Л. А. Булаховский. Введение в языкознание).

4. «Антонимы <...> — это слова с противоположным значением, относящиеся к одному и тому же ряду явлений объективной действительности» (Л. А. Введенская, Т. В. Дыбина, И. И. Шеболева. Современный русский литературный язык).

5. «Антонимами называются слова с противоположными значениями» (Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. Лексика).

6. «Антонимы — это слова с противоположным значением» (А. В. Калинин. Лексика русского языка).

7. «В словарном составе современного русского литературного языка значительное место занимают такие пласты слов, как синонимы и антонимы. Последние представляют собой разнозвучные слова, объединяющиеся в пары, члены которых противопоставляются друг другу в каком-нибудь одном отношении <...>

...Антонимичными признаются не только слова, образованные от разных корней <...>, но и однокоренные слова с соответствующими служебными морфемами, придающими им противоположные значения <...> Антонимичными могут быть и сложные слова <...>» (Н. П. Колесников. Словарь антонимов).

8. «Антонимия есть семантическое отношение возможных для каждого случая употребления крайних (полярных) членов тематической группы <...>

<...> Семантическую основу антонимии образует различного рода логическая противоположность внутри одной сущности (качества, свойства, действия, процесса, отношения и т. п.).

<...> Лексическое значение антонимов имеет ярко выраженный оценочный (и в силу этого относительный) характер...

Антонимы представляют собой противоположные по семантике слова одной и той же части речи <...>.

Антонимия как противопоставление (противоположность) является понятием абсолютным, в то время как сами антонимы, т. е. языковые средства ее реализации, относительны и различаются степенью их антонимичности» (Л. А. Новиков. Антонимия в русском языке).

9. «Антонимы — это слова противоположного значения. Здесь отношение чисто семантическое: оно основано на противопоставлении понятий; это отношение не номинативное» (А. А. Реформатский. Введение в языковедение).

10. «Антонимы ... слова, имеющие противоположные значения. Основой антонимии является наличие в значении слова качественного признака, который может возрастать или убывать и доходить до противоположного <...>» (Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Справочник лингвистических терминов).

11. «Антонимы являются словами разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» (Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка).

12. «Наиболее полное противопоставление слов расценивается как антонимия. Антонимами могут быть признаны слова, которые противопоставлены по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причем находятся на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы» (Д. Н. Шмелев. Современный русский язык. Лексика).

Упражнение 81. Определите значение приводимых ниже слов, учитывая их возможную многозначность. Составьте словосочетания и подберите к каждому из них антонимичное, указывая при этом на существенный семантический признак, положенный в основу противопоставления. (Если слово имеет более трех значений и много их оттенков, количество примеров можно сократить.)

Образец: Глубокий 1. Имеющий значительное протяжение от поверхности или верхнего края до дна. Например: глубокий колодез — мелкий колодез.

Существ. признак — значительность протяженности.

2. Находящийся на значительном расстоянии от края; отдаленный. Например: глубокий тыл — близкий тыл.

Существ. признак — большая удаленность.

3. Достигший высокой степени, полноты, предела своего проявления; совершенный, полный. Например: а) глубокий сон — неглубокий, поверхностный сон.

Существ. признак — степень проявления чего-л.;

б) глубокий обморок — неглубокий, непродолжительный обморок.

Существ. признак — время проявления чего-л.;
в) *глубокие знания* — неглубокие, поверхностные.
Существ. признак — прочность усвоения чего-л. и т. д.

Бедный, благородный, горький, мелкий, полезный, слабый, свежий.

Упражнение 82. Составьте с приводимыми ниже словами, где возможно, антонимичные и синонимичные ряды слов, указывая в скобках тематическую группу, к которой они относятся.

Активный, вежливый, волевой, глубокий, добрый, культурный, сердечный, серьезный, содержательный, справедливый; беречь, бодрствовать, гулять, краснеть; вера, весна, день, доброта, истина, красота, лето, нравственность, отчаяние, скупость, слабость, утро.

Упражнение 83. Подберите к приводимым словам антонимичные, по возможности разные по структуре (однокорневые, разнокорневые, внутрисловные). Составьте с ними словосочетания.

Активность, бездарность, бесславие, благоразумие, задымить, земной, здоровый, знакомый, искренний, корыстный, малочисленный, недожаривать, ненавидеть, обделить, оговориться, одаренный, одолжить, открывать, отрадный, просмотреть, распушенный, свежий, успех.

Упражнение 84. Выпишите из приводимых ниже примеров слова-антонимы, определите их структуру и семантическую основу противоположностей (см. § 29).

1. Вопрос же о том, что кто на земле полезен и бесполезен, не Буренину решать и не нам (Ч.). 2. Даже Крылов сказал, что пустую бочку слышнее, чем полную (Ч.). 3. — Ну, чего ж жалеть? Волга дала, Волга и взяла (М. Г.). 4. Так возникает перед критикой вопрос, чем данное произведение искусства является для нас, чем оно может помочь или повредить нам (А. Лунач.). 5. Говорить «просто» и говорить «понятно» — не синонимы. Для не специалиста может быть «непонятно» и то, что сказано очень просто (Брюс.). 6. Мир строит, а война разрушает (посл.). 7. Недруг поддакивает, а друг спорит (посл.). 8. Пабло Неруда был человеком прочных взглядов на прошлое, настоящее и будущее человечества, на людей труда и людей наживы, на мир и на войну, на друзей и врагов (Сим.). 9. Я друзьям моим сказала: — Горя много, счастья мало. — И ушла, закрыв лицо; Потеряла я кольцо (Ахм.). 10. Безумствует распад. Но — все-таки — виват! — Профессия рожать древней, чем убивать (Возн.). 11. Что обычно началось, кончается необычайно! (Л. Март.). 12. Детали! Они верные помощники автора научно-художественной книги, они дают возможность в частном и конкретном показать общее, отвлеченное (А. Ивиц). 13. Непонятно, каким образом оба их сына вышли совершенными красавцами, а дочь Юленька, единственная и долгожданная, — совершенным уродом (В. Пан.).

Упражнение 85. Составьте синонимические и антонимические парадигмы, используя в роли доминанты приводимые ниже слова. (Если слово многозначно, парадигму следует составлять к каждому из значений.)

Важный, верный, ветхий, вместе, дружеский, легкий, ловкий; отрастить, отрицать, отяготить, сначала, храбрый.

Упражнение 86. Определите значение приводимых ниже слов и подберите к ним антонимы. Составьте с каждым из антонимичных слов словосочетания, распределяя их по тематическому признаку.

Беспокойный, большой, веселый, вчерашний, длинный, искренний, откровенный, правый, просторный, ранний, редкий, темный, тесный, фальшивый, холодный, южный, явный.

Упражнение 87. Подберите 10—15 пословиц, построенных на использовании антонимов.

Упражнение 88. Подберите к приводимым ниже словам антонимы, указывая, с какими словами они могут сочетаться и чем это обусловлено.

Бессилие, горечь, жара, мужество, слабость; веселый, дорогой, известный, крепкий, правый; возвышать, давать, завершать, молодеть, радоваться; быстро, внутри, всюду, книзу, легко.

Упражнение 89. Ознакомьтесь с приводимыми текстами, найдите в них языковые и контекстуально-речевые (индивидуальные) антонимы. Укажите, какие различительные признаки им свойственны.

1. Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет... (П.)
2. Таит молодое чело
По воле — и радость и горе.
В глазах, как на небе, светло.
В душе ее темно, как в море (Л.).
3. Мошки вьются столбом, светятся в тени, темнея на солнце (Т.).
4. Публика всегда и везде одинакова: умна и глупа, сердечна и безжалостна — смотря по настроению (Ч.). 5. Точно чьи-то тени прошлись с плачем и смехом (М. Г.). 6. Ненавижу всяческую мертвечину, Обожаю всяческую жизнь (В. М.).
7. Вчера еще в глаза глядел,
А нынче — все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, —
Все жаворонки нынче — вороны! ...
Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая...
...Не мать, а мачеха — Любовь.
Не ждите ни суда, ни милости...
...Жить приучил в самом огне,
Сам бросил — в степь заледенелую! (Цветаева)
8. ...Вспоминается Неруда — гость, когда он у тебя в доме, и Неруда — хозяин, когда ты у него в доме, там, в Чили, в двух шагах от океана. Вспоминается Неруда, меняющийся в знак братства рубашками, и Неруда, читающий стихи, и Неруда, слушающий стихи...
...Он обладал той глубиной и цельностью натуры, при которой

человека не заботит мгновенность перехода от самого серьезного и даже трагического — к улыбке, к шутке, к иронии! (Сим.)
9. Первой она встречает меня, Последней меня провожает (Р. Рожд.).

Упражнение 90. Найдите в приводимых ниже текстах антонимы, определите их вид (языковые, индивидуально-речевые) и стилистические функции.

1. Ай, Моська, знать, она сильна,
Что лает на слона (Кр.).
2. Как брань тебе не надоела?
Расчет короток мой с тобой:
Ну так! Я празден, я без дела,
А ты бездельник деловой (П.).
3. И день настал. Встает с одра
Мазепа, сей страдалец хилый,
Сей труп живой, еще вчера
Стонавший слабо над могилой (П.).
4. Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль (Л.).
5. Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг (Л.).
6. Будь счастлива несчастьем моим (Л.).
7. Во мне огонь горит ровно и вяло, без вспышек и треска —
не совершаю я поэтому ни выдающихся глупостей, ни заметных
умностей (Ч.).
8. Отстать от этой прихоти — для них значит пере-
стать быть самими собою: в ней крепость их слабости (Леск.).
9. Мужчины здесь, как и везде, были двух родов: одни тоненькие,
которые все увивались около дам... Другой род мужчин составляли
толстые... Увы! толстые умеют лучше на этом свете обделывать
дела свои, нежели тоненькие. Тоненькие служат больше по особен-
ным поручениям или только числятся и виляют туда и сюда...
Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а все прямые,
и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко (Г.).
10. И чибисы
плачут — от света, простора, От счастья — плакать, смеясь (Бун.).
11. Впереди его шагали двое, один — коренастый, тяжелый, дру-
гой — тощенький, вертлявый (М. Г.).
12. И не я с ума сошел,
а ты оказываешься умным дураком (Шол.).
13. Хорошо, когда хулят и хвалят,
Превозносят или наземь велят,
Хорошо стыдиться и гордиться,
И на что-нибудь годиться (Б. Сл.).
14. Он прожил жизнь свою то весел, как скворец,
То грустен и влюблен, то страстно беззаботен (Брюс.).
15. Жить, храня веселье горя
Помня радость прошлых весен... (Брюс.).
16. Лучше я, ночной порою
Погибая на седле,
Буду счастлив под землею,
Чем несчастен на земле (М. Свет.).

17. Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной (Ахм.).
18. От других мне хвала — что зола,
От тебя и хула — похвала (Ахм.).
19. Раны водица ласкает.
Боль замирает... Боль замирает.
Плач веселится. Веселье плачет.
Победа глаза не прячет! (Игорь Шкляревский)

Упражнение 91. Ознакомьтесь с приводимыми ниже заголовками газетных публикаций. Укажите, какой лингвостилистический прием в них использован, каковы его роль и целесообразность использования.

1. «Старые проблемы нового сезона» (о плохой подготовке спортивных организаций к зиме).
2. «Жаркая мерзлота» (о трудной работе шахтеров в Заполярье).
3. «Аппетит уходит во время еды» (о питании в плохой столовой).
4. «Сухим из душевой» (о неудачном походе в душ, который систематический портится).
5. «Хмель шумит, ум молчит» (о случаях пьянства и его последствиях).
6. «Жаркие схватки вокруг холодных напитков» (о борьбе в Японии конкурирующих японских и американских фирм, изготавливающих прохладительные напитки).
7. «Черная месть белых расистов».
8. «Большие выгоды малого орошения».
9. «Похвала скромности» (о борьбе с зазнайством).
10. «Бассейн "утонул" в разговорах» (о затянувшемся утверждении плана строительства бассейна).
11. «Эта некритическая критика».
12. «Веселая серьезность» (М. Шагинян).

Упражнение 92. Подберите примеры употребления антонимов в стихах Р. Рождественского и проанализируйте их стилистическую роль.

Упражнение 93. Сопоставьте попарно приводимые примеры намеренного (или ошибочного) стилистического приема. Мотивируйте целесообразность (или нецелесообразность) использования данного приема. Внесите, где следует, необходимые исправления.

1. «Ты бы, Евграф Иванович, дал ему еще рублей шесть на сапоги. Ну, как ему, погляди, ехать в Москву в такой рвани?» «Пусть мои старые возьмет. Они совсем новые» (Ч.). — Староста группы сообщил, что в букинистическом магазине можно купить совсем новые старые учебники.
2. Днем и ночью шумел дождь в водосточных трубах (А. Н. Т.). — В один из летних дней ночью друзья отправились на рыбалку.
3. Если б не было бы смерти, так бы жизнь мы не любили (Н. Доризо). — [Из зарубежного репортажа:] Эти мужественные люди видят в гонках единственный способ обеспечить себе сносную жизнь. Но далеко не все обеспечивают себе жизнь, зато многие обеспечивают смерть.
4. [Из книги для детей:] Небывальск — самый маленький город в мире. — На девочке было рваное платье и растоптанные, большие маленькие ботинки.
5. Я слишком стар, чтобы стареть: стареют только молодые (В. О. Ключевский). — Молодой бригадир подошел к станку степенного, седого, старого рабочего.
6. Воспоминания отца были устремлены не только в прошлое, но и в будущее. — Что такое родина? ... Это — прошлое народа, настоящее и будущее (А. Н. Т.).

ЧАСТЬ II

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

§ 34. Место русского языка среди других славянских языков

Представление о системности семасиологических связей слов может быть дополнено выявлением и описанием основных генетических групп (греч. *genētikos* — относящийся к происхождению), сложившихся в процессе исторического становления и развития русской лексики. Прежде чем перейти к рассмотрению этих групп, определим место русского языка среди других языков.

По сходству слов, корней, аффиксов, ряду фонетических, грамматических и других особенностей, а также по сходству происхождения и развития русский язык входит в славянскую языковую семью, которая распадается на три группы: восточнославянскую, западнославянскую и южнославянскую.

Данная классификация славянских языков базируется на сходстве их происхождения и развития:

Современные славянские языки уходят корнями в далекое прошлое, когда их объединяла значительно большая общность. Примерно до VII в. н. э. существовал так называемый общеславянский, или праславянский, язык, свойственный относительно единой ранней, славянской этнической общности (внутри которой, разумеется, с самого начала существовали определенные племенные различия и различия языковые). Он, в свою очередь, восходит к еще более

раннему по времени возникновения и функционирования — единому индоевропейскому праязыку, давшему начало современной индоевропейской языковой семье с ее многочисленными группами подгруппами и т. д., в состав которых входит и славянская группа языков.

§ 35. Общая генетическая характеристика русской лексики. Основные пути ее формирования

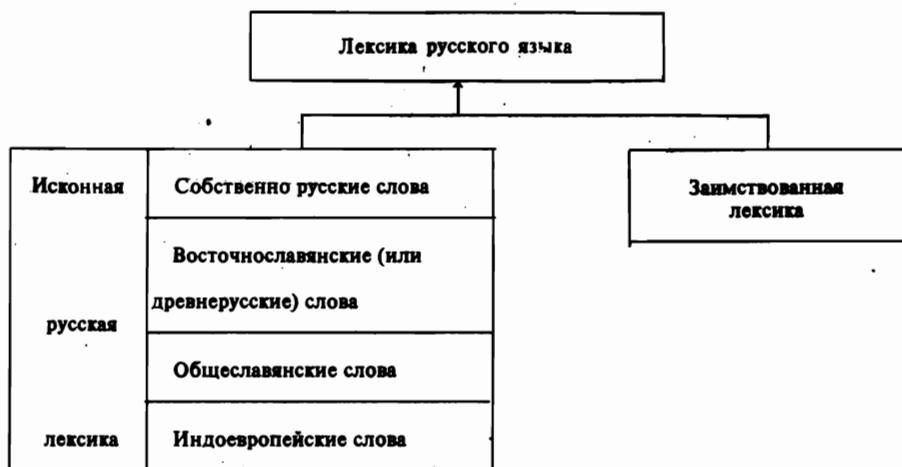
Лексическая система в современном виде появилась не сразу. Процесс ее формирования весьма длительный и сложный. «История слов, — отмечает Р. А. Будагов, — это не только история этимологий, но и история всего последующего их движения в языке и в обществе» (Р. А. Будагов. История слов в истории общества. М., 1971, с. 64).

Кроме слов, которые появились в русском языке сравнительно недавно и появляются в настоящее время, в нем есть немало таких, история которых восходит к далекому прошлому славянских племен. Эти древние слова (чаще — их основы) входят составной частью в современный словарь, как группы исконной (т. е. существующей давно, исконной) лексики русского языка.

В соответствии с установленной хронологией выделяют следующие генетические группы слов исконной лексики русского языка: 1) индоевропейские; 2) общеславянские, 3) восточнославянские (или древнерусские) и 4) собственно русские.

Наряду с исконной лексикой в русском языке выделяют группы слов, в разное время заимствованных из других языков.

Схематично это можно изобразить следующим образом:

Итак, лексикология называет два основных пути развития словарного состава: 1) существование и постоянное пополнение слов исконных, 2) заимствование слов из других языков.

Слова исконной лексики генетически неоднородны. В них, как мы видели на схеме, выделяются индоевропейские, общеславянские, восточнославянские и собственно русские.

Индоевропейскими называются слова, которые после распада индоевропейской этнической общности в конце эпохи неолита (здесь и в дальнейшем вопросы возникновения и развития русского языка излагаются на основе исследований Ф. П. Филина [99; 100; 102]) были унаследованы древними языками этой языковой семьи, в том числе и общеславянским языком. Так, для многих индоевропейских языков будут общими (или весьма сходными) некоторые термины родства: *мать, брат, дочь*; названия животных, растений, продуктов питания: *овца, бык, волк; верба, мясо, кость*; действий: *братъ, везти, велеть, видеть*; качеств: *босой, ветхий* и т. д.

Следует заметить, что и в период так называемой индоевропейской языковой общности существовали различия между диалектами разных племен, которые в связи с их последующим расселением, удалением друг от друга все увеличивались. Но явное наличие сходных лексических пластов самой основы словаря позволяет условно говорить о некогда единой основе — праязыке.

Общеславянскими (или праславянскими) называются слова, унаследованные древнерусским языком из языка славянских племен, занимавших к началу нашей эры обширную территорию между средним течением Днепра, верховьями Западного Буга и Вислы. В качестве единого (называемого так условно) средства общения он, как уже было отмечено, использовался приблизительно до VI—VII вв. н. э., т. е. до того времени, когда в связи с расселением славян (оно началось раньше, но наибольшей интенсивности достигло к VI—VII вв.) распалась и относительная языковая общность. Естественно предполагать, что и в этот период также существовали территориально обособленные диалектные различия, которые в дальнейшем и послужили основой для формирования отдельных групп славянских языков: южнославянской, западнославянской и восточнославянской. Однако в языках этих групп выделяются слова, появившиеся в общеславянский период развития языковых систем. Такими в русской лексике являются, например, наименования, связанные с растительным миром: *дуб, липа, ель, сосна, клен, ясень, рябина, черемуха, лес, бор, дерево, лист, ветвь, ветка, кора, корень, сук*; культурными растениями: *горох, мак, овёс, просо, пшеница, ячмень*; трудовыми процессами и орудиями: *ткать, ковать, сечь, мотыга, челнок*; жилищем и его частями: *дом, сени, пол, кров*; с домашними и лесными птицами: *петух, соловей, скворец, ворона, воробей*; продуктами питания: *квас, кисель, сыр, сало*; названиями действий, временных понятий, качеств: *бормотать, бродить, делить, знать; весна, вечер, зима; бледный, ближний, буйный, веселый, великий, злой, ласковый, немой* и т. д.

Общеславянские слова, вошедшие в исконную лексику русского языка, составляют сравнительно небольшую часть современного словаря, но, как указывает Н. М. Шанский, они «являются в нашей речи наиболее употребительными, частыми и ходовыми и в повседневном общении составляют не менее $\frac{1}{4}$ всех слов. Именно эти слова являются ядром нашего современного словаря, важнейшей и существеннейшей его частью» [109, с. 75. См. также, с. 73—74, 76—78].

Восточнославянскими, или древнерусскими, называются слова, которые начиная с VI—VII вв. возникали уже только в языке восточных славян (т. е. древнерусской народности, предков современных украинцев, белорусов, русских), объединившихся к IX в. в большое феодальное древнерусское государство — Киевскую Русь.

Среди слов, известных только в восточнославянских языках, могут быть выделены названия различных свойств, качеств, действий: *белокурый, беззаветный, бойкий, бурый, дешевый, дремучий, затхлый, зоркий, коричневый, корявый, сизый, темный, хороший; барахтаться, будоражить, бурлить, бродить, добреть, горячиться, ерзать, заострять, затеять, знобить, извинить, кипятить, колупать, колыхать, коротать, рокотать, рухнуть, ругаться*; термины родства: *дядя, падчерица, племянник*; бытовые названия: *багор, бечевка, веревка, жаровня, клюшка, лукошко, самовар*; названия птиц, животных: *белка, гадюка, галка, зяблик, кошка, коршун, снегирь, куница*; единицы счета: *сорок, девяносто*; слова с временным значением: *сегодня, после, теперь* и многие другие [100].

Собственно русскими называются все слова (за исключением заимствованных), которые появились в языке уже после того, как он стал самостоятельным языком русской (называлась великорусской) народности (с XIV в.), а затем языком русской нации (русский национальный язык формировался в течение XVII—XVIII вв.). Заметим, что к периоду XIV—XVI вв. относится формирование и двух других восточнославянских языков — украинского и белорусского.

Собственно русскими являются многие разнообразные наименования действий: *ворковать, влиять, исследовать, корчевать, маячить, разmozжить, разредить, распекать*; предметов быта, продуктов питания: *вилка, волчок, обложка, обои; варенье, голубцы, кулебяка, лепешка*; явлений природы, растений, плодов, животных, птиц, рыб: *вьюга, гололед, зыбь, ненастье; кустарник; антоновка; выхухоль, грач, курица, голавль*; названия признака предмета и признака действия, состояния: *выпуклый, досужий, дряблый, кропотливый, особенный, пристальный; вдруг, впереди, всерьез, дотла, кстати, мельком, наяву, однажды*; наименования лиц по роду занятий: *возчик, гонщик, каменщик, кочегар, летчик, наборщик, наладчик*; названия отвлеченных понятий: *итог, обман, обиняк, опрятность, осторожность* и многие другие слова с суффиксами *-ость, -ство*, и т. д.

§ 37. Заимствованные слова в русском языке

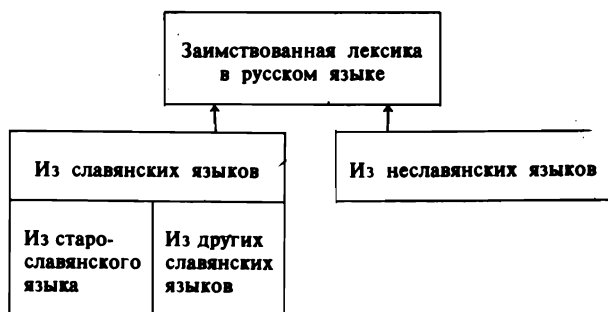
В разные исторические периоды (общеславянский, восточнославянский, собственно русский) в исконный русский язык проникали слова из других языков. Это было обусловлено тем, что русский народ вступал в экономические, культурные, политические связи с другими народами, отражал военные нападения, заключал военные союзы и т. д. Однако в целом, по мнению исследователей, языковые заимствования в русской лексике составляют сравнительно небольшой процент. Так, Ф. П. Филин в книге «Истоки и судьбы русского литературного языка» (М., 1981) отмечает, что заимствований из старославянского языка не более 10%, а греко-латинских, западно-европейских и других в литературном языке около 14% [102, с. 58, 60, 78 и 79]. Н. М. Шанский считает, что общее число всей заимствованной лексики не превышает 10% [109, с. 96].

Могут быть выделены два типа заимствований: 1) из славянских языков (т. е. родственные) и 2) из неславянских языков. К первому типу относятся заимствования из старославянского языка, а также из других славянских языков (например, украинского, белорусского, польского, болгарского, чешского и т. д.). Ко второму типу принадлежат заимствования из греческого, латинского, тюркские, иранские, скандинавские, западноевропейские (романские, германские и др.), а также многочисленные, постоянно пополняемые заимствования из языков народов всех республик Советского Союза.

По времени появления в русском языке заимствования также неоднородны. Одни из них являются ранними: они осуществлялись в период или общеславянского языкового единства, или восточнославянского, т. е. древнерусского, языка, другие — более поздние (они пополняли уже собственно русскую лексику).

Вопросами точной периодизации заимствований, как и исторического формирования лексики, занимается историческая лексикология. В задачи описательной лексикологии современного русского языка они не входят. Однако при рассмотрении генетических групп исконной лексики и разных типов заимствований используются некоторые данные исторической лексикологии.

Схематично все сказанное можно изобразить следующим образом:

1. ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В исконную лексику русского языка в разные исторические периоды его развития вошло немало слов из родственных славянских языков. Одними из самых ранних, сыгравших значительную роль в последующем становлении и развитии русского литературного языка, были заимствования из старославянского языка, т. е. старославянизмы. (Слова из старославянского языка не следует смешивать с общеславянскими, см. § 36.)

Старославянским называют один из славянских языков, который начиная с XI в. использовался в качестве литературного письменного языка для перевода греческих богослужебных книг и внедрения христианской религии в славянских странах (например, в Моравии, Болгарии, Сербии, в Древней Руси). Древнеболгарские просветители Константин (Кирилл) и Мефодий внесли в состав старославянского языка элементы из других, известных им живых славянских языков того времени, а также из языков неславянских, например из греческого, в котором отразилась высокоразвитая традиция византийской культуры предшествующих эпох.

Современные исследователи отмечают, что «это был язык "священный", т. е. нормализованный, функционально отличный от народно-разговорного языка. Как и всякий литературный язык, он был в известной степени искусственный и в эпоху средневековья реально-интернациональный» [95, с. 53], т. е. представлял собой своего рода «славянскую латынь», противопоставлявшуюся собственно латыни — латинскому языку, на котором шло богослужение во многих европейских странах, в том числе и в отдельных славянских (например, Моравии).

Старославянский язык, применявшийся с самого начала в качестве языка церкви, называют еще церковнославянским (или древнецерковноболгарским). В отдельных странах он принимал локальные черты местных славянских языков и в этом виде использовался за пределами литургических текстов, в произведениях древней славянской литературы, в том числе и древней русской литературы.

На Руси старославянский язык получил особенно широкое распространение в конце X в., после принятия христианства. Границы употребления этого языка (а точнее — его церковнославянского варианта) постепенно расширялись. Он подвергался влиянию исконно русского языка. В памятниках древнерусской письменности (особенно в летописях) нередки случаи смешения старославянского и русского языков. Это свидетельствовало о том, что старославянизмы не были чуждыми заимствованиями и многие из них прочно укреплялись в русском языке как родственные.

Из старославянского языка в русский пришли, например, церковные термины: *священник*, *крест*, *жезл*, *жертва* и др.; многие слова, обозначающие абстрактные понятия: *власть*, *благодать*, *согласие*, *вселенная*, *бессилие*, *блуждание*, *бедствие*, *добродетель* и др.

Старославянизмы, заимствованные русским языком, не все одинаковы: одни из них являются старославянскими вариантами слов, существовавших еще в общеславянском языке (*глад, враг* и др.); другие являются собственно старославянскими (*ланѣты, устá, пѣрси, áгнец* и т. д.), причем существующие исконные слова русского языка, синонимичные им, иные по своей фонетической структуре (*щеки, губы, груди, ягненок*). Наконец, выделяются так называемые семантические старославянизмы, т. е. слова по времени появления общеславянские, однако получившие особое значение именно в старославянском языке и с этим значением вошедшие в состав русской лексики (*грех, господь* и т. д.).

Старославянизмы имеют звуковые (фонетические), морфологические и семантические признаки.

К основным звуковым признакам относятся:

1) неполногласие, т. е. наличие сочетаний *-ра-, -ла-, -ре-, -ле-* на месте русских *-оро-, -оло-, -ере-, -еле-, -ело-* после шипящих в пределах одной морфемы: *врата, злато, чреда, плен, шлем* (ср. русские *ворота, золото, очередь, устар. полон и полонить, шелом и ошеломить*);

2) сочетания *ра-, ла-* в начале слов на месте русских *ро-, ло:* *равный, ладья* (ср.: *равно, лодка*);

3) в известных условиях сочетание *жд* на месте русского *ж* (из общеславянского *dj*): *хождение (хожу), вождение (вожу)*;

4) согласный *щ* на месте русского *ч* (из общеславянского *tj*): *освещение (свеча)*;

5) звук *е* под ударением перед твердыми согласными на месте русского *ѣ (о)*: *небо (нёбо), перст (напѣрсток)*;

6) звук *е* в начале слова на месте русского *о*: *есень (осень), езеро (озеро), единица (один)*.

Морфологическими признаками являются старославянские словообразовательные элементы:

1) приставки *воз-* (*воздать, возвернуть*), *из-* (со значением «направления откуда-то изнутри»: *изгнать, излить, извергнуть*), *низ-* (*низвергнуть, ниспадать*), *чрез-* (*чрезмерный*), *пре-* (*презреть, преемник*), *пред-* (*преднамеренный*);

2) суффиксы *-стви(е)* (*бедствие, сочувствие*), *-ч(ий)* (*ловчий*), *-жь* (*казнь, жизнь*), *тв(а)* (*битва*), *-ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-* (*сведущий, тающий, лежащий, говорящий*).

3) характерные для старославянского языка первые части сложных слов: *благо-, бого-, добро-, зло-, жертво-, едино-* и др. (*благодать, богобоязненный, добродетель, злонравие, жертвоприношение, единообразие*).

Старославянские слова обладают и некоторыми семантико-стилистическими признаками. Например, по сравнению со сходными исконными словами русского языка многие старославянизмы, функционально предназначенные с самого начала для нужд церкви, сохранили свое отвлеченное значение, т. е. до сих пор остаются в сфере слов книжных, обладая стилистическим оттенком торжественности, приподнятости. Ср.: *брег* (русское *берег*),

влачить (русское *волочить*), *длани* (русское *ладони*), *врата* (русское *ворота*), *храм* (русское *хоромы*) и т. д. Слова подобного типа некоторые исследователи, например Г. О. Винокур, называют «славянизмами в стилистическом смысле», т. е. «славянизмами по употреблению», четко отделяя их от славянизмов «генетических», т. е. по происхождению [25, с. 443]. (По-видимому, «славянизмами» названы слова, заимствованные из старославянского языка.)

Если сравнить их с русскими вариантами, то можно, вслед за Г. О. Винокуром, выделить три группы слов: а) старославянские слова, русские варианты которых хотя и зафиксированы в древних памятниках, но неупотребительны: *благо* — *болого*, *влага* — *волога* и т. д.; б) старославянизмы, употребляемые наряду с русским вариантом, имеющим иное значение: *гражданин* — *горожанин*, *главный* — *головной*, *прах* — *порох*, *предать* — *передать*, *преступить* — *переступить*; в) старославянизмы, редко употребляемые в современном языке и имеющие русские варианты: *глас* — *голос*, *влас* — *волос*, *врата* — *ворота*, *злато* — *золото*, *млад* — *молод* и др. Использование слов последней группы (например, в поэтической речи) стилистически уместно и оправданно. Эти слова являются славянизмами и по происхождению, и по стилистическому употреблению. Они сохранили «свою стилистическую обособленность». Г. О. Винокур предлагал их отделять от тех слов, которые относятся к старославянизмам только по происхождению (т. е. генетическим), которые в процессе употребления утратили присущие им стилистические приметы (например, слова *приятный*, *иногда*, *обладать*, *сладкий*, *здравствуй*, *время*, *храбрый* и др.), однако сохранили семантику отвлеченности (ср. значение слов: *власть* и устар. *волость*, *страна* — *сторона*, *бремя* — *беремя*, *вращать* — *воротить*, *поворотить* и т. д.).

В русском языке есть заимствования из других близкородственных славянских языков, например из белорусского, украинского, польского, словацкого и др. По времени проникновения они являются более поздними, чем старославянизмы. Так, отдельные заимствования из польского языка датируются XVII—XVIII вв. Часть из них, в свою очередь, восходит к европейским языкам (немецкому, французскому и др.). Но немало и собственно польских слов (полонизмы). Среди них есть такие, которые являются названиями жилья, предметов быта, одежды, средств передвижения (*квартира*, *скарб*, *дратва*, *байка* — ткань, *бекеша*, *замша*, *кофта*, *каре́та*, *ко́злы*); названием чинов, рода войск (*полковник*; устар. *вахмистр*, *рекрут*, *гусар*); обозначением действия (*малевать*, *рисовать*, *тасовать*, *клянчить*); названием животных, растений, пищевых продуктов (*кролик*, *петрушка*, *каштан*, *барвинок* — растение, *булка*, *фрукт*, *миндаль*, *повидло*) и др. Некоторые полонизмы пришли в русский язык через посредство украинского или белорусского языков (например, *маевка*, *молчком*, *пан* и т. д.).

Из украинского языка пришли слова *борщ, брынза* (переоформленное румынское), *бублик, гопак, детвора* и др.

Все родственные славянские заимствования были близки русскому языку, его системе, быстро ассимилировались и лишь этимологически могут быть названы заимствованиями.

2. ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ НЕСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

✓ Наряду со словами славянских языков в русскую лексику на разных этапах ее развития входят и неславянские заимствования, например греческие, латинские, тюркские, скандинавские, западноевропейские и другие, а также заимствования из языков народов СССР.

1. Заимствования из греческого языка начали проникать в исконную лексику еще в период общеславянского единства. К ранним заимствованиям историческая лексикология относит такие бытовые слова, как *блюдо, кровать, хлеб* (печеный) и др. Более заметный след оставили грецизмы, пришедшие в древнерусский язык после успешного завершения Балканских войн VI в. и в связи с активным участием Византии в христианизации славянских государств (приблизительно с середины IX в.). По времени проникновения эти заимствования совпадают с процессом формирования древнерусского (восточнославянского) языка, затем они уже воспринимались собственно русским языком в период его обособления. К ним относятся слова из области религии: *анафема, ангел, архиепископ, демон, икона, клирос, лампада, митрополит, монастырь, монах, пономарь, протоиерей*; научные термины: *грамматика, история, математика, философия*; бытовые термины: *баня, лохань, скамья, тетрадь, фонарь*; наименования растений и животных: *кедр, кипарис, крокодил, свекла* и др. Более поздние заимствования относятся главным образом к области искусства и науки: *аналогия, анапест, идея, комедия, логика, мантия, стих, хорей* и др. Некоторые греческие слова попали в русский язык через другие языки (например, французский).

Большая часть греческих слов (или отдельных словообразовательных элементов) вошла в международный языковой фонд научной лексики. См., например, лингвистические термины: *антонимы, алфавит, диалект* (говор, наречие), *диахрония, идиома, лексикология, орфография, семасиология, синтагма, синхрония, фразеология* и т. д.

2. Заимствования из латинского языка также сыграли значительную роль в обогащении русского языка, особенно в сфере научно-технической, общественной и политической терминологии.

Больше всего латинских слов пришло в русский язык в период с XVI по XVIII в., особенно через польский и украинский языки, например: *аудитория, декан, диктант, директор, канцелярия, канискулы, школа, экзамен, экскурсия*. Их внедрению и распространению способствовали специальные учебные заведения.

Латинские слова, так же как и греческие, активно используются

в международной терминологии. Например, в языкознании: *акцент, бинарный, валентность* (сочетаемость), *двойной, дефис, интонация, коммуникация, предикат, пунктуация* (от *punktum* — точка), *субъект, суффикс, трансформация, узуальный* и др.

Подобная терминология (как правило, международная) продолжает развиваться и в современном русском языке, и в других языках мира. Для создания новых терминов нередко используют не все слова древнегреческого или древнелатинского языка, а отдельные значимые части слов. Например, лишь в конце 50-х годов в русский язык вошло сложное слово *акваланг*, возникшее в эти же годы в английском языке. В нем использованы латинская основа *aqua* — вода и английская *lung* — легкое. На основе этого заимствования уже в русском языке возникли слова *аквалангист* — *аквалангистка* и т. д., как в свое время (в 30-е годы) на основе латинского *актив* (заимствовано через французское посредство) с лексико-семантическим его переосмыслением появились собственно русские *активист*, *активистка* и т. д.

Следовательно, роль древнегреческого и древнелатинского языков по-прежнему остается значимой, особенно в развитии научно-терминологических систем.

3. Слова из тюркских языков проникали в русский язык с давних пор, так как Киевская Русь соседствовала с тюркскими племенами — аvaraми, печенегами, половцами, хазарами и др. Следствием этого были ранние торговые и культурные связи, военные союзы и столкновения. К VIII—XII вв. относятся такие древнерусские заимствования из тюркских языков, как *атаман, басурман* (фонетически видоизмененное *мусульманин* в значении «исповедующий ислам»; в последующем развилось значение «иноверец, иноземец», на которое затем наложилась отрицательная оценка), *барабан, башмак, бешикет, буран, войлок, вьюк, кабала, казна, казначей* (казначей), *караул* (стража), *курган, малахай* (шапка), *орда* (лагерь, стан), *товарищ* (первонач. «компаньон по торговле»), *чертог, чулок* (мягкая обувь), *шалаш* и др. [36]. Среди тюркских заимствований больше всего слов из татарского языка, что объясняется историческими условиями (в частности, многолетним монголо-татарским игом).

4. Скандинавских заимствований (шведских, норвежских) сравнительно немного, и относятся они, как правило, к периоду восточнославянского единства. Их появление обусловлено ранними торговыми связями. Однако проникали не только наименования торгового обмена, но и морские термины, слова бытовые: *сайда, сельдь; крюк, кнут, ларь, пуд, шхеры, якорь*; собственные имена: *Игорь, Олег, Рюрик* и некоторые другие.

✓ 5. В группе западноевропейских заимствований немало слов из германских (немецкого, английского, голландского) и романских (французского, итальянского, испанского) языков.

Немецкие заимствования относятся к древнему периоду, например готские типа *броня* (панцирь), *бук, верблюд* (первонач. *вельбудь* → *вельблюдь* → *верблюд*), *клеймо, князь, котел, панцирь*

и др. Бóльшая часть слов появилась в русском языке в XVII—XVIII вв. в связи с реформами Петра I и усилившимися экономическими, научными и культурными связями. Среди этих заимствований могут быть выделены слова военного дела: *ефрейтор, командир, командировать, лагерь, лафет, патронташ, штаб, юнкер*; торговые термины: *агент, акция, бухгалтер, вексель, контора, пакет, пакгауз, прейскурант, процент*; названия предметов быта, одежды, украшений: *верстак, галстук, гамаша, графин, шляпа, перламутр, фуганок*; животных, растений, минералов, металлов: *картофель, лук, порей* (род лука), *пудель, редька*; *вольфрам, кварц, селитра, никель* (из шведского, по имени одного из троллей — *Niroláus*) и т. д.

Голландские слова появились в русском языке преимущественно в петровские времена в связи с развитием мореходства. К ним относятся: *балласт* (из *bal* — песок + *last* — груз), *буер, ватерпас* (букв. — водяной прибор, от *Water* — вода + *pas* — проход, шаг), *верфь, вымпел* (первонач. — длинный с раздвоением внизу флаг, поднимаемый на грот-мачте военного судна во время плавания), *гавань, галс* (первонач. — положение парусного судна относительно ветра), *дрейф, койка* (первонач. — место для постели матроса на судне; чулан), *лагировать* (первонач. — о движении судна зигзагами против ветра, от *loef* — ветер), *лоцман, матрос, рейд, рея, руль, фарватер, флаг, флот, шкипер, штурман, шлюпка, штопать* (первонач. — чинить паклей щели в корпусе судна) и т. д.

Из английского языка в это же время были также заимствованы термины из области морского дела, например: *баржа, бот, бриг, вельбот, мичман, шхуна, яхта* и др., а позднее (XIX—XX вв.) стали проникать слова из сферы общественных понятий, технические термины, спортивные и бытовые слова, наименования кушаний и т. д.: *бойкот, клуб, лидер, митинг, парламент; вокзал, лифт, рельс, тендер, троллейбус; баскетбол, спорт, спортсмен, финиш; футбол, хоккей; пиджак, плед, свитер; бифштекс, грог, джин, кекс, пудинг, пунш* и мн. др.

Французские слова проникают (минуя какое-либо посредство, например польское) лишь в XVIII—XIX вв. Это прежде всего наименования предметов быта, одежды, пищевых продуктов: *будуар, бюро, витраж, кушетка; блуза, ботинок, браслет, вуаль, гардероб, гипюр, жилет, корсаж, кушетка, медальон, пальто, сюртук; бульон, винегрет, желатин, желе, коньяк, котлета, крем, мармелад, салат*; слова из области искусства: *актер, антрепренер, афиша, балет, балкон, жонглер, пьеса, режиссер, суфлер*; термины из военной области: *артиллерия, атака* (через посредство немецкого языка), *батальон, гарнизон, канонада, пистолет, португез, эскадра*; общественно-политические термины: *агрессия, ассамблея, буржуа, деклассированный, деморализация, департамент, эксплуатация* и др.

Итальянские и испанские заимствования связаны главным образом с областью искусства, например: *аллегро, ария,*

браво, виолончель, каватина, либретто, новелла, пианино, речитатив, сценарий, тенор (итал.) или: *гитара, кастаньеты, мантилья, серенада* (исп.), а также с бытовыми понятиями: *бумага, валюта, вилла, газета; вермишель, макароны* (итал.), *карамель, пастила, сигара, томат* (исп.).

Вошло несколько слов из финского языка (*камбала, морж, нерпа, норка, пельмени, пихта, пурга, салака, сёмга* и др.), из японского (*бонза, гейша, микадо, рикша, сакура, самураи, сёдзи, соя, тайфун, тотами, цунами*) и др. [104].

Наряду с отдельными словами в русском языке выделяются некоторые иноязычные словообразовательные элементы. Так, широко используются для создания собственно русских слов приставки *а-, анти-, архи-, пан-* и другие из греческого языка (*аполитичный, антимир, архиплуты, панславизм*); *де-, контр-, транс-, ультра-*, и т. д. из латинского (*дегероизация, контрнаступление, трансобластной, ультракрасный*); суффиксы: *-изм, -ист, -изиров-а(ть), -ер* из западноевропейских языков: *коллективизм, очеркист, военизировать, ухажер*.

В русском языке подобные словообразовательные аффиксы используются вместе со словообразовательной моделью, свойственной иноязычным словам или элементам этой модели (ср.: франц. *дирижер, стажер* и русск. *ухажер* с франц. суффиксом; франц. *дебютант* и русское *курсант*, впервые включенное в Словарь Ушакова). В этом проявляется закономерность внедрения иноязычных заимствований в русский язык (что характерно и для других языков), их активное уподобление заимствующему языку.

В лексическую систему русского языка за годы Советской власти вошло немало слов из многочисленных языков народов нашей страны. На это в одном из исследований указывает видный партийный и государственный деятель, известный узбекский писатель Ш. Р. Рашидов: «...Русский язык обогащает другие национальные языки лексикой и фразеологией, выражающими новые общественно-политические и экономические отношения, социалистическую идеологию и быт. В то же время он активно воспринимает многие лексические элементы из других языков. Значительная часть этой лексики при помощи русского языка становится затем достоянием общего лексического фонда народов СССР» [75, с. 19].

Как уже отмечалось выше, языковые контакты русского народа с другими народами Русского государства осуществлялись с давних пор. Однако в послеоктябрьский период обогащение русской лексики новыми словами из языков народов нашей страны стало особенно активным и постоянным. Оно захватило все стилевые и стилистические разновидности языка, все сферы его распространения [3; 11; 18; 30; 41 и др.].

§ 38. Освоение иноязычных заимствований

В процессе употребления большая часть слов, пришедших из других языков (как правило, вместе с заимствованием тех или

инных понятий, реалий и т. д.), уподоблялась структуре заимствующего языка. Постепенно многие слова, ассимилированные русским языком, начинали входить в состав общеупотребительной лексики и переставали восприниматься как собственно иноязычные. Так, в настоящее время слова *броня, князь; мастер, сахар, свекла; артель, богатырь, чулок; ситец* и др. воспринимаются как собственно русские, хотя они были заимствованы: первые два — из готских языков, третье, четвертое и пятое — из древнегреческого, три следующих — из тюркских языков, последнее — из голландского. Заимствование — закономерный путь развития любого языка, так как «ни один народ, носитель и творец того или иного языка, не живет совершенно изолированной, обособленной жизнью» [109, с. 86—87].

✓ Иноязычные слова подвергались в процессе их освоения разного рода изменениям (фонетическим, морфологическим, семантическим), подчинялись законам развития русского языка, его функционально-стилистическим нормам. ✓ Например, гласные звуки, не совпадающие с русскими (или не свойственные им), передаются по-разному: сочетание гласных *eu, ai* или их долгота *ee* и других — как *эв, ав, и* (*эвкалипт* из греч. *eukalyptos*, *автомобиль* из нем. *Automobil*, *митинг* из англ. *meeting* и т. д.). Русифицируются многие согласные при освоении японских заимствований. Например, в XX в. в русскую лексику пришло слово *шимоза* (японск. *симосэ*) — взрывчатое вещество. (*Шимозой* называли также снаряд или гранату, начиненную этим веществом.) Осовременено наименование рода борьбы при самозащите без оружия *дзюдо* (или *дзю-до*) — первоначальное название *джиу-джитсу* (японск. *дзю-дзюцу*, восходящее к китайским корням). Претерпели изменение согласные в слове *банзай* — «ура» (японск. *бандзай* — букв. «десять тысяч лет»), а также в слове *Чио-Чио-Сан* (японск. *Тё-Тё* — бабочка, мотылек + *сан* — госпожа, затем *Тё-Тё-Сан*, наконец, бытующая ныне форма) и т. д.

Русифицируются суффиксы и окончания, изменяются категории рода и числа и т. д. Например: а) не свойственные русскому языку суффиксы заменяются более употребительными (иногда тоже иноязычными), ср. греч. *harmonikos* — гармонический, *amorphos* — аморфный, лат. *verticalis* — вертикальный, *illustrare* — иллюстрировать, фр. *réglementer* — регламентировать, нем. *marschieren* — маршировать, голл. *oester* — устрица, *sits* — ситец и т. д.; б) изменяется род заимствованных имен существительных: нем. *die Karaffe*, ж. р. — *графин.*, м. р.; *das Karnies* — ср. р. — *карниз*, м. р.; *die Schrift*, ж. р. — *шрифт*, м. р.; фр. *la méthode*, ж. р. — *метод*, м. р.; греч. *systema*, ср. р. — *система*, ж. р.; лат. *aquarium*, ср. р. — *аквариум*, м. р. и т. д.; в) изменяется категория числа: так, слова, заимствованные в форме мн. числа, воспринимаются как формы единственного, и наоборот, нем. *Klappen*, мн. ч. — *клапан*, ед. ч.; англ. *cakes*, мн. ч. — *кекс*, ед. ч.; исп. *silos*, мн. ч. — *силос*, ед. ч. и т. д. [60].

Наблюдаются изменения и первоначальных (исконных) значе-

ний слов, ср.: нем. *der Maler* — живописец и русск. *маляр* — рабочий по окраске зданий, внутренних помещений; фр. *hasarad* — случай и русск. *азарт* — увлечение, запальчивость, горячность; тюркск. *tavar* — скот, домашнее животное (как объект обмена) — русск. *товар* — все, что является предметом торговли, соответственно — *tavar + is* (товар + ищ) — компаньон в обмене скота и русск. *товарищ* — 1) друг, приятель, 2) советский человек.

Семантические изменения нередко тесно связаны со структурно-грамматическими особенностями. В этом случае наблюдается изменение характера соотношения между родственными по происхождению словами. Например, между словами *консервы*, *консерватор* и *консерватория* в русском языке нет никакой связи, тем более, что они пришли разными путями из различных языков: *консервы* из французского (*conserve*), *консерватор* из латинского (*conservator*), а *консерватория* из итальянского (*conservatorio*). Однако все три слова восходят к латинскому глаголу *conseruo* — сохраняю, оберегаю (от лат. *conservare* — сохранять). В процессе заимствования промежуточные однокоренные образования, характерные для данных слов в тех языках, из которых они пришли, в русском языке были утрачены. Заимствованным оказался только один член ряда, и семантическая связь между родственными образованиями, существовавшая в родном языке, оборвалась, т. е. произошла так называемая «диетимологизация». Так же нарушена была семантическая и словообразовательная связь между родственными по происхождению словами *роман*, *романский* и *романс* (фр.), *аквариум* и *акварель* (лат.), *гонор* и *гонорар* (лат.), *гимнастика* и *гимназия* (греч.), *тральщик* и *траулер* (англ.), *канцлер* и *канцелярия* (нем.) и др.

Изменение значения заимствованных слов бывает обусловлено и тем, что в русском языке укореняются не все значения слова, свойственные ему в родном языке. Например, произошло сужение таких многозначных в английском языке слов, как *бизнес*, ср.: *business* — 1) занятие, дело, профессия; 2) торговое предприятие; фирма; 3) выгодная сделка; *спорт*, ср.: *sport* — 1) развлечение, шутка; 2) болельщик; 3) шеголь. У первого в русском языке утвердилось третье значение, у второго — первое, но с семантическим уточнением и дополнением [60, с. 8—9].

Но не все заимствованные слова подвергаются полному грамматическому переоформлению и переосмыслению. Есть немало примеров использования иноязычных слов с частичным изменением, ср.: *денди*, *леди* — англ. *dandy*, *lady*, или совсем без изменения, ср.: *скетч* — англ. *sketch*; *фольварк*, *франт* — польск. *folwark* от старого *forwak*, *frant*; *форма*, *формула* — лат. *forma*, *formula* и т. д.

Особой разновидностью заимствований, рассматриваемых с точки зрения специфики их освоения, т. е. русификации, являются лексические кальки (фр. *calque* — копия, подражание).

Различают два типа лексических калек: собственно лексические (или точнее — лексико-словообразовательные) и лексико-семантические.

Собственно лексической калькой называется слово, образованное посредством буквального перевода на русский язык каждой из значимых частей (приставки, корня, суффиксов и т. д.), т. е. путем точного копирования и способа образования и значения. Кальки подобного рода называются еще и словообразовательными. Лексическими кальками с латинского или греческого являются многие термины, например лингвистические: *междоиметие* (лат. *inter + jectio*), *наречие* (лат. *ad + verbum*), *правописание* (греч. *orthos + graphō*) и т. д., а также другие слова: *благосостояние* (фр. *bien + être*), *жизнеописание* (греч. *bios + graphō*), *самодержец* (греч. *auto + kratos + ōr*), *сверхчеловек* (нем. *über + Mensch*) и др.

Семантическими (или лексико-семантическими) кальками называются слова, в которых заимствованным является значение. Например, *трогать* (фр. *toucher*) в значении «вызывать сочувствие»; *гвоздь* (фр. *clou*) в значении «основа, главное» в сочетании *гвоздь программы*; *изысканный, утонченный* (фр. *raffine*); *правило* в значении «образец, норма» (греч. *kanōn* — мера, мерило, образец. Заметим, что исконным у общеславянского *правило* было значение, связанное с понятием ровной поверхности, прямизны); *рука* (под рукой, в руках) в значении «власть, господство» (развилось под влиянием греч. *lōpō tās cheiras*); *свойство* в значении «особое качество, отличительный признак» (греч. *idion* — *idios* — особый, своеобразный, отличный). Исконным было значение «близость» (ср. *свой, свояк, свояченица* и др.).

Лексико-словообразовательное калькирование происходит при заимствовании слов из греческого, латинского, немецкого, французского, иногда тюркских языков. Лексико-семантические кальки возникают на основе слов разных языков, но чаще всего на базе французского языка.

Кроме полных лексических и семантических калек в русском языке немало так называемых полукалек, т. е. слов, в которых наряду с точным копированием иноязычных частей имеются исконные русские. К полукалькам относятся, например, слова *гу-манность* (русский суффикс *-ость*), *телевидение* (вторая часть — общеславянская с собственно русским суффиксом неопр. формы *-ть*), *радиопередача* (вторая часть собственно русское образование на основе общеславянского глагола *дать*) и т. д.

Группы иноязычных заимствований, выделяемые по специфике и полноте освоения русским языком, схематично могут быть представлены так:

§ 40. Причины иноязычных заимствований.

Их функционально-стилистическая роль в лексико-семантической системе русского языка

Причины заимствования слов и оборотов в разные исторические периоды формирования и развития лексико-семантической системы русского языка были различны. Прежде всего, выделяют причины неязыковые и собственно языковые.

К первым относятся рассмотренные выше разнообразные виды связей русского народа с другими народами. В дальнейшем этому способствуют внутрисоциальное развитие общества, прогресс науки и техники и т. д. Одной из форм реализации влияния подобных связей является заимствование слова вместе с заимствованием предмета, явления, понятия, качества, действия и т. д. Этот процесс наиболее характерен для ранних стадий развития русского языка.

К языковым причинам относится, прежде всего, стремление носителей языка пополнить, углубить и расширить представление о предмете, детализировать понятия признака посредством разграничения смысловых и функциональных оттенков. Таким путем среди исконных синонимичных и антонимичных средств возникают заимствованные, которые имеют дополнительные оттенки значения или больше подходят к иной сфере употребления (ср. функционально-семантическое различие древнерусского *порты* → *портки* — первонач. «платье, одежда» и «холщовое нижнее мужское белье»; *штаны* из *стои*, встречающееся в памятниках с XV в. с первоначальным значением «короткое нижнее платье с чулками и башмаками» и голл. *broek* — *брюки*, пришедшее в начале XVIII в. со значением «матросское платье», «матросские штаны» (любопытно отметить, что в русском языке существовало слово *брюкишь* — род сукна); исконное слово общеславянского периода *пояс* → диалектн. *опояска* и тюркск. заимствование XVI в. — *кушак*. Заметим кстати, что

наблюдается и обратный процесс — уточнение с последующей заменой заимствованного слова синонимичным русским. Так, тюркск. заимствование общеславянского периода *толмач* (см. татарск. *телмач*, где *тел* — язык) с начала XVI в. вытесняется собственно русским *переводчик*, чему способствовала и вторичная актуализация семантики слова *перевод* в связи с распространением уже в XVIII в. фр. *traduction*, которое иногда ошибочно считают первичной основой слова *перевод*, называя его калькой с французского.

К языковым причинам современные исследователи относят также давно наметившуюся тенденцию к замене расчлененного наименования нерасчлененным, ср. современные: *автодорога* — вместо «автомобильная дорога», *круиз* — вместо «путешествие на пароходе или теплоходе», *мотель* — вместо «гостиница для автотуристов» и т. д. Этот процесс поддерживается и тенденцией к созданию международных терминов, единых наименований.

Рассмотренные выше причины проникновения иноязычных элементов в известной мере обуславливают их назначение и стилистическую роль. Так, одной из основных является функция называния новых предметов, качеств, трудовых процессов, а также не знакомых ранее понятий, явлений и т. д. Поэтому древние тюркские, греческие, готские, скандинавские и другие заимствования — это, прежде всего, наименования предметов обмена, а в дальнейшем — и торговли, бытовых реалий и др. Эта функция характерна и для активно проникающих в древнерусский язык старославянизмов. Однако в отличие от других заимствований старославянские слова, как и весь старославянский язык в целом, были с самого начала ориентированы шире: кроме называния религиозных понятий, литургических церемоний, церковных реалий, а также служителей христианской церкви старославянский язык (и лексика, в первую очередь) в его русифицированной форме выполнял длительное время роль книжного литературного языка. Он, как уже было отмечено, использовался не только для перевода греческих книг. На нем писалась и оригинальная древнерусская литература. Сосуществуя с деловым разговорным и народнопоэтическим языком, русифицированный церковнославянский язык оказывал значительное влияние на их развитие. Длительное время заимствования из языка, призванного именовать абстрактные религиозные явления, связанные с высокими, «неземными» представлениями, были средством создания особой стилистической разновидности языка, которую впоследствии М. В. Ломоносов назовет «высоким штилем». Однако уже с середины XVIII в. (времени формирования литературного языка) они проникали и в жанры «среднего» стиля, будучи средством исконной русской лексики. По определению В. В. Виноградова, «оторванные от своего контекста, славянизмы проецировались на семантическую систему бытового языка и подвергались «этимологизации» на основе его норм» [19, с. 49].

Следовательно, стилистическая роль старославянизмов в разные периоды развития языка была тоже неодинакова. Являясь устарев-

шими вариантами исконных русских слов, старославянизмы начиная с XVIII в. использовались по преимуществу в поэтической (а также в прозаической) речи, заметно выделяясь на фоне общепонятной, стилистически ничем не отмеченной лексики, ср.: *глас* — *голос*, *брег* — *берег*, *власы* — *волосы*, *драгая* — *дорогая*, *злато* — *золото*, *младость* — *молодость* и др. Например, у поэта XVIII в. Муравьева: *Вот ленточка... ее отдать я не могу: Она власы твои прекрасны украшала. Или: Крылья время низложит у твоих, драгая, ног.* Их употребление приводило подчас к возникновению своего рода рифм-штампов: *нощи* — *рощи*, *понт* — *горизонт*, *длань* — *брань*, *Петр* — *ветр*, *очи* — *ночи*, о чем с насмешкой писал поэт-сатирик XIX в. А. Нахимов:

В творениях его у ног Екатерины
Цветут для рифмы райски кринь,
А где стоит великий Петр.
Там поневоле дует ветр [49; 55].

В роли стилистически оправданного средства (в произведениях высокого стиля) и как один из способов стихосложения старославянизмы использовались долгое время. Ср. их роль в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник», в стихах «Анчар» и т. д. (Заметим, что и в «Медном всаднике», и в других произведениях, например в «Евгении Онегине», А. С. Пушкин употреблял старославянизмы и как средство стихосложения (так называемой версификации). Ср.: *Онегин, добрый мой приятель, Родился на берегах Невы. — Иди же к невоским берегам Новорожденное творенье*), у М. Ю. Лермонтова: «На смерть поэта», в поэзии Ф. Тютчева, В. Брюсова, А. Блока и др. Именно для придания речи особой эмоциональной приподнятости употребляет М. Ю. Лермонтов славянизмы *оный* (тот, тот самый), *младой*, *порок*, *язвительный*:

Того, кто страстью и пороком
Затмил твои *младые* дни,
Молю, *язвительным* упрёком
Ты в *оный* час не помяни!

С этой же целью их используют публицисты (см. статьи В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, В. В. Воровского, А. В. Луначарского и др.).

Они служат одним из средств стилизации эпохи (т. е. помогают воссоздать особый временной колорит) или архаизаций стиля на библейско-евангельский лад. Например, в этой функции широко использовал старославянизмы А. С. Пушкин в «Борисе Годунове», А. К. Толстой в исторических драмах, А. Н. Толстой в «Петре I» и др. С этой же целью употребил, например, В. Брюсов славянизмы *десница*, *глад*:

...Люди! Вы ль не узнаете божией *десницей*!
Сгибнет четверть вас — от мора, *глады* и меча!

Старославянизмы могут создавать речевую характеристику героев (монахов, служителей церкви, представителей власти). Ярким

примером является речь Пимена из «Бориса Годунова» А. С. Пушкина.

В художественной и публицистической литературе начиная с XIX в. старославянизмы иногда служили средством создания юмора, иронии, сатиры. В этом случае их употребляли в не свойственном для них лексическом окружении, т. е. соединяли со словами иной стилевой принадлежности — разговорно-бытовыми, просторечными и т. д. Подобным средством пользовались В. Г. Белинский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов, М. Горький (особенно в ранних фельетонах, а затем и в более поздних памфлетах и очерках), В. В. Маяковский. Оно свойственно и современным писателям, публицистам, поэтам. Ср. ироническое обыгрывание церковнославянизмов *перст, чело, возводить очи в потолок* (в евангельском тексте: *...возвел очи свои на небо и возводить очи горé*) в одном из ранних фельетонов М. Горького:

— Скажите, дорогой, сколько из фунта крупы выйдет каши? Сведущий в деле человек глубокомысленно возводит очи в потолок и, приставив *перст к челу*, соображает...

Ирония достигается тем, что в разговор о незначительных бытовых делах введены перефразированный евангельский оборот *возводить очи горé* и стилистические старославянизмы, синонимичные общеупотребительным *глаза, палец, лоб*.

Постоянное обращение к старославянским лексическим средствам, их органическое слияние в ряде жанров с исконной лексикой нередко приводили к развитию нового значения слова. (Именно в этом и заключалась указанная В. В. Виноградовым их «этимологизация» при «проецировании» на русскую семантическую систему.) Например, слово *предтеча* употреблялось в церковнославянском языке только применительно к двум образам христианской мифологии — Иоанну Крестителю и Христу. Но уже в XVIII в. (тем более в XIX в.) это слово используется в широком значении — по отношению к человеку вообще и по отношению к разным явлениям жизни. См. у Н. М. Карамзина: *Не священная ли поэзия приготовила сих республиканцев к Ликурговым уставам? Песнописец Фалес был предтечью сего законодателя*. Или у А. С. Пушкина: *Предтеча бури гром гремел*.

Это расширенное значение реализуется и в языке современных писателей и поэтов. Например, в статье Льва Озерова, посвященной творчеству Ф. И. Тютчева: *Дитя XIX века, он был одним из самых зорких предтеч века XX. И наш XX век прочитал этого поэта как своего современника*. См. также у Ф. П. Филина в книге: «Очерки по теории языкознания» (М., 1982): *Между тем еще Фердинанд де Соссюр, предтеча структурального языкознания, рассматривал язык как знаковую систему, сравнивая эту систему с правилами игры в шахматы*.

То же произошло с глаголом *созерцать*, который «Словарь Академии Российской» (1-е изд., 1789—1794 гг.) отмечал как употребляемый только по отношению к богу. Однако в реальном использовании наблюдалось расширение его синтагматических свя-

зей и явное расширение значений [49, с. 72—73]. Таких примеров немало (см. наблюдения над семантическим преобразованием слов *блести, вездесущий, возложить, искупить, поборник, погрязнуть, преградить, расторгнуть, сладкий, упасть* и др.).

Несколько иными были процесс освоения и стилистическая роль неславянских заимствований. Они значительно чаще служат базой для создания так называемой интернациональной лексики, разновидностью которой являются разного рода международные термины. Это, пожалуй, одна из основных функций иноязычных слов. Бурное развитие науки, техники, изменения социально-экономические, общественные требуют новых наименований. И в этом случае единая или очень сходная и достаточно понятная носителям разных языков система номинации способствует экономии речевых средств. Поэтому процесс развития международной терминологии — явление прогрессивное и перспективное.

При описании особенностей жизни и быта других народов, для создания местного колорита используются так называемые экзотизмы (греч. *exōtikos* — чуждый, иноземный). Обычно это слова с четко закрепленной принадлежностью к определенной стране, республике, области и национальности. Они, как правило, поначалу бывают мало известны носителям того языка, в котором употребляются. К ним относятся, например, наименования: государственных учреждений — *бундестаг* (нем.), *меджлис* (турецк.), *риксдаг* (шведск.), *хурал* (монг.) и т. д.; должностей, званий, рода занятий, положения людей — *бонза, гейша, самурай, микадо* (японск.), *клерк, констебль* (англ.), *ксёндз* (польск.), *консьерж(-ка), кюре* (франц.), *лама* (тибетск.), *янычары* (турецк.) и др.; селений, жилищ — *аул* (кавказ.), *вигва́м* (индейск.), *кишла́к* (среднеазиатск.), *сакля* (кавказ.), *юрта* (южносибирск.), *яранга* (чукотск.) и подоб.; видов одежды — *бешмёт* (кавказ.), *кимоно́* (японск.), *са́ри* (индийск.), *паранджа́* (азиатск.), *кухлянка* (чукотск.) и др.; кушаний, напитков — *бешбарма́к, плов* (среднеаз.), *мацо́ни, лаваш, сулугу́ни* (кавказ.) и т. д.; денежных знаков, монет — *до́ллар* (американск.), *гульде́н* (голландск.), *и́ена* (японск.), *пфе́нниг, марка* (нем.), *лира* (итал.), *франк* (фр., бельг.), *юа́нь* (китайск.) и др.

Близки к экзотизмам иноязычные слова, не полностью освоенные (или вовсе не освоенные) заимствующим языком из-за особенностей фонетического и грамматического свойства. Они, как правило, употребляются в несуществующих в русском языке формах. Эти слова принято называть *варванизмами* (греч. *barbarismos* — иноязычный, чужеземный). Для них не характерно четкое национально-территориальное закрепление. Они могут быть или переданы средствами заимствующего языка, или употреблены без перевода. Причем их первоначальная языковая закрепленность стирается, т. е. она легко восстанавливается этимологически, но не является различительным признаком только той лексической системы, в которой они первоначально употреблялись. Например, *дэнди, мадам, синьор, сэ́р, хобби* и др.

И те и другие, кроме функции называния, выполняют особые стилистические функции. Экзотизмы чаще всего придают «местный колорит» описанию или являются средством речевой характеристики. Например, у М. Ю. Лермонтова в «Кавказском пленнике»: *В большом ауле, под горою, Близ саклей дымных и простых, Черкесы позднею порою Сидят*, или у В. Маяковского в «Христофоре Колумбе»: *И закапали флорины и пезеты Христофору в продырявленный карман, где флорин — западноевропейская (первоначально употребляемая во Флоренции) золотая или серебряная монета, пезета (или песета) — испанская денежная монета.*

См. также в современных текстах: *Сегодня нерабочая суббота, завтра нерабочее воскресенье. А в понедельник «Мемориал дэй» — день памяти павших солдат, тоже нерабочий. Итак, долгий уикэнд* (журн.), где *уикэнд*, или *уик-энд*, англ. — конец недели, т. е. время отдыха с субботы до понедельника. (Забегая вперед, заметим, что здесь использован в русской транскрипции и варваризм — наименование праздника.)

Варваризмы используются для передачи дословно непереводаемых на русский язык лексических единиц и оборотов или как средство создания иноязычной характеристики. Нередко они придают юмористический, иронический или сатирический оттенок тексту. Например, у М. Е. Салтыкова-Шедрина: *Сколько истинно-своднических способностей выказал он, перебегая из одного лагеря в другой и успевая пошепаться a parte со всяким из враждующих членов!*, где *a parte* — итал. букв. — в сторону (театр.), обособленно. Или у Ю. Тынянова в книге «Русская проза»: Что такое «автоматизация»? Это есть изменение функции. *Mots pleins* в итоге эволюции языка обращается в *mots vides* («пустые»). Эти последние несут... конструирующую синтаксическую функцию, где *mots pleins* — франц., полнозначные слова; *mots vides* — франц., слова, лишенные значения.

В современных газетных текстах читаем: *Большинство клиентов — деловые люди, конгрессмены, чиновники. Скандальное упоминание их имени влечет за собой компрометацию, нежелательное «паблисити»* (англ. *publicity* — реклама).

Излишнее, неумеренное насыщение текста варваризмами (и экзотизмами) без особой необходимости или с определенным стилистическим заданием приводит к тому, что текст производит комическое впечатление. В этом случае говорят о гротесково-шуточной макаронической речи, которая может служить и ярким сатирическим средством. См., например, у Демьяна Бедного в стихотворении «Манифест барона фон Врангеля»:

Вам мой фамилий всем известный
Их бин фон Врангель, герр барон.
Я самый лучший, самый шестный
Есть кандидат на русский трон.

Уместность использования заимствованных слов и мера их включения в текст зависит, во-первых, от стиля, жанра произведения и времени действия описываемых событий; во-вторых, от на-

личия или отсутствия исконных синонимичных единиц; в-третьих, от национальной языковой культуры пишущего и, несомненно, его мастерства. Если слово является единственным общепринятым наименованием предмета, понятия, явления, процесса, то его использование ни у кого не вызовет возражения. На это указывал еще в 1841 г. В. Г. Белинский, отмечая, что «слово *мокроступы* очень хорошо могло бы выразить понятие, выражаемое совершенно бессмысленным для нас словом *галоши*; но ведь не насильно же заставить целый народ вместо *галоши* говорить *мокроступы*, если он этого не хочет! Для русского мужика слово *кучер* — прерусское слово; а *возница* такое же иностранное, как *автомедон*»¹ (*галоша* — заимствовано из немецкого или французского в XVIII в., восходит к латинскому *calopedio* — деревянный башмак; *кучер* — заимствовано в XVIII в. из немецкого; *вóзница* — собственно русское, образованное на основе общеславянского *воз*; *Автомедон* — имя кучера Ахиллеса из «Илиады» Гомера).

В том случае, когда иноязычное слово может быть без потерь (смысловых и выразительно-изобразительных) заменено, его не следует вводить в текст. Например, вряд ли уместно использование в переводном рассказе о жизни европейского города XVI в. в речи четырнадцатилетнего мальчишки (героя-рассказчика) слово *модуляция*: *Я хорошо помнил модуляции ее голоса* (вместо: *переливы* или еще проще — *как звучал ее голос*). То же самое можно сказать и о неуместном вкраплении иноязычных слов в речь венгерского крестьянина XVIII в. в переводном произведении: *Перед лицом компетентных судей... я изложу оправдывающие меня моменты*. Или там же: *Саранча из фактора, уничтожающего пищу... превращается в фактор, создающий ее* [28, с. 25 и 41].

В собственно научных исследованиях (монографиях, статьях и др.) употребление заимствованных терминов, ставших международными, а также других иноязычных слов более уместно, чем, например, в газетных заметках, репортажах и т. д. Однако и в научных публикациях такая лексика должна быть информационно и стилистически оправдана, должен быть соблюден принцип доступности даже для специалистов в данной области, учтено национальное своеобразие русского языка, использованы его богатейшие возможности. Поэтому вряд ли целесообразным окажутся и в таких работах иноязычные термины, имеющие русские соответствия. Ср.: *В связи с тем, что конкретный вид сочетаний в речи разнообразен и обусловлен разными причинами, затруднено выявление при описании лексической сочетаемости слов константных, а тем самым приписываемых языку характеристик контекста, элиминирование экстралингвистических обусловленностей и эксплицирование именно сочетаемости характеристик...*, где выделенные слова имеют русские соответствия: *константный* — неизменяющийся, постоянный; *элиминирование* — исключение, устранение;

¹ Цит. по кн.: Русские писатели о языке. Хрестоматия /Под общ. ред. А. М. Докучаева. 2-е изд. М., 1955, с. 168.

экстралингвистический — неязыковой; *эксплицирование* — объяснение, выделение. [О том, что эти термины в русской лингвистической науке не общеприняты, свидетельствует отсутствие их всех, кроме *экстралингвистический*, в специальных словарях и справочниках лингвистических терминов.]

В текстах, рассчитанных на массового читателя, использование иноязычных слов должно быть абсолютно оправданным, а их значение — понятным. Об этом еще в 1920 г. убедительно писал В. И. Ленин в заметке «Об очистке русского языка (Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях)»:

«Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить “дефекты”, когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы? (...) Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 49).

И в наши дни встречается излишнее их употребление не только неоправданное, но и ошибочное. Например: *Сборка корпуса машины лимитируется из-за отсутствия некоторых деталей*. Слово *лимитировать* означает «установить лимит чего-н., ограничивать». В приводимом предложении речь идет не о лимите, а о задержке. Следовательно, вместо *лимитируется* необходимо было использовать исконное слово *задерживается*. В международном обзоре автор пишет: *Полсотни аэропланов — это при нынешних масштабах английского ангажемента в НАТО все равно, что свиной (отечественный) хвостик рядом с целой тонной (импортного) бекона*. Здесь слово *ангажемент* использовано в значении, совершенно не известном русскому языку, т. е. приведено английское «engagement», обозначающее «обязательство, которое берет на себя один из партнеров». В русском языке это слово впервые зафиксировано в словаре В. И. Даля, оно имеет одно значение — «приглашение артиста (артистки) или артистического коллектива на известный срок для участия в спектаклях или в концертах на определенных условиях» [17, с. 104—111].

Увлечение экзотизмами и варваризмами нередко наблюдается в переводной литературе. Переводчик, активно владеющий языком оригинала, легко может встать на путь смешения средств родного языка с чужим. А это, естественно, значительно усложняет контакт с читателем, снижает информационные качества и художественную ценность произведения. Подобные словесные излишества зло высмеяли в 50-х годах в одном из фельетонов В. Масс и М. Червинский:

...Он выражается «красиво»,
Но нелегко его понять.
Пред ним стоит *альтернатива*
там, где бы выбор мог стоять.
Где нужно слово, — там *тирада*
Рождается в его уме,
И там, где вывод сделать надо,
Там он выводит *резюме*.

Где речь о бодрости идет,
Там он толкует о *мажоре*,
То, что все знают наперед,
Он знает только *априори*...
Как тиной слов, любую фразу
Он обволакивает сразу,
Зачем же искажает он
Словарь... простите, *лексикон*?

Теоретики перевода пишут: «Нельзя признать эквивалентами насаждаемые некоторыми зарубежными корреспондентами наших газет иноязычные заимствования путем транскрибирования английских слов. Массовому читателю они непонятны. *Паблицити* вместо *рекламы*, *флибустьерство* вместо *обструкции в сенате США*, *истэблшимент* вместо *государственных устоев* и т. п. — все эти слова-паразиты засоряют русский язык» [77, с. 12]. (Заметим, что слово *флибустьерство* — вряд ли только «транскрибирование английского слова». Здесь еще и не совсем удачная авторская метафора).

Избежать подобных недочетов помогает активное освоение лексико-семантических возможностей родного языка, уважительное отношение к нему, воспитание чувства гордости за неоспоримые достоинства словарного богатства, а также развитие и постоянное совершенствование языкового чутья.

§ 41. Русские слова в других языках

Русские слова начали издавна проникать в языки других наций. Больше всего вошло их в словарные запасы народов нашей страны, и заимствовались они издавна, в частности с тех пор, когда возникли разнообразные по своему характеру отношения с соседними тюркскими племенами, многие из которых впоследствии расселились или распались, но часть их волилась в современные тюркские национальности.

Немало русских слов (особенно из области наименований товаров обмена, должностных лиц, отдельных реалий быта и т. д.) ассимилировалось северными народами — исландским, норвежским, шведским, финским. Ф. П. Филин отмечает: «По данным специалистов по западнофинским и восточнославянским связям (прежде всего тут следует упомянуть работы В. Л. Кипарского), древнейшие восточнославянские заимствования в прибалтийскофинские (в том числе и в суоми) относятся к VIII в., а скорее всего к VII в.» [103, с. 205].

О давних дружеских (и даже родственных) связях свидетельствуют, например, древненсландские саги. Так, выдающийся скальд, историк и филолог Исландии Снорри Стурлусон записал в XIII в. романтическую «Сагу Харальда Хардрада», в которой рассказывалось о дружбе и родстве норвежского короля Харальда с киевским князем Ярославом Мудрым (Харальд был женат на дочери князя — Елизавете Ярославне). В начале XIX в. эту сагу (из серии «Королевских саг») перевел на русский язык С. Сабинин.

Норвегия и Русь обменивались предметами торговли, перенимали культурные традиции. Интерес к Русскому государству и русскому языку возрастал. В начале XX в. появилась первая кафедра славянских языков в университете в Осло. В наши дни языковые связи укрепляются и немало слов из современного русского языка входит в язык норвежцев [38].

Начиная с XVI в. активно осваиваются русские слова западноевропейскими народами. Так, если до этого времени английскому языку было известно лишь слово *соболь* (*sable*), заимствованное через французский, то с 1528 г. (начала регулярных отношений) в словарный состав входят слова из самых разных сфер и понятий русской жизни: наименования официальных правящих лиц, документов, учреждений — *воевода*, *господарь*, *указ*, *царь* (*царевич*, *царевна*, *царица*), несколько позднее — *дума*, *земство*; названия денежных знаков, мер веса и длины — *аршин*, *копейка*, *пуд*, *рубль*; наименования реалий жизни и быта, средств передвижения, кушаний, напитков и т. д. — *верста*, *кнут*, *паром* (из *пором*), *полянья*, *самовар*, *тройка*, позднее *балалайка*, *баян*, *борщ*, *водка*, *дрожжи*, *калач*, *квас*, *крупа* (манная), *щи* и др.; названия животных, птиц и рыб — *белуга*, *борзая*, *стерлядь*, *суслик*, *чижик*, *мамонт* (в слове В. И. Даля — *мамуть*). Английским языком заимствовано в форме *tatmoth*). В XIX—XX вв. вошли слова (или были калькированы), отражающие общественно-политическую жизнь России: *декабрист*, *нигилист*, *погром* и др.

Немало русских заимствований в английском языке, рассказывающих о становлении и развитии нашей страны после Великой Октябрьской социалистической революции, например слов из общественно-политической и производственной сферы: *большевик*, *ленинизм*, *комиссар*, *комсомол*, *комсомолец*, *совет*, *стахановец*, *субботник*, *ударник* и мн. др.; слов, указывающих на развитие сельского хозяйства, науки, культуры: *звеньевая*, *колхоз*, *машинно-тракторная станция*, *совхоз*, *яровизация*, *трудодни*; *синхрофазотрон*, *спутник*, *луноход*, *лунник* и др.

В английский язык вошло много устойчивых словосочетаний из самых разных областей советской действительности: *Дворец бракосочетаний*, *дом отдыха*, *парк культуры*, *патриотическая война*, *пятилетний план*, *Советская власть*, *Советский Союз*, *трудовое воспитание* [98], а также: *в духе социализма*; *лагерь мира*, *демократии и социализма*, *право на работу*, *отдых*, *образование*; *разрядка*; *рационализаторские предложения*, *социалистическая собственность* и мн. др. [14, с. 81—83, 85—93 и др.].

Почти все отмеченные выше слова были освоены и другими западноевропейскими языками: итальянским, немецким, французским.

Во французский, например, кроме указанных слов, вошли также: *боярин*, *казак*, *кулак*, *мужик*, *партизан*; *изба*, *бричка*, *быстро* (*бистро*), *степь*, *тайга*; *блины*, *закуска*, *каша*; *бабушка*, *девушка*, *девочка*; *матрешка* и др. Прочно укоренилось после неоднократных гастролей во Франции Государственного академического

Большого театра слово *большой*. Нашла отражение «космическая» терминология: *космический, космонавт, космодром, орбитальный, корабль-Восток* и др. Русским словом «Спасибо» назвали свою яхту три француза, которых у берегов Южной Америки в 1981 г. спасли советские моряки во время кораблекрушения (именно на ней эти французы приплыли в июле 1981 г. в Ленинград для встречи со спасителями).

Слова из русского языка нашли широкое отражение в лексике болгарского, венгерского, польского, словацкого, чешского, румынского, сербскохорватского и других языков. Так, болгарский лингвист Р. Павлова указывает, что первые древнерусские тексты (а значит, и первые слова) проникли в Болгарию еще в XII в. Книжный обмен продолжался и в последующие века. В древнеболгарских памятниках встречаются такие слова, как *будить, гоготати, держи, лошадь, первенец, рот, руки* и др. В XIX в. в болгарских учебниках по физике и математике (кстати, слово *математика* было калькировано с русского, как и многие другие термины) стали употреблять русские термины: *вещество, делитель, движение, наблюдение, непроницаемость, протяжение, пространство, сила, сцепление, тело, теплота, удар, умножение* и т. д. Через посредство русского языка болгары познакомились и с другими международными (и собственно русскими) научными терминами и словами культурной лексики, например: *академия, арифметика, архитектура, география, искусство, музыка* и т. д. [69, с. 69—70]. Болгарский исследователь Русин Русinov [78] отмечает, что в болгарский язык вошли русские разговорные слова *братишка, частушка*, слова из общественной и хозяйственной жизни — *коллектив, советские, пятилетка, ударник, отличник, трудовой день, картофелеуборочный, свеклоуборочный*.

В Чехии и Словакии, по свидетельству проф. Йозефа Скацела (ЧССР), древнерусским языком пользовались почти с X в. как «беспереводным», т. е. понятным и чехам, и словакам. Он выполнял значительные общественные функции, помогал установлению двусторонних государственных отношений между Чехией и Древней Русью, был посредником между восточной и западной культурой [86, с. 92—93]. В последующие века общественные функции русского языка были связаны с дальнейшим развитием дипломатических отношений между странами, а также с военной помощью, оказываемой Россией, особенно в период наполеоновских войн (как отмечает Скацел, русские воины активно общались с населением, знакомя его с русскими обычаями, культурой и т. д.). В начале XIX в. началось движение за овладение русским языком в Чехии и частично в Словакии [86, с. 96], которое в XX в. (особенно в послеоктябрьский период) приобретало все больший размах. Например, словацким литературным языком, как отмечает Н. А. Кондрашов и П. Ондрус, за период с конца XVIII в. до наших дней было заимствовано около 1500 русских слов. Некоторые из них в современном словацком языке уже не употребляются. Среди заимствований выделяются следующие: а) наименования общест-

венно-политической, исторической и культурной жизни — *барин, боярин, власть, государство, дворянин, держава, дума, престол, пристав, страна, столица, царь, царство, чиновник* и др.; *вольнодумец, гнет, мятеж; атаман, бурлак, казак, ящик; букварь, летопись, сказка, словарь, слог, пословица*; а также современные — *агитпроп, буржуй, лунник, луноход, пятилетка, партком, пионер, комсомолец, совет, стахановец, субботник* и многие другие; б) наименования кушаний, реалий быта, денежных знаков — *блины, икра, квас; картуз, самовар; копейка, червонец*; в) названия явлений природы, абстрактных понятий, действий — *воздух, высота, природа, русло, струя; защита, обаяние, обстановка, прелесть, прозрачность, пространство, свойство, судьба, течение, угроза; бушевать, ждать, принадлежать* и мн. др. [48]. В современном словацком языке употребляются такие русские слова, как *большевик, комсомолец, политбюро; совхоз, звено* и т. д. Словацкому деятелю культуры XIX в. М. М. Годже принадлежат слова: «Нет сомнения, что от русского языка каждый получит большее удовлетворение, чем от любого другого иностранного языка. Всенародным органом славянства действительно является русский язык» (цит. по ст.: *Йозеф Скацел. Язык друзей. — Русская речь, 1979, № 6, с. 95*).

Русские слова с давних пор проникали и в венгерский язык. Укажем лишь на некоторые собственно русские слова и выражения, а также на международные термины, освоенные через русское посредство: *коммунизм, социализм, пролетариат, рабочее движение, партийная организация, партийная жизнь, партийное отношение* (к чему-, кому-либо), *Дом Советов; бригада, комбайн, коллективное хозяйство, норма, передовой завод, тракторист; плановое хозяйство, перевыполнение плана, социалистическое соревнование, социалистическое строительство; борьба за мир, Комитет защиты мира, лагерь сторонников мира* и мн. др. [57, с. 115—120].

Немало русских слов мы найдем в польском языке, с народом которого русский народ издавна связывала братская дружба. Русский и польский языки постоянно обогащали друг друга [40].

Русские слова вошли в итальянский язык. Например, еще в 1919 г. итальянские рабочие стали употреблять слова *Ленин, ленинский, большевик*. В 1920 г. при переводе поэмы А. Блока «Двенадцать» на итальянский язык ее называли «Большевистские песни» («*Canti bolscevichi*»). В последующие годы на страницах газеты «Унита» использовались слова и словосочетания *коллективизация, колхоз, комсомол, марксистско-ленинский, пятилетка, пятилетний, Советская власть, советский гражданин, стахановское движение* (калька — *movimento stakanovista* и *stakanovismo*), входили кальки с русского: *социалистическое строительство* (*socialismo socialista*), *народные комиссары* (*commissari del popolo*), *фабричные комитеты* (*sonsiqli di fabbrica*) и др. [44; с. 173—186].

Общественно-политическая жизнь, культура, быт России давно привлекали внимание народов и других континентов. Так, некоторые деятели культуры и науки активно пропагандировали в США

переводы лучших художественных произведений русских классиков XIX в. Интерес к изучению русского языка начал появляться в середине XIX в. Он значительно возрос в XX в. после Великой Октябрьской социалистической революции, когда передовые писатели Америки стали писать о жизни нашей страны (например, всему миру известны произведения Джона Рида). В этот период входили в английский язык американцев отдельные слова и обороты, связанные с наименованием разных сторон общественно-политической, хозяйственной, культурной и научной жизни нашей страны. Однако наиболее интенсивным проникновением так называемых советизмов стало после запуска первого искусственного спутника и полета первого русского космонавта. Вошли в язык американцев слова: *спутник, советское чудо, гигант космоса, советская звезда, лунник, стыковка* и др., которые значительно пополнились после совместного советско-американского полета в космос. Усваиваются и русские слова из других областей жизни.

Русский язык с конца XIX в. стал звучать и на африканском континенте. В 1896 г. после успешных боев за свободу в Эфиопии туда приехали русские врачи, чтобы помочь пострадавшим солдатам и мирному населению. Улицу, на которой был построен госпиталь, где работали русские врачи, называли *Русской*. Подобные заимствования русских слов наблюдаются и в наши дни.

С давних пор проникали русские слова в японский язык, например *самовар, закуска, сивуч* (промысловый тюлень), *степь, тундра* и др. Из современного русского языка вошли слова — *актив, ленинизм, Советы; колхоз, совхоз, спутник, товарищ; пирожок — пирошки* (японское звучание — *пиросики*) и др. [105 и др.]

Все большее признание и распространение получает русский язык во Вьетнаме, а также во многих других странах Востока и Азии.

О значении русского языка в современном мире написано немало стихов, статей, книг. Юридическим признанием международной роли русского языка явилось провозглашение в Уставе Организации Объединенных Наций в 1944 г. пяти официальных языков мира: английского, французского, русского, испанского, китайского (в 1973 г. на 28-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН к их числу был добавлен шестой — арабский язык).

Итак, проникновение русских слов в другие языки и освоение русским языком иноязычных слов — процесс вполне закономерный, способствующий взаимообогащению языковых систем. Однако всегда следует помнить о том, что нельзя намеренно, без необходимости ускорять этот процесс, беспредельно увеличивать в родном языке иноязычные пласты лексики. В этом случае возникает серьезная опасность засорения языка и потери им национальной специфики, многовековой культуры, передаваемой от поколения к поколению. Умелому, уместному употреблению слов иноязычного происхождения, лингвистически грамотному и хронологически бесспорному, помогает использование соответствующих словарей.

§ 42. Этимологические словари. Словари иностранных слов

Сведения о происхождении слов можно получить в современных толковых словарях (например, в БАС, где даются интересные и ценные этимологические справки; в МАС, где сообщается об источнике происхождения иноязычных слов. См. § 6 данного учебника), в специальных этимологических словарях, а также в словарях иностранных слов.

Этимологическими называются словари, в которых объяснены родственные связи слов, их происхождение, исконное значение. Первым русским этимологическим словарем был «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками» Ф. С. Шимкевича (1842). В нем объяснено 1378 обиходных слов. В словаре немало ошибочных и произвольных толкований. Но есть и убедительные, достаточно мотивированные. В 1896 г. был издан «Сравнительный этимологический словарь русского языка» Н. В. Горева. Научный уровень этого словаря (с точки зрения современного состояния развития этимологии) невысокий.

В 1910—1916 гг. А. Г. Преображенским были изданы первые 14 выпусков (два тома) «Этимологического словаря русского языка». После смерти автора словарь был закончен по его рукописям (со слова *суля* и далее) и опубликован в 1949 г. в «Трудах Института русского языка», т. 1. В 1958 г. словарь был издан (фотомеханическим способом) полностью в одном томе. В него включены многие исконные слова русского языка, а также отдельные заимствования. Расположение материала осуществлено по первообразным (корневым) словам. Для объяснений использованы этимологические исследования других авторов. Несмотря на неполноту и неточность некоторых объяснений, словарь сохранил свою ценность.

В 1961 г. был издан «Краткий этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской под ред. С. Г. Бархударова (в 1971 г. он был переиздан с дополнениями и уточнениями). В словаре в алфавитном порядке объяснена этимология наиболее употребительных слов современного русского языка (в 1-м издании 5 тысяч слов, во 2-м более 6 тысяч слов. В 1975 г. вышло 3-е издание этого словаря). Он является ценным пособием для изучающих русский язык.

С 1963 г. Московский университет начал выпуск многотомного «Этимологического словаря русского языка», предназначенного для специалистов-филологов. Предполагается издать несколько томов этого словаря. (К 1981 г. вышло 9 выпусков.)

В 1953—1958 гг. в Гейдельберге издавался на немецком языке «Русский этимологический словарь» М. Фасмера (*M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch*). В 1964—1973 гг. О. Н. Трубачев перевел этот словарь на русский язык. При подготовке перевода О. Н. Трубачев в обширном дополнении, помещенном в конце словаря, учел многие исправления автора, внесенные им уже

после выхода словаря. Кроме того, в словарь включены новые этимологии, даны научные комментарии (они приведены в словаре в квадратных скобках). Представляет интерес ценное предисловие критико-библиографического характера, написанное профессором Б. А. Лариным, редактором данного издания. Словарь М. Фасмера намного полнее словаря А. Г. Преображенского, однако в нем есть спорные и неточные этимологии.

С 1963 г. в Институте русского языка АН СССР выходит ежегодник «Этимология», основанный О. Н. Трубачевым.

В 1970 г. в Киеве издан «Этимологический словарь русского языка» Г. П. Цыганенко, подготовленный на материале существующих этимологических словарей русского и других славянских языков. В основу положены исконные корневые слова. Материал расположен по алфавитно-гнездовому способу. В пояснениях, данных в конце словаря, раскрыто содержание некоторых лингвистических терминов; сообщены краткие сведения о времени возникновения, источниках происхождения слов русского языка, а также о тех изменениях, которые произошли в историческом развитии ряда слов с затемненной этимологией.

С 1974 г. издается «Этимологический словарь славянских языков», в котором воссоздается праславянский лексический состав и прослеживается происхождение большого количества славянских слов (см. об этом словаре: Этимологический словарь славянских языков. Проспект, пробные статьи. Составитель О. Н. Трубачев. — Институт русского языка АН СССР. М., 1963.)

Впервые в русской лексикографической практике в 1979—1981 гг. отдельными частями в журнале «Русский язык в школе» публиковался «Краткий этимологический словарь русских фразеологизмов» Н. М. Шанского, В. И. Зимина и А. В. Филиппова (см. подробнее о нем в § 66).

Представляют интерес предназначенные для учащихся: «Школьный этимологический словарь» (1957), включающий 180 корней; словарь «Почему не иначе?» Л. В. Успенского, содержащий занимательные рассказы о жизни слов (1967), а также книги М. Феллера «Как рождаются и живут слова» (1964), Ю. В. Откупщикова «К истокам слова» (1968) и Н. М. Шанского «В мире слов» (1971).

Одной из разновидностей этимологических словарей является «Краткий топонимический словарь» В. А. Никонова, содержащий сведения о происхождении и судьбе около 4000 названий наиболее крупных географических объектов СССР и зарубежных стран (1966), а также «Словарь русских личных имен» Н. А. Покровского, включающий около 2600 личных имен и сообщающий сведения об их происхождении (1967).

Сведения о происхождении слова можно найти и в словарях иностранных слов. В них объясняются такие заимствования из неславянских языков, которые воспринимаются современными носителями как иноязычные. Эти словари дают объяснение значения и указывают на источник заимствования.

Первые толкования иноязычных слов исследователи находят в

самых старых из дошедших до нашего времени русских словниках — глоссариях. Например, в Кормчей книге объяснено 174 иноязычных слова. В появлявшихся за период XVI—XVII вв. первых толковых словарей (см. § 6) наряду с другими есть немало объяснений значения слов нерусских.

Первый словарь иностранных слов относится к XVIII в. Он был рукописным и назывался «Лексикон вокабулам новым по алфавиту». В него были включены заимствования из новых европейских языков. В XIX в. выделяется трехтомный словарь Н. М. Яновского «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значения которых не всякому известно (<...>)» (1803—1806 гг.). В 1874 г. в Москве был издан словарь А. Д. Михельсона «30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней».

В советское время словари иностранных слов издавались неоднократно. Например, в 1939 г. появился словарь под редакцией профессора Ф. Н. Петрова с приложением Н. Ф. Юшманова «Грамматика иностранных слов». Самым полным в настоящее время является «Словарь иностранных слов» под редакцией И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова. В словаре приводится краткое объяснение слов и терминов иноязычного происхождения, встречающихся в разных стилях речи, указывается происхождение слова, нередко отмечается путь заимствования. (Заметим, однако, что в нем дается несколько смешанное толкование: собственно филологическое и энциклопедическое.) В 1964 г. вышло шестое издание, переработанное и дополненное, под редакцией И. В. Лехина и др. Словарь содержит около 23 тысяч слов и терминов, расположенных в алфавитном порядке. В 1979 г. вышло седьмое издание этого словаря. Структура его сохранена. В это издание включено много новых слов, значений, терминологических сочетаний иноязычного происхождения. Из корпуса словаря выведено немало узкоспециальных, малоупотребительных, устаревших слов и значений. Толкование значений слов во многих статьях стало короче, понятнее, научно строже. В конце словаря даны наиболее употребительные слова и выражения в латинском написании, а также латинский алфавит.

Особым типом словарей иностранных слов является «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода», составленный А. М. Бабкиным и В. В. Шендецовым и вышедший в двух книгах в 1966 г. Данный словарь, как отмечают авторы, «является не только справочным пособием, но и упорядоченным сводом обширных материалов по иноязычной лексике и фразеологии и истории усвоения их русским литературным языком нового времени» (4, с. 4).

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 94. Ознакомьтесь с исследованием Ф. П. Филина «У истоков русского языка», опубликованном в журнале «Русская речь» (1968, № 2), и подберите в одном из этимологических словарей по 2—3 примера исконных слов русского языка.

Упражнение 95. Подберите 10 высказываний русских писателей и выдающихся политических деятелей об употреблении иноязычных слов.

Упражнение 96. Объясните происхождение приводимых ниже слов, сгруппировав их по алфавиту в зависимости от источника и времени появления. Составьте таблицу-схему. При выполнении задания пользуйтесь «Кратким этимологическим словарем русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской.

1. Свобода, жертва, гнев, борьба, сомнение, ссора, подозрение, навет, блеск, усердие.

2. Долина, осколок, горшок, скатерть, варенье, скрипка, горчица, ватрушка, гимнастика, тельняшка, клешня.

3. Великий, бдительный, шероховатый, развязный, гнилой, голубой, отличный, багряный, беззаветный, обильный, белокурый.

4. Гостиница, калитка, изгородь, жилище, деревня, земляника, крыша, коляска, проселок, мостовая, распорка.

5. Разредить, копать, малевать, бегать, шуршать, маячить, ковылять, мутить, стараться, хныкать.

Упражнение 97. Определите, являются ли выделенные слова в приводимых ниже предложениях исконными словами русского языка или относятся к заимствованиям. Назовите группу, к которой они относятся (см. схему на с. 147). Для справок используйте «Краткий этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской, а также «Словарь иностранных слов».

1. Давным-давно застывшая *страсть* как будто шевельнулась *в сердце* (Т.). 2. Для северного *глаза* все было поразительно: обожженные утесы и безмолвные *пустыни*, грозная безжизненность от *избытка* солнца и недостатка *влаги* (Гонч.). 3. Это идейное содержание *сплетено* у художника неразрывным образом с его *эмоциями*, т. е. с тем *восхищением* или *отвращением* и т. п. *чувствами*, которыми для него самого *изображаемые* им *образы одеты* (А. Лунач.). 4. Они *вертятся* от вас ко мне и от меня к вам, и сам черт не разберет, кто из них *порочен* и кто *добродетелен!* (М. Г.). 5. Он по своему опыту *солдатской* службы хорошо знал, когда *можно* и когда *нельзя* жаловаться *начальству* (Сим.).

Упражнение 98. Определите происхождение приводимых ниже слов, пользуясь этимологическим словарем. Объясните их значение и укажите, в чем заключается различие между ними (фонетическое, лексико-семантическое, стилистическое).

Невежа — невежда, борозды — бразды, берeditь -- бред, голова — глава, волочить — влачить, короткий — краткий, крыша — кров, межа — между, могучий — могущественный, молоко — млеко, молочный — млечный, хоронить — хранить, чужой — чуждый.

Упражнение 99. Ознакомьтесь с исследованием Г. О. Винокура «О славянизмах в современном русском литературном языке» (Русский язык в школе, 1947, № 4 или в кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1959), найдите в приводимых ниже предложениях славянизмы и определите группу, к которой они относятся.

1. Истинное счастье — это прежде всего удел знающих, а не невежд (Пауст.). 2. Он [Гаврик] сразу почувствовал в усатом хитрого и опасного врага (Кат.). 3. Беспечные, вам чужд времен могильный глас. (Вс. Ив.). 4. В стенах Петровских протекает, Полна веселья, там Нева, Златой порфирию блистает, Покрыта

лаврами, глава... (Ломоносов). 5 [Царь:] Как хорошо! вот сладкий плод ученья! Как с облаков ты можешь обозреть Все царство вдруг: границы, грады, реки (П.). 6. Это заставило меня размышлять о простоте казачьих нравов (П.). 7. Прошло сто лет, и юный град, Полночных стран краса и диво, Из тьмы лесов, из топи блат Вознесся пышно, горделиво (П.). 8. С почтительным изумлением рассматриваем мы музейные древности, очищенные от праха (Сок.-Микит.). 9. Я жил в Киеве, в очень многолюдном месте, между двумя храмами — Михайловским и Софийским (Леск.). 10. Окна и крыши корпусов еще зияли разбитыми стеклами {...}, а внутри, в сумеречных чревах {...} стонало и барабанило эхо от молотков и сверл (Гладк.).

Упражнение 100. Подберите в гл. 1-й романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» по 3—4 примера славянизмов, выполняющих разные стилистические функции.

Упражнение 101. Ознакомьтесь с исследованиями Ф. П. Филина «Некоторые вопросы функционирования русского языка» (Вопросы языкознания, 1975, № 3) и подготовьте реферат этой работы.

Упражнение 102. Определите, являются ли приводимые ниже слова исконными или относятся к заимствованным. Укажите, пользуясь этимологическим словарем, источник и время заимствования. (Для выполнения задания составьте таблицу. Слова следует располагать по алфавиту.)

Образец:

Исконные слова	Заемствованные слова	
	ранние (до XVII в.)	поздние (с XVII в.)
болеть — общесл.	январь — греч. (с XI в.)	вариация — польск. (XVIII в.)

Болеть, январь, вариация, копейка, зверь, барсук, газета, казнь, башмак, нация, ванна, поработить, джонка, ватерполо, алфавит, винтовка, волшебный, вобла, бумага, гамаши, бесчинство, артель, невралгия, бездарный, картофель, крюк, детвора, богатырь, риск, будильник, пенсия, байка, балык, газ, идея, автобус, матрац, выюк, конь, ватага, приятный, барабан, вакантный, вдребезги, команда, лапша, коренастый, кукуруза, мастер, мировоззрение, обезьяна, объект, товар, пигмент, пиджак, тасовать, токарь, фабрика, шнур, янтарь.

Упражнение 103. I. Прочитайте приводимые ниже высказывания А. С. Пушкина, А. П. Чехова, М. Горького и А. Н. Толстого об употреблении иностранных слов.

II. Обратитесь к примерам авторской (или редакторской) правки произведений. Сопоставьте черновой вариант или ранние редакции (слева) с окончательным текстом (справа). Укажите, в чем заключаются внесенные изменения и чем они обусловлены (связаны ли замены только с устранением иностранных слов; всегда ли заменяемое и заменяющее слова семантически близки между собой; нет ли исправлений, связанных со смысловыми уточнениями и т. д.).

I. 1. Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих

мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушаться к московским просвирам. Они говорят удивительно чистым и правильным языком (А. С. Пушкин. *Опровержение на критики*).

Сперва хочу с тобою побороться; как тебе не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина... (Из письма А. С. Пушкина к Л. С. Пушкину, 24 января 1822 г.).

⟨...⟩ Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова (А. С. Пушкин. *Путешествие из Москвы в Петербург*).

2. Я писал Вам ⟨...⟩ о неудобстве иностранных, не коренных русских или редко употребительных слов... Конечно, тут дело вкуса, и, быть может, во мне говорит излишняя раздражительность или консерватизм человека, давно усвоившего себе определенные привычки. Я мирюсь в описаниях с «коллежским ассессором» и с «капитаном второго ранга», но «флирт» и «чемпион» возбуждают (когда они в описаниях) во мне отвращение (Из письма А. П. Чехова к А. М. Пешкову (М. Горькому) 3 января 1899 г.).

3. Поражает обилие иностранных слов, соединяемых удивительно смешно... (Из письма М. Горького к С. М. Чевкину, 1912 г.).

Пристрастие к провинциализмам, к местным речениям так же мешает ясности изображения, как затрудняет нашего читателя втыкание в русскую фразу иностранных слов. Нет смысла писать «конденсация», когда мы имеем свое хорошее слово — сгущение (М. Горький. *О прозе*).

4. Что касается введения в русскую речь иностранных слов, то Владимир Ильич Ленин прав: не нужно от них открешиваться, не нужно ими и злоупотреблять. Известный процент иностранных слов вращается в языке. И в каждом случае инстинкт художника должен определить эту меру иностранных слов, их необходимость. Лучше говорить «лифт», чем «самоподымальщик», «телефон», чем «дальнеразговорня», «пролетарии», чем «голодранцы», но там, где можно найти коренное русское слово — нужно его находить (А. Н. Толстой. Чистота русского языка).

II. Дубровский

Между тем срок апелляцияонный прошел, и апелляция не была подана.

Между тем положенный срок прошел, и апелляция не была подана.

Барышня-крестьянка

Жокеи его были одеты английскими жокеями.

Конюхи его были одеты английскими жокеями.

Капитанская дочка

— Где его абшид?

— Где его пашпорт?

— Armer Kerl!

— Бедный малый!

А. С. Пушкин

Сильные ощущения

— Нет, зачем же? Я ведь это так только говорю. Ты мальчик добрый, и было бы жестоко подвергать тебя такому эксперименту.

— Нет, зачем же? Я ведь это так только говорю. Ты мальчик добрый, и было бы жестоко подвергать тебя такому опыту.

В море

По каюте из угла в угол ходил банкир, высокий, полный старик-англичанин с рыжим, отталкивающим лицом. Это был муж леди, с которой беседовал новобрачный.

По каюте из угла в угол ходил банкир, высокий, полный старик-англичанин с рыжим, отталкивающим лицом. Это был муж пожилой дамы, с которой беседовал новобрачный.

Сын Альбиона вынул из кармана какую-то пачку, быть может пачку банковых билетов, и подал пастору.

Англичанин-банкир вынул из кармана какую-то пачку, быть может пачку банковых билетов, и подал пастору.

В уезде редкий интеллигент не состоял ему должным.

В уезде редкий помещик не состоял ему должным.

Бывали дни, когда он не обедал и ходил с пустым портсигаром, но всегда его видели чистеньким, галантным...

Бывали дни, когда он не обедал и ходил с пустым портсигаром, но всегда его видели чистеньким, одетым по моде.

Толстый и тонкий

Нафанаил вытянулся во фрунт и инстинктивно, по рефлексу, застегнул все пуговицы своего мундира...

Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира...

А. П. Чехов

Челкаш.

Он греб автоматически...
Лодка помчалась снова, бесшумно и легко лавируя среди судов. Вдруг она выбралась из их лабиринта...

Он греб, как машина...
Лодка помчалась снова, бесшумно и легко вертясь среди судов. Вдруг она вырвалась из их толпы...

М. Горький

Петр I

— Верка, подай корону...

— Верка, подай Мономахову шапку...

Горбатые от ранцев егеря
густо бежали через осевший
мост...

Медленно вертится расписан-
ный розами циферблат на стоячих
часах.

Горбатые от ранцев стрелки
густо бежали через осевший
мост...

Медленно вертится расписан-
ный розами цифирный круг на
стоячих часах.

А. Н. Толстой

Слово живое и мертвое
(Из опыта переводчика и редактора)

Самый маленький шанс луч-
ше, чем полное отсутствие
надежды.

Он мужественно признал тот
факт, что друг для него потерян.

[И почувствовал] мягкий вкус
профильтрованной листьями
воды.

Это полный контраст тому,
что было.

Пантера атаковала девушку.

Чудо дало только временный
эффект.

Они привыкли держаться изо-
лированно.

Скудная растительность вы-
зывала ассоциации с тундрой.

Без всяких инцидентов он
долетел до места назначения.

Самая малая искра надежды
лучше, чем безнадежность.

Он мужественно признал горь-
кую истину, что друг для него
потерян.

[И почувствовал] мягкий вкус
процеженной сквозь листья (или:
отцеженной листьями) воды.

Совсем не то, что было.

Пантера напала на девушку
(или: бросилась на...).

Чудо поразило людей лишь на
минуту (или: Впрочем, изумлен-
ные люди быстро опомнились).

Они привыкли держаться от-
чужденно (или, обособленно, раз-
общенно; они привыкли к одино-
честву).

Скудная растительность напо-
минала о тундре (или: наводила
на мысль о...).

Без всяких происшествий
(или: без помех, благополучно)
он долетел до места назначения.

Примечание. В квадратных скобках приведены пояснения, которых нет в пере-
водном тексте; в круглых скобках даны редакторские варианты правки, предлагаемые
автором указанной выше книги.

Теперь, вооруженная.... любовью, она прекрасно видела все возможные ходы, все соблазны и альтернативы. Интуиция подсказывала ей...

Теперь, полюбив, она прекрасно видела все возможные ходы, все соблазны и распутья. Чутье подсказывало ей...

Нора Галь

Упражнение 104. Распределите, пользуясь толковыми и этимологическими словарями, приводимые слова по группам:

- 1) слова, заимствованные целиком;
- 2) слова с заимствованным корнем, но с русскими приставками, суффиксами или окончаниями;
- 3) слова с русским корнем, но с заимствованными приставками, суффиксами или окончаниями.

Агрессия, авансом, авантюра, агрикультура, аквалангист, активный, акула, анкета, антинародный, апельсиновый, аспирантский; байдарочные (гонки), бальный (танец), бантик, барабанщик, бархатистый, беркут, бульдозер, бульдозерист, бульдозерный, буфетчик, геологический, гуманист, дирижер, игротека, космонавт, куражиться, листаж, лунник, норка, русифицировать, студент, стул, типаж, тонизировать, трафаретный, хвостизм.

Упражнение 105. Найдите в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» примеры употребления экзотизмов и варваризмов. Объясните их стилистическую роль.

Упражнение 106. Подберите в «Литературной газете» в разных жанрах современных публикаций по 2—3 примера экзотизмов, варваризмов и тексты с макаронической речью.

Упражнение 107. Ознакомьтесь с приводимым ниже стихотворным фельетоном А. Карасева и С. Ревизина «Пленники моря» и укажите приемы пародийного использования иноязычной лексики:

Лоцманы газонов и фонтанов,
Лоцманы мочалок и мытья,
Лоцманы кафе и ресторанов,
Боцманы компрессов и бритья.
Штурманы и юнги «Индпошива»,
Коки райсобеса и роно,
Контр-адмиралы вод и пива,
И впередсмотрящие кино!
Вам в глаза другим глядеть неловко:
Не рядились вы в морских волков —
Флибустьеры броских заголовков
Вас перекрестили в моряков.
Сняли вас пера пираты с суши,
Увели насильно на корвет...
Пусть скорей спасают ваши души
И тела редакторы газет!

Упражнение 108. Определите значение выделенных слов и укажите, уместно ли они использованы в приводимых попарно примерах.

1. В это время показалась на дороге шумная и блестящая *кавалькада*: дамы, в черных и голубых амазонках, кавалеры в

костюмах, составляющих смесь черкесского с нижегородским (П.). — *Кавалькада* машин мчится по улицам Берлина (А. Кривицкий). 2. В рукописи были внесены необходимые *коррективы*. — В проект резолюции мы предлагаем внести поправки и *коррективы*. 3. На фоне полкового Запечатлеют вас — Солдата рядового, Как принято, *анфас* (С. Гудзенко). — Прекраснейший портрет... *в анфас* и даже *в профиль*, Вы — смелый фантазер, скажу вам не шутя (А. Безыменский). 4. Иногда слышались или чудились мне обращенные *по моему адресу* упреки (Гонч.). — Доброе слово надо сказать и *в адрес* второго призера тбилисских стартов (газ.). 5. Сейчас диспетчерский пункт питала та электростанция, что приютилась по соседству. Старый *ветеран* энергетики независимо от всех продолжал работать (Тендр.). — А комбинат уже начали величать стариком, *ветераном* промышленности (Тендр.). 6. ...Четвертый *раунд*. Инициатива переходит к Демпси. Удары в скулы, в нос, в ухо, в череп (А. Н. Т.). — Все они молоды, современны и держатся отнюдь не как на дипломатическом *раунде* (журн.).

Упражнение 109. Найдите в приводимых ниже отрывках и отдельных предложениях из газетных репортажей 70-х годов иноязычные слова, объясните их значение и докажете уместность (или неуместность) употребления. В случае необходимости дайте вариант правки текста.

1. На выставке экспонируются среди прочих два уникальных экземпляра книги. 2. [Из устного репортажа:] На международном шахматном турнире четыре советских гроссмейстера лидируют после четырех туров. У них — по три очка. На пол-очка отстает от этого прославленного квартета югославский шахматист. 3. Уже известный нашим читателям лыжник совершил на третьем этапе спортивный подвиг. С присущей ему энергией вмешавшись в спор солировавшего трио, он сумел отыграть у своих соперников больше минуты и под шумные овации трибун пересек промежуточный финиш. 4. В нашем футболе по-прежнему существует дефицит игроков в линии нападения, которые всегда мыслят на поле, имея в запасе оригинальные ходы. 5. Дебютную часть матча автозаводцы разыграли инертно. 6. В числе самых результативных снайперов после предварительных матч-турниров советская спортсменка занимала первое место. Но после первого заключительного матча смогла приплюсовать к своим очкам лишь десять. Да и цена финальным очкам совсем не та, что была в первых встречах. 7. Важным фактором успешной сдачи экзаменов является систематическое выполнение всех лабораторных заданий. 8. Овладение энергией атомного ядра и рейсы к далеким планетам, создание лазеров и разгадка кода наследственности — в этих и многих других достижений науки утверждается девиз «Знание — сила» (журн.). 9. Из окон гостиницы открывается прекрасный пейзаж на реку. 10. «Почему пустуют вакансии?» (журн.). 11. Гости мгновенно преобразились при виде курганов... Стоя на коленях и засучив рукава манишек они скребками отковыривали комки земли... 12. «Посейдон разбушевался» (заголовок статьи в молодежной газете о землетрясении в Краснодарском крае).

Упражнение 110. Объясните целесообразность (или нецелесообразность) употребления иноязычных слов. Приведите примеры возможных исправлений (замен).

Образец:

Число оборотов вала непрерывно прогрессирует.

Слово *прогрессирует* по стилевой принадлежности (книжное) и по значению не может быть соотнесено с данным контекстом.

Возможные замены:

~ *растет* (увеличивается)

1. Она — медсестра одного из маленьких городков в одном из многочисленных фиордов ее родной Норвегии (*Г. Езерская*). 2. Под сенью столетних ветел пел печальный шансон, вспоминая свою Изабель (*журн.*). 3. Книга собрала наибольшее число разноречивых мнений, суждений, оценок, пристрастий и антипатий — одним словом, эмоций (*газ.*). 4. В нормировании языка находят отображение внеязыковые факты. 5. Языковая норма — продукт субъективных процессов национально-языкового развития, а также структурных, психических, социально-политических, историко-культурных фактов, управляющих жизнью и делами людей (*газ.*). 6. [Газета рассказывает о соревновании гребцов:] Наши ребята почти на корпус обходят соперников. И... ломается подножка. Лодка сходит с дистанции. — Обидно, — резюмирует происшедшее тренер. — Так хотелось опробовать новый состав в деле. 7. И все же найдутся скептики, которые настойчиво станут задавать вопрос, орнаментированный динамикой века: А стоит ли все же так убиваться? (*газ.*). 8. Гудков увлекся картингом... Но прежде чем сесть за руль картинга, Володе на время пришлось стать автомобилестроителем (*газ.*).

ЧАСТЬ III

СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ СЛОВ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА, ОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ РАЗНЫМ ХАРАКТЕРОМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

ГРУППЫ СЛОВ, ОБЪЕДИНЯЕМЫЕ СФЕРОЙ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
(или социально-диалектной принадлежностью)

§ 43. Лексика общеупотребительная и лексика ограниченного употребления

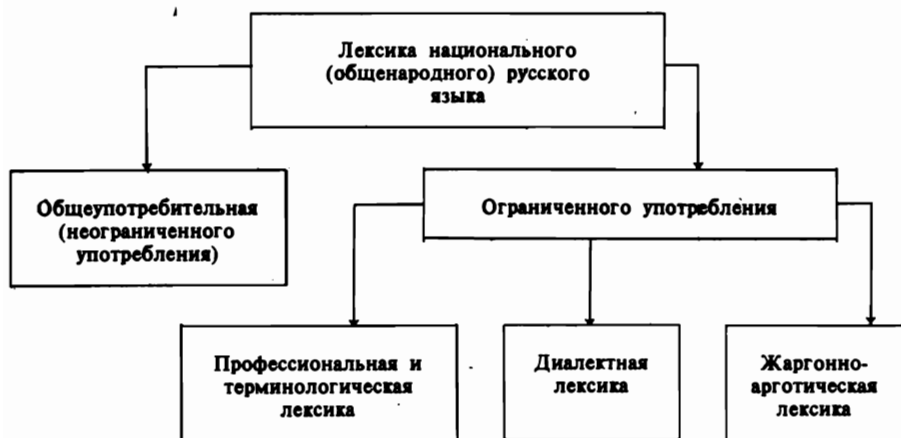
Слова, объединенные сферой распространения, образуют определенные лексические группы: 1) общеупотребительную лексику и 2) лексику ограниченного употребления.

К лексике общеупотребительной относятся слова, использование которых свободно, не ограничено. Подобная лексика составляет устойчивую основу современного русского языка. В ней по тематическому признаку могут быть выделены самые разнообразные лексико-семантические парадигмы: слова,

называющие явления, понятия общественно-политической жизни; слова, называющие экономические понятия; слова, называющие явления культурной жизни; бытовые наименования и т. д. и т. п.

В лексике ограниченного употребления с точки зрения социально-диалектной сферы распространения выделяются слова, во-первых, присущие тем или иным территориальным говорам, диалектам (так называемые диалектизмы), во-вторых, специальные, профессионально-терминологические, а также жаргонно-арготические.

Схематично это можно представить следующим образом:

§ 44. Диалектная лексика, ее роль в языке

К диалектной лексике (греч. *diálektos* — наречие) относятся слова, распространение которых ограничено той или иной территорией. Диалекты в своей основе — это говоры крестьянского населения, до сих пор являющиеся средством устного общения среди значительной части населения нашей страны. Они имеют фонетические, морфологические и синтаксические особенности, а также специфическую лексику. Исходя из этого, выделяют диалектизмы¹ фонетические (*пшонó* вместо *пшено*; *пíсня*, *мíсто* вместо *песня*, *место*; *дéлат* вместо *делает*; *лáмоцки* вместо *лямошки* в северорусских говорах; *н'ясу*, *р'яка* вместо *несу*, *река*; *Хведор* вместо *Федор* и др. в южнорусских говорах); словообразовательные (например, *гуска* вместо *гусыня* в южных говорах, *сбочь* вместо *сбоку* в донском говоре и т. д.); морфологические (например, *видел своим глазам*, *говорил*

¹ Диалектизмами называются: 1. Диалектные слова или устойчивые сочетания слов, используемые в художественных, публицистических и других произведениях, а также в литературном языке, но не входящие в его лексическую систему. 2. Фонетические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, семантические и другие особенности, присущие тем или иным диалектам в сопоставлении с литературным языком.

с умным людям, где наблюдается совпадение окончаний творительного и дательного падежей множественного числа в северных говорах: *н'асеть, пайдеть* вместо *несет, пойдет* или *у мене, у себе* вместо *у меня, у себя* — в южных) и лексические, т. е. те слова, которые обычно и рассматриваются в лексике.

Лексические диалектизмы неоднородны, в них могут быть выделены следующие группы: собственно лексические, лексико-семантические и этнографические.

Собственно лексические диалектизмы — слова, которые совпадают с общелитературными по значению, но отличаются своим звуковым комплексом. Они называют те же понятия, что и тождественные им слова литературного языка, т. е. являются своего рода синонимами. Так, собственно лексическими диалектизмами являются слова: *баскóй* (сев. уральск.) — красивый, *голицы* и *шубенки* (сев.) — варежки, *векша* (сев.) — белка, *зубáрь* (сев. уральск.) — спорщик (ср. *зубатить* — спорить), *литóвка* (сев. уральск.) — большая коса, используемая для сельскохозяйственных работ; *бáлка* (южн.) — овраг, *гай* (южн.) — лес, *грéбовать* (южн.) — брезгать и пренебрегать; *музгá* (южн., донск.) — болото, *стёжка* (южн.) — дорожка, *ялók* (южн., донск.) — густой слой молока, сметаны и др.

Лексико-семантические диалектизмы — слова, совпадающие в написании и произношении с литературными, но отличающиеся от них своим значением. Подобные диалектизмы являются омонимами по отношению к словам литературным. Например: *вискúй* (курск., воронеж.) — волосы на всей голове и *виски* (лит., мн. ч. от *висок*) — боковая часть черепа выше линии, проходящей от уха до глаза; волосы, растущие на боковой части черепа впереди уха; *бóдрый* (южн., рязанск.) — нарядный, красиво убранный и *бóдрий* (лит.) — полный сил, здоровый, энергичный; *козюля* (южн., калужск., орловск., курск.) — змея и *козюля* (лит. *козуля*) — дикая коза, серна; *пыж* (волжск.) — нос судна, самый перед его; *пыж* (сев., вост.) — конопляная мякина и *пыж* (лит.) — пучок пеньки, ткани, бумаги для забивки снаряда.

Этнографические диалектизмы (греч. *éthnos* — племя, народ + *grahpō* — пишу, описываю) — слова, которые распространены только в определенном говоре. Они являются названиями местных предметов быта. К этнографическим относятся, например, *понёва* — род юбки из пестрой домотканой материи (ряз.) или *шушпан* — верхняя женская одежда из белой домотканой шерстяной материи (ряз.) и др. В отличие от собственно лексических диалектизмов этнографические не имеют, как правило, синонимов в литературном языке и могут быть объяснены лишь описательно.

В своей основной массе диалектные слова не являются составной частью общелитературной лексики, но через разговорную речь (особенно через просторечие) проникают в литературный язык. Так, из диалектов пришли некоторые названия, связанные с циклом сельскохозяйственных работ, родом занятий в разных промыслах,

с наименованием народной одежды и т. д. Например: *высев*, *жатка* (лит. *жнейка*), *косовица* (лит. *косьба*), *боронить*, *борозда*, *клубень*, *стог* (сена), *копна*; *доярка* (лит. *доильщица*), *дояр*, *конопатить*, *омуль*, *бурлак*, *зыбь*, *корчевать*, *веретено* и др.

Сравнительно недавно появились в литературном языке диалектные слова *багульник*, *беспечный*, *ворковать*, *длина*, *дряблый*, *жерех*, *жерлица*, *жуткий*, *зазноба*, *закром* (*закрома*), *земляника*, *зря*, *клубника*, *ковырять*, *корявый*, *лебезить*, *мямить*, *мохнатый*, *назойливый*, *осторожный*, *пасмурный*, *подоплёка*, *смекалка*, *стрекоза*, *тайга*, *ухаб* и многие другие. Диалектная лексика и в наши дни продолжает пополнять запасы литературного языка.

Функции диалектной лексики в языке различны. Как и слова литературного языка, она выполняет номинативную функцию, называя местные бытовые предметы, одежду, обычаи и т. д. По-прежнему диалектная лексика используется для устного общения на той или иной территории, т. е. выполняет коммуникативную функцию. В письменных формах языка (например, в районных, областных газетах) некоторые диалектизмы помогают более доступно и понятно для местных читателей называть отдельные предметы, явления, процессы. Например, в статье о промышленной переработке арбузов находим: *Прекрасный получился нардек, как называют у нас арбузную патоку* [65, с. 85]. В языке художественной литературы диалектизмы используются для изображения местных географических особенностей, специфики быта, культуры. Они помогают ярче охарактеризовать героев, передать индивидуальность их речи.

Употребление диалектных слов в языке художественной литературы, в газетной речи — один из путей их проникновения в литературный язык. Например, широкое использование в газетной речи в последние десятилетия областных слов *закрём*, *закромá*, *зеленя́* и других привело к тому, что в современных словарях (например, в БАС или Словаре Ожегова) они уже даются без пометы *обл.*, с которой были включены в 30—40-е годы в Словарь Ушакова.

Заметим, что в толковых словарях, как правило, для указания на территориальную, областную ограниченность употребления слова используется помета *обл.* В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (М., 1976) термины *диалектный* и *областной* даны как синонимы (см. с. 96 и с. 213). Синонимичными их считает и Д. Н. Шмелев [111, с. 154]. Однако в работах некоторых современных лингвистов намечается различие в понимании этих терминов: значение слова *диалектный* иногда связывается с четкой территориальной закрепленностью, а *областной* — соотносится с более широким распространением слова, когда не дается указания на конкретную область его распространения. Ср., например: *гонобить* — мучить, утомлять (ряз.), *хвильить* — доводить до слез (пермск., уральск.) и *блэзнить* — мерещиться, чудиться, казаться; *сулить* — обещать; *халть* — осуждать, ругать и др., употребляемые и в северных говорах, и в южных, но не являющиеся все-таки общелитературными. Они именно *областные*, хотя и без указания на точное место их распространения. Нередко к таким словам дается еще и помета *просторечное*, что уже характеризует стилистические свойства слова.

Злоупотребление диалектизмами (и областными словами) в художественной литературе и, тем более в газетных публикациях затрудняет восприятие произведений, снижает силу их воздействия.

Так, вряд ли уместными являются просторечно-областные слова *костерил* — ругал, *сулил* — обещал в деловых критических статьях: *За это ее [доярку] и костерили подруги; Шмелев сулил водопровод построить, но так и не сдержал своего слова* [65, с. 86].

Русские писатели и поэты — А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, А. В. Кольцов, Н. А. Некрасов, Д. В. Григорович, Н. С. Лесков, А. Н. Островский, Д. Н. Мамин-Сибиряк и многие другие — умело (и умеренно!) использовали диалектные слова как одно из выразительных средств. См., например, у А. С. Пушкина: *Постоялый двор, или, по-тамошнему, умет, находился в стороне в степи, далеке от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань*. Или у Л. Н. Толстого: *Дорога шла серединой глубокой и широкой балки, подле берега небольшой речки, которая в это время играла, т. е. была в разливе*.

Слова из местных говоров употребляют и советские писатели, поэты, публицисты, например А. С. Новиков-Прибой, М. А. Шолохов, П. П. Бажов, В. М. Шукшин, В. Липатов, Г. Радов, В. Тендряков, М. Халфина и др. См. у М. А. Шолохова: — *Может его зараз и подсеет? Вот в сусеке грохот лежит, — предложил опьяневший от радости Игнатенок*. Или у С. Есенина: *Пахнет рыхлыми драчёнами, У порога в дёжке квас...* (*зараз* — донск., тотчас, сейчас; *сусёк* — южн., отгороженный ларь в амбаре, используемый для сыпких зерна; *грохот* — обл., большое решето; *драчёна* и *дрочёна* — южн., обл., род ячницы, сбитой с мукой и молоком; *дежа, дежка* — южн., кадка, кадушка).

Слова, ограниченные четко территориальной географической сферой распространения, вызывают немалые затруднения в практике устного и письменного перевода. Необходимо хорошо понимать значение слова, чтобы суметь подобрать близкий по смыслу эквивалент (что редко удается) или описательно раскрыть его семантику.

В установлении норм употребления диалектизмов, а также границ их использования в свое время большую роль сыграли статьи М. Горького, посвященные дискуссии о языке, проводимой в 1934 г. в связи с обсуждением романа Панферова «Бруски». Для современного языка художественной литературы широкое использование диалектизмов нехарактерно. Это обусловлено ростом культуры всего населения и активизацией процесса растворения местных говоров в литературном языке, их сближения с ним. Данный процесс захватывает всю систему говора, но наиболее pronounced оказывается лексика. Наблюдается сложная, многоступенчатая перестройка диалектной лексики: от сужения сферы употребления отдельных диалектизмов до полного их исчезновения из словаря говора в связи с изменением методов ведения сельского хозяйства, угасанием отдельных ремесел, заменой или исчезновением многих социально-бытовых реалий и т. д. [67, с. 131; 68, с. 301].

Однако в ряде случаев одновременно с общей тенденцией к расширению сферы действия литературного языка наблюдаются

отдельные семантические процессы внутреннего совершенствования лексической системы говоров, попытки сохранить их. Так, одним из характерных является процесс семантической дифференциации диалектных слов в связи с проникновением общелитературных синонимов. Например, в некоторых районах Волгоградской области диалектное слово *курча́та* (*курчо́нок*) издавна использовалось для наименования всех маленьких птенцов курицы. С распространением литературного *цыпля́та* за ним закрепляется значение «самые маленькие птенцы», а диалектным *курчата* стали называть больших, уже оперившихся цыплят. Далее. С развитием и совершенствованием заводского консервирования свежих фруктов в виде компотов за местным словом *взвар* закрепляется лишь значение «компот из сухофруктов». Во многих местах различают новые предметы быта и старые, а также сделанные кустарно (самими потребителями) и изготовленные на государственных предприятиях. Например, дифференцируют *шкаф* (новый вид мебели) и *паста́ф* (старое местное наименование шкафа); *чу́рики* — тапочки, сшитые самими, и *чюва́ки* — тапочки, купленные в магазине и т. д.

Следовательно, наблюдается стремление ввести в местную речь литературное слово, активно его осмыслить, но сохранить при этом и некоторые местные синонимичные наименования путем их семантической дифференциации [65, с. 121—125; 66].

§ 45. Специальная лексика, ее функции

В специальной лексике, включающей в свой состав слова и выражения, употребляемые группами лиц, объединяемых по роду занятий, деятельности, т. е. профессиональной общностью, выделяются два основных пласта лексики: профессионально-терминологическая и собственно профессиональная.

Самой значительной группой в специальной лексике являются научные и технические термины, образующие разнообразные терминологические системы.

К терминологической лексике относятся слова или словосочетания, используемые для логически точного определения специальных понятий, установления содержания понятий, их отличительных признаков. Следовательно, для термина (в отличие от нетермина, т. е. любого слова вообще) основной характерной функцией является функция определения, называемая дефинитивной (лат. *definito* — определение), а само терминологическое раскрытие содержания понятия — дефиницией.

Возникновение и функционирование подобной лексики обусловлено развитием науки, техники, сельского хозяйства, искусства и т. д.; оно имеет ярко выраженный социальный характер и находится под контролем общества [80, гл. 5; 49].

Терминология — одна из самых подвижных, быстро пополняющихся частей общенародной лексики. Современные исследователи отмечают, что ускоряющиеся за последние десятилетия темпы научно-технической революции привели и все более приводят к

лавинообразному росту информации во всех областях знаний, производственной и научной деятельности. Это влечет за собой огромный рост новых понятий и соответственно их наименований. Происходит двоякий процесс: резкое увеличение доступных только для специалистов особых терминов, число которых в каждом высокоразвитом языке чрезвычайно разрастается и исчисляется миллионами, во много раз превосходя общепринятую лексику, и в то же время интенсивное проникновение специальной терминологии в общелитературный язык. Специальная терминология становится главным источником пополнения словарного состава литературного языка [101, с. 40].

Семантическая сущность и различительные признаки (специфика) термина заключаются в характере его значения, которое устанавливается в процессе сознательной, преднамеренной договоренности и в пределах данной терминологической системы является прямым, номинативным, синтаксически или конструктивно ничем не обусловленным. В разных системах значения терминов могут быть выражены неодинаково — при помощи слов и словосочетаний, формул или других систем знаков. Термины являются в известной мере искусственным лексико-семантическим образованием [111, с. 144], их смысловая сущность обязательно должна отражать тот объем информации, ту сумму научных знаний, которые помогают раскрыть содержание понятия.

В отличие от нетерминов, слов ничем не ограниченного употребления, многие из которых многозначны, термины в пределах одной науки должны обладать однозначностью. Им должна быть присуща четко ограниченная, преимущественно мотивированная специализация и абсолютная семантическая точность. Однако понятие однозначности, используемое обычно как абсолютный дифференциальный признак терминов, является относительным. Это требование к идеальным терминологическим системам. В реально существующих терминологиях немало терминов, которым присуща так называемая категориальная многозначность, заключающаяся в том, что содержание понятия, выраженное словесно в термине, складывается из признаков, одновременно принадлежащих нескольким категориям, имеющим между собой неродовидовые связи: процесс и величина (*давление*), процесс и явление (*изучение*) и т. д. Например, одним из типов терминов, обладающих ею, являются существительные со значением действия и его результата: *намотка* — 1) распределение витков чего-л., 2) конусообразная или цилиндрическая форма продукта, приобретенная в результате наматывания. Ср. также многозначность ряда других терминов текстильного производства: *нахлестка*, *переработка*, *обрыв* и т. д. [34, с. 17; 51, с. 92—93].

Многозначность терминов, как и их синонимия (ср. в лингвистике, или языкознании: *моносемия* — *однозначность* и др.), а также омонимия (ср.: *реакция*¹ — химич., *реакция*² — общественно-политич., или омонимия терминоположения *аэро* в словах *аэротермометр*, где *аэро*¹ — воздушный, и *аэролаки*, где *аэро*² — усеченная

форма от аэропланн^{ый}, т. е. аэропланн^{ые} лаки) и антонимия (ср.: полисемия — моносемия, совершенный вид — несовершенный вид) отмечаются обычно в числе недостатков многих современных терминологий.

На терминологические системы, по-видимому, распространяются общие лексико-семантические закономерности функционирования и развития языка. Следовательно, говоря об однозначности, многозначности, омонимии, синонимии терминов, необходимо учитывать известную реально существующую относительность этого признака. Некоторые современные исследователи (например, Н. З. Котелова) высказываются по этому поводу более категорически: «В общем толковом словаре слово-термин должно описываться только как слово, элемент языковой системы. Ничто языковое не чуждо терминам. Им свойственна (она даже близка как способ измерений) антонимия, синонимия (самое обычное отличие синонимов как слов равнозначных — их отличие по способу номинации, в частности наличию или отсутствию терминирования обозначения), полисемия. Забвение полисемии термина часто приводит к затруднительным ситуациям в науке, ср., например, противоречивость утверждений в научных работах и учебных пособиях об идеальности или материальности сознания, проистекающую из неконтролируемого употребления термина *сознание* в разных (4—5) значениях. Языковые свойства лексических значений присущи конкретной и терминологической лексике, как и абстрактной и нетерминологической» (50, с. 39 и др.).

К числу словообразовательных различительных признаков терминов относится регулярность (однотипность) их образования в пределах определенной терминологической системы.

Образование терминов происходит постоянно различными путями. Наряду с процессом создания новых наименований наблюдается терминологизация уже существующих в языке слов, т. е. их переосмысление (перенос названия), в результате которого возникают вторичные, специально-терминологические номинации.

Для создания новых терминов используются способы:

а) собственно лексический, т. е. образование слов и словосочетаний исконных (*башмачник* — железнодорожн., *дырка* — физ., *зарядка* — физ., *зашкаливание*, *материнское вещество* — физ., и т. д.); разного рода заимствований (*алгоритм*, *батискаф*, *кибернетика*, *лазер*, *мазер*, *скеннер* и *сканнер* — мед.); смешение тех и других (*дочерние атомы*, *легкие изотопы* — физ., *жидкостный амортизатор*, *поколение нейтронов*, *силовое поле* — физ.);

б) лексико-словообразовательный, т. е. создание терминов с использованием существующих в языке русских или заимствованных словообразовательных элементов, морфем по имеющимся в языке моделям. Наиболее продуктивными среди них являются сложение и аффиксация. Так, применяются разные типы сложения основ и слов. Сложение полных основ: *семядоля*, *кислородосодержащий*, *атомоход*, *дымоуловитель*, *луноход*, *нефтепровод*,

токовращатель и т. д.; сложение усеченных основ (сложносокращенные слова): *бароаппарат, космоплавание, метизы* — металлические изделия; *госкомитет, профком*; использование иноязычных элементов; *авиа-, авто-, аэро-, био-, видео-, зоо-, гео-, гидро-, гипер-, интер-, изо-, макро-, микро-, пан-, пара-, радио-, теле-, ультра-, электро-* и др.: *аэрономия, биофизика, гидрометеослужба, зоопланктон, изотерма, радиотелескоп, ультраакустика, электрокоагуляция* и др.; аббревиация: *АМС* (автоматическая межпланетная станция), *АПН* (агентство печати «Новости»), *ЛЭП* (линия электрспередачи), *МН* (магнитное насыщение), *НОТ* (научная организация труда), *УВЧ* (ультрафиолетовые лучи высокой частоты), *ЭВМ* (электронно-вычислительная машина); смешанный способ, т. е. соединение сложных частично расчлененных наименований и разных словообразовательных элементов: *гидропескоструйная перфорация, гидропонные теплицы, радиоэлектронная промышленность*.

Термины, образованные путем сложения, могут быть неделимыми лексикализованными единицами (*космология, биокibernетика, кривошип* и т. д.), но могут представлять собой и единицы неполной лексикализации, т. е. такие, которые не являются одной неделимой лексемой (*вектор-функция, пресс-ножницы, атом-донор, вакуум-щит, альфа-частица*), о чем свидетельствует дефисное написание слов.

Весьма продуктивны и разные типы терминообразования с помощью аффиксации (приставочное, приставочно-суффиксальное, смешанное словообразование), например: *завихрение, заземление, прозрачность* (свойство и величина, характеризующая свойство), *редуцирование, сумматор, диэлектрический, фрезерование* (и *фрезеровка*), *фторировать, шлемофонный, ядерщик (ядерник)* и т. д.

Не менее продуктивным является лексико-семантический способ пополнения терминологической лексики, т. е. создание термина в процессе научного (или технического) переосмысления общеизвестных слов. Этот процесс идет двумя путями: 1) путем полного переосмысления существующего слова и последующего отрыва вновь созданной единицы от слова-источника. Так возникло, например, одно из терминологических значений слова *элементарный* в сочетании *элементарная частица*, т. е. «основная, сложная, фундаментальная частица» (ср. одно из общеупотребительных значений слова *элементарный* — простейший, несложный); ср. также терминологическое значение слова *медленный* в словосочетании *медленные процессы* — так в физике называют процессы, происходящие за одну миллионную долю секунды и т. д.; 2) путем использований переноса названия с учетом возникающих ассоциаций. Так возникли терминологические значения слов *снег* (*спец.*, в физике) — особый вид изображения; *дырка* (*спец.* — в ядерн. физике) — дефектный электрон; *шейка* (*спец.* в техн.) — промежуточная часть вала машины и т. д. При терминологизации слов с уменьшительными суффиксами утрачиваются присущие им

оценочные, экспрессивно-эмоциональные свойства, например: *головка* (у болтов и заклепок), *хвостик* (у инструментов, приспособлений), *лапка* (часть станины машин, у приборов) и т. п. Этот способ позволяет в некоторых случаях создавать терминологические наименования с элементами экспрессии в семантике, например: *червивое изображение, мертвое время, чужеродный атом*.

Значительную роль в пополнении терминологических систем играют иноязычные заимствования. С давних пор известны в языке международные научно-технические, экономические, культурно-исторические, общественно-политические термины латинского и греческого происхождения, например: *акклиматизация, агглютинация, бинарный; гуманность, диктатура, интернационализм, литература* и другие слова из латинского языка; *агрономия, динамика, грамматики, космос, драматургия, демократия* и др. из греческого языка. Немало терминов пришло из других языков (см. § 37, 40).

К собственно профессиональной лексике относятся слова и выражения, которые не являются строго узаконенными, научно определенными наименованиями тех или иных производственно-технических, сельскохозяйственных, спортивных и других профессиональных понятий.

Одни из подобных наименований приобретают признаки неофициальных, но признанных в сфере их распространения профессиональных слов (А. В. Калинин называет их «полуофициальными словами» [42, с. 140]). Они нередко включаются в специальные словари, но обязательно с указанием на чисто профессиональное их значение (и распространение), а в некоторых словарях берутся в кавычки (заметим, что термины в таких словарях даются нередко и без помет и без кавычек, т. е. составители словарей, специалисты той или иной профессии, признают неофициальный характер распространения слова). Такие слова (как, впрочем, и все остальные профессиональные наименования) характеризуются большей дифференциацией в обозначении специальных понятий, орудий и средств производства, в названии предметов, действий и т. д., а также нередко и более заметной образностью, метафоричностью. Например, в метеорологии в соответствии с различными видами *снежинок* существует несколько их наименований: *звездочка, игла, еж, пластинка, пушинка, столбик*. В охотничьей речи известно много названий лисы (по масти и породе), например: *простая, рыжая* (или *сиводушка*), *лесная, огнёвка, красно-бурая, крестовка, черно-бурая, черная, белая, карсун, караганка* (разновидности степной лисы), *запашистая лиса* и т. д.; несколько разновидностей бурого медведя: *стервятник, овсяник, муравьятник, пест* (старый медведь), *пестун* (медведь старше одного года); разные названия видов соколов и ястребов по возрасту: *гнездарь, дикомет, молодой, розмыт, слеток*; ср. также многочисленные профессиональные наименования принадлежности соколиного или ястребиного наряда: *ворволки, вотолки, клубучок* и т. п.

Другие профессиональные слова и выражения остаются узкопрофессиональными, употребляемыми в разговорной речи людей,

объединяемых родом определенных занятий. Иногда и такие слова приводятся в специальных словарях, но уже с пометами, указывающими не только на их собственно профессиональную принадлежность, но и на явную ограниченность употребления — жаргонную обособленность (см. о жаргонах в § 46). Такие наименования некоторыми исследователями называются профессионально-жаргонными. Например, у полиграфистов разновидности кавычек именуются елочками (« »), или лапками („“); строку, не вошедшую в текст, называют «висячей»; *баранкой* автомобилисты называют руль автомашины, а спортсмены — отсутствие очков или баллов [0]; плохого музыканта в узкопрофессиональной сфере называют *лабух* и т. д. Границы между полуофициальными профессиональными словами и профессионально-жаргонными — зыбкие, неустойчивые и выделяются чисто условно.

Профессиональные слова могут создаваться заново с использованием исконных или заимствованных словообразовательных средств по общеязыковым моделям либо (что наблюдается весьма часто) являться результатом переосмысления общелитературных слов.

Так, первый способ (лексико-словообразовательный) характерен для слов *карсун*, *караганка*, *гнездарь*, *обножие* и др. Второй способ (лексико-семантический) был использован при возникновении профессионального значения у слов типа *баранка*. Ср. также общелитературное значение слов *стоянка* — «место для остановки, стояния»; *вытравить* — «вывести, уничтожить что-либо химическим веществом» и морск. *стоянка* — «специальный трос, используемый во время стоянки судов»; *вытравить* — «выпустить постепенно, понемногу якорную цепь или трос».

Широкого распространения в литературном языке узкопрофессиональные слова обычно не получают, т. е. сфера их употребления остается ограниченной. Чаще всего — это разговорная речь представителей той или иной профессии. Однако нередко происходит и так называемая терминологизация профессиональных слов и выражений. В этом случае они становятся единственным официально узаконенным наименованием (см., например, приведенные выше примеры терминов текстильного производства).

В то же время распространение научно-технической терминологии и собственно профессиональной лексики, их интенсивное проникновение в разные сферы жизни приводит к тому, что в языке, наряду с процессом терминологизации общеупотребительных слов, наблюдается и обратный процесс — освоение литературным языком терминов, т. е. их детерминологизация. Частое употребление философских, искусствоведческих, литературоведческих, медицинских, физических, химических, производственно-технических и многих других терминов и терминологических словосочетаний сделало их общеупотребительными лексическими единицами, например: *аргумент*, *понятие*, *сознание*; *драма*, *концерт*, *контакт*, *контур*, *напряжение*, *роман*, *стиль*, *резонанс*; *анализ*, *накал*, *синтез*,

спайка и др., а также *наклонная плоскость*, *точка замерзания*, *точка кипения*, *точка опоры*, *центр тяжести* и т. д. Многие из этих слов и оборотов в общелитературном употреблении имеют иное, нередко переносно-метафорическое, лексическое или фразеологическое значение, ср.: *катализатор* — *спец.* <вещество, ускоряющее, замедляющее или изменяющее течение химической реакции>, и *катализатор* — *перен.* <стимулятор чего-либо>; *контакт* — *спец. физ.* <соприкосновение электрических проводов> и *контакт* — *перен.* <связь, взаимодействие>; <согласованность в работе>; *наклонная плоскость* — <шаткая, неустойчивая жизненная позиция> и т. д.

Детерминологизация во многом зависит от активности использования терминов в разных стилях речи (разговорных и книжных), что, в свою очередь, тесно связано с интенсивностью заимствования слов из тех или иных ограниченных по сфере распространения слоев лексики. Ср.: употребление и последовательную метафоризацию ранее существовавшей в языке военной лексики в период Великой Отечественной войны; космической лексики — в начале активного освоения космоса; постоянное проникновение в литературный язык спортивной терминологии, обусловленное размахом спортивной работы в стране, а также сельскохозяйственной, медицинской, театральной терминологии и др., например: *авангард*, *армия*, *атака*, *бойцы*, *гвардейцы*, *штаб*, *штурм* и др.; *вывести на орбиту*, *звездный*, *космодром*, *ракетодром*, *ракетоноситель*, *стартовать*, *стыковаться* и т. д.; *бег*, *выпад*, *забить гол*, *гонка*, *нокаутировать*, *спринтер*, *финиш* (*финишировать*), *эстафета* и др.; *всходы*, *инкубатор* (*инкубационный*), *посев*, *саженец*, *тепличный*; *агония*, *аритмия*, *артерия*, *бациллы*, *истерия*, *микробы*, *раковый* (*раковая опухоль*), *хронический*, *эрозия*, *чума*; *акт*, *антракт*, *артистический*, *бутафорский*, *дирижер*, *драма*, *закулисный*, *запевала*, *комедия* (*комедиант*), *маска*, *маскарад*, *премьера* и т. д.

Вместе с тем процесс проникновения научной и профессионально-технической терминологии обусловлен широкой пропагандой научных и технических знаний всеми средствами массовой коммуникации, среди которых газетам и журналам принадлежит одно из ведущих мест. Через газетно-публицистическую речь в литературный язык приходит немало научных терминов. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что в последних словарях (например, в словаре-справочнике «Новые слова и значения», см. § 58) в качестве иллюстраций, подтверждающих употребляемость той или иной лексической единицы, приводятся преимущественно примеры из газет и журналов.

Детерминологизации профессионально-технических наименований способствует устная речь, систематические передачи на соответствующие темы по радио и телевидению. Включение специальных слов в данном случае обусловлено тематикой и жанром публикаций (или устных передач), т. е. вызвано определенной ситуацией. Распространению, а затем полной или частичной детерминологизации профессионально-терминологических наименований

помогают и художественные произведения, в которых эти слова используются со стилистической или характерологической целями. Происходит так называемое вкрапление профессионализмов в литературный язык или язык художественной литературы. (См.: «Лензавод» А. Караваевой, «Цемент» Ф. Гладкова, «Гидроцентральный» М. Шагинян, «Время, вперед!» В. Катаева, «Сталь и шлак» В. Попова, «Битва в пути» Г. Николаевой, «Искатели», «Иду на грозу» Д. Гранина и др.). Иногда употребление профессионализмов вызвано стремлением обновить общепринятый тон повествования, когда внимание акцентируется на необычном для художественного произведения словоупотреблении, обусловленном новизной тематики и аспектов освещения окружающего мира (ср., например, лишь названия некоторых поэтических произведений: «Мир электронов» В. Брюсова, «Высокое напряжение» П. Антокольского, «Параболическая баллада», «Парабола», «Антимиры», «Летное поле» А. Вознесенского, «Братская ГЭС» Е. Евтушенко и др.). Однако чрезмерное насыщение художественных и публицистических произведений научно-технической терминологией и профессионализмами снижает силу их воздействия и затрудняет восприятие текстов.

§ 46. Жаргонная и арготическая лексика

От лексики диалектной и специальной (т. е. собственно профессиональной и специально-терминологической) отличается так называемая жаргонная лексика, которая составляет основу особой социальной разновидности речи, называемой жаргоном (фр. *jargon*), иногда — сленгом (англ. *slang*, т. е. «слова и выражения, употребляемые людьми определенных профессий или классовых прослоек»). Жаргоны, по мнению современных исследователей, являются «принадлежностью относительно открытых социальных и профессиональных групп людей, объединенных общностью интересов, привычек, занятий, социального положения и т. п.» [88, с. 82].

Социальные жаргоны возникают на основе литературной лексики чаще всего путем переосмысления ее. Немало таких слов появилось до революции в речи господствующих классов, что объясняется попыткой искусственно создать особую разновидность языка — социальные жаргоны — и тем самым отдалить людей своего круга от остальных носителей национального русского языка. Так возникли русско-французский салонный жаргон дворян, торгашеско-купеческий жаргон и др. Например, слова *плезир* — в значении «удовольствие, забава», *променад* — в значении «прогулка»; *сантименты* — в значении «излишняя чувствительность»; *магарыч* — в значении «угошение по поводу заключения выгодной сделки» и другие использовались в такого рода жаргонах.

В советское время заметно изменилась социальная сущность жаргонов и жаргонной лексики. Жаргоны возникают, как правило, в том случае, когда или отсутствует однословное профессионально-

терминологическое наименование, или появляется потребность ярче, эмоциональнее передать представление о предмете, появляются так называемые профессионально-жаргонные слова. Например, *марашкой* полиграфисты называют «посторонний отпечаток на оттиске», а *козлом* (*козлами*) — «пропуски букв и слов в оттисках». У летчиков *козёл* — «непроизвольный скачок самолета при посадке», *уточка* — биплан У-2, *ишачок* — самолет И-16 и т. д. Оценку *отлично* (*пять*) учащиеся называют *петухом* и *пятаком*, контрольную работу — *контролкой*; подсказывающие материалы, используемые без разрешения, тайно — *шпорами* (из жаргонного же *шпаргалка*, ставшего разговорно-литературным). Молодежь употребляет усеченные, фонетически искаженные или полностью переосмысленные слова: *потрясно* (превосходно), *финаги* (финансы, деньги), *блеск*, *сила* (замечательно, очень хорошо); *железно*, как *штык* (обязательно, точно); *талмуд* (учебник); *клёвый*, *ломовой*, *центровой* (хороший) и т. п.

К лексике ограниченной, малоупотребительной относят и так называемое аргю (фр. *argot* — замкнутый, недейтельный). Эта группа слов характеризуется:

1) узкопрофессиональной направленностью (например, в дореволюционном обществе существовало аргю торговцев-коробейников, или офеней; профессиональных сборщиков пожертвований, или *лаборей*; ремесленников-отходников, т. е. уходящих из мест постоянного жительства на так называемый отхожий промысел и др.);

2) особой искусственностью, условностью, строгой засекреченностью (например, в дореволюционном обществе существовало аргю профессиональных преступников).

Такая лексика прежде всего была средством обособления, отделения носителей ее от остальной части общества. Эта цель достигалась, как и в жаргонной лексике, переосмыслением общенародных слов. Кроме того, использовались малоизвестные, узкодialeктные слова, применялись вставка слогов, прибавление к словам дополнительных элементов (например, *шивар* — товар, *широго* — дорого, *ухлит* — знает и пр.). Подобная лексика появлялась в закрытых учебных заведениях дореволюционной России (например, в бурсах: *слѣмзил*, *стѣбрил*, *свѣстнул* в значении «украл», *обѣгѣрил* в значении «обманул», *засѣпался* в значении «не выдержал экзамена»; см. у Н. Г. Помяловского в «Очерках бурсы»). Постепенно отдельные слова становились более известными и переходили в группу жаргонных.

К арготической лексике относятся и сохранившиеся элементы из речевого обихода деклассированных групп (воров, бродяг, нищих, карточных шулеров и др.): *шѣтро* (утро), *расколѣлся* (предал), *стукѣн* (доносчик, предатель), *ѣрка* (вор), *хилѣть* (идти), *кимѣрить* (спать), *ботѣть* (говорить), *мазу держать* (поддерживать) и т. д.

В социалистическом обществе отсутствуют социальные предпосылки для возникновения искусственного, обособленного языка и понятия *аргю*, *арготическая лексика* постепенно становятся истори-

ческой категорией. Употребление жаргонной лексики и элементов арго засоряет речь, делает ее грубой и должно всячески пресекаться.

В языке художественной литературы элементы жаргонной и арготической лексики в ограниченном количестве иногда используются для речевой характеристики некоторых персонажей (см. произведения Ю. Германа, Ю. Бондарева, Д. Гранина, И. Лагутина, Г. Медынского, Ю. Нагибина, Л. Соболева, В. Шукшина и др.).

В практике устного и письменного перевода жаргонно-арготическая лексика вызывает не меньше затруднений, чем диалектная. И территориально ограниченные лексические запасы, и социально обособленные группы слов в разных языках неодинаковы. Да и само понятие «ограниченность» является относительным. Применительно к переводу, как это принято в трудах его теоретиков, целесообразно вести речь об экспрессивных слоях (см. подробнее о таком аспекте анализа лексики в последующих параграфах). В этом случае как территориально, так и социально ограниченные слова и обороты с учетом семантики всего текста в целом заменяются словами, близкими или сходными по смыслу (т. е. происходит так называемая семантическая компенсация); иногда применяется вкрапление так называемых экзотизмов, в частности жаргонизмов и арготизмов¹, а также диалектизмов, но при этом необходимы неперенные пояснения. Употребляется и прием экспрессивной конкретизации подобных непереводаемых дословно элементов, использование описательного перевода и т. д. [8, с. 218; 38, с. 136]. Во всех случаях неперенным условием является знание значения каждого из подобных слов, чему способствует работа с соответствующими словарями.

§ 47. Диалектные (областные) словари. Терминологические словари

Специальные словари областных, диалектных слов начали издаваться в середине XIX в. В 1852 г. появился «Опыт областного великорусского словаря», а в 1858 г. — «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря». В них объяснено около 40 тыс. слов (в первом — 18 001, во втором — 22 895 слов). Это была первая в русской лексикографии попытка систематизации и научного комментирования лексики народных говоров.

Большое количество областных слов включил в свой словарь В. И. Даль, и до сих пор к этому словарю обращаются как к достоверному источнику живой народной речи XIX в. (см. § 6 учебника).

В конце XIX и начале XX в. диалектные словари стали издаваться

¹ Жаргонизмами и арготизмами называются слова и обороты из тех или иных жаргонов или арготических слоес, используемые в литературном языке, а также в языке художественной литературы и в публицистике. Как уже указывалось, жаргонные и арготические слова не входят в лексико-семантическую систему литературного языка, оставаясь пластом ограниченной по употреблению лексики общенародного языка.

активнее. В 1885 г. А. Подвысоцкий опубликовал «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении»; в 1896 г. были изданы «Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии» Е. И. Якушкина. Затем появились «Словарь областного Олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. И. Куликовского (1898), а в 1899 г. — «Дополнение» к нему. Были изданы «Областной словарь Колымского русского наречия» В. Г. Богораза (1901), «Кашинский словарь» И. Т. Смирнова (1901), «Словарь ростовского говора» В. Волоцкого (1902), «Материалы для объяснительного словаря вятского говора» Н. М. Васнецова (1908), «Словарь уездного череповецкого говора» М. Г. Герасимова (1910), «Смоленский областной словарь» В. Н. Добровольского (1914) и др.

В советское время работа по составлению таких словарей активизировалась. Вышли «Донской словарь» А. В. Мирнова (1929), «Краткий ярославский областной словарь» Г. Г. Мельниченко (1961), «Говоры на территории Смоленщины» П. А. Расторгуева (1960), «Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря» (1968), «Словарь современного русского говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области» под ред. И. А. Оссовецкого (1969), «Псковский областной словарь с историческими данными» (вып. 1—3, 1967—1976 гг.), «Словарь говоров Соликамского района Пермской области» О. П. Беляевой (1973), «Словарь русских говоров Среднего Урала» (т. 1—2, 1964—1971 гг.); с 1974 г. издается «Словарь смоленских говоров» и ряд других словарей.

Отразить все особенности диалектной лексики поможет полное обследование всех говоров, лексикографическая систематизация полученных сведений, составление диалектологических атласов и т. д. Подобная работа проводится в Институте русского языка АН СССР. Результатом ее является выпуск специальных диалектологических атласов и «Словаря русских народных говоров» под ред. Ф. П. Филина (издается с 1965 г., к 1982 г. вышло 17 выпусков. Издание продолжается).

Сведения о терминах можно получить в специальных терминологических словарях и энциклопедических справочниках. Например, в изданиях: *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 1966; *Богданов Н. Т., Вяземский Б. А.* Справочник журналиста. 3-е изд., 1971; *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд., 1976; *Шамурин Е. Н.* Словарь книговедческих терминов. М., 1958, и др.

Энциклопедические справочники и словари начали выходить с середины XIX в. Одним из ценных изданий является «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон)» под ред. Ф. Г. Толля (1863—1864, т. 1—3, 1871, дополнительный том). Справочник отражает эпоху революционных демократов: В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского. Составитель и редактор справочника Ф. Г. Толль был петрашевцем, и его взгляды нашли отражение в энциклопедии.

Большой интерес представляет «Энциклопедический словарь» то-

варишества «Бр. А и И. Гранат» (в 58 томах). В этом словаре принимал участие В. И. Ленин. Он написал статью о К. Марксе (т. 28), подготовил библиографию по вопросам марксизма (7-е издание словаря выходило с 1910 по 1948 г.).

В 1900—1909 гг. была издана «Большая энциклопедия» в 22 томах. В 1925—1947 гг. было осуществлено 1-е издание «Большой Советской Энциклопедии» в 65 томах, в 1950—1958 гг. — 2-е (в 51 т.).

К настоящему времени осуществлено 3-е издание БСЭ, значительно дополненное. Несколько изданий выдержала «Малая Советская Энциклопедия».

В 1980 г. появился однотомный «Советский энциклопедический словарь», в котором содержится около 80 тыс. словарных статей. Такое издание предпринято впервые. В 1982 г. под ред. Н. М. Сикорского вышло универсальное справочное издание, посвященное книговедению как комплексной общественной науке о книге — «Книговедение. Энциклопедический словарь». Он содержит около 2500 статей, большая часть которых имеет терминологический и справочно-библиографический характер. Составители словаря большое внимание уделили четкости терминологических дефиниций и стремились к максимальной однозначности используемых терминов, которыми представлены важнейшие понятия собственно книговедения, информатики, журналистики и других смежных наук. Многие обзорные, терминологические и биографические статьи снабжены подробными библиографическими справками.

В настоящее время издание специальных энциклопедий и энциклопедических словарей, справочников осуществляется постоянно.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 111. Выпишите из приводимых ниже предложений выделенные слова, определите их значение и сферу употребления.

1. Неправда ли, Матренушка, *на очип* я похож? (Н.). 2. Кругом все такие *буераки*, а в оврагах *казюли* водятся (Т.). 3. Было морозно и колко, но с вечера стало *замолаживать* (Л. Т.). 4. Чуть *вывернется* из *избы*, а уж сейчас и *гребтится*, — Как бы чего он не сделал над собой (М.-Сиб.). 5. Другие, матерые пловцы, становились в шеренгу по борту с солнечной стороны или примаживались на откиннутые от бортов *выстрелы* (Нов.-Пр.). 6. Как на кораблях, матросы называли дежурство на бастионах *вахтой*, часы — *«склянками»*, канаты — *«концами»* (С. -Ценск.). 7. Аникеев одолжил *импульсный генератор* и помог найти одну из сорока возможных причин погрешностей (Гран.). 8. *Выпускающий* распорядился *ставить в полосу* материал из *загона*. 9. Приехал он..., как *зараз* помню, *на буднях*, в постный день, то ли в среду, то ли в пятницу. Расплатился со мною, похвалил мою работу и поставил *магарыч* (Шол.). 10. В октябре Андрей крыл ей *хату чеканом* (Шол.). 11. — С *факелами* только половина *опок*... Значит, жди брака... — думал Бахирев. — Ковши красные. Плохая *обмазка!* *Воздуходувка* гудит рывками (Г. Ник.). 12. Потом была *сурдокамера* — ящик, до краев наполненный тишиной (газ.).

13. Однажды ему [Лосеву] показалось, что это мальчишка купается, держится за край *гомок*, выставив голые плечи... Горячие от солнца, липко-смоляные бревна, связанные *вицами*, медленно плыли мимо дома Кислых, мимо города... (*Гран.*).

Упражнение 112. Выпишите из приводимых ниже предложений диалектизмы, определите их значение и укажите группу, к которой они относятся.

1. Раненый мало-помалу оклемался (*Баж.*). 2. Встречавшиеся казаки кланялись, с базов и из куреней из-под ладоней глядели бабы (*Шол.*). 3. — А в Рязани говорят не чирок, а цирок! (*Нагиб.*). 4. Мать с ухватами не сладится, Нагибается низко, Старый кот к махотке крадется. На парное молоко (*Есен.*). 5. Громко звенит за селом корогод... (*Есен.*). 6. Затуманились лошины, Серебром покрылся мох. Через прысла и овины Кажет месяц белый рог (*Есен.*). 7. Жить бы ровню да радоваться, а он [Степан] невеселый стал и здоровьем хезнул (*Баж.*). 8. Вот грузовики уже миновали поворот на выселки, скоро они должны были пересечь балку (*Фад.*). 9. Дрова были гнилы и не горели, а только шаяли (*В. Бел.*) 10. В полночь на землю пала роса (*Шол.*). 11. — Вода у нас кроткая. В Койде вода плохая, быстрая, сувои страшенные, а у нас тут кроткая (*Ю. Каз.*).

Упражнение 113. I. Прочитайте приводимые ниже высказывания А. П. Чехова, М. Горького и М. А. Шолохова об употреблении в языке художественной литературы диалектной лексики («местных речений»). II. Обратитесь к примерам авторской правки некоторых слов и предложений в произведениях. (Слева приводится первая редакция, справа — последняя). Пользуясь словарями, объясните значение заменяемых слов и причину замен.

I.1. «Латанный» — это не русское, а скорее южнорусское слово. Вы были правы, когда забраковали его, и если бы я теперь читал корректуру, то исправил бы так: заплатанный (*Из письма А. П. Чехова к О. П. Васильевой 20 марта 1898 г.*).

2. Язык у Вас яркий, но слов — мало и Вы часто употребляете слова нелитературные, местные. Они хороши в диалогах, но не годятся в описаниях... (*Из письма М. Горького к Вс. Иванову, 1916 г.*).

Не нужно злоупотреблять местными речениями. Наиболее меткие — это хорошо, но — надобно пользоваться ими умело (*Из письма М. Горького к Д. Н. Семеновскому, 1916 г.*).

...Местные речения, «провинциализмы», очень редко обогащают литературный язык, чаще засоряют его, вводя нехарактерные, непонятные слова... (*М. Горький. О прозе, 1933 г.*).

3. Злоупотребление диалектизмами в произведениях литературы считаю бесспорно слабостью. В новом издании я очищаю свои книги от местных слов... Писать надо на общепринятом литературном языке. Ведь книги советских писателей читают не только в той области, в которой он проживает, но и во всей стране и далеко за ее пределами... Употребление местных диалектов допустимо, но надо делать это умело и со вкусом... (*Из ответа М. А. Шолохова болгарским писателям. Цит. по ст.: Лежнев М. За чистоту языка. — Звезда, 1953, № 6.*).

II. Лошадиная фамилия

— А после того, как его из акцизных уволили, в Саратове у тещи живет. Теперя только зубами и кормится... Его в Саратове кажинная собака знает... Как же его фамилия? Намедни, как сюда шел, помнил... Забыл!

— А после того, как его из акцизных уволили, в Саратове у тещи живет. Теперь только зубами и кормится... Его в Саратове каждая собака знает. Как же его фамилия? Давеча, как сюда шел, помнил.... Забыл!

Брожение умов

— ...Ежели отседа выпалить, то ничего не убьешь. Дробь мелкая и, покуда долетит, ослабнет.

...Акромя официальной бумаги, смею добавить, вашество, и от себя некоторое присовокупление...

— Если с этого места выпалить, то ничего не убьешь. Дробь мелкая и покуда долетит, ослабнет.

...Кроме официальной бумаги, смею добавить, ваше-ство, и от себя некоторое присовокупление...

А. П. Чехов

Поднятая целина

— Ить он середняк...

— ...Наслухался я детского крику.

— Через это и меняю вас на общую жизнь.

Мать располкрытая выбежала из сеней.

— Посев у нас был огромный.

(о человеке)... мухортенький

...озирнулся

...глухо побрякивая привязанным к шее балабоном..., бежал жеребенок.

— Теперь надо навалиться на волочбу. И чтобы обязательно волочить.

Ведь он середняк...

— ...Наслушался я детского крику.

— Через это и меняю вас на общую жизнь.

Мать с непокрытой головой выбежала из сеней.

— Посев у нас был громадный...

...невзрачный...

...оглянулся...

...глухо побрякивая привязанным к шее колоколом..., бежал жеребенок.

— Теперь надо навалиться на боронование. И чтобы обязательно боронить.

Тихий Дон

— Дай мне мово сына погля-
деть!

— Дай мне моего сына по-
глядеть!

— Баба там по тебе затек-
лась.

— Баба там по тебе соскучи-
лась.

...шайка диких гусей
...сбочь ящиков

...стаяка диких гусей
...возле ящиков

...заволоченная

...заборонованная

М. А. Шолохов

Упражнение 114. Подберите из книги сказок П. Бажова «Малахитовая шкатулка» по 2–3 примера диалектизмов всех типов.

Упражнение 115. Найдите в приводимых ниже предложениях диалектные слова, укажите способ их введения в текст (с объяснением — без объяснения, в речи героев — в авторском повествовании и т. д.).

1. Мы поехали в лес, или, как у нас говорится, в «заказ» (*Т.*).
2. Шли без дорог, перебирались через сухие болота-мшары, где нога тонула по колено в сухих коричневых мхах (*Пауст.*). 3. У него есть ладило — фуганок длинной больше, чем в два его роста (*Пришв.*).
4. — На степу уже ночь, и як ударит молния — блискавица, — так кругом вижу одни белые дороги (*Пауст.*) 5. С ночи до ночи держись за чапиги и десятин двенадцать до зимы подымешь (*Шол.*). 6. Дилижанс, гремя подвязанным ведром, проехал мимо фруктового сада, мимо беседки, мимо скотного и птичьего дворов. Наконец он поровнялся с гарманом, то есть с той ровной, хорошо убитой площадкой, на которой молотят и веют хлеб. В Средней России такая площадка называется ток, а в Бессарабии — гарман (*Кат.*).

7. Побегу по мятой стежке

На приволь зеленых лех... (*Есен.*)

8. Май кончился! Земля прогрета.

Живицей брызнула сосна (*И. Шкляревский*).

9. Припасу, завезенного на шитике еще по теплу, хватало до того самого времени, когда Лена, ломая прибрежные тальники, проносила полую воду (*А. Шастин*).

Упражнение 116. Найдите в приводимых ниже примерах диалектные слова и укажите, где (в авторской речи, в диалогах героев) и как (с пояснением, без пояснения) их используют писатели.

1. — Скоро ли станция, ямщик?

— Не скоро еще, — до метели вряд ли доехать, — вишь закуржавело как, сивера идет.

...К вечеру становится все холоднее. Слышно, как снег под полозьями поскрипывает, зимний ветер — сивера — гудит в темном бору... (*Кор.*). 2. Мы перебрались через ручей и вошли в рощу. В середине ее была сажалка, вся сплошь зацветшая (*Верес*). 3. Мне случалось раза два в лето приезжать в Грязнуху со специальной целью поохотиться на гусей, укрывающихся по «ситникам» и «лава-

дам» озера Вежая. Ситник — высокая и жесткая трава, похожая на камыш; ею зарастают озерные берега на большое пространство, иногда в несколько верст. Из ситника же образовались живые плавающие острова — это и есть лавады (*М.-Сиб.*). 4. Морозка рысью выехал за поскотину (*Фад.*). 5. Сотник рванулся, в воздухе повис стонущий крик: «Сполох! Измел...» (*Шол.*). 6. — Нет, нет, — поспешно ответила Нина. — Мне очень хорошо. Неужели мы с тобой в Тригорском?...

...Они прошли в столовую. Там две деревенские девушки кормили лыжников обедом. Девушки говорили по-местному: «Цорный хлеб», «Цай», «Опоцка». Этот цокающий говор казался необыкновенно милым (*Пауст.*). 7. — Дай сказать-то! Кончу я молоть, тогда ты засыпешь, а зараз слухай! (*Шол.*). 8. Над болотом — лава. Шириною в три доски, она уходит вдаль... (*Сол.*). 9. Токсическое (отравляющее) действие пеницилина еще не было полностью изучено в те годы, и ни один человек на земле не имел никакого представления, убьют ли эти дозы Володю или вернут ему жизнь (*Кавер.*). 10. Ее завораживали их таинственные названия — морена, гнейсы, аркозовые песчаники, карбоны (*Кетл.*).

Упражнение 117. Подберите, пользуясь «Словарем лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, примеры общеупотребительных и узкопрофессиональных терминов. Объясните их значение.

Упражнение 118. Найдите в приводимых ниже предложениях профессионализмы, специальные научные термины и жаргонизмы. Объясните их значение и способ введения в текст.

1. — Тетя Марфа, вы потом подойдите ко мне: сбачка заедает, нитка рвется... (*Шишк.*). 2. Ко мне старший офицер относился душевно. Если вздумает на берег отправиться, — я у него всегда загребным на вельботе (*Нов.-Пр.*). 3. Таким образом, туча плюх, смазей и салазок, тычков и плевков, зуботрешин, заушений и заглушений пронеслась довольно благополучно над головой Карася (*Помял.*). 4. Около камбуза на дубовом чурбане кок Жеребцов рубит на части бычью тушу (*Нов.-Пр.*). 5. — Шатун угробили. ...А черт их знает как! Масло, наверное, замерзло. Я ж говорил: не надо трактор давать... (*Песк.*). 6. Остались четыре «улитки» — так называли на Старте большие, крытые деревянные прицепы — домики на полозьях (*Аж.*). 7. Работавшие возле землекопы не выдолбили и полметра земли, а «паровая игла» (так называл свое приспособление Тополев) уже пробуравила скважину в четыре метра (*Аж.*). 8. Мог ли, скажем, он, Егор Алексеевич Терентьев, бывший печорский матрос и теперешний секретарь райкома, приехав нынче к тем, кто бурит разведочную скважину, давать им указания, как получше да побыстрее вести проходку, миновать этот проклятый пласт отмершего капитализма, добраться до глубин и выдать на-гора нефтяной фонтан (*Рек.*). 9. ...Помните раз и навсегда — в морском деле не было и не существует слово «веревка». На корабле есть ванты, есть фалы, есть шкоты, есть канаты якорные и причальные. Самая обыкновенная веревочка на корабле называется конец.

Но если вы в открытом море скажете «веревка» — вас молча вы-

бросят за борт, как безнадежно сухопутного человека (А. Н. Т.). 10. На основе научной классификации почв, добытого трудами докучаевцев умения различать в природе почвенные разности, в СССР осуществляется дробное картирование почв (О. Писаржевский). 11. — Недавно я дрался с двумя «мессершмиттами — 109». Одного я сразу срубил (Инб.). 12. — Я знаю, почему она сделала такой финт ушами (Шукш.). 13. — Ты ж его жеканом стебанул, нешто я слепой! (Нагиб.). 14. Плати чистоганом За то, чтоб увидеть весной, Как рядом с цыганом Он топчется в пляске смешной (К. Ванш.). 15. — И что это ОТК голову морочит? На гезе, на гезе! А зачем им гезе, зачем им горячая заделка, когда они годны на холодную? (Г. Ник.). 16. — Нырять с аквалаंगами у берегов ледового материка? Об этом восемь лет назад говорили, как о фантастике: слишком уж сложные ледовые условия... Постоянные наблюдения мы вели в море Дэйвиса, недалеко от станции Мирный. Зимой через полыньи — «майны», над которыми стояли палатки, летом прямо с берега. Прodelали полный гидробиологический разрез острова Адамс, куда ездили на вездеходах и даже запурговали однажды на четверо суток (А. М. Шереметевский). 17. Убеждаешь себя, что жизнь запрограммирована хотя бы в главных опорных пунктах, на самом же деле ты просто участник Броунова движения — беспорядочной толкотни человеческих молекул (Нагиб.).

Упражнение 119. Определите значение и происхождение выделенных слов и укажите, где наблюдаются нарушения границ их лексико-семантической сочетаемости.

1. Последней *премьерой* театра Комиссаржевской была мелодрама Грильпарцера «Праматерь». — Новая пьеса А. Штейна «Океан» начинает свою сценическую жизнь. Состоялись первые *премьеры* (газ.). 2. Одним из лучших исполнителей *заглавной* роли в пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня» является народный артист СССР Толубеев. — *Заглавную* роль Арбенина в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» играет молодой актер. 3. За все услуги взимается плата по утвержденному *прейскуранту*. — Покупатель попросил дать ему полный *прейскурант* розничных цен на все товары. 4. Автор провел еще не один час на перекрытии среди каменщиков, делая *хронометраж* времени, необходимого на подмазывание: нужно было точно обосновать экономичность новой конструкции (газ.). — Выяснению точных данных о себестоимости детали помог *хронометраж* каждой рабочей операции. 5. В конце учебного года некоторые кафедры института объявили конкурс на замещение открывшихся *вакансий*. — В деканат института обратился юноша с просьбой сообщить ему о свободных *вакансиях* на факультете. 6. Но сейчас, когда откипели страсти на ледовых дорожках и лыжне, газета «Курьер» двухаршинным *аншлагом* призывает: «Русские непобедимы в зимних видах спорта» (газ.). — Когда они, эти театры, добьются заветных ежедневных *аншлагов* (а мы верим, что такое время наступит), число их годовых зрителей возрастет до 125 миллионов (газ.). 7. Весь этот комплекс агроприемов, проведенный в лучшие сроки, положительно *сказывает*

ся на урожай (газ.). — Ученик токаря в конце смены зажёг деталь и решил никому не *сказываться*.

Упражнение 120. Найдите в приводимых ниже примерах, взятых из газетных и журнальных публикаций, слова (или словосочетания), относящиеся к сфере ограниченного употребления; докажете письменно целесообразность (или нецелесообразность) их использования и дайте, если это необходимо, вариант правки текста.

Образец:

Здесь, на далекой Заполярной заимке, столбик ртути падал в иные зимние долгие ночи до минус 52—54 градусов.

Здесь, в далеком Заполярье, столбик термометра падал иногда в долгую полярную ночь до 52—54 градусов.

В приводимом тексте, во-первых, неточно использовано областное слово *заимка* применительно к Заполярию; во-вторых, территориально-географическое наименование *полярная ночь* не имеет формы множ. числа (следовательно, нельзя писать о зимних долгих ночах); в-третьих, терминологическое сочетание *ртутный столбик* (или *столбик ртути*) употреблено неверно: на Севере (как и всюду, где бывают сильные морозы) применяют не ртутные, а спиртовые термометры.

1. «Ферма на базу кулака» [Заглавие заметки]. 2. Малолюдно у нас нонче в мастерских. 3. Скрепя сердце, отдал отец в зятя своего сына — помощника только из-за того, чтобы не справлять молодого казака на службу [В описании прошлого крестьян-казаков.]. 4. Саша Ивлёв шагает рядом с нартой, холодный ветер гонит следом за нартой снежную пыль. 5. Ослепленный пургой, Тукай выпал из нарты на торосы. 6. Вербовские хуторяне по вечерам собираются в самой большой «горнице» своего села — в просторном зале клуба... 7. Данных о применении искусственного сердца при оживлении человека не существует на свете. АИКи, предназначенные для сердечной хирургии, не могут быть использованы для оживления (АИК — аппарат искусственного кровообращения). 8 — «Василь, — позвал он брата, — принеси-ка мне рушник». Вася, сделав гримасу, пошел в хату и тут же вернулся с полотенцем. 9. Хронические насморки, экземы, бронхиальная астма, а в иных, самых тяжелых случаях — шоковые состояния, сопровождающиеся резким расстройством сердечно-сосудистой деятельности и потерей сознания, могут быть вызваны воздействием того или иного аллергена на организм. 10. Бодайбинские золотопромышленники поговаривают, что пора строить вторую гидроэлектростанцию у них на Мамакане... А по нашему мнению, дешевле положить в те края высоковольтку с Вилюя. 11. Некоторые стараются всячески лынять от работы. 12. Энергии квантов электромагнитного поля сверхвысокой частоты, на которой работают мазеры, или оптических квантов в лазерах достаточно для преодоления неизбежных потерь и для обеспечения генерации. 13. В достаточно современной манере сделан фильм Ф. Довлатяняна «Здравствуй, это я!» (студия «Арменфильм»), и присутствует в нем все то, что бесцельно копируется эпигонами модерна: и задумчивые проходы, и молчание, равное диалогу, и мизансцены-символы. 14. Устройство это мы прозвали «макалкой». Металлическая конструкция «макалки» напоминает колодезный «журавль». В деревнях с помощью «журавля» опускают ведро в колодец, а здесь, в цехе сам «журавль» автоматически опускает в ковш с расплавом чугуна термометр — измеритель

температуры чугуна. 15. После первого же тура советская пианистка вышла вперед на одно очко. А после третьего разрыв был уже в пять очков. 16. [*Заголовок в молодежной газете*]: «По первопутку Паши Ангелиной».

Упражнение 121. Ознакомьтесь с приводимыми ниже отрывками из поэмы С. Васильева «Изба над Тоболом» и из книги В. Шукшина «Вопросы самому себе». Найдите слова ограниченного употребления, объясните их значение и стилистические функции.

День рождения

В точно назначенный час в замостьи,
ясным, приветливым майским днем
стеклись,

 собрались дорогие гости
к Кюхельбекеру в новый дом.
И увидел перед собою
каждый,

 кто званым в избу вошел,
застланый скатертью голубою,
в восемь аршин длиною
 стол.

А на скатерти —
 погляди-ка! —
от божницы невдалеке, —
грузди в миске,
 в ковше брусника,
 редька тертая в туюске.

А еще увидали люди
на подставках,
 рядком с вином,
квас в лагушке,
 кулагу в блюде,
шаньги на противне вороном,
И посередке,
 полуподковой,
луком увенчанный, как король,
с чебаками пирог подовый,
с хрусткой корочкой: ешь, изволь!
Наварила и насолила,
наварганила,
 напекла

ай, Дросида,
 кержачья сила!
Ножки ломаются у стола!..
Испекла бы еще дrochenы,
да яиц не нашла — беда.
А что сьзмала не учена, —
извините уж, господа.
Ай, Дросидушка, ай, хозяйка!

Вишь, как вьется веретеном
настоящая молодайка
в баском платье вышивном!..
...Просто,

несуэто,
без елея
сел хозяин в красном углу:
— Придвигайтесь,
друзья!

Смелее!..
...Тост за тостом.

И все —
за Сашу,
свет Сергеевича, за того,
кто возвысил Россию нашу,
за мятежную мысль его!
И за гений его крылатый!
И за то,
чтоб (прости ты, бог!)
занедужил Дантес проклятый
и скорей, как собака, сдох!
И за Сашенькину зазнобу!
Что бы злыдни там ни плели,
за любимую им до гроба,
за красавицу Натали!..

(С. Васильев)

Проблемы языка

Ответы на анкету журнала «Вопросы литературы»

Считаете ли Вы, что передача речи героя-современника во всей ее характерности (профессиональный жаргон, например, студенческий, терминологические штампы, газетные обороты, канцеляризмы и т. п.) противопоказана языку художественного произведения?

Тут — странное дело: в литературе стало модой, в жизни — всё не так. (Это о том, в какой степени нужна вводить в художественное произведение профессиональный жаргон, терминологические штампы и т. п.). <...> Семь лет назад я сам был студентом — никакого такого особого жаргона у нас не было: отдельные специфические слова, более или менее остроумные, несколько облегчающие постоянный серьезный страх перед экзаменом, и еще — что касается «стипухи», её чрезмерной «скромности». И опять же: шеголяют этими словечками первокурсники. Студент-дипломник говорит «нормально». В актерской среде больше всего говорят о «ракурсах», «мизансцене», «фотогеничности», «публичном одиночестве» <...> профессиональные участники массовых сцен. И в матросах я был, и там все

нормально с языком. «Салага» ещё нет-нет вышелкнется со словом, но его тут же осадит тот, кто служит по последнему году. Да он и промолчит в среде старших, это он с девушкой позволит себе «полундру» или «сачка». Но вот в литературе запестрели «предки», «чуваки», «чувихи», «хаты», «лабухи» — и пошла писать губерния: критики и пенсионеры ополчились на это, модные писатели упорствуют: целое дело! А «дела» нет «за отсутствием состава преступления». Поумериться бы с этим. Правда, из мухи слона раздули. Покажите сегодня молодого человека, который громко, при всех, скажет о родителях — «предки» и если ему самому не станет стыдно, то всем вокруг станет стыдно. <...> Подождите год-два и послушайте, каким хорошим языком заговорит тот, кто сегодня «очертя вокруг себя круг», заявил, что его мать с отцом — «предки». А если этот «потомок» и впредь будет упорствовать, — это идиот, это уже другая область исследования человеческой жизни — медицина.

(В. Шукшин)

ГРУППЫ СЛОВ, ОБЪЕДИНЯЕМЫЕ СТИЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ И ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ

§ 48. Понятие о стилевом расслоении лексики и ее экспрессивно-стилистической характеристике

В зависимости от цели и темы высказывания говорящий или пишущий выбирает из лексической системы русского языка нужные ему слова. Например, в официально-деловом документе и в письме близкому человеку на одну и ту же темы будут использованы разные слова. Ср.:

Уважаемый товарищ Петров И. П.!

В ответ на Ваш запрос о начале занятий на ФПК и времени прибытия сообщаем, что начало занятий 18 сентября.

В соответствии с приказом ректора Вам надлежит прибыть к 15 сентября для оформления документов и получения необходимой учебной литературы.

Секретарь ФПК
Н. Иванова

Дорогой Ванюша!

С удовольствием выполнила твою просьбу, все разузнала и отвечаю по порядку на вопросы: занятия на «повышающем» факультете начнутся 18 сентября, но тебе надо приехать за три дня (есть такое «строгое предписание» начальства), чтобы все документы оформить и получить в библиотеке нужные книги.

Ждем тебя всей семьей.

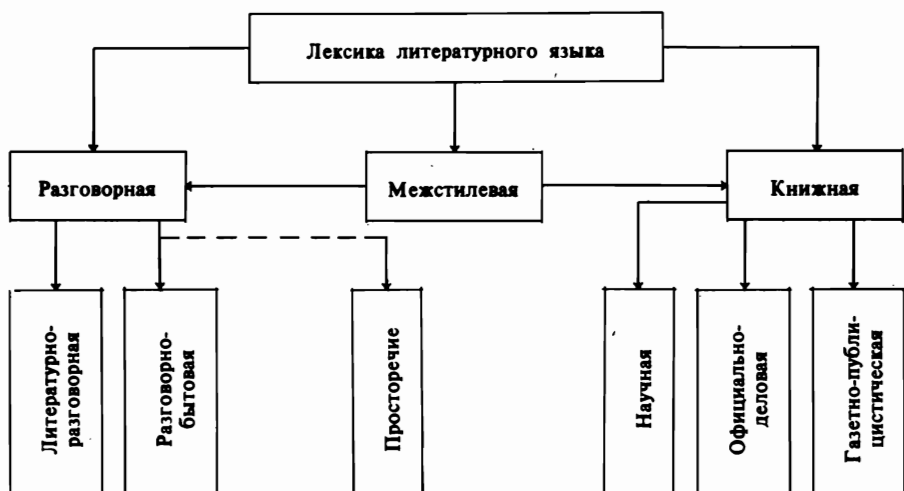
Твоя сестричка
Надя.

Подобное явление обусловлено так называемым функционально-стилевым расслоением русской лексики, т. е. наличием в ней таких лексических единиц, выбор которых зависит от их роли в процессе реализации одной из функций языка: общения, сообщения или воздействия.

Функцию общения выполняет, как правило, разговорный стиль в его устной форме проявления, функцию сообщения и воздействия — книжные стили: официально-деловой, научный, газетно-публицистический, причем преимущественно в письменной форме их проявле-

ния. Эти функции выполняют также разнообразные стили художественной литературы.

Схематично (и, заметим сразу, несколько условно) стилевое расслоение лексики русского языка в зависимости от того, какая языковая функция реализуется, можно изобразить следующим образом:

Выявление функционально-стилевой принадлежности слова, как правило, бывает тесно связано с определением его экспрессивной роли (лат. *expressio* — выражение), т.е. выразительности его эмоциональных (фр. *émotion*, лат. *emovere* — возбуждать, волновать) свойств и других особенностей, которые в целом нередко называются стилистической окраской слова, т.е. его экспрессивно-стилистическим, или коннотативным, содержанием.

Если сравнить экспрессивно-эмоциональную роль слов в приводимых выше официальном и частном письмах, то легко увидеть, что она неодинакова. Первый текст лишен каких бы то ни было черт эмоционально-стилистической окраски (коннотации). Во втором их немало: используются слова с положительной семантической оценкой — *дорогой, с удовольствием*, ласкательно-уменьшительные формы — *Ванюша, сестричка*, уменьшительная *по порядку*, усиленно-приставочная разговорная форма *разузнала* (ср. узнала), разговорное слово *нужные* (ср. необходимые), шуточное наименование факультета повышения квалификации (ФПК) — *повышающий*, официальный приказа — «строгим предписанием», а ректора института — разговорной шутливой формой с собирательным значением — *начальство*. Следовательно, по стилевой принадлежности второе письмо (частное, неофициальное по своим лингвистическим признакам) относится к разговорно-бытовой речи, однако оно осложнено и усилено разными видами стилистической, эмоционально-экспрессивной окраски: ласково-непринужденной, шутливой. (Заметим по-

путно, что разговорный характер придают второму письму и особое строение фразы, например — *чтобы все документы оформить*, а при устном воспроизведении — особый характер интонации, произношения, пауз, и т. д., т. е. стилевая специфика и стилистическая окраска могут быть выражены не только лексикой, но и другими средствами языка).

Примечание. В специальной литературе по теории перевода нередко вслед за представителями лингвистов так называемой Лондонской школы используется близкий по значению термин «регистр слова»; при этом выделяются обычно пять «основных регистров»: 1) фамильярный; 2) непринужденный; 3) нейтральный; 4) формальный; 5) возвышенный. Наряду с этим особо выделяется и эмоциональная окраска — отрицательная или положительная [8, с. 110—111].

Коннотативность (экспрессивно-эмоциональная окраска, особая оценочность и т. д.) по-разному выражается в лексике.

Во-первых, она создается особыми словообразовательными средствами — приставками, суффиксами, повтором однокоренных слов и т. д., ср.: *ругать* — *выругать*; *нос* — *носик*, *носище*; *крепко-накрепко*. Этот способ — один из продуктивных в русском языке.

Во-вторых, она присуща самой семантике отдельных слов и соответственно объективирована (закреплена в современных толковых словарях). Например, книжное слово *абракадабра* — это не просто «набор непонятных слов», а еще и «бессмысленный набор непонятных слов»; *авантюрист* — не просто «человек, занимающийся авантюрами», но «беспринципный человек, занимающийся сомнительными по честности делами»; *позёр* — это не просто «человек, который принимает ту или иную позу», а еще и «старающийся произвести впечатление своим поведением, внешностью»; *пособник* — не просто «помощник в делах», а «помощник в дурных, преступных делах или действиях». Ср. также эмоциональную окраску слов *баталия*, *возведен*, *деляга*, *жеманиться*, *лазейка*, *лютый*, *модерновый*, *отгрохать*, *лютый* и др. (Напомним, что значение подобных слов по выполняемой функции относится к экспрессивно-синонимическим.)

В-третьих, стилистическая окраска может входить как элемент в общую семантическую структуру слова (наряду с его основной, предметно-логической соотнесенностью). Подобное наблюдается в словах, обозначающих чувства (*жалеть*, *любить*, *ненавидеть*), переживания (*волноваться*, *горевать*, *радоваться* и т. д.), признаки и качества (*вкусный*, *горький*, *отличный*, *хороший* и др.). Однако в данном случае мы имеем дело не с собственно семантическими явлениями, так как чувства, переживания, качества и т. д. исконно присущи самим предметам, действиям, признакам и соответственно сложившимся понятием о них. Тем не менее такие слова тоже используются для придания речи эмоциональной окрашенности ([11, с. 245—258]).

Иногда коннотативное содержание помогает четче определить стилевую принадлежность слова. Например, отрицательно-неодобренная оценка, заключенная в значении слов *вахляк*, *горлопан*, *дармоёд*, *каналья*, *прихвостень*, *хлюст* и др., информирует и об отнесенности их к бытовому просторечию (одной из групп разговорных сти-

лей речи). Эмоционально-экспрессивная сущность торжественно-высоких слов *взятель, вдохновитель, воин, единомышленники, провозвестник, сподвижник* и подобных сообщает нам об их принадлежности к книжному стилю.

Стилевая отнесенность и стилистическая характеристика окажутся более убедительными, если будут рассмотрены в сопоставлении со словами, не закрепленными за каким-либо определенным стилем и вне контекста лишенными особой коннотации, одинаково свободно используемыми во всех стилях речи. [Ср. несколько иную трактовку у А. Н. Кожина, 47, с. 69—82.]

§ 49. Понятие о межстилевой, стилистически нейтральной лексике

К межстилевой лексике относятся слова, которые обычно не имеют четко ориентированной функционально-стилевой закрепленности. Такая лексика составляет основу словарного запаса языка. К ней относятся наименования конкретных предметов (*афиша, банка, дом, забор, кисть, нож, потолок, рама, сляда, телефон, улей, фартук, хлеб, шарф, этаж, ящик*), явлений (*буран, ветер, вечер, гроза, дождь, засуха, утро*), признаков (*безлесный, вещественный, географический, гуманный, дугообразный, зональный, календарный, машинный, наземный, отлитый, пастеризованный, подручный, ракушечный, садовый*), действий и состояний (*бежать, белеть, говорить, делать, краснеть, писать, спать, стоять, топить, успокоить, ценить*) и т. д. Подобные слова используются во всех функциональных стилях. Именно на их фоне обычно выделяется лексика, относительно закрепленная за тем или иным стилем.

В оценочно-экспрессивном плане межстилевая лексика вне контекстуального употребления считается стилистически нейтральной, или немаркированной. (Ее называют также лексикой с «нулевой функционально-стилевой» и с «нулевой, эмоционально-экспрессивной» окраской. См. 47, с. 77). Однако это не значит, что она вовсе лишена коннотативных элементов. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт что ее преимущественное использование во многих жанрах газетно-публицистической речи создает и достаточно яркую выразительность текста, и необходимую для публикации модальность (т. е. выражение объективного и субъективного отношения пишущего к описываемым явлениям и фактам реальной действительности). Следовательно, «экспрессивная окраска высказывания часто связана непосредственно со стилистическим отбором слов. В новейшей литературе и публицистике доминируют слова нейтрального ряда, и все же экспрессивный заряд этих произведений может превосходить тот эффект, который достигался бы в наши дни орнаментальной, насыщенной стилистическими фигурами прозой» [77, с. 134]. Сила нейтральной лексики заключается в четко продуманном отборе слов, убедительном и доказательном построении речи, логической последовательности повествования, в хорошо продуманной организации отобранных лексических единиц. В этом случае экспрессивно-стилистическую функцию выполняют не столько собственно языковые,

сколько неязыковые средства, влияющие на систему отбора слов, т. е. все, связанное с темой и содержанием публикации, самим фактом обращения к этой теме, ролью и значением публикующего органа и даже местом, где помещается публикация.

Семантико-стилистическое различие между словами нейтральными и обладающими коннотативным содержанием особенно значимо при сопоставлении синонимов. Ср., например: *битва* (высок.) — *сражение*; *дерзание* (высок.) — *стремление*; *отрада* (высок.) — *радость*. Или: *авоська* (фам.) — *сетка*; *грязнуля* (неодоб.) — *грязный*; *малювка* (иронич.) — *маленький*; *писуля* (шутл.) — *записка* и т. д.

§ 50. Лексика разговорных стилей речи

На общем фоне лексики межстилевой, нейтральной в экспрессивно-стилистическом отношении, резко выделяется так называемая разговорная лексика. Она является одной из основных частей лексико-семантической системы функционального разговорного стиля (а точнее — стилей) речи. В состав этой системы входят следующие лексические группы: 1) собственно разговорные слова, т. е. литературно-разговорные и обиходно-разговорные, или разговорно-бытовые, эти слои образуют лексику относительно неограниченного употребления; 2) разговорные слова с некоторым ограничением сферы употребления — обиходно-бытовое просторечие, разговорно-терминологические; разговорно-профессиональные, или разговорно-жаргонные; 3) разговорные слова с явным ограничением сферы употребления — узкодиалектные, арготические и грубопросторечные [79].

Первая лексическая группа составляет собственно стилевой центр разговорной речи, является разновидностью литературного языка, имеет свои, функционально обусловленные нормы. Вторая группа — находится как бы на периферии литературного употребления, хотя в целом не выходит за его пределы. (Есть и другое понимание понятий «центр» и «периферия» разговорной речи. Так, О. Б. Сиротинина «центром» называет литературно-разговорную речь, а к «периферии» относит все «нейтральные слои литературного языка, используемые в непосредственном общении» [85, с. 33]. В этом случае остаются неясными вопросы о том, используются ли слова, относящиеся к «центру», в непосредственном общении, и выделяются ли в них нейтральные слои, если такая лексика составляет основу периферии). Третья группа образует так называемую внелитературную разговорную лексику, хотя, поскольку подобные лексические средства используются в устной форме общения, они могут быть рассмотрены при характеристике общей лексической системы разговорных стилей речи.

Сказанное можно изобразить условно в виде следующей схемы (явно условный характер включения третьей группы в состав литературной разговорной речи отмечен на схеме пунктирными линиями):

Подобное расслоение разговорной лексики может быть объяснено особыми условиями функционирования стиля как средства общения и, следовательно, теми признаками (прежде всего нелингвистическими), которые способствуют его формированию (поэтому их называют стилеразличительными, или стилеобразующими). К этим признакам относятся: 1) непосредственный характер общения двух и более лиц (т. е. то, что необходимо для самого возникновения разговорной речи); 2) неподготовленность речевого акта, его спонтанность (лат. *spontaneus* — самопроизвольный), т. е. отсутствие предварительного обдумывания и отбора соответствующих языковых средств); 3) непринужденность речевого общения, т. е. неофициальность отношения говорящих; 4) первичность устной формы реализации речи и вторичность возможного письменного выражения (письма, дневники и т. д.); 5) тематическая неограниченность, т. е. обращение к самым разнообразным темам: от собственно бытовой, обиходной до профессиональной [85, с. 23].

На формирование специфических языковых особенностей большое влияние оказывает обстановка, в которой протекает разговорная речь, жесты, темп речи, интонация и другие причины.

Перечисленные различительные признаки (их называют еще дифференцирующими и дифференциальными, лат. *differentia* — различие) характерны для всех трех отмеченных выше лексических групп. Но не все группы подчиняются собственно языковым нормам функционального разговорного стиля на разных уровнях языка. Поэтому лишь первая считается нормативно ярко выраженной. Во второй наблюдаются уже отклонения от норм (в том числе и лексических). А третья подчиняется своим внутренним закономерностям: социальным (арго), территориальным (диалектизмы) или экспрессивно-стилистическим (грубое просторечие [85, с. 15—40]).

Чем характеризуются эти нормы, которые (в отличие от собственно литературных, строго кодифицированных) называют иногда некодифицированными?

Во-первых, они обладают значительной вариативностью по сравнению с кодифицированными литературными нормами, поэтому в них возможны разные по своей «разговорности», коннотативной

сущности и сфере использования наименования одного и того же предмета, понятия. Во-вторых, вариативность в обозначении понятий позволяет иметь значительные ряды семантически тождественных единиц, которые функционально не разграничены. Следовательно, разговорные нормы в целом «не тяготеют к функциональной дифференциации вариантов» [79, с. 26].

Рассмотрим каждую из выделенных групп.

К литературно-разговорным относятся такие слова, которые имеют по сравнению с межстилевыми, с одной стороны, и книжными — с другой (хотя такие синонимические параллели не всегда возможны), некоторый оттенок сниженности. Однако эти слова употребляются во многих сферах общения людей. Так, слова *вечёрник*, *высоби́ник*, *забóчник*; *бетóнка*, *высоково́льтка*, *зени́тка*, *узкоко́лёйка*; *брюшнѝк*, *зелѝнка*; *глубѝнка*, *заду́мка*; *волоки́та*, *во́лынка*, *замѝшка*; *взгрустну́ть*, *лихора́дить* (волновать), *справля́ть* (новоселье); *вовсю* и т. д. широко используются в разных жанрах газетно-публицистической речи (даже в передовых статьях газет и журналов). Широко используются и такие литературно-разговорные слова, как *бобѝр*, *волчи́ца* (ср. межстилевые *бобр*, *волчиха*); *задо́лжник* (ср. имеющий долг, задолженность), *интеллектуáл* (ср. интеллектуальный человек), *ны́тик* (ср. всегда чем-то недовольный), *баловни́к* (ср. чалун), *бездѝльник* (ср. ленивый человек), *блажь* (ср. причуда), *везение-невезение* (ср. удача-неудача), *запы́нка* (ср. остановка в речи), *смешóк* (ср. короткий смех); *балбóванный* (ср. избалованный, изнеженный), *беспа́мятный* (ср. забывчивый), *брызгли́вый* (ср. ворчливый); *заплета́ться* (ср. с трудом говорить), *защити́ться* (ср. защитить публично работу), *допыта́ться*, *разузнать* (ср. выведать); *впопад-невпопад* (ср. кстати, уместно — некстати, неуместно), *враска́чку* (ср. раскачиваясь), *доро́гой* (ср. во время пути) и др.

Разговорно-бытовыми являются слова, используемые в повседневном обиходном общении. Они, как и слова разговорно-литературные, не нарушают норм собственно разговорной речи. Но среди них уже значительно больше слов со сниженным значением, которые к тому же нередко обладают и дополнительной ярко выраженной стилистической окраской, например: неодобрительное, ироническое, фамильярное, шутовское и т. д. Их употребление в других стилистических разновидностях литературного русского языка (например, официально-деловом или научном) является неуместным. К разговорно-бытовым (или разговорно-обиходным) относятся такие слова, как *балагу́р*, *бары́ш*, *безмóзглый*, *бессмы́слица*, *верхоту́ра*, *весельча́к*, *востру́шка*, *здорóвый* (высокий), *желе́зки* (изделия из железа), *говору́н*, *дедо́к*, *де́дка*, *игру́н*; *с ехи́дцей*, *жа́дничать* и др., которые имеют неярко выраженную отрицательную или положительную экспрессивно-эмоциональную оценку. Но немало среди этой группы слов, которые выражают определенную отрицательную оценку: неодобрит. — *анони́мщик*, *беда́м*, *буржу́й*, *грязну́ля*, *жа́дина*, *кисля́й*, *самоду́р*, *смутья́н*, *хохма́ч*; неодобрит.-презрит. — *бестолкови́щина*, *воени́щина*, *казѝнщина*, *кустари́щина*; *мелкотра́вчатый*, *молокосóс*, *пижон*, *подли́за*; иронич. — *борзопи́сец*, *говори́льня*, *гопкомпáния*,

малявка, слезница (жалобная, просьба, письмо), *спихотехника, докторша, дорогуша, мужик* (мужчина) и др. В эту группу входят слова, разные по способу выражения стилистической окраски: и такие, в семантике которых уже заложена оценочность (типа — *баламут, бедлам, кисляй, коняга, пижон, позер*), и такие, оценочность которых создается аффиксами, сложением основ и т. д. (*прихлебатель, прихвостень, сапожище; старичишка* и под.).

Нередко разговорное значение у слова развивается в результате семантического переосмысления основного, первичного значения. Ср. межстилевое *голосовать* — «отдавать голос за что-то или кого-то» и *голосовать* — «останавливать машину поднятием руки»; *капать* — «падать каплями» и *капать* — «доносить, ябедничать»; *махнуть* — «сделать взмах, движение по воздуху чем-нибудь» и *махнуть* (махнуться) — «совершить обмен с кем-либо чем-либо» и т. д.

К обиходно-бытовому просторечию могут быть отнесены слова, которые по своей семантике и дополнительной экспрессивно-стилистической оценочной сущности еще более снижены. Сфера их распространения уже, чем разговорно-бытовой лексики. В понятии «просторечие» соединяется указание на принадлежность к особой стилевой группе и на стилистическую окраску. К подобным словам относятся, например, *ба́тя* (отец), *безотцо́вщина, бодя́га* (в выражении *бодягу разводить*), *братáн, во́лы́нщик* (тот, кто затягивает выполнение чего-то), *верня́к* (о чем-то, не вызывающем сомнения, надежном), *горазд* (ср. межстилевое *гораздо*), *карачу́н* (смерть), *колготá* (беспокойная суетливость), *племяш и племя́шка, оголе́ц* (озорник), *сачо́к* (ленивый человек, лентяй).

Эти и многие другие слова иногда бывает нелегко отграничить от собственно разговорных, так как просторечие (если оно не грубое, вульгарное или бранное) в целом не является ярко выраженным нарушением норм разговорной речи. Данные трудности отражены и в словарях. Например, слово *буржуй* в Словаре Ожегова определено как просторечное, слово *буркать* там же сопровождается пометой — просторечие, а в БАС они лишены помет. Слово *вопить* в Словаре Ожегова дано с пометой — разг., а в БАС — без пометы (т. е. в этом случае оно считается межстилевым и стилистически нейтральным.). Таких примеров можно привести немало. Поэтому подгруппу обиходно-просторечной лексики с трудом можно отнести к разговорной. Любопытно, что с точки зрения содержательной разговорно-бытовые слова и обиходно-бытовое просторечие, как правило, конкретны. Даже абстрактные понятия в разговорной речи приобретают предельную конкретизацию, ср. *блаженствовать, блаженство* — *блажь; бессмысленность* — *бессмыслица; бестолковость* — *бестолковщина; говорение* — *говорильня; хвала, хвальба, разг.* — *похвальба* (простореч.) и т. д.

К разговорно-терминологическим относятся слова, которые не обладают признаками собственно терминов и, как правило, не отражены в соответствующих терминологических словарях (или даны с пометой — *разг., жарг.* и т. д.), однако употребляются в устной

речи людей, объединяемых общими профессионально-социальными интересами. Такие слова образуются обычно на базе существующих терминов, по словообразовательным нормам разговорного стиля речи. В результате частого использования многие из них выходят за пределы разговорных вариантов терминологических систем, детерминологизируются и становятся менее ограниченными по употреблению. Ср.: аскорбиновая кислота — *аскорб́инка*, касторовое масло — *касторка*, взбалтывающая микстура — *болтушка*; больной, страдающий гипертонией, — *гипертóник*, а также — *диабéтик*, *инфáрктник*, *язвенник* и т. д.; специалист по гуманитарным наукам — *гуманита́рник*, по естественным наукам — *естéственный* и т. д. К разговорно-терминологической лексике относятся и усеченные формы, используемые в соответствующих сферах, например: *кíбер* (робот, кибернетическая машина), *нео́нка* (неоновая лампа), *колёсник* (колесный трактор) и под.

К разговорно-жаргонной (или разговорно-профессиональной) относятся слова, которые образуются не от слов, зафиксированных в терминологических системах, а от так называемых профессиональных наименований (см. об этом § 45). Они, как правило, имеют узкоспециальное значение, хотя в процессе употребления нередко выходят за пределы тех или иных профессий. К таким словам относятся: у строителей, монтажников и других *быто́вка* — «помещение для переодевания и отдыха рабочих»; *капита́лка* — «капитальный ремонт»; *нуле́вик* — «специалист по производству нулевого цикла строительных работ» и др.; у работников автотранспорта *барáнка* — «руль автомашины»; *горючка* — «жидкое топливо для двигателя»; *запáска* и т. д.; театральные *генерáлка* (генеральная репетиция), *главре́ж*; у летчиков — *аннушка* (самолет АН-2), *бо́чка*, *свёчка* и другие профессионально-жаргонные наименования фигур высшего пилотажа и т. д.

Подобные жаргонные наименования есть в каждой профессии. Сфера их распространения ограничена. Однако некоторые из разговорно-профессиональных становятся разговорно-бытовыми. Например, первоначальное профессиональное употребление в речи геологов, строителей, дорожников слова *застолбить* в прямом значении (т. е. поставить столб или столбик на том месте, где найдены какие-то ископаемые или намечено вести строительство, прокладывать дорогу) в последующем вышло за пределы профессионально-разговорной сферы, стало разговорным, шутивным, обозначает «сделать заявку на исследование, издание и т. д.», например: *Главное — он «застолбил» свое решение, теперь не отступишь* (Кетл.).

Наконец, в третьей группе выделяются слова, употребляемые в устной форме общения и являющиеся весьма ограниченными по сфере распространения. Они выходят за пределы литературного языка и относятся к числу таких, которые нарушают нормы и собственно разговорного стиля речи. Этими словами являются все грубопросторечные типа: *башка́*, *варна́к*, *вахла́к*, *ро́жа*; *замызганный*, *краснорóжий*; *втемя́шиться*, *дрыхну́ть*, *облапо́шить*; *вдрызг* и др. Они по своей экспрессивно-эмоциональной окраске бранно-вульгарные.

Семантико-стилистическая сущность этих слов особенно очевидна при сравнении с собственно разговорными и межстилевыми:

Стилевая принадлежность слов

<i>Разговорные</i>	<i>Межстилевые</i>	<i>Грубое просторечие</i>
жадина	жадный	жадюга
враки	обман	брехня
дельный	деловой	деляга
смутьян	скандалист	бузотер
разиня	рассеянный человек	раззява

Резко ограниченное употребление характеризует и арготические элементы, используемые отдельными группами людей в устном общении. Они так же, как и грубое просторечие, нарушают общепринятые нормы разговорной речи и являются внелитературными лексическими средствами.

Весьма ограничена сфера распространения и последней подгруппы внелитературной разговорной лексики — узкодиалектной. Слова этой подгруппы, как правило, используются лишь в устном общении коренных жителей на определенной территории и за ее пределами непонятны.

§ 51. Лексика книжных стилей

Лексика книжных стилей неоднородна. В ней выделяется несколько лексико-стилевых разновидностей: официально-деловая, научная, газетно-публицистическая, которые, в свою очередь, могут быть подразделены на дополнительные подгруппы. К книжной примыкает и лексика языка художественной литературы, хотя по многим существенным признакам она не может быть поставлена в один ряд с названными выше функционально-стилевыми лексическими парадигмами.

Выделение подобных стилиевых разновидностей обусловлено основными социально значимыми функциями языка: общения, сообщения и воздействия. Для реализации функции сообщения служат официально-деловой и научный стили. Причем официально-деловой стиль часто выполняет и функцию общения. Например, деловые разговоры по телефону ведутся не только с целью сообщения, но и общения. Процесс активного общения осуществляется в ходе юридических консультаций, судебных заседаний. В этом случае юристы стремятся сделать свою речь максимально доступной и как бы «переводят» с юридического языка на обиходно-разговорный многие из слов, непонятных слушателям. Функции сообщения и воздействия свойственны газетно-публицистическому стилю.

Литературно-художественные стили совмещают в себе выполнение всех трех функций, включая и функцию общения, которая реализуется в активно создаваемых на страницах произведений диалогах и монологах. Кроме того, преимущественно в этих стилях находит выражение особая образно-эстетическая функция, для чего используются языковые средства всех собственно функциональных стилей. Именно поэтому едва ли целесообразно ставить их в один ряд с литературно-художественными.

Каждый из трех книжных функциональных стилей, как и разговорные стили, характеризуется различительными, стилеобразующими признаками, которые во многом определяются особенностями языка вообще и лексико-семантической системы в частности.

Так, официально-деловой стиль характеризуется: 1) относительно четкой стилевой замкнутостью; 2) предельной стандартизацией и унификацией; 3) максимальной конкретностью и абсолютной точностью; 4) устойчивостью жанровой тематики (например, законодательных тем; протоколно-дипломатических; документально-юридических; официально-документальных; канцелярских и др.).

Научному стилю присущи иные различительные черты: 1) обобщенно-отвлеченный характер высказывания; 2) объективность; 3) убедительная доказательность выводов.

Газетно-публицистическому стилю свойственны такие основные дифференцирующие признаки: 1) партийность публикаций; 2) логичность изложения; 3) информативная значимость; 4) модальность объективная и субъективная; 5) конкретность; 6) фактическая точность; 7) действенный характер публикаций.

Литературно-художественным стилям (в отличие, например, от научной речи с ее обобщенностью и отвлеченностью) свойственны: 1) конкретно-чувственная образность; 2) эстетическая мотивированность использования тех или иных средств; 3) особый способ авторского выражения познаний о действительности; 4) композиционные особенности и т. д.

Если условно показать то место, которое занимают каждый из стилей литературного языка и литературно-художественные стили, то получится следующая схема (пунктиром обозначены обширные связи литературно-художественных стилей с собственно функциональными книжными и разговорными, а также тенденции взаимопроникновения стилей):

Перечисленные основные нелингвистические стилевые признаки способствуют формированию собственно языковых различительных черт, в том числе и лексико-семантических. Рассмотрим последние несколько подробнее.

Официально-деловая лексика отличается большей замкнутостью и функциональной четкостью по сравнению с научной или газетно-публицистической. На общем фоне слов межстилевых в ней выделяются такие лексико-семантические парадигмы, как канцелярско-деловая, официально-документальная, судебно-юридическая и дипломатическая лексика. Каждой из них свойственны свои различительные признаки.

Так, в канцелярско-деловой особенно устойчивы разного рода клише (часто используемые слова и обороты), т. е. стандартизированное и унифицированное выражение мыслей. Закрепившиеся лексические единицы создали немало языковых формул, что позволяет в этой подстилевой группе использовать заранее заготовленные печатные документы, бланки и т. д. (паспорта, разного рода свидетельства, аттестаты, дипломы, справки и др.). В канцелярско-деловой речи, как и в других группах официального стиля, используют особые слова для наименования одного и того же явления, понятия в разных сферах деятельности. Например, человека называют в официальном обращении *гражданином*, *гражданкой*; *абонентом* — на телефонной станции, *заказчиком* — в ателье, *покупателем* — в магазине, *клиентом* — в парикмахерской, *больным* — в поликлинике или больнице, *отдыхающим* — в санатории, *пассажиром* — на разных видах транспорта и т. д. Канцелярские документы имеют особые наименования, например: *книга исходящих* (или *входящих*) *документов*, *амбарная книга* и др. В разного рода приказах, справках и т. д. пишут: не *принять на работу*, а *зачислить*; не *дать отпуск* (или *отпустить отдыхать*), а *предоставить отпуск*; не *живет в квартире*, а *проживает*; справку не просто *дают*, а она *выдана такому-то* (такой-то) с обязательным добавлением — *дана для представления туда-то* и т. д. В этой лексической подгруппе широко используются сложносокращенные наименования учреждений, контор и т. д. типа *ЖЭК*, *НИИ*, *ОРС*, *РЖУ*, *СМУ* и др.; отглагольные образования: *ограждение*, *посыпка*, *полив*, *проживание*, *пребывание*; отыменные предлоги: *в деле*, *в силу*, *в соответствии*, *в отношении*, *в целях*, *на основании* и т. д.

В официально-документальной лексике (т. е. в постановлениях, указах, законах и т. д.) большую роль играют слова с точным, конкретным значением, способствующие объективности и логичности формулировок, императивные слова, например: *порукает*, *подставляет*, *обязывает*, *оповещает*, *рекомендует*, *надлежит*, *необходимо*, *следует* и под. Слова, имеющие несколько значений (в особенности метафорического или метонимического характера, а также модально-оценочные), как правило, не используются.

В юридической (или судебно-юридической) лексике используется немало общеупотребительных слов, но со свойственным данной области конкретным уточнением: *вина*, *наказание*, *нарушение*, *обвинение*; а также слов, ограниченных спецификой документов: *изобличать* (изобличение); *провести дознание*; *превышение*, *привлечение*; *мера пресечения*; *взыскатель*, *заявитель*, *податель*, *потерпевший*, *проситель*, *обвиняемый*, *свидетель*, *соучастник* и т. д.

Лексика дипломатическая характеризуется наличием в ней иноязычных терминов, ставших международными, а также исконных русских терминов и наименований. Например: *аташэ, вербальная нота, верительные грамоты, договор, коммюникэ, преамбула, посол, поверенный в делах, прибыть, ратификация, резиденция, сопровождать, иметь беседу, уполномочен заявить* и т. д.

В дипломатической речи может быть использовано немало слов с дополнительным оценочным значением: *гонка вооружений; поджигатели войны; разбойничье нападение; разжигать огонь войны; погасить очаг войны*. Ср. также метонимический характер отдельных сочетаний: *Белый дом* (резиденция президента США), используется для наименования «правительства США». В дипломатической речи (например, в официальных нотах, посланиях и т. д.) используется значительное количество высокой книжной лексики: *вдохновитель, возмездие, воистину, гонитель, губительный, деяние, единомышленник, злобствовать, злодеяние, кара, кончина, невмешательство, неодолимый, обогреться, обуревать, плеяда, посланец, смертоносный, суверенитет, уверение, уважение* и других абстрактных книжных слов на *-ение, -ство, -ость* и т. д.; *абстрагирование, во всеуслышание, доказательство, могущество, справедливость* и под.

Употребление и написание тех или иных слов, относительно закрепленных за каждой из названных выше лексических групп официально-деловой речи, обусловлено типом документа, его общественно-политической значимостью и др. (ср.: *Постановление правительства или постановление собрания сотрудников; Официальные Верительные грамоты или сопроводительное письмо* при тех или иных документах; *Заявление ТАСС* или *заявление о поступлении в институт* и т. д.).

В научной лексике не менее половины слов — межстилевые, общеупотребительные, используемые в их прямом значении. В зависимости от характера книги, специфики предмета, вида текста (описание, повествование, определение, рассуждение), адресата процент межстилевой лексики может увеличиваться или уменьшаться. Для научной лексики (как и для официально-деловой) нехарактерны иностилевые вкрапления (например, слова разговорные, узкодиалектные и др.). Исключение составляют такие сравнительно редкие по употреблению слова, которые были научно переосмыслены и стали терминами. Так, в специальной производственно-технической литературе используются диалектные *опóка* — в литейном производстве, *сбóйка* — в горном деле, *на́леп (на́лепь)* — в гончарной отрасли, *хук-эффeкт* — у физиков (где *хук* — название у боксеров бокового удара).

В научной лексике так же, как и в деловой, почти не употребляются слова, имеющие дополнительные эмоционально-экспрессивные оценки (шутливые, иронические, ласкательные, фамильярные, бранные и т. д.), т. е. слова с коннотативным содержанием. Чрезвычайно редки случаи использования слов в переносном значении. Если все-таки подобные лексические единицы встречаются в научных терминологических системах, то яркая образность, присущая им в

общеупотребительном языке, частично утрачивается, хотя нередко подобные терминологические элементы все-таки вызывают ассоциативные представления, свойственные им в нетерминологической сфере. Например: *благородные металлы* (ассоциативное представление о чем-то более ценном, чем при употреблении просто слова *металл*); *качающиеся грешники* (в географии так называют выветренные поверхностные формы ледников); *перистые облака, роза ветров* (в метеорологии); *синяя вуаль, голая частица* (в физике) и т. д.

Но зато в научных текстах немало окказиональных, индивидуальных терминов, обусловленных спецификой предмета, авторским подходом к решению проблемы или отсутствием наименования для вновь описываемых явлений. Такими являются физические термины *хук-эффект, урка-эффект*, наименования стилистических фигур, построенных на употреблении слов-антонимов (см., например, в работах Л. А. Введенской): *акротеза* (греч. *akro* вверх + *theses* — положение), т. е. подчеркнутое утверждение одного из признаков за счет отрицания другого (*Не слабость, а мужество*); *амфитеза* (греч. *amphi* — кругом), т. е. утверждение не одного, а сразу двух противоположных признаков (*И стар и мал*); *диатеза* (греч. *dia* — между), т. е. утверждение возможного между словами-антонимами среднего, промежуточного понятия, качества (*ни холодная — ни горячая, значит — теплая*). Заметим, что в данном случае создан термин-омоним, так как в лингвистической литературе (и в словарях) термин *диатеза* был синонимом термина *залоги* (глагола).

К числу наиболее значимых различительных признаков научного стиля на лексическом уровне относится широкое использование терминов, которые являются основным понятийно-семантическим ядром излагаемых мыслей. В научном стиле термины наиболее отчетливо выполняют свою основную дефинитивную функцию. Их умелое введение в текст позволяет логически четко раскрыть каждое научное понятие, его содержание, показать отличительные признаки, что способствует активному усвоению изучаемой науки. Термин является многосторонней, наиболее точной, четкой и емкой характеристикой предмета или явления. Специфика терминов заключается в строгой регулярности их семантики, форм, словообразовательных моделей (см. § 45). Каждый термин имеет смысл только в определенном образом организованной терминологической системе. (Ср., например: *физ.-хим. реакция*¹ — взаимодействие между веществами», с оттенком значения *перен., книжн.* — «ряд событий, действий, вызываемых одно другим», *реакция*² — *мед.* «резкая перемена в самочувствии, упадок, слабость после подъема, возбуждения», *реакция*³ — *полит.* «активное сопротивление общественному прогрессу и подавление революционного движения».)

Кроме собственно терминов и терминологических сочетаний, в науке широко используются сокращения и аббревиатуры, например *ИК-спектр* (инфракрасный спектр), *ИПС* (информационно-поисковая система), *КПД* (коэффициент полезного действия), *ПК* (перфокарта), *ФЭУ* — фотоэлектронный умножитель, *ЭМУ* — (электронно-моделирующее устройство); символические и формуль-

ные обозначения понятий (в частности, химических элементов): *Н* — водород, *О* — кислород, *H₂O* — формула воды и т. д.

В научной лексике часто используются отвлеченные слова, типа: *абсолютизм* (абсолютный), *абстракция*, *активизация*, *аргументация*, *бездоказательность* (доказательность), *безупречность*, *бессистемность* (системность), *блуждание*, *бытие*, *взаимопроникновение*, *взаимодействие*, *видоизменение*; *вкрапление*, *внедрение*, *возбуждение*, *возрождение*, *глубина* (мысли, исследований и т. д.), *данность* (объективная действительность), *движение*, *действие*, *детализация*, *догматизм*, *доказательство*, *дополнение*, *допущение*, *единичность*, *единственность*, *жизненность*, *зависимость*, *затруднение*, *знание*, *извлечение*, *изменение*, *изоляция*, *иллюстрация*, *интерес*, *исполнение*, *истина*, *колебание*, *координация*, *мнение*, *мышление*, *направление*, *наполнение*, *начинание*, *ниспровержение*, *общность*, *объяснение*, *описание*, *определение*, *положение*, *полнота* (исследования), *последовательность*, *пространство*, *равновесие*, *развитие*, *систематизация*, *совершенствование*, *сравнение*, *течение*, *умозаключение*, *условие*, *функционирование*, *целенаправленность* и др.

Характерный лексический признак научной речи — наличие в ней особых слов и оборотов, способствующих максимальной логизации изложения мыслей, например сложных сочинительных и подчинительных союзов, союзных слов и других, например: *благодаря чему* (или *благодаря тому что*), *ввиду того*, *вследствие чего*, *между тем как*, *несмотря на то что*, однако, таким образом, тогда как, *следует заметить что*, *следовательно* и др.

Как разновидность научной лексики в современном языке активно выделяется и все более обособляется производственно-техническая и профессионально-терминологическая лексика, в которую входят различные наименования: а) технических процессов, производственных операций и б) их результатов (по общеязыковой метонимической модели): *дегазация*, *дождевание*, *химизация*, *наладка*, *установка*, *формовка* (действие и продукт), *шлифовка*; *дутье*, *литье* (действие и продукт), *добыча*, *прокат* (действие, процесс и продукт) и т. д. [84, с. 5 и послед.].

Газетно-публицистическая лексика также неоднородна. В ней выделяются следующие группы:

1. Слова, имеющие общественно-политическое значение: *авангард*, *борьба*, *благосостояние*; *волнение*, *выступление*, *гражданственность*, *гуманизм*, *гуманность*, *демократия*, *диктатура*, *идея*, *идейность*, *классовый*, *коммунизм*, *коммунистический*; *мировоззрение*, *миролюбивый*, *общественный*, *партийный*, *политический*, *революционный*, *социалистический* и др. Слова этой группы широко употребляются для реализации как функции сообщения (т. е. информативной функции), так и функции воздействия.

2. Лексика, характеризующаяся (кроме принадлежности вообще к книжным стилям) особой возвышенностью, например: *бессмертие*, *вдохновение* (и *вдохновитель*), *весомость* (*весомый*), *вещий*, *владычество*, *возмездие*, *воинство*, *всемогущество* (*всемогущий*), *грядущий*, *губительный*, *дерзание* (*дерзновенный*), *злодеяние*, *кара*, *му-*

ченичество, негодование (негодующий), неодолимость (неодолимый), непоколебимый, неотвратимый, обуревать, поругание, ратный, свершение, созидательность (созидательный), сподвижник, твердыня, творец, трибун, шествие и др. Эти слова (наряду с отдельными изобразительно-выразительными средствами) активнее используются в пропагандистских публикациях, призванных развивать теоретическое мышление читателей, углублять их научные представления о разнообразных явлениях общественной жизни. Однако слова с абстрактным, а также с дополнительным оценочным значением употребляют и в агитационных произведениях, хотя в последних преобладающей является конкретная лексика, так как подобные публикации призваны формировать четкую, определенную классовую психологию читателей, их конкретное общественно-политическое сознание. В дополнение к словам высоким в агитационных публикациях широко используются образно-метафорические значения общеупотребительных слов и многие лексические изобразительно-выразительные средства (эпитеты, метафоры, метонимии, антитезы и пр.). Это заметно выделяет газетно-публицистическую лексику из рассмотренных выше функциональных лексических подсистем книжных стилей.

3. В третью лексическую группу входят слова, которые в процессе их употребления в публицистике (призванной, как известно, выражать определенное отношение к описываемым фактам, явлениям действительности, давать им общественно значимую оценку) развивают новые значения, преимущественно качественно-оценочного характера. Напомним, что выражение отношения к описываемому, т. е. *модальность* — объективная, независимая от оценки пишущих, и субъективная, так или иначе выражаемая автором публикации, — это один из существенных дифференцирующих, стилеобразующих признаков.

Так, именно в процессе регулярного использования в публицистике развилось новое качественное значение у ряда собственно публицистических слов (т. е. слов первой группы, см. выше), ранее обладавших только значением относительных прилагательных. Сопоставим старые (даны слева) и новые значения или оттенки значений (даны справа) у некоторых общественно-политических слов.

Агитационный

1. Относящийся к агитации. *Агитационная кампания.*

2. Проникнутый духом идей агитации. *Агитационные жанры публицистики.*

Журналистский

1. Относящийся к журналистике, журналистам. *Журналистский слет.*

2. Социально-острый, партийный. *По-настоящему журналистский ответ буржуазным клеветникам.*

Государственный

1. Относящийся к государству. *Государственные учреждения.*

2. Проникнутый идеями, интересами государства. *Государственный подход к делу.*

1. Относящийся к государственной власти Советов; к деятельности в Советах. *Советское правительство*; свойственный, принадлежащий Стране Советов. *Советский ученый*.

2. Идеологически выдержанный, преданный интересам и задачам социалистического строительства. *Советский патриотизм. Советское отношение к делу. Советский образ жизни*.

Социалистический

1. Относящийся к социализму как общественному строю, основой производственных отношений которого является общественная собственность на средства производства. *Социалистическое производство*.

2. Свойственный, присущий социализму, проникнутый идеалами социализма. *Социалистическое соревнование. Социалистическое обязательство. Социалистическое отношение к общественной собственности*.

Появление у данных слов качественно-оценочного значения (или оттенка значения) сразу же расширило границы их лексической сочетаемости и привело к тому, что некоторые из них семантически сблизились, образовав новую оценочную парадигму. Например, в сочетаниях со словами *отношение к делу, к труду, к обществу, к людям* и т. д. указанные выше слова *государственный, советский* сближаются, отличаясь, естественно, не только степенью качества, но и глубиной выражения общественно-политического содержания. В синтагмах с указанными словами они воспринимаются как близкие по значению. В сфере идеологии слова *социалистический* и *советский* в определенных условиях для того, чтобы «подчеркнуть новую классовую методологическую сущность характеризуемого понятия» [64, с. 32], семантически предельно сближаются с особенно значимым политическим термином *марксистско-ленинский* и *коммунистический*, например в сочетаниях со словами *идеология, мировоззрение, мораль, культура, искусство* и др., ср.: *социалистическая идеология — советская идеология, коммунистическая идеология — марксистско-ленинская идеология*. В области экономических отношений также возможно семантическое сближение слов *социалистический* и *советский*, ср.: *социалистическое хозяйство — советское хозяйство; социалистическая экономика — советская экономика* и т. д.

В лексике газетной речи наблюдаются семантические сдвиги не только у слов собственно публицистических (и газетных), но претерпевают изменение и слова иноязычные (например, научные термины), а также межстилевые.

Ср.: *Космический* — 1. Относящийся к освоению космоса. *Космические корабли*. 2. Огромный по своим масштабам. *Поистине космический размах нового пятилетнего плана*.

Заметим, что переосмысление этого слова, а точнее — расширение его значения с привнесением качественно-оценочного элемента в общую семантическую структуру (относительного прилагательного) было подготовлено тем, что в языке уже существовало слово *астрономический*, употребляемое в переносном значении (о цифрах) «очень большие в числовом отношении величины».

Братский — 1. Связанный родственными отношениями. *Встреча братьев*. — *Братская встреча*. 2. Интернациональный, проникнутый бескорыстными, гуманными чувствами. *Братская дружба социалистических стран*.

Дремучий — 1. Густой, темный, труднопроходимый. *Дремучий лес*. 2. Совершенный, полный (о носителе каких-либо отрицательных качеств). *Дремучие нравы капиталистов*. *Самые дремучие левоцентристы* [81, с. 216—232].

Об активизации процесса развития у слов новых качественных значений в послеоктябрьский период убедительно писал еще в 1928 г. А. М. Селищев: «Эмоционально-экспрессивная функция речи имела огромное значение в революционные годы. Пафос революционера, высокие идеалы братства, равенства, свободы, угрозы врага, категорические приказы в обстановке решительной битвы — все это выливалось в соответствующих формах речи. В сильной степени эмоционально-насыщенные речи раздавались на митингах, на собраниях, в напряженные моменты общественно-политических и партийных заседаний...» [83, с. 147].

Подобное явление, наиболее характерное первоначально для отдельных жанров газетно-публицистической речи (призванной, как известно, не только информировать читателя о событиях, явлениях, фактах, но и убеждать его, вызывая нужное отношение к информации), становится одной из тенденций развития современного литературного языка [80, с. 27—28, 129, 138—141, 144—145]. Роль газетно-публицистической лексики в этом процессе весьма значительна (см. подробнее: *Солганик Г. Я. Лексика газеты*. М., 1981).

И официально-деловая, и научная (с ее разновидностью — производственно-технической), и газетно-публицистическая лексика не являются строго замкнутыми системами. Слова каждой из указанных групп могут быть употреблены в произведениях разных стилей: деловая лексика — в публицистических и научных; научная лексика — в деловых документах и в публицистике и почти в каждом из них с той или иной степенью активности и регулярности используются элементы разговорного стиля.

О роли разговорного стиля в изменении кодифицированных норм языка см. подробнее в работах К. С. Горбачевича [31; 32].

В лексике литературно-художественных стилей употребляются, как уже отмечалось, слова из всех книжных и разговорных стилей, а также отдельные элементы из ограниченных по сфере употребления лексико-семантических групп (узкодиалектной, профессиональной, жаргонно-арготической и т. д.). В произведениях данных стилей чаще, чем в собственно функциональных книжных разновидностях языка, используются слова, обладающие коннотативным содержанием. В них и межстилевые, стилистически нейтральные лексические единицы могут стать особым изобразительно-выразительным средством, выполнять эстетические функции.

§ 52. Роль функционально-закрепленной и стилистически окрашенной лексики

Лексика, относительно закрепленная за рассмотренными речевыми стилями, выполняет разнообразную роль.

Во-первых, служит средством называния характерных для данного стиля предметов, процессов, качеств, явлений реальной действительности. Такова, например, роль официально-деловых слов: *входящий* или *исходящий* (документ, номер документа), *сопроводительный* (лист, документ) и т. д.; общенаучных терминов, наименований: *базис*, *величина*, *время*, *коэффициент*, *процесс*, *формула* и др.; специальных научных терминов: (мед.) *аллерген*, *баротерапия*, *скенирование*; (физ.) *антинейрон*, *бетатрон*, *электрино*; (лингв.) *артикуляция*, *безаффиксный* (способ словообразования), *глаголическое* (письмо), *орфограмма* и т. д.; профессионально-производственных наименований: *загрузка*, *законвертовать*, *калибровка* и т. д.; газетно-публицистических: *агитационно-пропагандистские* (статьи), *информационные* (жанры), *общественно-политическое* (значение) и др.

Во-вторых, такие лексические единицы являются различительными, специфичными для каждого из стилей, т. е. их использование функционально обусловлено. Подобные единицы как бы «сигнализируют» о стилевой принадлежности текста. Например, ознакомившись с таким высказыванием, как: «К прагматическому значению слов примыкает также то, что принято называть его коннотацией. Под коннотацией имеются в виду те дополнительные ассоциации, которые слово вызывает в сознании носителей данного языка. Коннотация, видимо, не следует считать в собственном смысле компонентом семантической структуры слова (т. е. частью его значения); тем не менее ее роль в эмоционально окрашенной речи, особенно в таком жанре, как поэзия, иногда весьма велика» [8, с. 123], можно безошибочно определить, что это высказывание взято из научного исследования по лингвистике. Об этом сигнализируют все научные термины и терминологические сочетания.

В-третьих, проникая в иностилевые сферы, функционально-закрепленные слова приносят свойственные им стилеобразующие черты. Так, научные термины, используемые в газетно-публицистической речи, сообщают публикациям строго логический, научный характер, способствуют развитию теоретического мышления читателя, расширяют и углубляют его познания о реальной действительности. Официальные элементы придают сообщению деловитость. В свою очередь, публицистические слова в научном стиле помогают осмыслить общественную значимость излагаемых положений, а нередко являются средством их оценки. Слова разговорных стилей приносят во все книжные стили характер непринужденности, неофициальности.

Особенно заметной во всех функциональных стилях и в стилях литературно-художественных бывает роль стилистически окрашенной лексики (см. § 48). Ее употребление должно быть всегда стилистически мотивировано, так как одно неуместно использованное экспрессивно-эмоциональное слово может изменить семантику всего текста в целом.

На подобное стилевое и стилистическое несоответствие между всем текстом и отдельными словами в нем не раз указывал К. И. Чуковский: «Невозможно, чтобы в торжественных стихах, обращенных к Психее, появлялось в переводе словечко *сестренка*; его находим в переводе мистической элегии Эдгара По “Улялюм”, насыщенной таинственными жуткими образами. И там есть обращение к Психее:

Что за надпись, — спросил я, — *сестренка*,
Что на склепе, который угрюм? (По Эдгар. Избранное. М., 1958, с. 27).

В подлиннике, конечно, *сестра*. Назвать Психею сестренкой — это все равно, что назвать Прометея — братишкой, а Юнону — мамашей...» [106, с. 104] [см. об этом 28, с. 81—92; 8, с. 106—132.]

Применительно к выбору функционально закрепленных и эмоционально окрашенных элементов при переводе с одного языка на другой вопрос осложняется еще и тем, что система стиливых отношений и стилистических оценок слов в разных языках далеко не всегда одинакова. И, как отмечают теоретики перевода, определение стиливой принадлежности — это лишь начало поиска нужного слова [77, с. 135]. Важно найти прием семантической «экспрессивной конкретизации» значения и его «экспрессивно-стилистического согласования» со всем текстом в целом. В этом отношении интересен и поучителен перевод повести Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», в котором переводчику удалось сохранить общую стиливую (разговорно-просторечную) и стилистическую (явно сниженную) характеристику текста.

Сопоставим перевод нескольких предложений:

1) It cost him *damn* near four thousand *bucks*. He's got a lot of *dough*, now (гл. 1).
Вложил за нее чуть ли не четыре тысячи. Денег у него теперь *куча*.

2. ...My *parents* would have about two haemorrhages apiece if I told anything pretty personal about them (гл. 1).

...У моих *предков*, наверное, случилось бы по два инфаркта на *брата*, если бы я стал *болтать* про их личные дела.

3 ...He *made* a speech that lasted about ten hours (гл. 3).

...Он *отгрохал* речь часов на десять [8, с. 119 и 219].

Выделенные слова в английском и русском текстах различны по стилистической окраске (в английском они почти нейтральны), но общая экспрессивно-эмоциональная сущность текста оказывается сходной, так как, по меткому замечанию Л. С. Бархударова, «восполняет потерю соответствующей стилистической и регистровой характеристики в других местах переводимого текста...» [8, с. 220].

Попутно заметим, что «регистром слова» Л. С. Бархударов называет «определенные условия или ситуацию общения, обуславливающие выбор тех или иных языковых средств, в том числе лексических единиц». В понятие «регистр» частично заключаются и виды экспрессивно-эмоциональной окраски (см. § 48).

Сопоставление показывает, что употребление функционально-маркированных и стилистически окрашенных слов должно быть всегда мотивированным.

Умелому отбору таких слов помогает активное освоение словарей русского языка.

§ 53. Отражение функционально-стилевой и экспрессивно-стилистической характеристики слов в русских словарях. Словари языка писателей

Первые сведения о стилистической характеристике слов русского языка находим в шеститомном «Словаре Академии Российской» (1789—1794). Они даны в виде стилистических помет в соответствии с учением М. В. Ломоносова о «трех штилях» (высоком, среднем, низком) и преследуют цель закрепить определенные словоупотребительные нормы в языке той эпохи. Эти же нормативные стилистические характеристики были сохранены и в «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенному» (1806—1822), который, по существу, был дополненным и видоизмененным изданием указанного выше словаря.

В 1847 г. был издан четырехтомный «Словарь церковнославянско-го и русского языка», количество слов в котором увеличилось более чем вдвое (в первом словаре их было около 45 тыс., в третьем — около 115 тыс.). Кроме помет, употребляемых в первых двух словарях, широко используются новые, характеризующие стиль, а также указывающие на экспрессивно-стилистическую окраску — *простон.*, *риторич.*, *ласк.*, *ув. (ажительное)*, *ун. (ичижительное)* и др.

Есть пометы, свидетельствующие об ограничении использования слов *обл.*, *стар.* и др. Следовательно, сведения о стилистических свойствах слов пополнились.

Представляют интерес пометы четырехтомного «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. Наряду с указанием на: 1) место употребления слова (*ряз.*, *моск.*, *южн.* и т. д.); 2) профессионально-социальную сферу его использования (*физ.*, *анатом.*, *врачебн.*, *зодческ.*, *воен.*, *морск.*, *фибричн.* и др.); 3) происхождение слова, т. е. источник заимствования (*англ.*, *нем.*, *голл.*, *татарск.* и т. д.); 4) активность или пассивность его использования (*стар.*) и др., даны пометы собственно стилистические: *шуточн.*, *бран.*, *ритор.*, *песен.*, *сказ.*, *народн.* и т. д. К последним примыкает и помета, которая указывает на функциональную роль слова в определенном стиле — *церк.* Она обычно дается к книжным словам типа *анафема*, *благод.*, *велий* — *великий*, *длань* и т. д.

В словарях, изданных в советское время (см. § 6), стилистические пометы используются активно и последовательно. Они облегчают выбор нужного слова, указывая на его принадлежность к тому или иному стилю. Например, *книжн.* (газетн. публ., полит., офиц., канц., дипл., науч., спец., техн., поэт., нар.-поэт. и т. д.), *разг.*, *простореч.* и др., а также на экспрессивно-стилистическую окраску, например: *ритор.*, *эвфемистич.*; *иронич.*, *шутл.*; *увелич.*, *ласк.*, *уменьш.*; *уничтожит.*, *презрит.*, *пренебр.*; *фамил.*, *бран.*, *вульг.* и под.

Кроме толковых словарей сведения об экспрессивно-стилистической характеристике слова сообщаются в специальных словарях.

В советское время было издано несколько пособий подобного типа. Например, — «Правильность русской речи» (1-е изд. — 1962 г., 2-е изд. — 1965 г. под ред. С. И. Ожегова, составители Л. П. Крысин,

Л. И. Скворцов при участии Н. И. Тарабасовой). Пособие имеет нормативный характер. В нем содержится материал, посвященный выяснению наиболее трудных случаев словоупотребления и стилистической характеристики слов. Затем — «Краткий словарь трудностей русского языка для работников печати» (1968 г., составители В. П. Вакуров, Л. В. Рахманин, Л. И. Рахманова, И. В. Толстой, Н. И. Формановская), отразивший наиболее спорные и сложные случаи выбора слова. Основу материала для анализа и описания, а также для иллюстраций составляют извлечения из газет и журналов. В словаре используется много помет, в том числе и собственно стилистических. В конце книги дан словник всех объясняемых единиц.

В 1973 г. появился словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под ред. К. С. Горбачевича. Это первое академическое издание подобного типа. Назначение словаря, как отмечено в Предисловии, «состоит в квалификации тех явлений, которые принято относить к понятию “культура речи”, имея в виду правильность речи, т. е. соблюдение норм литературного языка». В словаре дана четкая оценка уместности — неуместности употребления приводимых слов, приведены варианты слов и форм в пределах современных норм литературного языка, использован обширный иллюстративный материал в виде цитат из художественных произведений, газет и журналов, из источников, отражающих разговорную речь; введены стилистические пометы — *разг.*, *простореч.* (указывают на стилевую принадлежность слов), *увелич.*, *уменьш.-ласк.* (характеризуют окраску слов) и др.

В 1974 г. была издана книга «Трудности русского языка. Словарь-справочник журналиста» под ред. Л. И. Рахмановой. В словаре приведено 656 словарных единиц, значение которых (одно или несколько) вызывают затруднение при использовании. Все нормативно-стилистические объяснения вопросов употребления слов сопровождаются примерами из русской классической и советской литературы, из современной периодики, а также радио- и телепередач; даются четкие рекомендации допустимости — недопустимости (т. е. ошибочности) использования слов.

В 1976 г. издан «Словарь трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, в котором объяснено около 30 000 слов. В статье «Состав словаря» особо выделен раздел «Стилистическая характеристика». Стилистический аспект прослеживается и в толковании значений, и в объяснениях трудностей употребления слов, и в подборе иллюстративных словосочетаний, и, наконец, в использовании самых разнообразных помет, указывающих на стиль употребления — *книжн.*, *высок.*, *ирон.*, *ласк.*, *нейтр.*, *презр.*, *пренебр.*, *шутл.*; ограниченность сферы употребления — *муз.*, *охот.*, *проф.*, *спец.*, *театр.*, *типогр.*, *филос.*, *церк.* и др.

Стилистические средства литературного языка нашли отражение в изданном в 1979 г. академическом «Словаре эпитетов русского лите-

ратурного языка» К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло. (Заметим, что до этого, полного, издания были напечатаны лишь два небольших словаря — один в 1913 г., составил А. Зеленецкий «Эпитеты литературной русской речи», другой «Краткий словарь эпитетов русского языка» в 1975 г., подготовил Н. В. Ведерников). Как отмечают авторы нового словаря, «удачный, свежий эпитет усиливает выразительность и образность нашей речи, обогащает содержание высказывания, подчеркивает индивидуальный признак определяемого предмета или явления» (с. 3). В словаре приведены толкования общеязыковых, народнопоэтических и редких индивидуально-авторских эпитетов, извлеченных из художественных произведений от Пушкина до наших дней, а также из современно-периодических изданий. Как правило, сначала дается толкование значения слова, а потом приводятся эпитеты. Если слово однозначно или его производные малоактуальны, то объяснения значения его нет. Эпитеты располагаются по семантическим рубрикам (парадигмам). Каждый эпитет иллюстрируется контекстными примерами. Широко используются стилистические характеристики-пометы — *разг.*, *просторечн.*, *нар.-поэтич.*; *шутл.*; *истор.*, *устар.* и др. Ценным пособием являются также словари языка писателей. К настоящему времени имеется один обстоятельный, полный академический «Словарь языка Пушкина», изданный в 4-х томах в 1956—1961 гг. В нем объяснено 21 290 слов. При этом следует учесть, что не были включены слова из ряда произведений, оставшихся в черновых набросках или имевших другие редакции, варианты. Не вошли в словарь имена собственные героев и упоминаемых реальных лиц, иностранные слова, которые Пушкин использовал в иноязычном написании и др.

Уже несколько лет ведется работа над составлением словаря языка М. Горького. Идет подготовка словарей Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, С. Есенина, В. Маяковского и др.

В разное время появлялись лексикографические описания отдельных произведений писателей. Так, в 1885 г. был издан словарь В. Н. Куницкого «Язык и слог комедии “Горе от ума”» (точнее, это словник, так как никаких объяснений в нем нет, кроме указания на те части комедии А. С. Грибоедова, где использовано приводимое слово).

С 1974 г. в ЛГУ начал выходить «Словарь автобиографической трилогии М. Горького» под редакцией Л. С. Ковтун (словарь был основан проф. Б. А. Лариным). Будет издано шесть выпусков и дано приложение в виде словаря собственных имен.

В 1981 г. издательство «Наука» выпустило «Лермонтовскую энциклопедию», где опубликованы «Словарь рифм М. Ю. Лермонтова» и «Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова» (под ред. В. Бородина и Я. Шайкевича). Это первое издание подобного типа, и оно представляет несомненный интерес для всех изучающих произведения великого русского поэта.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 122. Пользуясь словарями, определите стилевую принадлежность и экспрессивно-стилистическую характеристику выделенных слов и укажите их роль.

1. Газеты собирает со всех она сторон. Все *сведает*, узнает: Кто умер, кто влюблен (*П.*). 2. *Багряное* солнце, *пролизав* листву сада, светило в окна *снопами острых* красных лучей (*М. Г.*). 3. Слово «заря» *сродни* той устоявшейся тишине ночи, когда над зарослями деревенского сада *занимается* чистая и слабая синева. «*Развидняет*», как говорят об этой поре суток в народе (*Пауст.*) 4. Уже *развиднело*. За слабой серой дымкой на востоке все ярче розовело и уже чуть *золотилось* (*Фад.*). 5. ...Особенно хорошо это видно с маленького самолета У-2, который прилетает с луга *опылять* от *комарья мочажин* и *болотца* (*Пауст.*). 6. Егор за *пару* дней в трех кабинетах *попы*вал — у трех секретатей (*Ал. Недогонов*). 7. «— Я не имел *возможности посетить* все общежития...» — «Посетить? Посещать вообще не требуется. Мы с вами не дипломаты! А вот знать истину о жизни рабочих *наикрупнейшего* завода — это от нас, от партийных руководителей, как раз требуется» (*Г. Ник.*). 8. Предупреди меня *за*годя — я на сутки свои силы *рассчитаю*. А обычно работаю так, чтобы за восемь часов *выложиться* (*В. Попов.*). 9. ...— *Времянку* приспособим. У нас физкультурников *вагон*, музыкантов, художников... (*Г. Емельянов*). 10. Тихо по двору *похаживал* Да *постукивал* топориком. Избу ветхую *облаживал*, Огород обнес забориком (*Н.*). 11. Полотенцев предупредил Мешкова, что за ложные показания свидетели несут уголовную ответственность, если будут *изобличены* в умышленном *сокрытии* или же в клевете (*Фед.*). 12. В минуту *создаются* *состояния*, в минуту *богач* становится нищим (*А. Н. Т.*). 13. Со всеми счастья минутами, *Которым забвенья* нет. Со всеми ее салютами *Былых* и *грядущих* лет (*Твард.*). 14. Они в самом подлинном смысле слова боролись с *гордыней тиранов* (или тех, кто вольно или невольно устремлялся к *тирании*) путем своей трагедии... (*А. Лунач.*) 15. Не *хула* звучала в его отзыве, а самая высокая *хвала* (*К. Чук.*). 16. — А старик *захворал* прошлый раз, так Вашенко за него четверо суток *отбарабанил*, даже домой не съездил за все время (*М. Г.*). 17. В одном из залов... находилось собрание *редчайших* рукописей, *манускриптов*, писанных рукой *искуснейших каллиграфов* древности (*Л. Ник.*).

Упражнение 123. Сопоставьте значение и стилевую принадлежность выделенных слов в приводимых попарно примерах.

1. *Постепенно*, час за часом редел вокзал (*Фед.*). — Тянулись образы и думы, *потихоньку* тускнея и смешиваясь (*Сераф.*). 2. При училище была небольшая больничка, но инспектор *почему-то* не отправил меня туда... — [Акулина Ивановна:] Холодно у нас *чего-то*. Топили, а холодно (*М. Г.*). 3. По *мшистым* топким берегам *Чернели* избы здесь и там, приют убогого чухонца... (*П.*) — Морозно. Равнины белеют под снегом, *чернеется* лес впереди (*Н.*). 4. Легкая, *быстроходная*, мало загруженная байдарка могла развить скорость

до десяти километров в час (*Обручев*). — Мало у отца твоего лодок? — *Ходких нет*, — ответил Данилов (*Гарин-Михайловский*). 5. Вдруг из середины зала раздался чей-то странный *выклик* и слышались слабые *хлопки*. — До слуха его долетели раскаты восторженных *рукоплесканий*, хвалебных *возгласов* и кликов (*Т.*). 6. Мины ложатся вокруг сарая, *внутри* не попадают. — Новый плащ с капюшоном, с карманами *вовнутрь* был не прежнего серого цвета, а ярко-коричневый (*Баб.*). 7. Мы с маяком — он существовал *всегда*, он каменный, вечный (*С.-Ценск.*). — В отделение, родимый, мы *завсегда* с тобой успеем (*Пауст.*). 8. Меня и рулевого сменили с вахты, я залез под брезент и уснул, но *вскоре* — так показалось мне — меня разбудил топот ног и крики (*М. Г.*). — Провожая Алехнавичюса, Андрей задержал его у двери. — А строительного леса вам *вскорости* понадобится еще кубометров пятьсот. — Ну, да об этом мы потолкуем после (*К. Воробьев*).

Упражнение 124. Сопоставьте первые редакции рассказов А. П. Чехова (слева) с последними (справа). Укажите, в чем заключаются внесенные изменения и чем они обусловлены. При сопоставлении текста помните о высказываниях А. П. Чехова о том, что «язык должен быть прост и изящен. Лакеи должны говорить просто, *без пущай* и *без теперича*» (из письма к Ал. Чехову 8 мая 1889 г.).

Толстый и тонкий

— Батюшки! — разинул рот
тонкий. — Миша!

— Батюшки, — изумился тонкий. — Миша!

Господа обыватели

[Часовой внизу:] — Егор на пожарных лошадях повез за реку надзирателю своюченицу. Микитка, сволочь, выпимши.

— Егор на пожарных лошадях повез за реку надзирателю своюченицу. Никита выпивши.

В номерах

— ...Проснется утром и давай ходить по коридору в одном, извините, нижнем. А то возьмет револьвер в пьяном виде и давая садить пули в стену...

— Проснется утром и давай ходить по коридору в одном, извините, нижнем. А то возьмет револьвер в пьяном виде и давая садить пули в стену...

Сапоги

— А кто же его знает! Приходит сюда кажинный вторник, а где живет — нам неизвестно... Переменить сапоги нам недолго. Наденьте эти сапоги, походите в них до вечера, а вечером в киятр...

— А кто ж его знает! Приходит сюда каждый вторник, а где живет — нам неизвестно. Переменить сапоги недолго. Наденьте эти сапоги, походите в них до вечера, а вечером в театр...

Ахтера Блистанова там спросите... Ежели в киятр не хотите, то придется до вторника ждать...

Актера Блистанова там спросите. Ежели в театр не хотите, то придется до вторника ждать...

Роман с контрабасом

— Вы не поверите! На контрабасе... на обыкновенном контрабасе он выводил такие чертовские трели, что просто ужас! Штраусовские вальсы играл!

— Полноте, это невозможно... — усумнился граф.

— Уверяю Вас! Даже листовскую рапсодию отжаривал!...

— ...Вы не поверите! На контрабасе... на обыкновенном контрабасе он выводил такие чертовские трели, что просто ужас! Штраусовские вальсы играл.

— Полноте, это невозможно... — усумнился граф.

— Уверяю Вас! Даже листовскую рапсодию исполнял!

Оратор

— ...И никто вас, сударь, не просил распространяться про мое лицо. Некрасив, безобразен, так тому и быть, но зачем всенародно мою рожу на вид выставлять? Обидно-с!

Упражнение 125. Сопоставьте отрывки, приводимые из опубликованных переводных рассказов (слева) и предлагаемые Н. Галь варианты их правки (справа) [28]. Объясните, чем вызвана необходимость внесения исправлений. (Слова и обороты выделены Н. Галь. В круглых скобках на правой части листа указаны предлагаемые ею варианты, в квадратных — пояснения автора учебника).

Все это *послужило причиной* ужасной неприятности.

Несмотря на полное отсутствие физического сходства, она чем-то напоминала [другую].

Планировка города была мне известна [мальчишке, герою-рассказчику о событиях XVI века, 14 лет].

Воспоминание было нежелательно.

Мысль ... *произвела на меня* слишком ошеломляющее впечатление.

— ...И никто вас, сударь, не просил распространяться про мое лицо. Некрасив, безобразен, так тому и быть, но зачем всенародно мою физиономию на вид выставлять? Обидно-с!

Из-за этого *вышла* (получилась) большая неприятность.

Внешне (с виду) она была совсем не похожа на... [ту, другую]. И все же чем-то напоминала ее.

Расположение улиц было мне известно (знакомо) (Или: Я знал расположение улиц).

Я *не хотел вспоминать* (или просто — не хотелось вспоминать).

Мысль слишком меня *ошеломила*.

Это не может не явиться плодотворным поводом для размышлений.

Теперь все сомнения относительно враждебных целей визита исчезли.

Я слыл человеком щедрым и действительно был таковым.

По мере приближения момента встречи с нею...

Даже к собственной дочери он испытывал недоверие.

В глазах (у пса!) было выражение такой беззащитной доверчивости.

В этой сфере (герой) хочет быть единственным, и он им остается.

Упражнение 126. Мотивируйте уместность (или неуместность) использования выделенных слов и оборотов официально-деловой речи в приводимых примерах, подобранных из переводных произведений [28]. В случае необходимости предложите вариант исправления текста.

1. [Из рассказа охотника о драматических событиях, разыгравшихся во время охоты на тигра:] ...Мы остановились, чтобы выяснить названия мест, где были совершены нападения... на людей, и их точные даты.

2. [Из рассказа о поведении капитана во время аварии на корабле, когда пассажиры и команда находились на краю гибели:]

...Под влиянием длительного непрекращающегося напряжения он словно утратил способность к критическому суждению.

3. [О состоянии героя романа:] В течение бесконечно долгих недель [его] мучили мысли, порожденные состоянием разлуки.

4. [О нем же:] Он находился в состоянии полного упадка сил.

5. [О поэте:] Поистине счастливым поэт может считать себя, когда он чувствует свою необходимость людям.

6. [Из перевода произведения писателя-классика:] Я попытался привести себя в бодрствующее состояние.

7. [Там же:] Нет возможности составить догадку о нашем местоположении.

8. [Из современного научно-фантастического романа:] Это не способствовало искоренению недуга.

Тут есть о чем задуматься.

Теперь уже не оставалось сомнений (стало ясно), что приплыли они как враги (с недобрыми намерениями).

Я слыл человеком щедрым и действительно так оно и было.

(а) и это была правда, б) и в самом деле скуп не был).

Чем меньше времени оставалось до встречи с нею...

Даже собственной дочери он не доверял.

[Пес] смотрел так беспомощно, так доверчиво.

~ и ему это удастся (либо — и он добывается своего).

9. [Там же:] Мы *воздержались от заявления* о дне старта.

10. [Из размышлений влюбленного юноши XVIII века после раз-
молвки с девушкой:] Мы *совершили ошибку*, и вот ее *неизбежный ре-
зультат*.

Упражнение 127. Укажите, слова и обороты каких стилей использованы К. Ваншен-
киным в стихотворении «Современница».

На лавочке ждала, купив билет,
Ей были чужды рестораны с пальмами.
И вообще в течение долгих лет
Вагонами не пользовалась спальными.
Не громоздила горы барахла,
На малой полке умещала платица.
Достоинство и гордость берегла.
Случалось плакать, не случалось плакаться.
Работала не покладая рук,
А отдыхала — разве что урывками,
Но с этим миром, плещущим вокруг,
Обменивалась все-таки улыбками.

Упражнение 128. Ознакомьтесь с отрывками из статей А. И. Куприна «О Пушкине»
(1912) и М. Горького «Из воспоминаний о И. П. Павлове» (1936). Выпишите из них слова
книжных стилей (функциональных и литературно-художественных) и разговорные, объяс-
няя значение каждого из слов, а также прием употребления в тексте.

И. ...Пушкин был, есть и будет единственным писателем, который
мог своим божественным вдохновением проникнуть в гигантскую
душу Петра и понять, почувствовать ее сверхъестественные размеры.

...Чаше всех других мыслей возвращался Пушкин к мыслям о Пете-
ре. Он следует за ним и на корабельные верфи, на самую грот-мачту,
и на ассамблею, и в шатер, разбитый на Полтавском поле, и к токар-
ному станку, и на его пирушки, и в сенат, и в Академию, и на берега
Прибалтики. И всюду орлиный взор Пушкина улавливает те краткие,
быстрые, как молния, черты, из которых создается истинная харак-
теристика Северного Великана.

Странно думать о том, как на расстоянии века идут параллельно
судьбы обоих великих людей. Петр застаёт Русь уже сбросившей
татарское иго, уже переболевшей. Смутное время, но дикой, лохма-
той, грязной, неграмотной — и почти беспомощной, отставшей от
Европы на пять веков. Он один несет на своих плечах все тяжкое
бремя российское. Он лично, не брезгуя сословиями, подбирает себе
помощников, правда, талантливых, — все лучшее, что он мог
найти, — но никто из его питомцев не достигал ему в духовном росте
выше щиколотки.

Пушкин застал русскую литературу в младенческом и корявом
виде: пышные, выдуманные лжеславянские речения, подражания
французской лжедраматике и рыцарским романам, карамзинская
«Бедная Лиза» почитается за дерзкое коварство, дурацкие оды на
рождение сына у вельможи, беззубые эпиграммы в пятьдесят строк
александрийского стиха, побитый палкой Тредьяковский и остатки
силлабического стихосложения... Пушкин один наново вспахивает

и обсеменяет ниву изящного слова. Один, без помощников. Все будущие плоды вырастут из его трудов.

Оба они не перестают учиться...

И во всю свою жизнь они работают неустанно, работают не как наемники, а как ревностные, лютые на работу хозяева... Они работают и во время своего творческого труда, и в минуты отдыха, в течение короткого сна. Привычная мысль никогда не оставляет их в покое.

...Оба умерли мучительной смертью, но не теряя сознания.

Петр был несчастливее, у него не было наследника...

Пушкин оставил в наследство всю русскую литературу...

II. ...И. П. Павлов был — и остается — одним из тех редчайших, мощно и тонко выработанных органов, непрерывной функцией которых является изучение загадок органической жизни. Он изумительно целостное существо, созданное природой как бы для познания самой себя. Высшая для человека форма самопознания является именно как познание природы посредством эксперимента в лаборатории, в клинике и борьба за власть над силами природы посредством социального эксперимента.

Свободное и успешное развитие этой работы, которая должна быть целью жизни каждого разумного человека, требует полного равенства в праве на знание, — равенства, невозможного в обществе классовом, при наличии уже обесмысленной власти капитала, ныне создающей такие рецидивы средневековой дикости и зверства, каков, например, современный фашизм, — кровавый и гнусный конец царства буржуазии.

И. П. Павлов умер, но энергия его, воплощенная в работу, долго будет жить.

Упражнение 129. Ознакомьтесь с приводимыми ниже предложениями и объясните, верно (или ошибочно) употреблены в них лексические средства. В случае необходимости предложите вариант правки.

1. — Необходимо в грядущей пятилетке претворить в жизнь все наши наметки по выпуску продукции в нашем цехе, — сказал один из выступавших на собрании. 2. Посланцы конструкторского бюро оставились в общежитии института. 3. Решение районной комсомольской конференции было подготовлено с заглядом вперед (газ.). 4. С виду стих может показаться старомодным, каноническим, тем, что у нас принято называть вездесущим словом: «традиционный» (газ.). 5. Возведен и сейчас оборудуется новый свинарник-маточник (газ.). 6. В небольшой лодчонке воин упорно продвигался к цели (газ.). 7. Делать теплообменники из материала с ничтожной теплопроводностью вроде бы так же бессмысленно, как применять для электропроводки диэлектрики (журн.). 8. Тишина владычествует в цехе после того, как закончится рабочий день. 9. Каким-то невероятным, сверхчеловеческим усилием Майоров успевает достичь канатца и увести шайбу (газ.). 10. А вот задумка, рассчитанная на более отдаленное будущее, и нуждается еще в градостроительном и экономическом обосновании (журн.).

Упражнение 130. Найдите в приводимых ниже отрывках: из статьи В. Розова «Юному другу» (I) и из книги В. Шукшина «Вопросы самому себе» (II) — функционально-стилевые и эмоционально-стилистические средства, помогающие авторам раскрыть тему и активно воздействовать на читателя.

I

...Казалось бы, именно он [дом] во всех отношениях должен быть тем местом, где человек может чувствовать себя вполне свободно. В действительности же не всегда так. Многие дома становятся не местом для людей, а складом для вещей. Двадцать лет назад я написал пьесу «В поисках радости», где молодой человек со свойственным подростку порывом рубит мебель, вытеснившую людей. Тогда явление «вещизма» только обозначалось. Сейчас бы написал на эту тему другую пьесу, более кричащую, и назвал бы ее более эмоционально.

Свое отрочество и юность я провел в нашей бедной квартире и в равной степени в богатом по тем временам доме своего друга Кирилла Воскресенского. В богатом доме было много красивых вещей. Сверкала чистота. Нежно обволакивал уют. И тут родители моего друга — преподаватель русского языка Евгений Александрович Воскресенский и его жена Анна Киприановна — почти ежедневно принимали нас — ораву костромских парней и девчат, друзей их дочери и сына. Чего мы только в этом тургеневском домике не вытворили! Обеденный стол раздвигался и превращался в стол для пинг-понга, половики на полу сбивались в груды. А ведь рядом роскошное трюмо, безделушки, а мы с треском лупим мяч, летящий по всей комнате. Крики, возня!

Наши родители понимали, что дети в определенном возрасте могут делать некоторые скачки в сторону и даже совершать необъяснимые выходы. Это тоже свойство возраста, и нормально развивающийся подросток, юноша может делать скачки в сторону. И, может быть, лишив его этой возможности насильственным путем, мы лишаем его нормального развития.

...Часть предметов в квартире Воскресенских по нашей вине, увы, понесла урон. Но мы все благодаря этому дому были спасены от другого места, другой компании.

К сожалению, не все современные родители допускают в свой дом друзей собственных детей. Дома перестают быть гостеприимными. Мы за день так устаем, дайте хоть тут покой, только уберешься в комнатах, а они... Ну-ка, выкатывайтесь, — мне заниматься надо. И вот молодежь ищет другое место.

Где же оно, другое место? Назову: подъезд, подворотня, двор, задворки, а то и какая-то гостеприимная хатка. Вытурив туда своих детей, родители сладко отдыхают. Но вскоре начинаются стенания. Что с моим мальчиком?! Беда с моей девочкой! Запоздало пытаются образумить своих детей, а давно известно, что перевоспитание гораздо труднее воспитания.

Дом — это первое место, где дети должны себя чувствовать как дома. В первую очередь не квартиру, не хрусталь, не телевизор, дачу, машину, сберкнижку надо оставить в наследство, а нечто иное, то,

о чем гласит древняя мудрость: лучшее наследство, которое мы можем оставить своим детям, — хорошее воспитание. И никакая ученая степень, общественно полезная деятельность матери не идут вровень с ее прямой обязанностью — воспитание детей.

II. «Проблемы языка»

Ответы на анкету журнала «Вопросы литературы»

Возникает ли языковой строй Ваших произведений в какой-то мере произвольно, «сам собой», в процессе выполнения общей художественной задачи, — или проблема языка произведения всякий раз встает перед Вами как относительно самостоятельная проблема? Какое место она занимает в кругу других профессиональных вопросов? Менялось ли у Вас отношение к этой проблеме на протяжении Вашего творческого пути или оставалось в основном неизменным?

Получив вопрос, я сам вдруг задумался. А что, действительно: возникает или не возникает «проблема языка»? Вообще-то возникает. В той степени, в какой по-разному говорят и ведут себя умный и дурак, человек степенный и трепач (опять же какой трепач), слабохарактерный и властный и т. д. Как они говорят, это куда ни шло: можно подслушать, записать, запомнить. Но они ведь и думают по-разному. А я в связи с этим не могу относиться к ним одинаково. Рука не подымается написать про мелкого, бессовестного человека, что он «шагал крупно и крепко». Доброму человеку хочется найти хорошее слово: или он сам скажет в разговоре как-нибудь складно, метко, или я опишу, как он поздоровался с кем-нибудь — просто, с достоинством. Мне хочется сказать, что он — хороший человек, плохими словами этого не сделаешь. И написать просто, что вот этот человек — хороший человек — этому не верят. И правильно делают.

Не уверен, что отвечаю на вопрос. Во всяком случае, для меня «проблема языка» возникает именно потому, что — люди очень разные.

ГРУППЫ СЛОВ, ОБЪЕДИНЯЕМЫЕ АКТИВНЫМ ИЛИ ПАССИВНЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ В РЕЧИ

§ 54. Понятие об активном и пассивном составе лексики

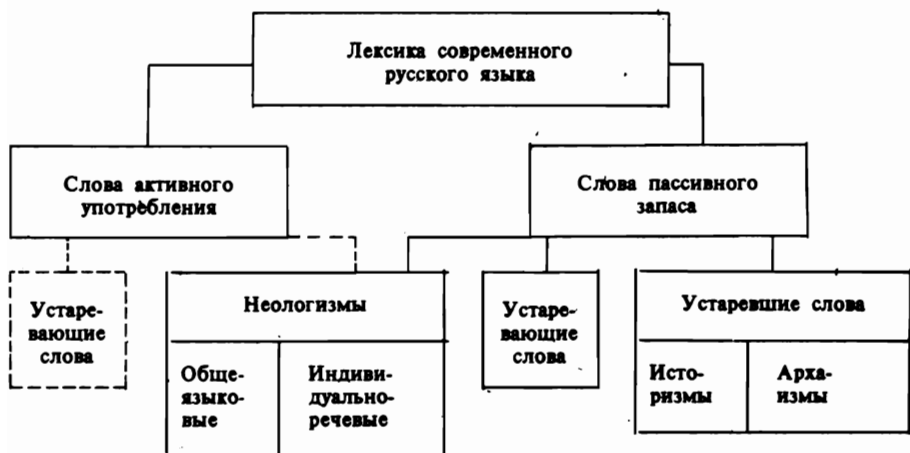
Словарный состав — наиболее подвижный уровень языка, изменения и пополнения которого особенно заметны. Они непосредственно связаны с производственной деятельностью человека, с экономическим, социальным, политическим и культурным развитием жизни народа.

В лексике отражаются все процессы исторического развития общества. Одни предметы, реалии быта, понятия, качества, явления существуют издавна, и слова, их называющие, активно используются носителями языка; другие отмирают — с ними уходят их наименования; третьи появляются вновь, для их наименования создаются новые слова или переосмысливаются старые. Следовательно, в нашем словаре условно можно выделить две большие группы: слова активного

употребления и слова, редко употребляемые, существующие как бы в пассивном словаре.

В активный состав лексики входят те повседневно используемые слова, значение которых понятно всем говорящим на русском языке, и которые не имеют четкой устарелости или новизны (хотя последнее уточнение является относительным). К пассивному запasu относятся такие, которые либо являются устаревающими и устаревшими, либо в силу своей новизны еще не стали достаточно известными, и не всегда понятны носителям языка. Следовательно, слова пассивного словаря, в свою очередь, образуют три основные группы: устаревающие, устаревшие и новые.

Схематично (и условно) это можно изобразить так:

§ 55. Устаревающие и устаревшие слова, их типы

Устаревающими называются такие слова, которые переходят в пассивный запас лексики в силу редкого их использования в языке. «Помета *устаревающее* по отношению к формам и особенностям произношения означает, что в прошлом они были употребительны, а теперь встречаются реже, чем другие соотносительные с ними варианты. Устаревающими являются, например, форма мн. числа от тополь — тополи, от директор — директоры, употребление слова *контральто* в мужском роде (*красивый контральто*) ...» (см. указ. в § 53 словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под ред. К. С. Горбачевича, с. 9).

Примечание. Разные группы устаревающей лексики — этнографической (*прялка, пряжа, полати, лопоть, онучи, соха* и т. п.) и церковно-религиозной (*молебн, заутреня, панихида, святцы* и др.) выделяет З. Ф. Белинская. (См.: Устаревшая лексика современного русского языка (историзмы). АКД. — Л., 1978, с. 17 и далее).

Устаревшими называются слова, которые вышли из активного употребления и в современном языке, как правило, не встречаются.

К ним относятся, во-первых, такие, которые устарели вместе с понятиями, например наименования прежних административно-выборных собраний, органов и т. д., а также их членов: *община, общинник; вече, вечник; земство, земский; дума, гласный* (член городской думы), *дѹмец* (член Государственной думы) и др. Вышли из активного словаря такие названия, как *царь, государь, монарх, монарший*. Слова указанной группы называются историзмами, если они используются в современных текстах с определенными стилистическими целями (воссоздание эпохи, характеристика героев и др.). Многие из них понятны носителям языка, но почти не используются.

Если понятие о предмете, явлении, действии, качестве и т. д. сохраняется, а названия, закрепленные за ним, заменяются в процессе развития языка другими, то старые номинации также переходят в разряд пассивной лексики. В сопоставлении с современными наименованиями тех же предметов они образуют группы так называемых архаизмов (греч. *archaios* — древний). Например: *понеже* — поэтому, *вежды* — веки, *гость* — торговец, купец (по преимуществу — иноземный), *гостьба* — торговля и др. Некоторые из слов подобного типа практически стоят уже за пределами даже пассивно существующих лексических запасов современного литературного языка. Например: *тать* — вор, разбойник; *стрый* — дядя по отцу; *стрыня* — жена дяди; *у́й* — дядя по матери; *стремь* — вниз, *строп* — 1) кровля и 2) небесный свод; *вѣжа* — 1) шатер, кибитка, 2) башня; *тук* — жир, сало и т. д. Нередко и те и другие типы архаизмов сохраняются в современном языке в составе фразеологизмов: *попасть впросак*, где *просак* — прядильный веревочный станок; *ни зги не видно*, где *зга* (*стыга*) — дорога, дорожка; *бить челом*, где *чело* — лоб; *с жиру беситься*, где *жир* — богатство; *денно и ночью*; *беречь как зеницу ока*, где *зеница* — зрачок и т. д.

Процесс перехода слов из группы активного в группу пассивного употребления длительный, постепенный. Он обусловлен и внеязыковыми причинами (например, социальными) и собственно языковыми, из которых существенную роль играют системные связи устаревающих и устаревших слов — тематические, связь разных его значений, синонимичные и антонимичные связи и т. д. Чем обширнее и разнообразнее эти отношения, тем медленнее переходит слово в пассивную часть лексики и дольше сохраняется частотность его использования. (Этим обусловлено отнесение устаревающих слов к активной и пассивной лексике одновременно, см. схему.)

К этой группе относятся слова не только давно вышедшие из употребления, но возникшие и устаревшие сравнительно недавно: *комбед* (комитет бедноты), *рабкрин* (рабоче-крестьянская инспекция) и др. Устаревшими могут быть слова исконные (такие, как *шелом, хоробрый, оболото* и др.) и заимствованные (например, старославянизмы *вежды* — веки, *алкати* — голодать, поститься, *риза* — вид церковной одежды, *длань* — ладонь и т. д.).

В зависимости от того, устаревает ли слово полностью, сохраняются ли отдельные его элементы, меняется ли его фонетическое оформление, выделяют несколько типов архаизмов: собственно лексические, лексико-семантические, лексико-фонетические и лексико-словообразовательные.

К собственно лексическим относят слова, которые устарели целиком и перешли в пассивный слой, например: *кóмонь* — конь, *глумно́* — возможно, или вышли за его пределы, *зане́* — так как, потому что и т. д. Лексико-семантическими архаизмами называют многозначные слова, у которых устарело одно или несколько значений. Например, у слова *гость* устаревшим является значение «иноземный торговец, купец», а остальные сохранились, хотя и несколько переосмыслены, см.: *гость* — 1) человек, пришедший навестить кого-либо; 2) чужеземец (в современном языке — постороннее лицо, приглашенное или допущенное на какое-либо собрание, заседание). К подобным архаизмам относится и слово *позор* — в значении «зрелище»; *человечество* — в значении «человечность, гуманность» (см. у А. С. Пушкина: *Друг человечества печально замечает Везде невежества губительный позор*); *врать* — рассказывать и др.

К лексико-фонетическим архаизмам относятся слова, у которых в процессе исторического развития языка видоизменилась звуковая форма (при сохранении содержания) ср.: *аглицкий* — английский, *бахча* — бахча, *бусульманский* — мусульманский, *вробий* (и *воробий*) — воробей, *воксал* — вокзал, *воспа* — оспа, *кроп* — укроп, *прошпект* — проспект, *свейский* — шведский и т. д.

К лексико-словообразовательным архаизмам относятся слова, у которых устарели отдельные словообразовательные элементы, ср.: *безлюдство* — безлюдие, *белость* — белизна, *беспомощство* (и *беспомочство*) — беспомощность, *близкость* — близость, *ветшаный* (и *ветчаный*) — ветхий, *вскольки* — поскольку, *высость* — высота, *глубость* — глубина, *гнильство* — гнилость, *слабство* — слабость, *рукомесло* — ремесло и т. д.

Небезинтересны данные о лексикографическом отражении устаревших слов. Так, З. Ф. Белянская на примере «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (исследовано 9-е издание) показывает, что слова этого типа составляют около 8%, а это позволяет считать их действительно вышедшими из активного употребления.

§ 56. Новые слова и их типы

Новыми словами называются такие, которые появляются для обозначения новых понятий, например: *гидропоника*, *кибернетика*, *летилан* (антимикробное волокно), *курчатовий* (хим. элемент), *интерферон* (лекарство), *океанавт* и *океанолог*, *лэповец* (от ЛЭП — линия электропередачи), *эвэзмовец* (от ЭВМ — электронно-вычислительная машина) и др. Особенно активно пополняются новыми словами современные научно-технические терминологические системы (см. § 45). Подобные слова образуют группу так называемых собственно лексических неологизмов (греч. *neos* новый +

+ *logos* — понятие), выделяемых на фоне устойчивых, общеизвестных, активно используемых лексических запасов литературного языка.

Одним из способов пополнения состава собственно лексических неологизмов является возникновение новых наименований для тех понятий, которые уже имели в языке название. В данном случае происходит вытеснение одних слов за счет активизации других, синонимичных первым, а затем переход их в пассивные слои лексики, т.е. архаизация. Такой путь прошли в свое время слова *различие* вместо *разнота* и *разность* (ср. у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине»: *Сперва взаимной разнотой Они друг другу были скучны...*, а также: *Всегда я рад заметить разность Между Онегиным и мной*); *бедствие* вместо *бедство*; *пароход* вместо *пироскаф*, *стимбот* и *паровой корабль*; *паровоз* вместо *пароход* (см.: в стихотворении поэта XIX в. Кукольника: *Быстро мчится в чистом поле пароход*); *вертолет* вместо *геликоптер* и *автожир* и др.

✓ К лексическим неологизмам относятся также слова, образованные по определенным нормативным моделям от слов, давно существующих в языке. Например: *актив* — *активист*, *активистка*, *активистский*, *активизм*, *активизация*; *атом* — *атомоход*, *атомщик*, *атомник*; *космос* — *космонавт*, *космодром*, *космовидение*, *космопроходец*, *космошлем*; *луна* — *лунник*, *луноход*, *прилуниться*, *лунодром*, *лунит*; *ракета* — *ракетчик*, — *ракетоносец*, *ракетоноситель*, *ракетодром* и др.

Особую группу неологизмов составляют лексические единицы, давно известные в языке, у которых развилось новое значение. Ср.: например: *бригадир* — 1) военный чин в царской армии и 2) руководитель коллектива людей на предприятии, заводе; *знатный* — 1) принадлежавший к верхушке привилегированного класса и 2) известный, знаменитый (*знатный шахтер*, *знатная доярка*); *династия* — 1) ряд последовательно правивших монархов из одного и того же рода и 2) представители разных поколений из одной семьи, имеющих одну и ту же профессию (*рабочая династия*) и т. д. Слова, которые возникли в результате переосмысления существующих в языке названий, относятся к лексико-семантическим неологизмам.

Появляясь вместе с новым понятием, или с новой реальией, неологизм не сразу входит в активный состав словаря, и как только становится общеупотребительным, общепонятным, перестает быть неологизмом. Такой путь прошли, например, слова и словосочетания *высотник*, *звеньевая*, *комсомолец*, *колхозник*, *целинник*, *ударник*; *воскресник*, *субботник*; *советский*, *социалистическое соревнование* и др. Многие слова, еще в XIX в. воспринимавшиеся как новые (*гражданство*, *гуманность*, *вольность*, *действительность*, *идея*, *непосредственность*, *равенство*, *свобода* и подоб.), в современном русском языке являются достоянием активного запаса лексики. В то же время немало новых слов, появившихся совсем недавно, успели перейти в пассивные запасы словаря (*краском* — красный командир; *нэпман*, *продналог*, *уком* — уездный комитет и т. д.). Следовательно,

как и устаревающие слова, неологизм — понятие относительное, зависящее от активности развития жизни общества и его языка. Каждый исторический период вносит изменения в состав новых слов.

В современном русском языке наряду с неологизмами, являющимися общеязыковыми (или узуальными), выделяются новые слова, созданные писателями, публицистами, общественными деятелями с определенной стилистической целью. Неологизмы подобного типа называются индивидуальными, или контекстуально-речевыми (т. е. окказиональными). Одни из них вошли в словарь литературного языка, например неологизмы М. В. Ломоносова — *маятник*, *насос*, *притяжение*, *созвездие*, *рудник*, *чертеж* и др.; Н. М. Карамзина — *влюбленность*, *промышленность*, *рассеянность*, *трогательный*; Ф. М. Достоевского — *штушеваться* и т. д. Другие остаются в числе окказиональных образований, играющих изобразительно-выразительную роль прежде всего в условиях авторского контекста. Ср., например, неологизмы В. Маяковского *евпаторьяне*, *молоткастый*, *серпастый*, *чемберленье* и многие другие. Большую часть неологизмов В. Маяковский создавал по образцу нормативных словообразовательных моделей, и эти ассоциативные связи с общеязыковыми словами усиливали образность индивидуально-речевых лексических элементов (ср.: *киевляне* — *евпаторьяне*, *глазастый* — *молоткастый*, *серпастый*; *волчье* — *чемберленье* и т. д.). По этому же пути идут и многие современные писатели, публицисты, поэты, создавая индивидуально-речевые неологизмы. См., например, у К. Федина *звездились глаза* (ср.: светились), Ю. Нагибина *помокрела щека* (ср.: покраснела), В. Астафьева *летучие мыши начали выкруживать* (ср.: вылетать), Е. Евтушенко *хуторщина*; *грузинка*, *дразнилка*, *настыринка*, *несгубинка*; *безнероние* (Нерон — римский император); *зачерёмленный* (ср.: групповщина, грустинка, безвластие, зачарованный и др.).

Речевые неологизмы, в которых не нашли отражения существующие словообразовательные нормы, бывают выразительны очень редко, даже в условиях индивидуального контекста. Таковы, например, *безбочь*, *собство*, *спаха* А. Белого; *речар*, *кричак*, *любовица* В. Хлебникова; *пьюха*, *мохнуций* Е. Евтушенко и др. Следовательно, и окказиональное авторское словотворчество должно быть достаточно мотивировано общеязыковой системой.

§ 57. Функции устаревших слов и неологизмов

Роль архаизирующей лексики разнообразна.

Во-первых, историзмы и архаизмы выполняют собственно номинативную функцию в научно-исторических работах. Характеризуя ту или иную эпоху, необходимо основные ее понятия, предметы, детали быта называть соответствующими данному времени словами. См., например, использование историзмов (с объяснением их значения) в трудах Д. С. Лихачева «Слово о полку Игореве» (1955), «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого» (1962) и др.

В художественно-исторической прозе устаревающая и уже уста-

ревшая лексика выполняет номинативно-стилистические функции. Способствуя воссозданию колорита эпохи, она в то же время служит стилистическим средством ее художественной характеристики. С этой целью используют историзмы и архаизмы А. С. Пушкин в драме «Борис Годунов», А. Н. Толстой в романе «Петр I», А. П. Чапыгин в романе «Разин Степан», В. Я. Шишков в романе «Емельян Пугачев», В. И. Костылев в «Иване Грозном», Л. Никулин в романе «Росси верные сыны» и др. Например, у В. Я. Шишкова находим историзмы *целовальник* — торговец вином в питейных заведениях; *вельможа* — знатный, родовитый и богатый сановник; *челядь* — до отмены крепостного права дворовые слуги; *урядник* — унтер-офицер в казачьих войсках; *кольчуга* — безрукавка из мелких стальных планок, скрепленных кольцами; *кивер* — твердый головной убор, использовавшийся в некоторых воинских частях; *секира* — вид холодного оружия; и архаизмы: *всұл* — вслух, *сряда* — одежда, *опричь* — кроме, *персты* — пальцы, *рацеи* — длинные назидательные наставления, *облыжно* — с обманом и др. Используются собственно лексические устаревшие наименования людей по занимаемому положению, роду занятий и в романе А. Н. Толстого. Кроме упомянутых выше, находим такие, например: *постельничий* — боярин, смотревший за царской спальней; *ясельничий* — смотритель конюшен и лошадей у царя или именитых бояр; *думный дяк*, *воевода*; *запленных дел мастер*, или *пытчик*, *пытошник* — истязатель; *рында* — телохранитель, оруженосец и др.

Временной характеристике способствуют лексико-семантические и лексико-словообразовательные архаизмы. См. у А. Н. Толстого: *С утра, не пивши, не евши, прели в шубах Нарышкины с товарищи и Милославские с товарищи*. Или: *В столовой палате Василий Васильевич словно с досадой, нехотя перекрестился, сел за стол против венецийского зеркала* (т. е. венецианского); ср. также: *являл* (показывал) *отрубленный палец «сторонним»* (посторонним) *людям и стрельцам*» и др.

Устаревшие слова (особенно архаизмы) выполняют и собственно стилистические функции. Так, они нередко являются средством создания особой торжественности, возвышенности текста. См., например, у А. С. Пушкина:

Идут — их силе нет *препоны*,
Все рушат, все свергают в прах...
...Звучат *кольчуги* и мечи!
Страшись, о *рать иноплемennых!*
России двинулись *сыны*;
Восстал и стар и млад: летят на *дерзновенных*.
Сердца их мщеньем *возжены*...

Они используются также как изобразительно-выразительное средство, особенно в сочетании с новыми словами. См. у Е. Евтушенко:

... И стоят *элеваторы*
холодны и пусты.
Над землею *подытые*,
словно *божьи персты*.

Архаизирующая лексика может служить средством создания юмора, иронии, сатиры. В этом случае подобные слова употребляются в семантически чуждом для них окружении. См., например, роль архаизмов в баснях советских поэтов:

Заважничал, зазнался Лист лавровый,
Прищурен взгляд, надменен вид,
Вещает, а не говорит... (Н. Мизин).

Чинят свидетелям допрос... (Михалк.).

Беда, *коль* исполнители *ретивы*
Да так вот выполняют директивы (Н. Фотиев)

Примером использования архаизмов в публицистике может служить фельетон «Христос в командировке» А. Суконцева и И. Шагуновского, в котором неоднократно используются устаревшие слова — *отроковица* — девушка, *мзда* — плата, *выя* — шея, *аки тать* — как вор и др. В сочетании с разговорными они являются сильным средством сатиры.

Неологизмы выполняют главным образом номинативную функцию. Однако в текстах, для которых они не являются объективно-необходимыми, их использование обусловлено стилистическими целями. Ср.: *Основной в данном полете должна была быть попытка стыковки корабля с ракетой «Агена»* (газ.) — *Ребята назначили стыковку у пригородных касс вокзала* (разг. речь).

Яркую образность, эмоциональный накал придает тексту использование Львом Озеровым в статье «Мысль, страсть, слово» цепочки метафорически осмысленных неологизмов:

<...> И наш XX век прочитал этого поэта [Ф. И. Тютчева. — М. Ф.] как своего современника. *Спутник*, запущенный свыше ста лет назад, *вышел на нашу орбиту* и *делает витки* вокруг наших сердец.

<...> Тютчев! В этом имени — притягательная сила. Пронзительная человечность. *Магнитное поле* поэзии, выражающей *крупную*, как мы бы сейчас сказали, *масштабную личность*. Личность, вписавшуюся в историческое бытие России, всего мира. Сегодня, когда человечество совершает полеты из земной колыбели к другим мирам, это имя, вписывается и в *космос*. Тютчевские *звездные миры* зримо встают перед нами.

Выразительность тексту придают и такие заново переосмысленные слова, как *звездный*, *космос*, в стихотворении Е. Евтушенко «Председателей сын»:

А в избе — среди *космоса*,
среди лунных равнин
дремлет рядышком с кошкой
председателей сын.
Бредит *звездною славою*
всем собой вдалеке,
И горбушка шершавая
У него в кулаке...

или новое сочетание *мягкая посадка*, неологизм *прилунение* в стихах С. Смирнова:

Как пилот *неробкого десятка*,
взмыл к Луне
советский аппарат.

Прилуненье.
Мягкая посадка.
Межпланетно
вымпелы горят.

Использование как архаизмов, так и малоизвестных новых слов должно быть во всех стилях достаточно четко мотивировано. Например, употребление слова *почивать* в значении 1) спать и 2) затихать, успокаиваться в поэзии А. С. Пушкина вполне уместно, но без особой стилистической заданности (юмористической, иронической или торжественной) в современных текстах оно будет ненужным. Ср.: *Прелестна прелестью небрежной, В одной сорочке белоснежной Ложится почивать она* (П.). — *Уставшие геологи мирно почивали в палатке под стук дождя, когда неожиданно начался разлив реки* (газ.); *Все тихо: море почивает, но туча виснет...* (П.). — *Зима уже на носу, а ремонт коровника не закончен. Правление колхоза по-прежнему почивает, вспоминая прошлогодние успехи; Как ныне собирается вещей Олег отмстить неразумным хазарам...* (П.). — *Ныне оправдались вещице слова бригадира о массовом внедрении комплексного метода строительства* (газ.).

В наши дни архаизирующая лексика имеет нередко особую эмоционально-стилистическую окраску. (Ср.: *ваятель* — создатель; *вопрошать* — спрашивать; *гордыня* — гордость; *ратник* — воин, солдат; *мзда* — плата; *отколе* — откуда; *подъяремный* — подневольный; *рыбарь* — рыбак; *сырый* — одинокий; *смута* — восстание и др.). Поэтому к употреблению подобных слов в текстах (в частности, при их переводе) нужно подходить примерно так же, как и к лексике, стилистически окрашенной или закрепленной в стилевом отношении. Перевод архаизирующей лексики и собственно русских неологизмов (типа *агитпроп*, *колхоз* и др.) осуществляется нередко точной буквенной передачей состава русского слова с последующим примечанием (*кокошник* — *kokoshnik* в англ.; *агитпроп* — *agitprop* в англ.); приближенным способом или описательно и т. д. [8, с. 97—104, с. 110 и др.].

Однако в любом случае необходимо прежде всего понимать значение используемых (или переводимых) слов, которые обозначают давно исчезнувшие предметы и непонятны современным носителям языка.

§ 58. Исторические словари. Словари устаревших слов. Словари новых слов и значений

Специальных словарей историзмов и архаизмов пока нет. Однако сведения о значении устаревших слов можно получить в толковых словарях. Немало историзмов и архаизмов вошло в Словарь В. И. Даля. Устаревшие слова и значения отражены в БАС.

Для понимания материальной и духовной культуры Древней Руси одним из важных источников служит язык того времени, который находит отражение в так называемых исторических словарях, т. е. словарях языка разных исторических периодов.

Ценным лексикографическим пособием является один из первых исторических словарей, скромно названный его составителем, акад. И. И. Срезневским (он посвятил этой работе более 40 лет!): «Материалы для словаря древнерусского языка». Словарь был напечатан в 3-х томах с дополнением (1893, 1902, 1912 гг.), а в 1958 г. переиздан фототипическим способом. В него вошло большое количество слов и выдержек из рукописных памятников XI—XVI вв. Слова расположены в алфавитном порядке. Примеры приведены с учетом хронологической последовательности и распределены в соответствии с формирующимися значениями слов. В толкование семантики включены греческие и латинские соответствия. Словарь И. И. Срезневского охватывает лексику древнерусских памятников указанного периода почти полностью. В числе недостатков словаря современные лексикографы называют отсутствие толкований многих слов (нередко их заменяют греческие или латинские синонимы), нечеткое разграничение слов исконных и заимствованных, отсутствие грамматических и стилистических помет.

Лексика XV—XVII вв. частично отражена в «Материалах для словаря древнерусского языка» А. Л. Дювернуа (1894 г.). В словарь включено около 6 тыс. слов. Однако вместо русских объяснений в словаре тоже использованы латинские переводы древнерусских слов.

В 1937 г. под ред. акад. Б. Д. Грекова были опубликованы «Материалы для терминологического словаря Древней Руси» Г. Е. Кочина. В словарь включены общественно-политические и экономические термины, использованные в исторических документах XI—XV вв. Немалый интерес представляет изданный в 1965—1973 гг. «Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”», составленный В. Л. Виноградовой (вып. 1—4, от А до П).

Самым значительным достижением в области исторической лексикографии является начавшееся в 1975 г. академическое издание многотомного «Словаря русского языка XI—XVII вв.». К 1982 г. вышло девять выпусков. Над созданием словаря работает большой коллектив специалистов Института русского языка АН СССР. В словаре будет представлено около 60 тыс. слов с наибольшей частотностью употребления. В него вошли слова из области социально-экономической и культурной жизни, ремесленной, бытовой и сельскохозяйственной сферы деятельности. Как отмечают составители в обращении к читателю, «словарь поможет прочесть и перевести тексты древнерусской письменности, выявить значение отдельных слов, уточнить значение терминов, узнать время их появления в русском языке». Расположение слов — алфавитное. В конце словарных статей приведены устойчивые словосочетания. Все значения иллюстрируются примерами из памятников XI—XVII вв. Отдельной книгой издан «Указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений» (1975). В нем содержатся ценные библиографические сведения о важнейших памятниках русской письменности XI—XVII вв. Издание словаря продолжается.

Другой коллектив авторов этого же института подготовил многотомное академическое издание словаря древнерусского языка

XI—XIV вв. Готовится к печати академический «Словарь русского языка XVIII в.» под ред. Ю. С. Сорокина.

Словарей новых слов долгое время не существовало, хотя интерес к неологизмам появился давно. Еще в петровские времена был составлен «Лексикон вокабулам новым», который, по существу, являлся кратким словарем иностранных слов. Немногие из новых слов включил в свой словарь В. И. Даль. Значительным по составу неологизмов стал «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Еще большее количество их вошло в Словарь Ожегова, а затем в МАС и БАС.

В 1971 г. был издан словарь-справочник, подготовленный по материалам прессы и литературы 60-х годов: «Новые слова и значения», под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. Это первый опыт создания подобных словарей. В словаре объяснено около 3500 слов, получивших наиболее широкое распространение. Как отмечают в «Предисловии» редакторы словаря, он не является нормативным. Однако многие слова в нем снабжены стилевыми и стилистическими пометами, см. пометы к словам: *левак* — «О том, кто выполняет какую-либо работу или продает что-либо на сторону, “налево”, с целью получения незаконного заработка (*в просторечии*)»; *голубой* — «Такой, который не отражает, не учитывает недостатков; идеализированный (*иронически*)». Первая помета указывает на стилевую принадлежность, вторая — на стилистическую окраску.

Индивидуально-авторские новообразования и окказиональные слова не отражены в данном словаре, как и во всех существующих толковых словарях. В 1980 г. и в 1981 г. были изданы очередные дополнения к указанному выше словарю «Новое в русской лексике. Словарные материалы — 77» и «Новое в русской лексике. Словарные материалы — 78» под ред. Н. З. Котеловой. В каждом из выпусков объяснено свыше 2-х тыс. слов, употребляемых преимущественно в периодической печати, а также указаны отдельные окказиональные авторские новообразования, так называемые неологизмы разового употребления. Все слова снабжены толкованием значений и разного рода стилистическими пометами. Подготовлен к изданию второй словарь-справочник «Новые слова и значения» по материалам периодики 1972—1976 гг.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 131. Выпишите из приводимых ниже примеров выделенные слова, определите их происхождение и значение, укажите, к каким слоям лексики (активной, пассивной) они относятся.

1. Сам *ратник*, сам трубач
Пищит во всю гортань
и вызывает Льва на
Смертоносну *брань* (Кр.).
2. Певец любви, певец богов,
Скажи мне, что такое слава?
Могильный гул, хвалебных *глас*

Из рода в роды звук бегущий,
Или под сенью дымной *кущи*
Цыгана дикого рассказ? (П.).

3. В том раю тишина *бездыханна*,
Только в *куще* сплетенных ветвей
Дивный голос твой, низкий и странный
Славит бурю цыганских страстей (Бл.).
4. *Земное притяжение* порвав,
От мерзкой глины оторвав шинели,
Вставали парни смертью смерть *поправ*,
Ругаясь хрипло в огненной метели (С. Орл.).
5. Революция, мы — твой праздник,
Твой высокий, твой *горний* свет (С. Орл.).

6. Старый дом, глядя на дымные луга багровыми окнами, словно поднялся по пояс из темных *кущ*, оживший, угрюмо нарядный (А. Н. Т.). 7. В речах старика «*вселенная*» и «*вечность*» приобретали весомость. *Галактика* становилась такой же реальной и близкой, как *кущи* тихих деревьев у балкона (Г. Ник.). 8. *Землею* этот Василий, сын Волков, в позапрошлом году был *поверстан в отвод* от отца, московского *служивого дворянина* (А. Н. Т.).

Упражнение 132. Распределите приводимые слова по алфавиту, объясняя их значение и подбирая к ним синонимы из активного запаса лексики современного русского языка.

Лекарь, скрижаль, брадобрей, водомет, оный, сие, личина, сеча, семо, великосветский, овамо, камо, вельми, неопалимый, волхвы, ристалище, отсель, выя, коло, лепта, бард, селянка, послух, зефир, паки, позобати, днесь, кур, глаголет, политес, лобзать, кокот, лик, отверзать, око, розно, иже, алчность, сонм, лоно, брань, поварня, грядет, купно, зело, рыбабрь.

Упражнение 133. Определите значения выделенных слов и укажите, к какому типу архаизмов они относятся.

1. Не *токмо* же то *творятъ* невежи, но и *вежи*, *попове* и *книжници* (Словарь И. И. Срезневского). 2. *Таможникомъ велети* беремене всякие, *коробыи и бочки свивати* и *связывати дрягилем* (Таможенная Новгородская грамота 1571 г.). 3. *Прииде бо на нас царска повеления* не княжеска роду, но *самозван* от простых людей (Причитания Северного края). 4. Но в *нужде* лишь узнать *лѣзя* истинного друга (Кр.). 5. Да что же, *барин*, делать, время-то такое; *кнута* не видишь, такая *потьма*! (Г.). 6. Сведения его *почерпнуты*, видно, *большою частью* из одних *маслышек* (Т.). 7. Гаврила *прибежал в* страшных *попыхах* (Т.). 8. Сказалась, *усталь* долгая, *истома* непомерная (Н.). 9. Что за *сласть* в вяземских *пряниках*. Нынче в них вдвое против *прежнего сласти* поубавилось (С.-Щ.). 10. И когда он *запѣет* — нет ему тут *никакого удержу* (М. Г.). 11. — Дай *рученьку*, дай *рученьку* твою, — прерывистым голосом твердил он. — *Очи* мои давно погасли, а *руки зрят*. *Перстами* своими оглядеть тебя хочу. *Царь-государь*, *дозволь*! (Шишк.). 12. При досуге исполняю на *скрипице* заунывные и веселые песни (Шишк.).

Упражнение 134. Найдите в приводимых ниже предложениях из романа Л. Никулина «России верные сыны» устаревшие слова, определите: 1) их значение; 2) группу, к которой они относятся (историзм, архаизм); 3) стилистические функции.

1. Бородатый ратник, с крестом на ополченской шапке, приценивался к огромной живой рыбине, дивясь тому, что французы едят улиток. 2. В прежние времена он давал девицам уроки игры на клавикордах. 3. — Чего плачете, радоваться надо, что умру в честном бою, а не под батожьем, под кошками, в кандалах, в погребке, наг и бос, при всегдашнем поругании. 4. Городничий жаден, за грош удавится, сызнова барщину завел. 5. — Уже не знаю, как утешить великого князя, — не будет в его кирасирском полку правофлангового в сажень ростом. 6. Эти миллионы выколачивают бурмистры из русских крестьян. 7. Гувернер молодого графа обратил внимание на способности мальчика к наукам. 8. Здесь полковой цирюльник бреет унтер-офицеров. 9. — При старом барине были мы на оброке. 10. Тут же на казенных весах взвешивали длинные, в два аршина, хлеба; шотландский солдат в клетчатой юбке бранился с прусским гренадером, не поделив с ним кварталы вина.

Упражнение 135. Пользуясь указанными в § 58 выпусками «Новое в русской лексике», приведите примеры неологизмов разных типов, раскрывая их значение.

Упражнение 136. Выпишите из первого тома Словаря Ушакова 10 слов, имеющих помету — *нов.* Проверьте сведения по БАС. Укажите, какие слова утратили эту помету, т. е. перешли в активный состав словаря (толкования значений могут быть сокращены, примеры опущены).

Образец:

Словарь Ушакова

Автор спектакля (режиссер, поставивший данный спектакль, *нов.*)

[агит.] (*нов. полит.*) Сокращение, употребляемое в новых сложных словах в знач. агитационный, напр. *агитбаза*, *агитпункт* и т. п.

[агро] (*нов.*) Сокращение, употр. в новых сложных словах в знач. агрономический; напр. *агропомощь*, *агропропаганда*, *агрофонд*, *агрокохозный*.

Б А С

Пометы нет.

Пометы нет.

Помета сохранена

Упражнение 137. Выпишите из приводимых ниже предложений выделенные слова. Пользуясь толковыми словарями, разъясните их значение и определите, к какой группе устаревших слов они относятся. Отдельно выпишите все новые слова, определив их тип (общезыковые, индивидуально-речевые).

1. И мчится тайною тропой Воспрянувший с долины битвы Наездников веселый рой На отдаленные *ловитвы*. (*Д. Давыдов*). 2. *Собором* положили в последний раз *отведать* силу просьбы (*П.*). 3. Так точно *дьяк* в *приказах* поседелый *зрит* на *правых* и виновных (*П.*). 4. Вчерашний раб, татарин, зять Малюты, Зять палача и сам в душе палач, Возьмет *венец* и *бармы* Мономаха (*П.*). 5. Смотрит в поле, *инда очи* разболелись *глядючи*... (*П.*). 6. *Понеже* хоронить концы все плуты, *ведомо*, искусны (*Кр.*). 7. Любовь и *дружество* до вас дойдут сквозь мрачные затворы. Как в ваши каторжные норы доходит мой свободный *глас*. (*П.*). 8. В сенях, на лестницах появились, протирая опухшие глаза, *боярские* дети из *мелкопоместных*, *худородных* —

стольники, приписываемые Софьей к Петрову дворцу (А. Н. Т.). 9. Полковник Пыхов гоняет *стрельцов* на свои подмосковные *вотчины*, и там они работают как *холопы* (А. Н. Т.). 10. *Мушкетер* бы прислал неломанных и *огневого зелья* к ним (А. Н. Т.). 11. *Раскольники* читали соловецкие тетради о том, как избежать *прелести* никонианской и спасти души и *животы* свои (А. Н. Т.). 12. В избе за прилавком суровый *целовальник* с черными бровями. На полке — *штофы*, оловянные *кубки*... За перегородкой — вторая, чистая *палата* для купечества. Туда, если сунется *ярыжка* какой-нибудь или пьяный *посадский*, — окликнет *целовальник*, надвинув брови, — не послушаешь чество, — возьмет сзади... и выбьет одним духом из *кабака* (А. Н. Т.). 13. Качнется, встанет, подтянется *сонница* (В. М.). 14. Граждане, у меня огромная радость. *Разулыбьте* сочувственные лица (В. М.). 15. Я теперь по мачты влюблена в серый «*Коминтерн*», трехтрубный *крейсер* (В. М.). 16. Народность Новикова-Прибоя была органической. Он никогда не подгонял себя к людям, а так естественно входил в мир других людей, что сразу возникали и *дружество* и *задушевность* (В. Лид.). 17. Евдокия Анисимовна и в эти часы ходила туда-сюда по дому, по *ограде*, по опустевшим *пригонам*, а *прасол* следовал за ней. Как *тать* (С. Залыгин). 18. Секретарь помолчал и как-то сразу согнал со своего болезненного одутловатого лица ничего не значащую улыбку гостеприимства.

— Ты, товарищ, поедешь сегодня же в качестве *уполномоченного райкома* проводить *сплошную коллективизацию*. Последнюю *директиву крайкома* читал? Знаком? Так вот, поедешь ты в Гремяченский *сельсовет*. Отдыхать уж после будешь, сейчас некогда. Упор на *сто процентную коллективизацию*. Там есть *карликовая артель*, но мы должны создать *колхозы-гиганты*. Как только организуем *агитколонну*, пришлем ее к вам. А пока езжай и на базе *осторожного ущемления кулачества* создавай *колхоз*. Все *бедняцко-середняцкие* хозяйства у тебя должны быть в *колхозе*. Потом уже создадите и *обобщественный семфонд* на всю площадь *колхозного посева* в тысяча девятьсот тридцатом году. Действуй там *осторожно*. *Середняка* ни-ни! В Гремячем — *партячейка* из трех *коммунистов*. *Секретарь ячейки* и *председатель сельсовета* — хорошие ребята, *красные партизаны* в прошлом... (Шол.).

Упражнение 138. Определите значения выделенных слов. Укажите, какие из них являются неологизмами, к какому из типов относятся и по какой словообразовательной модели созданы.

1. Написана новая глава *лунографии* — география Луны (*Лобастов*). 2. Огромен размах предстоящего фестиваля, широка его *география* (*газ*). 3. Бредят взрывами бомбы *глобальных ракет*, До *микрон*ов рассчитаны *трассы* (*Л. Тат*). 4. В глазах ваших, Карих и серых, есть *Новой Желандии* Берег, — Вы входите Поступью скорой На *Воображильские Горы* (*С. Курсанов*). 5. После третьей пары борцов она уже научилась обвинять арбитра в *подсуживании* (*Нагиб*). 6. Это же Николай Харитонов, наш *знатный человек*, один из лучших *бригадиров* (*Б. Пол*). 7. Сквозь холод и зной, Сквозь дожди и пургу,

от улиц, Вчера еще бывших планами, От гордого здания МГУ Москва Шлет приветствия всем землянам (С. Васильев). 8. Электродуговой разряд используется в качестве генератора плазмы в большинстве экспериментальных плазмотронов (журн.).

Упражнение 139. Распределите приводимые ниже слова по алфавиту, определяя их значение (или значения, если слово многозначно) и происхождение. Укажите время их отражения в русских словарях, пользуясь БАС, словарем «Новые слова и значения», а также двумя выпусками «Новое в русской лексике» (за 1977 и 1978 гг.).

Золотой, елочка, луноход, аквалангист, вал, визуальный, атомник, ядерник (ядерщик), антикосмос, космоплавание, информант, надводник, сурдокамера, демограф, битник, футурология, окно, кибер, наставничать, художница, занятость, продленка, стенка, змееводство, вышкарь, батник.

Упражнение 140. Сопоставьте приводимые ниже словосочетания, в которых реализуются разные значения одних и тех же слов. Определите эти значения и укажите, в каких словосочетаниях данные слова семантически предельно сближаются.

Государственные учреждения — государственный подход (к чему-, кому-либо); коммунистическое учение — коммунистическое отношение (к чему-, кому-либо); советские учреждения — советский подход (к чему-, кому-либо); сознательное существо — сознательное отношение (к чему-либо); социалистическое общество — социалистический подход (к чему-, кому-либо); партийная организация — партийный подход (к чему-, кому-либо).

Упражнение 141. Сопоставьте приводимые ниже объяснения значений слов *город*, *горожанин*, *гражданин* в Словаре Даля (1) и Словаре Ушакова (2) и укажите, какие произошли изменения в значении слов.

1. **Городить...** *Гóродъ* м. городьба, ограда около жилья, населения. || Крепость, крепостца, укрепленное стенами место внутри селения, кремль. || Селение, обнесенное городьбой, городокъ. || Населенное место, признанное за *городъ*, *городомъ*, которому правительство дало городское управление. У нас города: *столичные*, *губернские*, *уездные* и *безуездные*, или *заштатные*.

...**Городчанинъ** м. стар. *горожанийъ*, городской житель вообще, особн., мещане и купцы.

Гражданинъ м. *гражданка* ж. городской житель, горожанинъ, посадский. || Членъ общины или народа, состоящего подъ однимъ общимъ управленіемъ; каждое лицо или человекъ, изъ составляющихъ народъ, землю, государство.

2. **Гóродъ**¹, а., мн. á., м. Крупный населенный пункт, управляемый по особому положению, административный, промышленный и торговый центр. *Важнейшие города РСФСР — Москва и Ленинград.*

Гóродъ², а., мн., á, м. (спорт.). 1. Вычерченный на земле прямоугольник, в пределах к-рого расставляются городки, рюхи. 2. В различных подвижных играх в форме состязания между двумя партиями (напр. в лапте) — место, лагерь каждой из партий.

Горожанин, а, мн., áне, ан, м. Житель города.

Гражданин, а, мн. граждане (граждане устар. или простореч.),

граждaн, м. 1. Подданный какого-н. государства. *Американский г.*
2. Сознательный член общества, человек, подчиняющий свои личные интересы общественным (ритор.) *Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан. Некрасов.* 3. Взрослый человек, мужчина (нов.). *Неизвестный г. раздавлен трамваем.* || Форма обращения к мужчине (нов.). *Г., стойте!*

Упражнение 142. Ознакомьтесь с приводимыми статьями из «Словаря русского языка XI—XII вв.». Назовите тип устаревших слов и группу (если это архаизм) и укажите, в каком виде (или значении) они известны в современном русском языке. Статьи приведены с сокращениями.

Беззаручный. *Не скрепленный подписью, не засвидетельствованный.*

Беззаступный. *Беззащитный.*

Беззлоба. *Кротость, смирение.*

Безлепие. *Отсутствие красоты, некрасивость.*

Безлепица. 1. <...> *Бессмыслица. Вздор.* 2. *Что-л. дурное, неподобающее.*

Безлепый... *Неразумный.*

Бесстудникъ. *Человек, совершающий постыдный поступок; <...> [См. с тем же значением: бесстудъ, бесстудецъ]*

Бойливый. *Драчливый.*

Бойло. *Избиение, побои.*

Босота. *Недостаток, отсутствие обуви (одежды); нищета. <...>*

<...> Вежа³. Знающий, обученный чему-л. человек.

Велелепный. *Возвеличивающий, величественный; <...> [прекрасный].*

Велелепота. *Восхваление, возвеличивание.*

Волентарь (Волонтарь). *<...> Доброволец.*

Вострый. 1. *Острый* 2. *Заостренный, суживающийся к концу; остроконечный, островерхий.* 3. *Быстрый.*

Врачба. 1. *Лечение <...>* 2. *Лекарство.*

Выспрь¹. 1. *Вверх.* 2. *Вверху.* 3. *Сверху.*

Выспрь². *Пространство высоко над землей.*

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ ФРАЗЕОЛОГИЯ

ЧАСТЬ I

СЕМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

§ 59. Фразеологизм — основная единица фразеологической системы. Его отличие от слова и свободного словосочетания

Фразеологией (греч. *phrâsis*, род. пад. от *phrâseōs* — выражение + *logos* — учение) называется раздел языкознания, в котором изучаются лексически неделимые сочетания слов, т. е. особые фразеологические единицы. Фразеологией называют также совокупность свойственных языку несвободных сочетаний (как лексикой — совокупность всех слов языка). В этом значении чаще используется синонимичное словосочетание — фразеологический состав (ср.: лексический состав).

Фразеологизм — основная единица современной фразеологической системы, единица сложная, многоаспектная, трудновыделяемая из общего числа слов, а тем более словосочетаний, и поэтому трудноопределяемая. Основной единицей фразеологизм назван потому, что кроме него к фразеологической системе нередко относят, во-первых, часто повторяемые в одном и том же виде словосочетания (типа: *освоение космоса*, *мягкая посадка* и под.), из которых отдельные могут находиться в стадии фразеологизации (например, *мягкая посадка*) и через какое-то время приобрести главные различительные признаки фразеологизмов; во-вторых, в круг фразеологических единиц включают такие устойчивые обороты, выражения, которые прямого отношения к фразеологическому составу не имеют (например, ставшие крылатыми цитаты, пословицы и т. д.). По традиции они иногда включаются как неразложимые единицы и в современные словари.

Границы фразеологии, ее объем, основные понятия и типы фразеологизмов в русской лексикологии впервые были наиболее полно разработаны в 50—60-х годах акад. В. В. Виноградовым [21; 22; 24].

Объектом фразеологии как науки являются прежде всего собственно фразеологизмы, которые характеризуются полным набором основных различительных (или дифференцирующих) категориальных признаков. Они станут очевиднее, если сложную, разноплановую фразеологическую единицу (или фразеологический оборот) сопоставить со словом, с одной стороны, и словосочетанием — с другой.

В отличие от слова с его постоянной цельюоформленностью (по составу звуков и морфем) и одноударностью фразеологизм ха-

рактируется лексической и акцентологической раздельнооформленностью.

Лексическое значение каждого слова обособлено. Оно непосредственно или опосредованно называет (а также определяет) предмет, понятие, действие и т. д. (см. § 7). Значение фразеологизма, состоящего из двух и более слов, — единое, целостное, обобщенное, всегда экспрессивное. Оно несвободно, семантически неделимо, поскольку является полностью (или частично) немотивированным значением составляющих слов, которые в его составе называются уже не словами, а компонентами, чем сильнее подчеркивается их полная или частичная лексическая опустошенность, десемантизация. Такое значение одни ученые называют лексическим, другие фразеологическим, которое нам представляется более последовательным (ср.: лексическое значение, грамматическое значение и т. д.). Таким образом, одним из основных, категориально существенных признаков фразеологизма является наличие особого, экспрессивного, целостного фразеологического значения (см. подробнее § 61).

Схематично это можно представить так:

Между словом и фразеологической единицей есть и сходство. Оно заключается в том, что и та и другая единица воспроизводятся в готовом виде; каждое слово и каждый фразеологизм характеризуются регулярной соотносительностью с одной и той же частью речи, а следовательно, выполняют сходные синтаксические функции.

Из указанных сходных признаков лишь постоянство категориальной (т. е. грамматической) соотносительности следует назвать собственно различительным для фразеологизма признаком.

Еще больше отличается фразеологизм от свободного словосочетания, к которому генетически он, казалось бы, гораздо ближе, чем к слову [39; 46; 58; 108].

Первое отличие заключается в том, что свободное словосочетание каждый раз моделируется заново и существует только в пределах того контекста, для которого оно создано. Фразеологизм же воспроизводится всегда в готовом виде, в одном и том же постоянно повторяемом компонентном составе. (Ср.: *Врач-протезист положил готовые зубы больного на полку. — Поссорься с одним — с другим, так и придется зубы на полку положить* (А. Остр.). В первом предложении вместо сочетания *готовые зубы* могут быть употреблены *готовые зубные протезы, готовые протезы верхней и нижней челюстей* и т. д., т. е. для каждого контекста будут создаваться свои словосочетания. Во втором — значение *голодать* или *ограничивать себя в самом необходимом* может быть передано фразеологизмом *класть зубы на полку*).

Из этого вытекает и следующее отличие. Понимание семантики свободного словосочетания целиком зависит от значения составляющих его слов, т. е. налицо полная мотивированность его значения. Семантика фразеологизма не зависит от значения составляющих компонентов, т. е. она, как правило, является немотивированной.

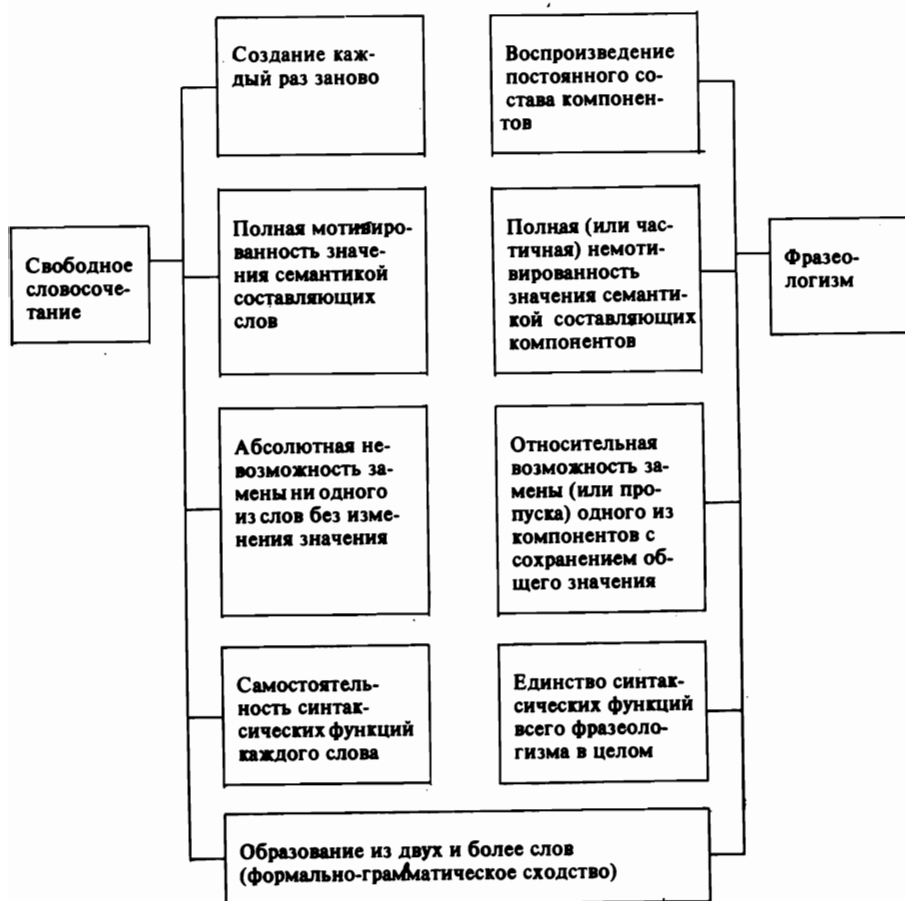
Далее. В свободном словосочетании нельзя ни заменить, ни опустить ни одного слова, чтобы не изменилось значение всего сочетания. Во фразеологизме такие замены и пропуски иногда встречаются. Однако подобные изменения должны быть обусловлены определенными стилистическими целями пишущего или говорящего и компенсированы всем контекстом, т. е. возможность использования приема замен, пропуска, усечения хотя и относительна, но она есть. И общее значение всего фразеологизма при этом не меняется. Например, *Принеси семь ведер воды. — Принеси десять ведер воды. И: Не пойдем за семь верст киселя хлебать. — Не пойдем за десять верст киселя хлебать.* В первом случае замена резко меняет объем работы, количественное представление о ней. Во втором — общий смысл сохраняется, усиливается лишь экспрессия фразеологизма. Ср. у П. Антокольского в «Повести временных лет» использование лишь части фразеологизма *не сразу Москва строилась*, т. е. опущение одного из компонентов:

Мы слышим трезвые слова,
Что труден всякий путь к успеху,
К тому же дело и не к спеху:
Не сразу, дескать, и Москва...

Естественно, что подобный пропуск слов невозможен в свободном сочетании.

Следующее различие заключается в том, что в свободном словосочетании каждое из слов относится к той или иной части речи и синтаксические функции их в предложении самостоятельны (за исключением синтаксически единых словосочетаний типа предлогов с существительными, числительных с существительными). Синтаксические же функции фразеологизма (как и его соотносительность с частями речи) определяются в целом, они едины для всех его компонентов. Ср.: *Бабушка по старинке **набрала в рот воды** и сбрызнула пересохшее белье.* — *Никто ничего не промолвил, точно все **в рот воды набрали*** (Т.), где в первом предложении слова *набрала* — глагол, сказуемое, *в рот* — существительное с предлогом, обстоятельство места, *воды* — существительное, дополнение, а во втором весь оборот в значении <онемели> соотносится с глаголом, употреблен в роли сказуемого.

Схематично все сказанное можно изобразить так:

Сходство свободного словосочетания и фразеологизма лишь формальное — оба состоят из слов, первое — из полнозначных, с разными типами значений, второе имеет в составе десемантизированные слова, создающие в целом всегда экспрессивное, а подчас метафорически образное значение. Во второй единице — это уже не собственно слова, а компоненты.

Итак, сопоставление со словом и свободным словосочетанием позволяет выделить основные различительные признаки фразеологизмов: 1) наличие особого, целостного фразеологического значения; 2) постоянство воспроизведения одного и того же компонентного состава; 3) устойчивость грамматических категорий; 4) экспрессивность и метафоричность в семантике. Остальные признаки — раздельнооформленность; наличие двух и более ударений; контекстуальная обусловленность употребления; полная (или частичная) невозможность пословного перевода на другие языки и т. д. — менее существенны, хотя и они необходимы для характеристики специфики фразеологических единиц. Следовательно, выявление основных, а также дополнительных, так называемых факультативных различительных признаков дает возможность определить фразеологизм как такое семантически неразложимое словосочетание, которому свойственны постоянство особого целостного значения, компонентного состава, грамматических категорий и экспрессии. Данное определение как рабочее и будет использовано в дальнейшем при описании фразеологической системы.

§ 60. Понятие о фразеологической системе

Фразеологический состав национального русского языка достаточно обширен и разнообразен. Основу его составляют многочисленные фразеологизмы литературного языка. Однако в него, как и в словарный состав (см. § 3), входят устойчивые выражения диалектного, профессионального, жаргонно-арготического употребления.

Фразеологизм как единица системы языка связан с разными его уровнями: фонетическим, поскольку каждый компонент состоит из определенных фонем как смыслоразличительных единиц общезыковой системы; словообразовательным, ибо устойчивые выражения путем сжатия, конденсации нередко возникают из более сложных единиц (басен, пословиц и т. д.), а затем сами, в свою очередь, служат базой для возникновения новых слов; морфологическим, так как каждый фразеологизм по своему обобщенно-целостному грамматическому значению соотносится с той или иной частью речи; синтаксическим, поскольку фразеологизм, во-первых, выполняет определенные синтаксические функции в предложении (или выступает в роли самостоятельного предложения); во-вторых, некоторые типы фразеологизмов характеризуются достаточно регулярной формально-структурной соотнесенностью со свободным словосочетанием как современной синтаксической единицей.

Являясь единицей разноплановой, сложной по структурно-семантическим, генетическим, экспрессивно-образным, функциональным и

другим признакам, фразеологизм входит в самостоятельную фразеологическую систему. Как и для всякой системы, для фразеологической характерны: во-первых, сам набор особых средств, отражаемых в современных толковых и в специальных фразеологических словарях; во-вторых, ряд специфических черт семантической структуры фразеологизмов, особенности их связей между собой и с другими словами, функционально-стилистическими свойствами и т. д.

Фразеологической (а точнее, фразеолого-семантической) системе свойственны разного рода системные отношения и в первую очередь парадигматические и синтагматические (см. об этом § 5).

Фразеологизмы могут быть объединены в парадигмы по разным признакам: 1) нелингвистическим, например выделение тематических групп, называющих а) абстрактные предметы и действия — *краеугольный камень* (основа, главная идея чего-либо), *камень преткновения* (помеха, затруднение), *коль внимания* (безразличие, равнодушие), *турысы на колесах* (вздор, бессмыслица), или — *строить воздушные замки* (мечтать о несбыточном), *стоять на стороне чьей-либо, кого-либо* (разделять образ мыслей, действий; поддерживать), *срывать цветы удовольствия* (беспечно предаваться радостям жизни) и т. д.; б) конкретные предметы и действия — *проба пера* (первый литературный опыт), *пушечное мясо* (солдаты, обреченные на бессмысленное уничтожение), *барашек в бумажке* (взятка) или — *держат язык за зубами* (молчать), *и был таков* (скрылся), *обвести вокруг пальца* (обмануть) и т. д.; 2) собственно лингвистическим, например по структуре значения — однозначные и многозначные; омонимичные; по сходству или противоположности семантики — синонимичные и антонимичные; по степени мотивированности обобщенного значения — сращения, единства, сочетания; по генетической характеристике — исконные и заимствованные и т. д.; 3) по лингвостилистическим признакам, например объединение фразеологизмов по стилиевой принадлежности — книжные, разговорные и др., стилистической окраске — высокие, уничижительные, презрительные и пр.

Синтагматические отношения фразеологизмов характеризуются сочетаемостью с тем или иным кругом слов. Есть фразеологизмы, которые по современным языковым нормам употребляются с одним или двумя словами, т. е. их сочетаемость является «замкнутой» [39, с. 137]. Например, только в соединении с лексемами *деньги* и *слова* употребляется фразеологизм *бросать (кидать) на ветер*. В первом случае реализуется значение (зря, безрассудно расходовать), во втором (говорить впустую).

Имеются фразеологизмы, сочетаемость которых шире, хотя с точки зрения общезыкового употребления является ограниченной. Так, значение (очень громко, неистово, ниспущенно) реализуется у просторечных фразеологизмов *во всю глотку* (*во все горло*) и *благим матом* только при соединении с глаголами, указывающими на особую силу, интенсивность издаваемых звуков (*кричать, орать, выть, вопить* и подобных). Сходная словосочетаемость характеризует и разговорный фразеологизм *во всю ивановскую*. Однако ему свойственно

еще одно значение — (очень быстро, со всей силой и т. п. (делать что-либо)). В этом случае границы сочетаемости фразеологизма расширяются: от общепринятой узуальной до окказиональной, контекстуально-ограниченной. Ср.: ...*Терны цвели во всю ивановскую, белой кипенью вся балка взялась!* (Шол.). — *Во всю ивановскую трату деньги, которые получил за своего «Иванова»* (Ч.).

Известно немало фразеологизмов, синтагматические отношения которых еще разнообразнее. Например, достаточно широкой является сочетаемость таких оборотов, как *альфа* и *омега*; *белые мухи*; *денно и ночью* и т. д.

Итак, фразеологизмы, вступая в многообразные отношения и между собой, и с другими единицами языка, образуют фразеологическую систему. (См. о системности фразеологического состава, например, в работах В. Н. Телия 92, с. 35—36; 93, с. 384.)

Сложность разноплановых отношений фразеологизмов может быть рассмотрена в следующем порядке:

1) в пределах одного фразеологизма — раскрытие своеобразия его фразеологического значения (или значений) в сопоставлении с лексическим; выявление специфики его многозначности, отдельных примеров омонимизации и отражение всего указанного в словарях;

2) в пределах фразеологического состава — выявление сходных или противоположных по значению фразеологизмов, т. е. синонимичных и антонимичных; описание единиц, объединяемых генетически, по сходству грамматических признаков, по сфере и активности употребления, стилевой принадлежности, экспрессивно-стилистической характеристике, особенностям перевода и т. д.;

3) в пределах всей системы языка — влияние других уровней на развитие фразеологического состава, возникновение переходных явлений в процессе фразеологизации свободных словосочетаний, роль различных функциональных стилей в обогащении фразеологической системы.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 143. Сопоставьте приводимые ниже определения фразеологической единицы и укажите, какие признаки, положенные в основу определений, сближают их, а какие разделяют.

1. «*Фразеологической единицей* называется существующая в языке на данном этапе его исторического развития постоянная комбинация словесных знаков: предельная и целостная; воспроизводимая в речи его носителей; основанная на внутренней зависимости членов; состоящая минимум из двух строго определенных единиц лексического уровня, находящихся в известной последовательности; грамматически организованная по существующим или существовавшим моделям словосочетаний и предложений; обладающая единым значением, в разной степени комбинаторным в отношении к значениям сочетавшихся элементов, но стабильным в отношении означаемого или выражаемого» (В. Л. Архангельский. *Устойчивые фразы в современном русском языке*).

2. «**<...> Фразеологическая единица <...> фразеологизм, фразеологический оборот <...>**. Словосочетание, в котором семантическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной раздельностью составляющих его элементов (выделение признаков предмета подчинено его целостному обозначению, вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова <...>» (О. С. Ахманова. *Словарь лингвистических терминов*).

3. «**«Когда имеют в виду фразеологический фонд языка, обычно подчеркивается его традиционность, устойчивость, количественное и качественное постоянство состава фразеологических единиц в языке <...>**».

Рядом со словом как смысловой единицей имеются смысловые единицы и более сложного порядка — это такие сочетания их, в которых смысл отдельного слова в той или иной степени бледнеет, убывает до полного исчезновения, смысл же словосочетания как целого при этом выигрывает, приобретая новые семантические качества, развивая дополнительное, а нередко и совершенно новое значение по отношению к сумме тех значений, которые содержатся в словах, входящих в подобное сочетание <...>

Фразеологическая единица близка к слову семантически и функционально-грамматически, но отнюдь не тождественна ему. <...> Фразеологическая единица экспрессивно-эмоционально окрашивает тот смысл, носителем которого она является, уподобляясь тем лексемам, которые не столько называют лицо, предмет, процесс или явление, сколько живописуют или «обзывают» их, т.е. характеризуют и обнаруживают отношение говорящего к объекту речи. <...>» (А. М. Бабкин. *Русская фразеология, ее развитие и источники*).

4. «**<...> Необходимо лишь дополнить его [очерк смысловой структуры слова. — М. Ф.] описанием типов устойчивых словосочетаний, которые располагаются рядом со словом как семантические единицы более сложного порядка, эквивалентные слову.**

<...> Таким образом, с учением о слове органически связаны наблюдения над сращениями слов, над фразеологическими единствами и фразеологическими сочетаниями. Эти наблюдения приводят к выводу, что в русском языке широко распространяются синтаксически составные слова («речения», фразеологические сращения) и разнообразные типы устойчивых фразеологических единиц, которые обособляются от свободных словосочетаний и примыкают к лексическим единицам» (В. В. Виноградов. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*).

5. «**Под фразеологизмом в дальнейшем изложении понимается устойчивая и воспроизводимая раздельно-форменная единица языка, состоящая из компонентов, наделенная целостным (или реже частично целостным) значением и сочетающаяся с другими словами. Фразеологизм начинается там, где заканчивается семантическая реализация его компонентов» (В. П. Жуков. *Семантика фразеологических оборотов*).**

6. «**Несвободные, связанные сочетания слов называются фразео-**

логическими словосочетаниями. Их называют также устойчивыми словосочетаниями, фразеологическими единицами, фразеологизмами, фразеологическими оборотами. Те фразеологические обороты, которые нельзя дословно, буквально перевести на другие языки, называют обычно идиомами» (А. В. Калинин. *Лексика русского языка*. 3-е изд.).

7. «Фразеологическая единица — это устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением» (А. В. Кунин. *Фразеология современного английского языка*).

8. «Под фразеологической единицей понимается относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» (В. М. Мокиенко. *Славянская фразеология*).

9. «Фразеологизм — это особая единица языка, характеризующаяся как и слово, не одним каким-либо признаком, а несколькими, совокупностью нескольких признаков. Только у фразеологизма совокупность категориальных признаков иная, чем у слова. Признаки эти следующие: а) лексическое значение, б) компонентный состав и в) грамматические категории» (А. И. Молотков. *Основы фразеологии русского языка*).

10. «Фразеологическая единица представляет собой сложную лингвистическую единицу, “набор” признаков которой неоднозначен. Он исчисляется нередко десятью—двенадцатью характеристиками, сущность которых сводится к семантической спаянности и неделимости при “внешней” раздельнооформленности компонентов данной языковой единицы.

Фразеологические единицы, по нашему мнению, входят в состав особой межуровневой системы языка. Характерными признаками этих единиц являются сверхсловность (наличие нескольких словных компонентов), семантическая слитность при акцентологической и грамматической раздельнооформленности компонентов, что обусловлено самой природой образования этих единиц на основе переменных, или свободных, словосочетаний» (Р. Н. Попов. *Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов*).

11. «До сих пор фразеология, составляя часть лексикологии или даже своего рода приложение к ней, изучает лишь отдельные разновидности сочетаний слов, — наиболее тесные, постоянные, устойчивые, представляющие смысловое единство, где значение отдельного компонента сочетания выводится лишь из значения целого сочетания. Но эти разного рода фразеологические единства или комплексы только частный случай возможных в языке сочетаний слов. С исторической точки зрения, они — результат постепенного ограничения сочетаемости слов, объясняемого процессами, происходящими в лексической системе. На самом деле отношения между фразеологией в широком смысле слова, изучающей различные типы лексической сочетаемости и последствия изменений этой сочетае-

мости для судьбы отдельных слов, и лексикологией, изучающей типы и судьбы самих отдельных слов, должны быть обратными. Лексикология должна в своих выводах о закономерностях изменений слов и их особого значения пользоваться теми данными, которые представляют ей изучение фразеологических связей, условий смысловой сочетаемости слов и всех характерных для определенного состояния языка возможных сочетаний слов, как "несвободных", так и "свободных" (Ю. С. Сорокин. *Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века*).

12. «Фразеологизм, фразеологическая единица — общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры — словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в социально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава. Семантические сдвиги в значениях лексических компонентов, устойчивость и воспроизводимость — взаимосвязанные универсальные и отличительные признаки фразеологизмов» (В. Н. Телия. *Фразеологизм. — В кн.: Русский язык. Энциклопедия*).

13. «<...> Фразеологический оборот — это воспроизводимая в готовом виде единица из двух и более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т. е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» (Н. М. Шанский. *Фразеология современного русского языка. 2-е изд.*).

14. «Наряду со словосочетаниями, которые возникают в речи по существующим в языке правилам лексической и синтаксической сочетаемости слов, в различных языках отмечают словосочетания, которые необходимо включать в словарь, так как они существуют в самом языке как целостные единицы номинации и подобно словам не создаются, а воспроизводятся в речи.

В одних случаях такие воспроизводимые словосочетания выступают как составные наименования реалий, для называния которых в языке нет отдельных слов <...>, в других — являясь своего рода экспрессивными синонимами отдельных слов или словосочетаний аналитического характера. <...>

Словосочетания первого типа (составные наименования) и словосочетания второго типа (их часто называют идиомами, идиоматизмами, идиоматическими выражениями) образуют особые единицы в лексическом составе языка, которые относят к фразеологии и обозначают как фразеологические единицы, фразеологические обороты, или фразеологизмы» (Д. Н. Шмелев. *Современный русский язык. Лексика*).

Упражнение 144. Составьте несколько фразеологических парадигм, в которые входили бы а) фразеологизмы, объединённые тематическим признаком (например, отношение к труду; положительная характеристика человека и т. д.); б) фразеологизмы, объединённые выражением экспрессии. При выполнении задания пользуйтесь современными толковыми и специальными фразеологическими словарями (см. § 66).

§ 61. Фразеологическое значение, его отличие от лексического. Основные виды фразеологических значений

Фразеологическое значение обладает определенными специфическими свойствами, которые отличают его от лексического и позволяют выделять как самостоятельное понятие, раскрывающее сущность фразеологической системы.

Основным различием является, как уже было указано выше (см. § 59), обобщенность семантики всего фразеологизма в целом, вне зависимости от того, является ли она полностью или частично немотивированной значением составляющих компонентов. Если сравнить обороты *точить ляссы* «пустословить»; *из пальца высосать «выдумать»*; *крошешная тьма* «полная, абсолютная», то у первого целостное значение абсолютно немотивировано; у второго можно установить зависимость общей семантики от переносного, метафорически-образного значения составляющих компонентов; у третьего — единое значение полностью мотивировано значением компонентов — прямым, свободным у слова *тьма* и фразеологически связанным у слова *крошешная*, которое (полная, абсолютная) реализуется только в данном словосочетании. Следовательно, мотивированность значения и зависящая от этого степень спаянности, слитности, неделимости компонентов — разные. Тем не менее каждый из трех оборотов имеет свое, устойчивое, обобщенно-целостное значение [22, с. 24—30].

Следующее отличие фразеологического значения от лексического по сравнению со значением идентичных им слов-синонимов в том, что семантика многих фразеологизмов отличается заметным усилением «степени интенсивности проявления признака» [39, с. 20 и др.], действия и т. д., например *медвежий угол* — не просто «глухой район», а «очень глухой, далеко расположенный»; *с гулькин нос* — не только «мало», а «очень мало»; *выводить из себя* — не только «раздражать», а «приводить в состояние крайнего раздражения» и т. д.

С этим тесно связано еще два отличительных признака фразеологического значения от лексического. Во-первых, отражение в семантике фразеологизмов особой экспрессии, во-вторых, сохранение образности, полученной в процессе метафорического переосмысления свободного словосочетания. Она позволяет фразеологическим единицам выполнять в языке изобразительно-выразительные функции.

Фразеологическое значение отличается от лексического и тем, что его связь с обозначаемым предметом, как правило, не прямая, а опосредованная, т. е. значение большей части фразеологизмов генетически производно. Однако оно может быть этимологически объяснено и прямым значением слов того свободного словосочетания, которое подверглось метафорическому переосмыслению и фразеологизации, постепенно утрачивая (полностью или частично) живые связи с семантически свободным прототипом. Например, опосредованным является значение таких фразеологизмов, как *закидывать удочку* — «осторожно намекать на что-либо, выяснять, разузнавать

предварительно что-либо»; *лезть на рожон* — 1) действовать особо рискованно, заведомо зная о неудачных последствиях; 2) действовать сгоряча, не считаясь ни с чем, не думая о последствиях (в древности был обычай ходить на медвежью охоту с *роженом* или *рожном*, т. е. с крепким заостренным колом); *забубённая головушка* — «бесшабашный, разгульный, отчаянный человек» (на одежду каторжников, в частности на спину, нашивали красный или желтый ромб, изображающий бубнового туза) и др. Причем если ассоциативные семантические связи первого фразеологизма относительно легко восстанавливаются при сопоставлении со свободным словосочетанием, то семантика двух последующих будет неясной без этимологических комментариев, так как в современном языке их живые связи с первоначально свободными сочетаниями оказались утраченными.

Следует отметить, что даже те фразеологизмы, которые в современном языке выполняют номинативные функции, с предметами соотнесены не прямо. Например, фразеологизм *бабье лето* является разговорно-бытовым наименованием ясных теплых дней ранней осени. Это название опосредовано через словосочетание *ранняя осень*, которое как термин имеет четкое определение — «устойчивый антициклон, регулярный в Северном полушарии». Ср. также значение оборотов *волчий билет*, *соломенная вдова*; *тупейный художник* и т. д. Следовательно, в значении фразеологизмов содержится существенная доля экспрессии, модальности, оценочности, т. е. коннотации (см. об этом § 48) по сравнению с лексическим значением. [Заметим, что в 1956 г. на образность и метафоричность фразеологизмов указывал Б. А. Ларин 53; см. также 20, с. 13—14.]

Однако различия между фразеологическим и лексическим значением не исключают сходства между ними. Оно выражается в том, что некоторые типы лексических значений (прямое и переносное; производное и непроизводное; свободное и несвободное; номинативное и экспрессивно-синонимическое, см. § 8) можно выделить и среди фразеологических. Так, по соотнесенности с предметом большая часть фразеологизмов обладает переносно-метафорическим значением, которое является производным от прямого значения тех или иных свободных сочетаний, послуживших основой создания фразеологических. Например, *живая летопись*, *заколдованный круг*, *закусить удила*, *закручивать гайки*, *пробный камень*, *убить двух зайцев* и др. Однако значение многих фразеологических единиц с точки зрения живых семантических связей оказывается немотивированным, требующим для их полного осмысления особых этимологических разъяснений. Например, *гол как сокол*; *турысы на колесах*; *заблудшая овца*; *очертя голову*; *яко (как) тать в ночи* и мн. др.

По синтаксическим отношениям (т. е. связям и сочетаемости) с другими словами фразеологизмы семантически также неодинаковы. Одни из них обладают, как и отдельные слова, относительно свободным фразеологическим значением, реализация которого предполагает лексически широкое окружение. К таким относится немало собственно фразеологизмов типа: *в мгновение ока*; *одним махом*; *ни свет ни заря*; *бездонная бочка*; *задняя мысль*; *заколдованный*

круг; путеводная нить; держать камень за пазухой (с камнем за пазухой); лезть на стенку; отвести душу; ходить вокруг да около; сойти со сцены; ставить в тупик; плыть по течению и мн. др. Относительно свободной является и реализация значений так называемых фразеологизированных оборотов, среди которых значительное место принадлежит терминологическим сочетаниям, например: *анютины глазки*; *грудобрюшная преграда*; *грудная жаба*; *дом отдыха*; *детские ясли*; *торговая сеть* и т. д.

Другие фразеологизмы, обладающие несвободным значением, могут сочетаться либо только с определенным кругом слов, состав которых минимально ограничен, либо в четко нормированной синтаксической конструкции, либо, наконец, при выполнении ими в предложении функции сказуемого. Следовательно, тип несвободных значений, в свою очередь, неоднороден, в нем выделяется несколько подтипов (или групп) — лексически связанные, конструктивно ограниченные и синтаксически обусловленные. Например, лексически связанным со словом *знать* будет значение «очень хорошо» фразеологизма *как свои пять пальцев*; со словами *беречь*, *хранить* связано значение (особенно тщательно, заботливо) фразеологизма *как зеницу ока*, со словами *дорожить*, *ценить* связано значение этого же фразеологизма (очень сильно) (с первым словом в иной форме — *как зеницей ока*). Конструктивно ограниченным будет значение таких фразеологизмов, как *впиваться глазами* (в кого, во что), *выйти изпод пера* (кого, чье), *бросаться в глаза* (кому), *не открывать глаз* (от кого, от чего), *иметь виды* (на кого, на что), *луженая глотка* (у кого), *обдирать* (обирать, обчищать) *как липку* (кого), *проливать* (пролить) *свет* (на что) и т. д. Значение каждого из этих фразеологизмов реализуется в конструкции, четко определенной нормами современного русского языка, например: *впиваться глазами в человека* (людей) или *в картину* (картины), т. е. употребляется только с дополнением в форме вин. пад. ед. или мн. числа.

Фразеологизмов, обладающих синтаксически обусловленным значением, как отмечает Н. М. Шанский [108, с. 50] сравнительно немного. Их значение реализуется при условии, что они выполняют в предложении роль сказуемого. Так, в предложении [Иванов:] *Сознать, что энергия жизни утрачена навсегда, что я заржавел, отжил свое, что я поддался слабодушию...* — *сознать* это, когда солнце ярко светит, когда даже муравей тащит свою ношу и доволен собою, — *нет, слуга покорный* (Ч.) выделенный фразеологизм, выполняя роль сказуемого, реализует значение (ирон.) «ни в коем случае не согласен, не хочу». С иным значением — «я, т. е. говорящий или пишущий» — известен сходно звучащий устаревший оборот *ваш* (твой) *слуга покорный* (или *покорный слуга*), который выступает в роли подлежащего или дополнения: *Не были бы вы живы — ваш покорный слуга не имел бы удовольствия вас здесь видеть* (Т.). Синтаксически обусловленным будет и значение фразеологизмов *из молодых, да ранний*; *кровь с молоком* и др.

Понятие о фразеологическом значении семантически тесно связано с понятием о разных типах фразеологизмов по степени мотиви-

рованности общего значения, а также об однозначных и многозначных фразеологизмах.

§ 62. Типы фразеологизмов по степени семантической слитности и мотивированности значения

Различная степень лексической неделимости фразеологических единиц, а следовательно, неодинаковый характер их идиоматичности (немотивированности) позволяют вслед за акад. В. В. Виноградовым выделить три основных типа: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

Каждый из называемых видов имеет свои характерные признаки.

Фразеологическими сращениями называются такие лексически неделимые обороты, обобщенно-целостное значение которых не определяется значением составляющих его компонентов. Их семантика ничем не мотивирована с точки зрения современной лексики. «Если их составные элементы однозвучны с какими-нибудь самостоятельными, отдельными словами языка, то это их соотношение — чисто омонимическое», — отмечает В. В. Виноградов [22, с. 24]. К сращениям относятся фразеологизмы: *бить баклуши*; *с бухты-барахты*; *была не была*; *выжить из ума*; *диву даваться*; *из рук вон*; *как пить дать*; *себе на уме*; *собаку съел* (на чем-нибудь); *шутка сказать*; *шиворот-навыворот* и т. д. Семантически сращения в ряде случаев соотносятся со словом, однако в их значениях нередко присутствует элемент усиления экспрессии. Например, *диву даваться* — не просто «удивляться», а «очень сильно удивляться»; *собаку съел* (на чем-либо) — не только «знаток чего-либо, т. е. научился чему-либо», а «основательно научился, приобрел опытность, искусство» и т. д. В некоторых сращениях грамматические формы компонентов, их связи друг с другом не могут быть объяснены с точки зрения современных грамматических норм. Так, явно лексическими и грамматическими архаизмами воспринимаются сращения *диву даваться*; *на босу ногу*; *куда ни шло*; *ничтоже сумняся* (*сумняшеся*); *шутка сказать* и т. д. Устаревшие грамматические формы и целые слова, немотивированность их связей поддерживают лексическую неделимость оборотов, их семантическую целостность. Синтаксически фразеологические сращения выступают в роли единого члена предложения. Например, фразеологическое сращение *себе на уме* — «скрытый, хитрый» в предложении: *Это человек опытный, себе на уме, не злой и не добрый, а более расчётливый; это третий калач, который знает людей и умеет ими пользоваться* (Т.) является определением в ряду однородных членов, в том числе и фразеологического единства *третий калач*.

Фразеологическими единствами называются такие лексически неделимые обороты, общее значение которых потенциально эквивалентно словам и может быть частично мотивировано семантикой составляющих компонентов. К ним относятся фразеологизмы: *белая ворона*; *бить ключом*; *брать в свои руки*; *взять за бока*;

вылететь в трубу; держи карман!; держать камень за пазухой; закидывать удочку; кровь с молоком; плыть по течению; под занавес; положить зубы на полку; ума не приложу! и т. д. Фразеологические единства обладают потенциальной образностью, т. е. такой, которая может быть частично восстановлена и мотивирована. И этим они отличаются от сращений, образность (генетическая) которых является (уже как правило) потухшей, немотивированной. Большая часть их соотносится с соответствующими свободными словосочетаниями, это позволяет установить между ними ассоциативную связь, выявить основу переноса и последующей метафорической фразеологизации. Ср., например, *закидывать удочку* — в прямом значении и *закидывать удочку* — «намекать на что-либо»; *плыть по течению* — в прямом значении и *плыть по течению* + «пассивно подчиняться сложившимся обстоятельствам». Грамматические формы, компонентный состав и синтаксические связи так же строго определены, как и у сращений. Но они могут быть (хотя бы условно) соотнесены с существующими в языке формами и связями. Замена компонентов в составе единства, подстановка синонимов приводит к разрушению присущей ему образности или к изменению его коннотативного значения. Это создает благоприятные условия для авторских видоизменений. Ср.: *Присел на краешке стула Фадеев, согнулся в три погибели* (М.-П.) — *В приемную входит маленькая, в три погибели сморщенная, как бы злым роком приплюснутая старушонка* (Ч.). Или: *Газетчик знает это и мотает себе на ус* (С.-Щ.) — *Шел кораблик, о чем-то мечтал, Все что видел, на мачты мотал...* (Н. Матвеева) и т. д.

По степени лексической неделимости компонентов и относительной немотивированности целостного значения к единствам могут быть отнесены и те составные термины, которые в процессе употребления в иных функциональных сферах приобрели обобщенно-образный смысл, например: *абсолютный нуль; второе дыхание; выйти на орбиту; дойти до точки; играть первую скрипку; (катиться) по наклонной плоскости; сила (центр) тяжести; отдать концы; ставить в тупик; (остановиться) на точке замерзания; удельный вес* и т. д.

Фразеологическими сочетаниями называются такие устойчивые, несвободные обороты, общее значение которых мотивировано семантикой составляющих компонентов. Эти фразеологизмы отличаются от сращений и единств прежде всего тем, что в их составе имеются слова, обладающие несвободным, фразеологически связанным значением, которое реализуется только в условиях определенного лексического окружения. Например, только в сочетании со словами *дело, вопрос, обстоятельство, положение* становится понятным значение слова *щекотливый* — «требующий большой осмотрительности, осторожного и тактичного отношения; деликатный»; со словами *кипеть, пылать, терзаться* раскрывается значение слова *досада* — «особо сильно недовольствоваться, злиться, мучиться». См. также фразеологические сочетания *злость берет, страх берет* и др. (при невозможности сказать *радость берет, спокойствие берет*); *сгорать от нетерпения, сгорать от стыда* (при невозможности сказать *сгорать от удовольствия, сгорать от радости*); только в сочетании со

словом *камень* реализуется значение «основа, важнейшая существенная часть чего-либо» у слова **краеугольный**. Причем его традиционное употребление в этом сочетании настолько стало прочным, что иногда наблюдается пропуск слова *камень*, но общая семантика сочетания сохраняется: *В этой внутренней подготовке поколения **краеугольными** были чувства патриотизма, интернационализма и партийности* (С. Наровчатов) и т. д. Этот тип оборотов — один из распространенных в современном языке. Фразеологические сочетания допускают замену отдельных компонентов близкими по значению, и это приводит к появлению или вариантных фразеологизмов, или синонимичных. Например: *потупить голову* (взор) — *опустить голову* (глаза); *насупить* (нахмурить) *брови*; *затронуть* (задеть) *чувство гордости*; *сесть в лужу* — *сесть в кашу* и т. д. Грамматические формы и связи фразеологических сочетаний соответствуют нормам современного языка, но тем не менее они по традиции воспроизводятся в одном и том же виде, выполняя в предложении соответствующие их семантике и грамматическому составу функции.

Наряду с рассмотренными типами собственно фразеологизмов во многих исследованиях и пособиях вслед за Н. М. Шанским выделяются так называемые фразеологические выражения, «которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями» [108, с. 84]. К ним обычно относят ставшие крылатыми цитаты, пословицы, поговорки, устойчивые сочетания-клише, номинативно-терминологические сочетания.

Подобный тип устойчивых словосочетаний представляется целесообразным отделить от собственно фразеологизмов и определить как фразеологизированные выражения. Ср. наименование подобных оборотов у А. Н. Кожина «фразеологизированными сочетаниями» [46, с. 34]. Причем в их состав следует включить не все цитаты, пословицы, поговорки и т. д., а только те, которые приобрели обобщенно-переносный, метафорический смысл и воспринимаются как единицы, близкие к собственно фразеологическим. Например: *Тридцать пять тысяч курьеров!* — «сильное преувеличение»; *с корабля на бал* — «о резкой смене занятий, обстановки»; *человек в футляре* — «особо осторожный, сверх предусмотрительный»; *быть или не быть* — «серьезное сомнение в чем-либо»; *с чувством, с толком, с расстановкой* — «как подобает, толково, обстоятельно»; *свежо предание, а верится с трудом* — «выражение сомнения в правдивости кого-, чего-либо»; *все смешалось в доме Облонских* — «о страшной неразберихе»; *Москва не сразу строилась* — «о постепенности действий»; *после дождичка в четверг* — «неизвестно когда»; *отрицательная величина* — «малостоящий, не заслуживающий доверия»; *точка опоры* — «основа каких-то начинаний, дел»; *выйти на орбиту* — «о начале серьезного жизненного пути»; *звездный час* — «самый удачный момент, счастливый» и т. д. Многие из них пополнят собственно фразеологические типы оборотов. Например, фразеологизированные цитаты и терминологические сочетания активно переходят в разряд фразеологических единств, сочетаний, сращений [108, с. 86—87].

§ 63. Однозначность и многозначность фразеологических единиц, их омонимизация

Семантическая структура фразеологизмов может быть простой, однозначной, и сложной, многозначной. Однако фразеологических единиц, обладающих несколькими значениями, намного меньше, чем слов. Так, в 1-м издании специального «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А. И. Молоткова из 4000 фразеологизмов только около 600 многозначных, что составляет немногим более 15% [108, с. 48, 55—59; 39, с. 124 и далее].

Еще в конце XIX в. А. А. Потебня указывал на способность фразеологизмов развивать «многозначительность» (см. его книгу: Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1894; 2-е изд., 1914). Однако лишь совсем недавно (с 50-х годов) об этом явлении стали говорить достаточно определенно, хотя и до сих пор не все исследователи признают многозначность фразеологизмов.

Системные отношения внутри одной фразеологической единицы, обладающей двумя и более значениями, несколько иные, чем у многозначных слов. Во-первых, в кругу фразеологизмов полисемия наблюдается значительно реже. Во-вторых, разные значения одной и той же фразеологической единицы не соотносятся между собой как прямое и переносное (или переносные), что всегда наблюдается у многозначного слова. Сам по себе фразеологизм, как уже было отмечено, чаще всего возникает в процессе метафорического (и значительно реже — метонимического) переноса, т. е. образного переосмысления первичного прямого значения свободного словосочетания. Можно предположить, что такой же путь проходит каждое из новых значений многозначного фразеологизма, т. е. происходит как бы параллельный процесс развития еще одного значения на базе того же свободного словосочетания. Следовательно, разные значения фразеологизма не являются соотношением первичного и последующего, вторичного, переносов. Они (каждый в отдельности) тяготеют к свободному словосочетанию, к которому генетически восходит фразеологизм [39, с. 131—132].

Примечание. Отметим, что есть и иные определения развития значений у фразеологизма. Н. М. Шанский, например, указывает: «В полисемичных фразеологизмах значения всегда соотносятся друг с другом как прямое и переносное, как исходное и производное. Если таких соотношений между значениями одинаково звучащих оборотов не наблюдается, перед нами — фразеологизмы-омонимы. Так, обороты *валять дурака* — «дураться, притворяться» и *валять дурака* — «бездельничать» являются уже омонимичными»... [108, с. 57]. Ср. также высказывание А. И. Молоткова: «В границах многозначного фразеологизма, как и в границах многозначного слова, лексические значения могут соотноситься между собой, следовательно, как прямое и переносное. Речь идет о противопоставлении их: одно как исходное, другое — как возникшее от исходного. Многозначные фразеологизмы, у которых уже нельзя установить степень зависимости одного значения от другого, выпадают из числа соотносимых в этом плане» [58, с. 115].

В-третьих. Если процесс развития разных значений слов является относительно независимым и контекстуально менее связанным, то реализация значения даже однозначного фразеологизма, как прави-

ло, контекстуально ограничена (см. примеры в § 61), а для многозначного контекст — это единственный аналитический способ реализации того или иного значения. Это в известной степени тормозит развитие многозначности фразеологических единиц.

Существенную роль в развитии многозначности фразеологизмов играет особенность их семантической структуры. Так, если фразеологизм семантически слитен, неделим на составные компоненты и не мотивирован живыми связями языка, то появление новых значений, как правило, бывает затруднено и наблюдается редко. Например, однозначны семантически единые фразеологические сращения типа *собаку съест* — «хорошо чему-то научиться»; *дело табак* — «особенно плохо, скверно»; *диву даваться* — «особенно сильно чему-то удивляться»; *трусу праздновать* — «очень бояться чего-либо» и т. д. В том случае, когда семантические связи компонентов фразеологизма частично сохраняются, потенциально мотивируются, их полисемичность более реальна. Именно поэтому чаще всего многозначность развивается среди фразеологических единств. Например, *держать ухо остро* — 1) не доверять кому-либо, быть осмотрительным; 2) быть начеку, настороже; *ни кола ни двора* — 1) совсем ничего нет у кого-либо (о крайней бедности); 2) нет никакого жилья у кого-либо; *убить бобра* — 1) *ирон.* обмануться в расчетах, предпочтя плохое хорошему или худшее лучшему; 2) *прост.* приобрести что-либо очень ценное или добиться чего-либо значительного; *задавать тон* — 1) показывать пример в чем-либо, являться образцом для других; 2) определенным образом начиная что-либо, оказывать влияние на развитие, ход чего-либо; *склонять голову* — 1) признавать себя побежденным, сдаваться, уступать в борьбе; 2) относиться с почтительным уважением к кому-либо; преклоняться перед кем-либо или чем-либо; *играть роль* — 1) иметь то или иное значение; 2) сильно, заметно влиять, воздействовать на что-либо или кого-либо; 3) быть, являться кем-либо или чем-либо, выступать в качестве кого-либо или чего-либо; 4) притворяться, прикидываться кем- или чем-либо и под.

При максимальной семантической мотивированности (в кругу фразеологических сочетаний и фразеологизированных единиц) полисемия возникает еще реже, чем среди полностью немотивированных фразеологизмов. Так, всегда однозначны единицы типа: *злость* (досада) *берет*; *затронуть* (задеть) *чувство чести* (гордости); *щекотливый вопрос*; *щекотливое положение* (обстоятельство), (катиться) *по наклонной плоскости*; (быть, находиться) *на точке замерзания* и т. д. [108, с. 57].

Для разграничения разных значений одного и того же фразеологизма (следовательно, и для подтверждения его реальной многозначности) современные лингвисты называют несколько различных признаков.

1. Степень «семантической самостоятельности компонентов». При значительной их спаянности развитие новых значений фразеологизма более реально, чем при относительной независимости семантики каждого из них, так как для развития нового значения необ-

ходимо, чтобы оно возникло у каждого из компонентов одновременно, что практически невозможно [108, с. 57 и др.].

2. «Различная референтная отнесенность» каждого значения, т. е. связь с неодинаковым предметом мысли. Например, во фразеологизме *короче воробьиного носа* одно значение (очень мал, короток) соотносено с понятием размера, а второе (непродолжителен) с понятием времени [33, с. 85—86].

3. Соотнесенность с разными частями речи и выполнение неодинаковых синтаксических функций. Так, одно значение фразеологизма *тише воды, ниже травы* «робкий, скромный, незаметный» соотносится с прилагательными и выступает в роли определения; второе значение «робко, скромно, незаметно» связано с наречием и выполняет обстоятельственные функции.

4. Несходство грамматических условий реализации значений: различие в управлении, видовой, залоговой и т. д. отнесенности, связи с одушевленными-неодушевленными, конкретными-абстрактными именами и прочее. Например, фразеологизм *лить* (проливать) *кровь* в значении «погибать, умирать, защищая кого-, что-либо» употребляется с предлогом *за* и существительным в вин. пад. Значение «предавать смерти, убивать (на войне) кого-либо» реализуется в сочетании с род. пад. без предлога.

См. также грамматическую сочетаемость разных значений фразеологизма *втлпать* (*втоптать*) *в грязь* в значении «всячески унижать, оскорблять, чернить кого-либо». Он сочетается только с одушевленными существительными, а в значении «порочить, дискредитировать» *что-либо* — с неодушевленными существительными. Подобные различия свидетельствуют также и о несходстве в лексической сочетаемости, которая и сама по себе является одним из существенных различительных признаков полисемии.

Выделяются и другие, частные, критерии многозначности фразеологизмов:

1. Возможность образования сложных слов на основе того или иного значения фразеологизма. Так, сложное слово *кровопролитие* можно соотносить прежде всего со вторым значением фразеологизма *проливать кровь* (см. выше). Ср. также сложные слова типа *головомойка* от *мыть голову* — «очень бранить кого-то», *вертихвостка* от значения фразеологизма *вертеть хвостом*, т. е. «вести себя легкомысленно, неподобающим образом» и т. д.

2. Неодинаковая способность разных значений к синонимизации с другими фразеологизмами. Например, только значение «особенно громко» фразеологизма *во весь голос* вступает в синонимические отношения с фразеологизмами *во всю ивановскую*, *благим матом*. Значение же «открыто, во всеуслышание» (сказать, сообщить, заявить и т. д.) имеет вариант *полным голосом*, но не синоним.

3. Различие в стилиевой принадлежности и экспрессивно-стилистической окраске разных значений. Возьмем, например, фразеологизм *входить* (*войти*) *в силу*. В значении «приобретать большое влияние, упрочивать свое положение» он является межстилевым, стилистически нейтральным, в значении «становиться законным, дей-

ствующим» (о договоре, указе, законе) он относится к официально-деловому стилю, в значении «быстро расти, крепнуть» является принадлежностью разговорно-просторечного стиля, характеризуется коннотацией явной сниженности. Однако все значения у таких фразеологизмов, как и у многозначных слов, оказываются объединенными единым смысловым стержнем. Например, значение «говорить» является основой для обоих значений фразеологизма *дар слова* — 1) способность говорить (вообще) и 2) способность говорить свободно, выразительно, красноречиво. Общим образно-смысловым стержнем «выше обычного, общепринятого» объединены два значения фразеологизма *высоко летать* — 1) занимать видное, хорошее положение в жизни, обществе и 2) иметь о себе очень высокое мнение; заноситься.

Если смысловая связь между значениями утрачивается, прерывается или развитие значений компонентов одного и того же фразеологизма опирается на разные в смысловом плане слова, то возникают омонимичные фразеологические единицы. Так, однотипные фразеологизмы *пускать петуха*¹ — «издавать пискливый звук, сорвавшись на высокой ноте во время пения, речи» и *пускать петуха*² — «устраивать пожар, поджигать что-либо» возникли, видимо, сразу как омонимы, ибо в одном случае семантически опорным было представление о звуке, издаваемом петухом, во втором — о ярко-рыжем оперении некоторых пород и красном цвете гребня всех петухов. Фразеологизмы *пушкой не пробить*¹ — «очень много кого-либо, чего-либо» и *пушкой не пробить*² — «о ком-либо особенно упрямом» утратили общий смысловой стержень «много кого- или чего-либо» и стали омонимичными и т. д.

Перевод как многозначных, так и омонимичных оборотов требует особого внимания, поскольку сами по себе фразеологизмы, как правило, дословно непереводемы. Выяснению точности семантики помогает контекстуальное окружение. Сравним два предложения, в которых использованы разные значения одного и того же фразеологизма *без памяти*: *В Лефортове живет дядюшка, Семен Степаныч... Он без памяти любит вас и вашу Верочку (Ч.) — Схватила она эту газету и прямо без памяти в избу, сует ее дочери: «Читай, читай, дочка, скорее: что тут пишут?» (Б. Пол.).* В первом случае этот фразеологизм имеет значение «очень сильно, страстно, до самозабвения» (любить кого-либо, увлекаться кем-либо и т. п.), во втором — «очень быстро, стремительно, ни на что не обращая внимания» (*бежать, нестись, лететь, скакать* и т. п.). Но оба значения объединены единым смысловым стержнем «очень, сильно, значительно». Однако однотипный фразеологизм *без памяти* имеет и иное значение, семантически отошедшее от первых двух и ставшее омонимичным, «в восхищении, в полном восторге», например: — *По чести скажу вам: я до сих пор без памяти от вашего бригадира (Г.).*

Раскрытию семантики разных значений одного фразеологизма, как и значений совершенно различных, омонимичных единиц, нередко помогает анализ интонационного оформления речи (при устном ее выражении или вторичного воспроизведения письменной формы изло-

жения). Например, различным по интонации будет произнесение разных значений одной единицы *другое дело* — 1) совсем не то, что было, или совсем не так, как было; иначе; 2) нечто особое; то, что не следует смешивать с другим. Даже без контекста ясно, что в первом случае предполагается интонация экспрессии, выражающая одобрение, восторг, т. е. повышение и удлинение тональности слова *дело*. Для реализации второго значения характерна спокойная, стилистически нейтральная интонация точки с понижением тона в конце слова *дело*. Разной будет интонация при произнесении фразеологизмов-омонимов *язык проглотить*¹ — «съесть что-либо особенно вкусное» и *язык проглотить*² — «упорно молчать». В первом случае фразеологизм будет произнесен стилистически-экспрессивно, с повышением тона на втором гласном слова *язык*, во втором интонация близка к вопросительной, где несколько повышена тональность с конца первого и всего второго слова.

Естественно, что использование контекста в сочетании с интонацией и другими языковыми и языково-стилистическими средствами позволит точнее определить значение каждой фразеологической единицы, установить ее варианты, а также близкие или противоположные ей по значению, т. е. синонимичные и антонимичные единицы, что окажет существенную помощь в процессе работы над переводом текста с русского языка на иностранные, и наоборот с других языков на русский.

§ 64. Фразеологические синонимы, их типы, роль в языке.

Отличие синонимичных единиц от фразеологических вариантов

Если отношения внутри одной фразеологической единицы достаточно полно раскрывают явления многозначности, а при разрыве разных значений, утрате связи между ними или при параллельном возникновении новых единиц на базе того же словесного комплекса характеризуются появлением омонимичных единиц, то системные отношения между разными фразеологизмами четко прослеживаются прежде всего при сходстве или противоположности фразеологических значений, т. е. при выявлении их синонимии и антонимии.

К фразеологическим синонимам относятся близкие или тождественные по значению неделимые единицы, сходные по грамматической и функциональной роли, по-разному характеризующие обозначаемое явление. Например, фразеологизм *и был таков* имеет несколько синонимов с общим значением «исчез, скрылся»: *и след простыл*, *только и видели*, *поминай как звали*. Фразеологические синонимы, будучи сходными с лексическими, характеризуются следующими качествами: 1) предельно семантически сближаясь, они, как правило, имеют различие в оттенках значения, сфере употребления, стилевой принадлежности, экспрессивно-стилистической роли; 2) соотносятся с одной и той же частью речи; 3) бывают сходными и различными по структурно-грамматическим признакам; 4) отличаются одинаковой или сходной лексической (и синтаксической) сочетаемостью.

Рассмотрим отмеченные признаки на конкретных примерах.

1. Наличие оттенка значения или добавочного смысла помогает семантически четко отличать один синонимичный фразеологизм от другого и выбирать наиболее точный. Например, общность семантики «усердно трудиться» объединяет несколько фразеологизмов в один синонимический ряд: *засучив рукава — в поте лица, не покладая рук*. Но каждый из них вносит и особый, добавочный оттенок в общее значение: *засучив рукава* — «очень старательно»; *в поте лица* — «особенно интенсивно, прилагая все силы»; *не покладая рук* — «непрерывно, без усталости». Наличие такого рода оттенков значения, так называемых смысловых остатков обобщенной семантики фразеологизма, позволяет указанным синонимам выполнять в речи одну из основных функций — смысловоразличительную, оттеночно-смысловую, уточнительную. Приводимые фразеологизмы различаются и тем, что первый, являясь межстилевым, стилистически почти нейтральным, входит в состав общеупотребительной фразеологии. Вторым и третьим вносят в речь оттенок книжности.

Различия в стилиевой отнесенности и стилистической окраске (ср.: *разг.*, стилистически сниженные фразеологизмы со значением «средний, посредственный человек» *ни рыба ни мясо; ни в городе Богдан, ни в селе Селифан* с простореч., вульгарно-бранным синонимом *ни богу свечка ни черту кочерга*) позволяют подобным единицам служить средством стилиевой и собственно стилистической (коннотационной) характеристики высказывания, т. е. выполнять стилизационные и собственно стилистические функции.

2. По соотносительности с частями речи фразеологические синонимы бывают самыми разнообразными. Но чаще других в синонимические отношения вступают единицы глагольного и наречного типа [108, с. 72]. Например, глагольными будут такие фразеологизмы-синонимы, как *идти на поводу* (у кого-нибудь) — *плясать под чужую дудку; брать за горло — взять в переплет; дать задний ход — пойти на пятную; лезть в душу — втираться в доверие; замять разговор — прикусить язык; ум за разум заходит — голова кругом идет; вылететь в трубу — оказаться на бобах, остаться при пиковом интересе; ввести в заблуждение — сбить с толку; обвести вокруг пальца — натянуть нос, отвести глаза; смотреть сквозь пальцы — закрывать глаза и мн. др.* Наречными являются: *без сучка, без задоринки — комар носа не подточит; изо всех сил — во всю прыть, со всех ног, во весь дух; раз, два и обчелся — капля в море, кот наплакал; изо дня в день — день-деньской, из года в год, из века в век; во весь опор (дух) — во все лопатки, со всех ног, сломя голову; хоть отбавляй — куры не клюют, хоть пруд пруди; в два счета — в один прием; во весь голос — благим матом, во всю ивановскую и т. д.*

Вступают в синонимические отношения и фразеологизмы, соотносимые с другими частями речи, например существительными, прилагательными: *кровь за кровь — око за око* (о мести); *олух царя небесного — без царя в голове, дубина стоеросовая; земля обетованная — рай земной* (о мечте, особом состоянии блаженства); *между молотом и наковальней — между двух огней; между Сциллой и Харибдой*

(о двусторонней опасности); *вольный казак — сам себе голова* (об особой независимости, свободе); *на рыбьем меху — подбитый ветром* (о холодной одежде, не сохраняющей тепло); *кость от кости — плоть от плоти, кровь от крови* (родной); *стреляный воробей — тертый калач* (особенно опытный); *мало каши ел — нос не дорос* (неопытный, очень слабый); *одного поля ягоды — из одного теста сделаны, одним миром мазаны* (одинаковые, обычно обладающие отрицательными свойствами) и т. д.

Примечание. В последнем фразеологизме использована форма твор. пад. слова *миро* — «благовонное масло, употребляемое при христианских церковных обрядах». Первоначальное значение выражения *одним миром мазаны* — «одной веры». С этим словом связано устаревшее устойчивое словосочетание *помазанник божий* — «монарх, над которым совершен обряд помазания на царство».

3. Синонимичные фразеологизмы различаются также по структурно-грамматическим признакам. В отличие от синонимичных слов, объединяемых в однокорневые и разнокорневые фразеологизмы, образуют одноструктурные (с одинаковой моделью построения) и разноструктурные (с разной моделью построения) парадигмы. Первые типа: *в два счета — в один прием*; (говорить) *без обиняков — (говорить) без околичностей*; *хоть в петлю лезь — хоть в гроб ложись*; *задеть за живое — хватать за сердце* и т. д., обладают максимальной семантической близостью и относительно частой взаимозаменяемостью. Вторые типа: *высуня язык — как угорелый*; *умом не вышел — олух царя небесного*; *бабушка надвое сказала — вилами по воде писано*; *ни за что ни про что — за здорово живешь* и мн. под., такой возможностью взаимозаменяемости не обладают, поскольку у них ярче выступают различия как стилевой принадлежности, так и эмоционально-оценочные. Естественно, что подобные признаки не абсолютны, поскольку даже семантически близкие или тождественные фразеологизмы имеют (хотя бы очень маленькие в иных случаях) дополнительные оттенки значения, обусловленные теми или иными свойствами.

Наряду с одно- и разноструктурными фразеологизмами иногда выделяют так называемые сходноструктурные единицы [39, с. 117], у которых один из грамматически стержневых компонентов является одинаковым по структуре, а другие — разными, например: *биться об заклад — держать пари*; *брать себя в руки — овладевать собой*; *раззвонить во все колокола — кричать на всех перекрестках*; *ворон считать — чесать в затылке* (о ротозействе); *стереть в порошок — оставить мокрое место* и т. д.

4. Синтагматические отношения фразеологизмов-синонимов зависят, прежде всего, от степени сходства их обобщенно-образного значения, а также от стиливых и экспрессивно-стилистических свойств каждого. Так, лексическая и синтаксическая сочетаемость межстилевого, стилистически нейтрального фразеологизма *ни за что на свете* значительно шире, чем синонимичного ему *ни за какие блага*, который тяготеет больше к книжным стилям и отличается также по своей коннотации — она обусловлена, в известной мере, характер-

ными чертами компонента *блага* (книжн., высок.). Его сочетаемость контекстуально более ограничена. Еще заметнее отличаются связи третьего синонимичного этим двум фразеологизма, явно разговорного, стилистически сниженного — *ни за какие коврижки*. Ср. также зависимость лексико-синтаксических связей от указанных выше причин у фразеологизмов-синонимов *хоть головой об стенку* — *хоть плачь* — *хоть караул кричи* — *хоть пулю в лоб* — *хоть в гроб ложись* — *хоть в петлю лезь* — *хоть в омут головой*; *ни то ни сё* — *ни рыба ни мясо* — *ни в городе Богдан ни в себе Селифан* — *ни богу свечка ни черту кочерга* и мн. др.

Синонимия фразеологических единиц, как и слов, связана с явлением многозначности, так как семантическое сближение не всегда одинаково охватывает все значения фразеологизма. Фразеологизмы, взаимозаменяемые в одном из значений, утрачивают подобное свойство в другом (или других). Например, фразеологизм *валять дурака* имеет четыре значения: 1) дурачиться, паясничать, потешать глупыми выходками; 2) делать глупости; поступать не так, как следует; 3) притворяться глупым, непонимающим; 4) праздно проводить время, бездельничать, но синонимичные ему фразеологизмы характеризуют лишь последнее значение, ср.: *бить баклуши* — *лодыря гонять* — *плевать в потолок* — *на боку лежать* — *ворон считать*. Или: *точить язык* — 1) особенно изощряться в злословии по чьему-либо адресу; 2) болтать, пустословить — будет синонимичен со вторым значением «точить ляды (балясы)» и т. д.

Типы синонимичных фразеологизмов сходны с лексическими синонимами, т. е. могут быть выделены, с одной стороны, общие языковые (узуальные) идеографические, стилевые и собственно стилистические, с другой — контекстуальные (или окказиональные) фразеологические синонимы. К первым, например, относятся: *шагу негде ступить* — *яблоку негде упасть*, *иголку некуда воткнуть* (идеографические, уточняющие степень тесноты); (возводить) *воздушные замки* — (строить) *на песке* или *бить баклуши* — *собак гонять*, *лодыря корчить* (стилевые, где первые — книжные, второй ряд синонимов состоит из разговорно-просторечных фразеологизмов); *ни за что на свете* — *ни за какие блага в мире*, *ни за какие коврижки* (стилевые и собственно стилистические, так как первый — межстилевой, стилистически нейтральный, второй — книжный, с повышенной экспрессивно-эмоциональной оценкой, третий — разговорный, с несколько сниженной оценкой).

В роли контекстуальных синонимов выступают такие фразеологизмы, которые в общезыковом плане семантически не сближаются. Такой прием использует А. П. Чехов в «Рассказе неизвестного человека»: *Это был карьерист не до мозга костей, а глубже, до последней капли крови, и притом карьерист мелкий, неуверенный в себе*. Степень выражения меры «глубоко, основательно» раскрываемая одним из значений первого оборота усилена другим, который, казалось бы, имеет совсем иное значение «жертвовать всем, не жалея жизни» (в борьбе, битве и т. д.). Такое синонимическое сближение в

авторской речи выполняет определенную стилистическую роль. Однако среди фразеологических синонимов подобные типы выделяются менее четко и последовательно. Как уже отмечалось, значительная часть фразеологизмов возникает в речи в процессе развития у свободных словосочетаний устойчиво закрепленной коннотации. Следовательно, многим из фразеологизмов-синонимов присуща соотнесенность с разговорным стилем и дополнительные эмоционально-экспрессивные оценочные значения.

От фразеологических синонимов, компонентно-грамматический состав которых постоянен, современные исследователи (Н. М. Шанский, В. Н. Телия, В. П. Жуков, А. И. Молотков, Ю. А. Гвоздарев, Е. И. Диброва и др.) отличают так называемые фразеологические варианты. К ним относятся обороты, семантически полностью совпадающие, но отличающиеся либо грамматическим оформлением, либо наличием (или отсутствием) «семантически пустых компонентов» (по определению Н. М. Шанского), либо, наконец, собственно вариантными компонентами. Так, различно грамматическое оформление (падеж, число, время, формообразующие суффиксы и т. д.) фразеологизмов *закидывать удочку* — *закидывать удочки*; *бросает в жар* — *бросило в жар*; *кланяться в ноги* — *кланяться в ножки*; *положив руку на сердце* — *положивши руку на сердце*. Некоторые употребляются с компонентами, которые существенного влияния на общую семантику не оказывают. Ср.: *бабушка еще надвое сказала* — *бабушка надвое сказала*; *не находить себе места* — *не находить места*; *выплакать все глаза* — *выплакать глаза* и мн. др.

Несколько обособлены обороты, которые имеют в составе так называемые вариантные компоненты, например: *бряцать оружием* — *потрясать оружием*; *бросило в жар* — *бросило в краску*; *витать (парить) в облаках* — *парить (витать) в эмпиреях* и т. д. Они как бы дублируют друг друга. Поэтому Н. М. Шанский называет их «дублетными фразеологизмами-синонимами», отмечая при этом, что они связаны между собой «как производные и производящие» (так оборот *на всех парах* появился на базе фразеологизма *на всех парусах*) [108, с. 68], а В. П. Жуков считает, что подобные обороты «отвечают статусу промежуточных, переходных явлений от вариантности к синонимии» [39, с. 108—109].

Фразеологические синонимы и их варианты выполняют разнообразные смысло-различительные и эмотивные функции: позволяют уточнять те или иные представления о предмете, качестве, действии; разнообразить речь, освобождая ее от повторов; создают определенную экспрессию высказывания; являются средством выражения субъективной и объективной модальности и т. д. Словом, как и лексические синонимы, они играют большую роль в языке.

§ 65. Фразеологические антонимы, их типы и роль в языке

Во многом сходна и функционально-стилистическая роль фразеологических антонимов, которыми называют противоположные по значению фразеологизмы, соотносительные по основному

семантическому признаку, например *с открытой душой* — *с камнем за пазухой*; (*явиться*) *со щитом* — *на щите*, т. е. победителем — побежденным; (*передвигаться*) *черепашью шагом* — *семимильными шагами* т. е. особенно медленно — очень быстро; *на краю света* — *рукой подать*, т. е. очень далеко — совсем близко и т. д. Как видно из примеров, соотносительность антонимичных фразеологизмов наблюдается в сфере разнообразных признаков, указывающих на отношение к кому-либо, чему-либо; оценку действий, поведения; интенсивность действия; положение в пространстве и т. д.

Семантически и структурно-грамматически антонимия фразеологизмов образуется в результате замены одного из компонентов антонимичным знаменательным или служебным слогом *не из трусливого десятка* — *не из храброго десятка*; *язык хорош* — *подвешен* — *язык плохо подвешен*; *из одного теста* — *из другого теста*; *входить в колею* — *выбиваться из колеи*; *идти в гору* — *идти под гору*; *сбрасывать маску* — *надевать маску* или путем включения, а также исключения отрицания *не, без* (*жить в лад* — *жить не в ладу*; *без царя в голове* — *с царем в голове*) и т. д. Наряду с подобными сходноструктурными (или сходнокомпонентными) единицами в языке встречаются, как и среди синонимичных фразеологизмов, разноструктурные (*наставлять на ум* — *сбивать с толку*; *рукой подать* — *за тридевять земель* и др.).

Антонимичные парадигмы фразеологизмов в количественном отношении значительно уступают синонимичным, но в функционально-стилистическом плане они не менее значимы и выразительны. Активное освоение и умелое употребление фразеологических антонимов значительно обогащает устную и письменную речь.

§ 66. Отражение фразеологического значения в современных толковых и специальных фразеологических словарях

Устойчивые словосочетания издавна привлекали внимание исследователей и в той или иной мере находили отражение в толковых словарях. Наиболее последовательно собственно фразеологизмы, а также многочисленные пословицы и поговорки представлены в «Толковом словаре живого великорусского словаря» В. И. Даля. Они помещены после так называемой звездочки*, отделяющей оборот, пословицу и т. д. от слова или свободного словосочетания, с которыми автор их соотносит. Например, фразеологизм *бить баклуши* дан после примеров однотипных свободных словосочетаний, в то время еще активно используемых в языке (см. словарь, т. 1, с. 40).

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова впервые последовательно и в значительном количестве отражены фразеологизмы, помещаемые после знака $\diamond$ (в словарях, издаваемых с конца 40-х и начала 50-х годов этот знак указывает также на употребление того или иного слова в устойчивом словосочетании). Если опорное слово, по мнению составителей, употребляется только во фразеологизме, ему посвящается особая словарная статья. Например, слово *баклуши* сопровождается замечанием: «Только в выраже-

ний: *бить баклуши* (разг.) — бездельничать (...)», а далее раскрывается этимология оборота (т. 1, стлб. 79).

Широкое отражение нашли фразеологизмы в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, в МАС и БАС.

Существуют и специальные словари и справочники по русской фразеологии, которые начали появляться еще в конце XIX — начале XX в. Их авторы широко раздвигали границы понятия «фразеология». К таким словарям-справочникам относятся: Крылатые слова. По толкованию С. Максимова. 2-е изд. Спб., 1899 (переиздано в 1955 г.); *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. 1903—1904, т. 1—2 (переиздан в одном томе. Спб., 1912); *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1955; 2-е изд. М., 1960; *Булатов М. А.* Крылатые слова. М.—Л., 1958.; *Эльянова Н. М.* Крылатые слова. Их происхождение и значение. Л., 1971, и др.

В 1967 г. был издан под ред. А. И. Молоткова первый специальный «Фразеологический словарь русского языка». В нем объяснено свыше 4000 фразеологизмов, расположенных в алфавитном порядке составляющих компонентов (один и тот же оборот повторяется столько раз, сколько компонентов в его структуре, но толкуется только один раз в статье к тому слову, которое составителями признано семантически опорным). В словаре учитывается многозначность фразеологизмов; в конце некоторых статей приводятся синонимичные и антонимичные фразеологизмы; широко используются этимологические справки, а также стилевые и собственно стилистические пометы (*книжн.*, *прост.* или — *ирон.*, *неодобр.* и т. д.). Словарь несколько раз переиздавался.

В течение трех лет в журнале «Русский язык в школе» (1979, № 1—6; 1980, № 1 и 2; 1981, № 1) публиковался «Краткий этимологический словарь русской фразеологии». Его авторы Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов объяснили значение и происхождение более 1000 фразеологических оборотов, которые по тем или иным причинам являются неясными и кажутся немотивированными современным носителям языка. В соответствии с широким пониманием объема фразеологии в словарь включены как собственно фразеологизмы, так и фразеологизированные выражения, афоризмы, пословицы, составные термины и т. д. В словаре отражены достижения фразеологической науки, исследования по семантике и этимологии фразеологизмов.

В 1978 г. вышли в свет «Краткий фразеологический словарь русского языка» В. И. Зимина. В 1980 г. был издан «Школьный фразеологический словарь русского языка» В. П. Жукова. В нем объяснено около 1800 наиболее употребительных фразеологизмов, используемых в разных стилях речи. Приводятся устаревшие, а также новые обороты, например: *тянуть резину; на всю (полную) катушку* и т. д. В словаре приведены грамматическая и стилистическая характеристики, проставлены ударения, указана синтаксическая роль фразеологизмов, даны стилистические пометы. Все толкования сопровожда-

ются примерами из художественной литературы, а в ряде случаев — историко-этимологическими справками. Словарь является полезным пособием для всех изучающих русскую фразеологию.

В 1981 г. был издан «Словарь-справочник по русской фразеологии» Р. И. Яранцева. В нем объяснено около 800 фразеологизмов, расположенных в 47 тематико-ситуационных разделах, составляющих 3 части: «Эмоции», «Свойства и качества человека», «Характер явлений и ситуаций». Это новый тип словаря. Кроме традиционного толкования оборота, разного рода грамматических и стилистических помет и иллюстраций в нем указаны жизненные ситуации, при которых употребляется данный оборот, и жесты, которыми он может сопровождаться. В словарной статье, как правило, даны этимологические сведения о фразеологизме, приведены фразеологические синонимы и антонимы. Словарь предназначен в первую очередь для тех, кто изучает русский язык как неродной. Он может быть полезен также в практике устного и письменного перевода.

В 1966 г. был издан в двух книгах интересный и полезный для студентов иностранных факультетов и институтов «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода», авторы А. М. Бабкин и В. В. Шендцов. Словарь, как отмечено в предисловии, «является не только справочным пособием, но и упорядоченным сводом обширных материалов по иноязычной лексике и фразеологии и истории усвоения их русским литературным языком нового времени» (с. 4). Выражения, слова и цитаты расположены в алфавитном порядке, указывается источник заимствования, сфера употребления, дается толкование значения (или значений), определяется область применения, приводятся интересные примеры. Немало словарных статей сопровождают исторические, этимологические и другие справочные сведения.

В словарном секторе Института русского языка АН СССР готовится к изданию первый полный академический фразеологический словарь русского языка.

Активное ознакомление с фразеологическими словарями и овладение методикой работы с ними во многом облегчат творческие поиски нужных для перевода оборотов.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 145. Определите фразеологическое значение приводимых оборотов, составьте с каждым из них предложение. (Для справок используйте рекомендованные в § 66 словари.)

Беречь рану; воспрянуть духом; душа нараспашку; каким ветром (занесло); крутить носом; лезть в бутылку; мелко плавать; мизинца не стоить; рубить с плеча; ухо режет; хлопать глазами.

Упражнение 146. Выпишите из приводимых предложений фразеологизмы, определите их значение.

1. Процесс Лучинина выделяется только бешеными цифрами растрченных денег. Козлом отпущения являлся именно этот послед-

ний Лучинин (*М.-Сиб.*). 2. Матушка налила в кашницу из самовара крутого кипятку, все время сильно мешая ложкой (*А. Н. Т.*). 3. — Раиса, голубушка, прибодрись немного. Вот еще кто-то едет. Все вместе и переждем. Нельзя же так падать духом (*А. Н. Т.*). 4. В просторной братской могиле <...> поконится вечным сном железный командир Леонтий Шеткин (*Фурм.*). 5. У него был уживчивый, веселый нрав и легкая рука. Он угодил Данилову (*В. Пан.*). 6. На восторженные Володиных рассказы о Постникове курс реагировал по-разному ... Женя Степанов промямлил: — У тебя вечно телячьи восторги, Владимир! (*Ю. Герм.*).

Упражнение 147. Выпишите из приводимых предложений фразеологизмы. Укажите, по каким семантическим и тематическим признакам они могут быть объединены в соответствующие парадигмы.

1. Сам Рогожин весь обратился в один неподвижный взгляд. Он оторваться не мог от Настасьи Филипповны, он упивался, он был на седьмом небе (*Дост.*). 2. Нашлись, как и везде бывает, кое-кто не робкого десятка, которые не теряли присутствия духа (*Г.*). 3. Поклонник Баха и Генделя <...> Лемм со временем — кто знает? — стал бы в ряду великих композиторов своей родины, если б жизнь иначе его повела; но не под счастливой звездой он родился! (*Т.*) 4. [Старуха:] Он смиренный, как девушка, и мухи не обидит (*А. Остр.*). 5. [Таня] обратилась в ходячие живые мощи (*Ч.*). 6. Ему [Петру Первому] уже пятнадцатый год пошел. Вытянулся с версту коломенскую (*А. Н. Т.*). 7. Парень был здоровенный, кровь с молоком, но говорил слабым и женственным голосом (*А. Н. Т.*). 8. Гудим любит стройку, живет партработой, и у него нет ни одного свободного часа для себя. Это живая энциклопедия и чувствительный нерв всей сложной строительной жизни (*Гладк.*). 9. Леонтьев улыбнулся: до чего чудесный народ — беспокойный, талантливый, золотые руки! (*Пауст.*). 10. Я люблю людей — душа нараспашку, чтоб человек и поработать как следует умел <...> и разговор чтобы хороший держать мог (*Б. Пол.*). 11. Такие гуси, как Козырев <...> храбрятся только в отсутствие законных супруг. В мирное время они тише воды, ниже травы (*Ю. Герм.*). 12. Девушка не робкого десятка. Свернула с дороги, видит — на дереве погашенный парашют белеет, а под деревом человеческий силуэт (*Б. Пол.*).

Упражнение 148. Укажите (письменно) основные признаки фразеологических сращений, единств, сочетаний и фразеологизированных выражений (или оборотов). Пользуясь словарями, подберите для иллюстрации примеры.

Упражнение 149. Ознакомьтесь с исследованием: *Кожин А. Н. Составные наименования в русском языке* (на материале военно-деловой лексики). — В сб.: *Мысли о русском языке* / Под ред. В. В. Виноградова. М., 1969. Подготовьте реферат этого исследования, обратив особое внимание на сопоставительную характеристику составных наименований и фразеологических сочетаний.

Упражнение 150. Укажите, являются ли приводимые фразеологизмы однозначными или многозначными. Определите их значения, обращая внимание на интонацию произнесения фразеологизма.

Вести начало; вгонять в пот; куда глаза глядят; комар носа не подточит; попадать в руки; по крайней мере; смотреть в оба; перела-

мывать себя; подбитый ветром; где раки зимуют; развешивать (развесить) уши; рука не поднимается; точить язык.

Упражнение 151. Определите значение приводимых фразеологизмов путем подбора синонимического оборота. Укажите, какова семантическая роль интонационного выделения того или иного компонента.

Без обиняков; без сучка, без задоринки; (быть) наверху блаженства; вгонять в гроб; владеть собой; ворон считать; выйти из себя; вытянуть душу; говоря по совести; гнуть спину; делать нечего; действовать на нервы; достать со дна моря; не верить своим ушам; портить кровь (себе; кому-либо); пальцем не шевелить; переходить границу; положить под сукно; понимать с полуслова.

Упражнение 152. Определите, какой вид системных отношений характеризует в приводимых примерах фразеологизмы. Обратите внимание на их стилистические функции.

1. Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает порошу, да будет солдат (П.). 2. И великие писатели бывают подвержены риску исписаться, надоесть, сбиться с панталыку и попасть в тираж (Ч.). 3. Это был карьерист не до мозга костей, а глубже, до последней капли крови, и притом карьерист мелкий, неуверенный в себе (Ч.). 4. — То-то, я смотрю, лицо знакомое, а главное: голос — труба иерихонская. Ни у кого больше не встретишь такой медной глотки! (Степ.)

5. — Да ведь он поднадзорный! — сказал ротмистр с упреком.

— Слышал. Однако полагал, что человек исправляется.

— Исправляется? — обрезал ротмистр начальственно. — Не слышал, чтобы такие тертые калачи, этакие стреляные воробьи исправлялись (Фед.).

Упражнение 153. Ознакомьтесь с приводимыми примерами. Определите значение фразеологизмов в каждом из них. Сопоставьте свои определения с теми, которые даны в толковых или специальных фразеологических словарях. Укажите, есть ли различие в толковании и чем это можно объяснить.

1. Медовый месяц давно прошел, а он <...> еще не знает, что за человек его жена (Ч.). 2. Капитан-лейтенант Ракитин, <...> впервые назначенный командиром, еще переживал медовые месяцы власти (Станюк.). 3. В этот период, когда он [Илья Репин] писал мой портрет, он ездил в город на все мои лекции, читал тогдашние мои книги, и вообще то был медовый месяц наших отношений, никогда уже не повторявшийся снова (К. Чуков.). 4. Ни посторонний человек, ни посторонняя книга не могли пробиться сквозь ту китайскую стену, которой г-жа Ельцова отделила свою Верочку от всего живого мира (Писарев). 5. Кавелин перестал бывать в заседаниях факультета. — Там, — говорил он, — китайская стена, ее ничем не пробьешь (Пантелеев).

Упражнение 154. Найдите в приводимых примерах фразеологизмы, определите их значение. Укажите: 1) являются ли синонимами обороты, употребляемые в одном и том же примере; 2) есть ли различия между ними и в чем они заключаются; 3) каковы стилистические функции синонимичных оборотов.

1. Я изнывал в отсутствие Зинаиды: ничего мне на ум не шло, все из рук валялось, я по целым дням напряженно думал о ней (Т.).

2. — Подумайте, милая! Сегодня Дыба покажет, где раки зимуют, завтра — куда Макар телят не гонял, послезавтра — куда ворон костей не заносил ... (С.-Ш.). 3. Дочь Ефимья после свадьбы уехала с мужем в Петербург, прислала два письма и потом как в воду канула, ни слуху ни духу (Ч.). 4. Сколько движения и огня в этом лице! Она глядела на него и чувствовала себя на седьмом небе, наверху блаженства (Ч.). 5. — Ну, что, Америку открываете? — спрашивал меня отец Михей каждый раз, когда мы встречались... — Не-ет, батенька, не те времена, чтобы лежать на боку да плевать в потолок. Перестраиваемся, голубчик, перестраиваемся (М.-Сиб.). 6. — Пойдите, пойдите ... не приходите в раж, не лезте на стенку, ведь вы не выслушали нас (Сераф.). 7. — А попозже — помиритесь! — из своего угла сказал Семисадов. — Свой своему завсегда кум... Все вы одним миром мазаны (Ю. Герм.). 8. Поэзию встречай с эпохой рядом. На всем бегу, На всем скаку, На всех парах (М. Свет.). 9. Я был везде: у черта на куличках, От родины за тридевять земель (М. Дудин).

Упражнение 155. Подберите к приводимым фразеологизмам антонимичные обороты. Определите их значение, обращая внимание на семантическую роль интонации.

Воспрянуть духом; впадать в отчаяние; гладить по шерстке; добро пожаловать!; в двух шагах; игра стоит свеч; заклятый враг; легок на подъем; не из храброго десятка; не выходит из ума; повернуться лицом (к кому-либо); пришлось по душе; рука не дрогнет; черепашным шагом; через час по чайной ложке; ювелирная работа.

Упражнение 156. Выпишите из приводимых примеров антонимичные единицы (фразеологизм и фразеологизм, слово и фразеологизм, свободное словосочетание и фразеологизм), определите их значение и способ употребления (примеры заимствованы у Р. Н. Миллер [56].)

1. Курилов много думал об этих людях, потому что глядел на них не из вчерашнего дня, а из завтрашнего (Леон.). 2. Весь класс в турпоход идет, а Юрка смеется: «Да нет, я сути ваших походов не понимаю. Зачем куда-то тащиться, если до Сокольников и Измайлова рукой подать? Пришел туда, костер разжег, песни попел — и домой. Чего за тридевять земель ехать?» (Юность, 1978, № 1). 3. Они не долго входили в его жизнь, но так же легко и выходили, не оставив следа (Б. Пол.). 4. При этом по всей реке стоит стеклянный звон. По высоте этого звона догадываешься, набирает ли дождь силу или стихает (Пауст.). 5. — Ты только смотри, храни секрет, — сказал он. — Я не проболтаюсь никогда! — пообещал счастливый Ленька: (С. Баруздин) 6. Прототипы бывают терпимыми и понятливыми, но, бывает, лезут в бутылку (Г. Горышин). 7. Быть самонадеянным все-таки лучше, чем жить чужим умом (С. Сартаков).

Упражнение 157. Укажите, какие из приводимых попарно фразеологизмов являются синонимичными, а какие — вариантными.

От альфы до омеги — от аза до ижицы; брать слово (слова) назад — брать слово (слова) обратно; впадать в детство — впадать в ребячество; выйти из колен — выбиться из колен; гнуть спину — тянуть лямку; гнуть спину — гнуть горб; гора упала с плеч — гора

с плеч; держать в струне — держать в узде; "держать в струне — держать в ежовых рукавицах; мороз по коже — мурашки по спине; (быть, находиться) на отшибе — (быть, находиться) на отлете; сесть в лужу — сесть в калошу; точить лясы — точить зубы; хоть бы хны — хоть бы что.

ЧАСТЬ II

СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ РАЗНЫМИ ПРИЗНАКАМИ И ХАРАКТЕРОМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

ГРУППЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОБЪЕДИНЯЕМЫЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИМИ ПРИЗНАКАМИ

§ 67. Структурно-семантические типы фразеологизмов

По структуре и присущей им обобщенно-целостной семантике выделяются две основные группы фразеологизмов:

1) Фразеологические единицы и фразеологизированные выражения, имеющие форму самостоятельных предложений типа: *А судьи кто? А Васька слушает да ест. А ларчик просто открывался. Бабушка надвое сказала. Кот наплакал. Раз, два и обчелся. Только боги бессмертны* и т. д.

В роли предложений чаще всего выступают фразеологизированные выражения, восходящие к цитатам, ставшим крылатыми, обладающими обобщенно-метафорической семантикой, а также собственно фразеологизмы коммуникативного характера [108, с. 216], например: *комментарии излишни; руки не доходят; от корки до корки; держи карман шире; дело — табак; сам себе голова* и мн. др.

2) Фразеологические единицы, имеющие форму словосочетания: *дары природы; девичья память; дух времени; манна небесная; демьянова уха; на край света; кровь с молоком* и т. д. Их лексико-грамматические свойства и выделяемые в связи с этим группы самые разнообразные.

§ 68. Лексико-грамматический состав фразеологизмов

По лексическому значению, грамматическому составу и общеграмматической характеристике выделяются две основные группы фразеологизмов.

Во-первых, такие обороты, которые объединяются грамматическим сходством компонентного состава:

а) сочетание имени прилагательного и имени существительного: *белая ворона; двуликий Янус; заколдованный круг; коломенская верста; лебединая песня; мелкая сошка; наклонная плоскость; путеводная звезда; телячьи нежности; фиговый листок* и т. д.;

б) сочетание имени существительного в им. падеже с существительным в род. падеже: *бразды правления; дух времени;*

мания величия; ноль внимания; точка замерзания; чувство локтя; яблоко раздора; ящик Пандоры и т. д.;

в) сочетание имени существительного в им. падеже и существительного с предлогом: *борьба за существование; буря в стакане воды; дело в шляпе; душа в душу; кровь с молоком; море по колено; путевка в жизнь; человек в футляре; чудеса в решете* и т. п.;

г) сочетание имени прилагательного с предлогом (в препозиции) с именем существительным: *на короткой ноге; на живую нитку; по свежим следам; по старой памяти; со спокойной совестью; с незапамятных времен; при пиковом интересе* и под.;

д) сочетание глагола с именем существительным (без предлога и с предлогом): *бить тревогу; брать пример; заронить искру; коптить небо; напустить туману; обдать презрением; подвести мину; сжигать мосты; бросаться в глаза; брать на буксир; вгонять в пот; водить за нос; задеть за живое; держать в руках; ловить на лету; отбиться от рук; попасть в тон; плыть по течению; смотреть из рук; согнуть в дугу; хвататься за ум* и мн. др.;

е) сочетание глагола с наречием: *видеть насквозь; попасть впросак; поставить в тупик; пойти насмарку; разбиться вдребезги* и т. д.;

ж) сочетание деепричастий с именем существительным (или существительных с предлогом): *высунув язык; засучив рукава; положить руку на сердце; сломя голову, крепя сердце; спустя рукава* и др.

Во-вторых, такие фразеологизмы, которые объединяются соотношенностью с той или иной частью речи и сходством выполняемых функций [58, с. 126 и дал.]:

а) именные фразеологизмы, выступающие в предложении в роли подлежащего, дополнения или именной части сказуемого: *авгиевы конюшни; бездонная бочка; дамоклов меч; первая скрипка; альфа и омега; до седых волос; хождение по мукам; якорь спасения* и мн. др. Именные фразеологизмы объединены семантически (обозначают предмет) и грамматически (имеют род, число, падеж). С точки зрения синтаксической они могут при сочетании со словами согласовываться, управлять и быть управляемыми;

б) глагольные фразеологизмы: *бить челом; бросать тень; бряцать оружием; валиться с ног; вбивать клин; витать в облаках; заронить искру; класть зубы на полку; мозолить глаза; пустить петуха; хранить молчание* и мн. др. Глагольные фразеологизмы объединены семантикой (выражают действие или состояние) и грамматическими категориями (вид, время, лицо, залог). В предложении они выполняют по преимуществу роль сказуемого. В сочетании с другими словами они могут согласовываться, управлять или быть управляемыми;

в) адъективные фразеологизмы: *без царя в голове; гол как сокол; звезд с неба не хватает; из молодых да ранний; на рыбе мэху; одним миром мазаны; тяжел на подъем* и т. д. Адъективные обороты обладают сходным значением качественной

характеристики лица или предмета (ср.: *себе на уме и пальчики оближешь*). Они имеют, как и прилагательные, зависимые грамматические категории рода и числа. В предложении выполняют функции определений или выступают в роли именной части сказуемого;

г) наречные (адвербиальные) фразеологизмы типа: *бок о бок; вверх дном; вверх тормашками; душа в душу; в мгновение ока; нос к носу; не покладая рук; один на один; до положения риз; через пень колоду; в поте лица* и т. д. Семантическое сходство с наречиями заключается в том, что они характеризуют качество действия или указывают степень качественной характеристики лица, предмета. В предложении выполняют роль обстоятельств;

д) междометные фразеологизмы: *ближе к делу; вот тебе и на! в добрый час! дуй тебя горой! знай наших! вот так функт! мать честная! ни пуха ни пера! хоть караул кричи!* и т. д. Как и соответствующие слова, подобные фразеологизмы используются для выражения различных волевых побуждений, эмоций, чувств.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 158. Ознакомьтесь с приводимыми ниже тезисами доклада Л. И. Ройзензона и Ю. Ю. Авалиани «Сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический и ареальный аспекты изучения фразеологии» (в сб.: Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Тезисы докладов межвузовской конференции 30 мая — 2 июня 1965 г. Вологда, 1965); Подберите примеры подобных сопоставлений в иностранных языках.

[Имеющиеся в тезисах ссылки на специальную научную литературу не приведены].

Интенсивная работа в области изучения фразеологии, проведенная главным образом советскими учеными за последние десятилетия, позволяет выдвинуть новые аспекты исследования фразеологических материалов на базе родственных и неродственных языков.

В первую очередь, очевидно, следует развернуть работу в области изучения фразеологии родственных языков. Именно здесь существуют наиболее благоприятные перспективы. Несомненно, что наряду с фонетикой, морфологией, синтаксисом и лексикой родство языков, унаследованное от праязыка, может иметь место и в области фразеологии. Но в силу ряда причин, связанных со спецификой самой фразеологии, воссоздание древнейшего фразеологического фонда определенной группы языков будет сильно затруднено, а в некоторых случаях просто невозможно. Поэтому на первый план следует, по нашему мнению, выдвинуть не сравнительно-исторический аспект, ведущий к восстановлению фразеологии праязыка, а сравнительно-сопоставительный аспект, позволяющий установить моменты схождения и расхождения родственных языков в синхроническом плане. Например, русское *кожа и кости*, словенское *sama kost in koza* и т. д. (в нем., англ., франц. отсутствуют точные эквиваленты этого оборота). Ср. русское *молоко у него на губах не обсохло*, сербохорватское *jos ti mlijeko iza zuba tece*, словенское *mleko semu se ni posusilo*.

Иной характер носит структурно-типологический аспект в области фразеологии, предполагающий исследование особенностей построения фразеологических образов (в их конкретной языковой реализации) безотносительно к тому, являются ли анализируемые языки родственными или неродственными. В этом случае нас будут интересовать закономерности возникновения одинаковых (или почти одинаковых) по своей образно-идиоматической природе устойчивых выражений. Ср. фразеологизм *плавает как топор* (русское) и *плавает как молоток* (японское) — в значении «не умеет плавать». Но структурно-типологическое изучение фразеологии может дать положительные результаты не только при исследовании одинаковых по значению оборотов разных языков (т. н. межязыковых фразеологических омонимов), но и в том случае, когда речь идет о семантически разных выражениях, содержащих похожие идиоматические образы. Ср. русское *ни два ни полтора* и словенское *ni pet ni sest*; или английское *white day!* в значении — «счастливого дня (Вам)» (пожелание) и узбекское *ок йул!* — «счастливого пути» (пожелание); русское *через пятое на десятое* и чешское *pate pres devate*.

Структурно-типологическое изучение фразеологии может проводиться, на наш взгляд, в очень широких масштабах. Фразеологизм в отличие от слова (при его эквивалентности слову) заключает в себе обычно элементы имплицитного суждения, эмоционально-оценочной характеристики действительности. Естественно, что аналогичные факты и явления действительности могут в ряде случаев вызвать аналогичные реакции познающего субъекта (в особенности там, где нет повода для социально дифференцированных оценок).

Эти обстоятельства вызывают необходимость в привлечении к исследованию логических и ассоциативно-психологических связей.

Несмотря на несомненные успехи ареальной лингвистики, она до последнего времени опирается не на все, а лишь на некоторые области языкознания (фонетика, морфология и др.). Что же касается таких областей, как фразеология, то о ней в ареальной литературе даже не упоминается. А между тем материалы фразеологии некоторых языков, носители которых составляют известный географический район культурно-исторической общности, позволяют предположить наличие определенных ареалов, возникших и на основе фразеологической общности этих языков.

Можно, например, говорить о восточнославянском и — шире — о восточноевропейском ареале, о среднеазиатском ареале и т. д.

Причина возникновения таких ареалов лежит в тесных языковых, политико-экономических и историко-культурных контактах соседствующих народов на протяжении длительного периода времени. Конкретно-лингвистическое выравнивание фразеологических составов контактирующих языков часто пролегает через билингвизм, благодаря фразеологическому калькированию.

Ср., например, русское *дух времени*; словенское *duh casa*; сербохорватское *duh vremena*; немецкое *der Geist der Zeit*; фран-

цузское *Lesprit du temps*; английское *spirit of the age*; или: словенское *drago je prodal svojo koso*; немецкое — *er verkaufte seine Haut teuer*; французское *il a vendu cher sa peau*; или: русское *одна ласточка весны не делает*, сербохорватское *jedna lasta ne cini proljesa*; немецкое *eine Schwalbe macht keinen Sommer* и т. д.

Некоторые полностью совпадающие по образной основе и грамматической структуре фразеологизмы требуют более пристального внимания с учетом возможного калькирования, хотя это и не разрушает их ареального характера. Ср. русское *сидеть между двух стульев*; французское *etre assis entre deux chaises*; немецкое *zwischen zwei Stühle sitzen* и т. д.

Совпадение фразеологических фактов часто свидетельствует об общности традиций, обычаев, норм поведения, свойственных соседствующим этническим коллективам. Таковы, например, формулы приветствий, пожеланий... и т. п., бытующие у народов Кавказа, Средней Азии и т. д.

Ср., например, осетинское *фэрнзйздаг фзуэд уэ ног хэдзар*, курдское *мала и ава бэ, шен бэ* — «да процветает ваш дом»; осетинское *дэ бон хорз! Сэба тэ хер* — «да будет день твой добрым!»... и т. д.

Упражнение 159. Составьте из приводимых фразеологизмов парадигмы в соответствии с их лексико-грамматическими признаками.

Авгиевы конюшни; без году неделя; бровью не повести; с булавочную головку; глаза продавать; горькая пилюля; водой не разольешь; волчьи законы; выйти в тираж; злые языки; знай наших!; и концы в воду; колумбово яйцо; крокодиловы слезы; крутой нрав; место под солнцем; невзирая на лица; носить на руках; обвести вокруг пальца; первая ласточка; последняя спица в колеснице; присутствие духа; просится на язык; разрази меня гром!; на роду написано; руки опускаются; слюнки текут; собиравшись с духом; хлеб да соль!; хождение по мукам; якорь спасения.

Упражнение 160. Приведите в контексте, пользуясь «Фразеологическим словарем русского языка» под ред. А. И. Молоткова, по два примера именных, глагольных, наречных и междометных фразеологизмов. Укажите, какова их синтаксическая роль.

Упражнение 161. Определите значение приводимых оборотов и укажите, какие из них имеют морфологические варианты (падеж, число, время, вид и т. д.).

Воды не замутить; вскинуть глаза; вилами по воде писано; высунув язык; и горя мало; дух захватывает; дохнуть некогда; золотые горы; играть на нервах; из-под самого носа; идти ва-банк; ни кола ни двора; лезть в глаза; ловить на слове; ломиться в открытую дверь; накрутить хвост; ни за понюх табаку; ни синь пороху; плечо к плечу; положить руку на сердце; попадать впросак; подставлять ногу; посыпать главу пеплом; пустой звук; скатертью дорога; слухом не слышать; стенка об стенку; стирать грань; во вся тяжкая; ума помрачение; хоть глаз выколи; читать между строк.

Упражнение 162. Определите значение приводимых фразеологизмов. Укажите, какие компоненты семантически полнзначны и обязательны, а какие факультативны.

Держать под своим крылышком; держаться в рамках приличия; как дважды два четыре; как две капли воды; загубить свою душу; замкнуться в себе самом; зарубить себе на носу; зарыть свой талант в землю; и концы в воду; класть себе в карман; как только земля носит; как у себя дома; имя же им легион; и мы пахали; из-под самого носа; отойти от мира сего; как собака на сене; смешать все карты; пора и честь знать.

ГРУППЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ,
ОБЪЕДИНЯЕМЫЕ ГЕНЕТИЧЕСКИМИ ПРИЗНАКАМИ
§ 69. Исконные и заимствованные фразеологизмы

Значительную часть современной фразеологической системы составляют исконные русские обороты, т. е. общеславянские, восточнославянские и собственно русские. Так, к первым, унаследованным русским языком (и другими славянскими языками) из общеславянского (праславянского), относятся, например, *брать за живое* (ср.: польск. *brać za żywe*); *гол как сокол*; (*дать*) *березовой каши*; (ср.: бел. даць бярозавай кашы; укр. дати березової каші; чешск. *dať březové kaše*); *дать (показать) трепака* (ср.: чеш. *dát/dělat třepanky*); *заварить кашу* (и антонимичный *расхлебывать кашу*); *как у Христа (бога) за пазухой* (ср.: бел. як у бога за пазухою; польск. *jak u Pana Boga za pachą*); *клевать носом*; *лить воду* (пустословить); *ни рыба ни мясо* (ср.: бел. ні рыба ні мяса; польск. *ni ryba ni mięso*), *ни богу свечка ни черту кочерга*; *один как перст (палец)*; *повесить нос и повесить нос на квинту* (ср.: бел. вешаць нос на квінту; болг. провесам нос; польск. *zwiesić nos* и *zwiesić nos na kwintę*; словацк. *zvesiť nos*; слоенск. *nos je robesil*); укр. *вішати ніс*, обусловленные, по-видимому, более древним индоевропейским оборотом, о чем свидетельствуют англ. *to spite one's nose*; нем. *die Nase hangen lassen*; фр. *baïsser le nez*); *сгореть (сжечь, спалить) дотла*; *собак вешать на кого-либо*; *свистеть в кулак* и т. д.

Восточнославянскими являются обороты типа *без царя в голове* (и антонимичный *с царем в голове*); *глухая тетеря*; *набились как сельди в бочке*; *искать (ловить) ветра в поле*; *ни кола ни двора* (ср.: бел. ні кала ні двара; укр. ні кола ні двора); *подложить свинью*; *при царе Горохе* (ср.: бел. цара Гароха помніць; укр. за царя Гороха); (*сменять*) *шило на мыло*; *толочь воду в ступе*; *точить балясы (лясы)* (ср.: бел. тачыць лясы; укр. точити ляси); *наговорить бочку арестантов (небылиц)*.

Примечание. В. М. Мокиенко убедительно доказывает древнее диалектное происхождение слова *арестант* — «мелкая сушеная рыба». Он же отмечает, что со значением *рассказать* «нечто неправдоподобное» оборот известен и в польском языке [59, с. 140 и др.].

Однако большую часть фразеологизмов составляют собственно русские образования. Например: *воробышья ночь* (о чем-либо очень непродолжительном); *выколачивать деньги*; *высунув язык*; *держать язык за зубами*; *для отвода глаз*; *дела как сажа бела*; *жалкие слова*; *с гулькин нос*; *во все тяжкие*; *всем миром* (где

мир — сельская община); *трескучий мороз*; *хлопот полон рот* и многие другие, среди которых немало пришедших из профессионально-жаргонной речи, а также из территориальных диалектов.

Профессиональными по происхождению являются фразеологизмы *тянуть канитель*, *попасть впросак* (из речи ткачей); *ни сучка ни задоринки*; *снять стружку, отделать под орех* (из речи столяров); *клеить позором, согнуть в три погибели*, *на лбу написано, пока суд да дело, отложить в долгий ящик, положить под сукно, чернильная душа, на нет и суда нет, взятки гладки* (от древних обычаев пыток и наказаний, а также — последние 6 оборотов — из канцелярско-приказной речи); *сестя на мель, плыть по течению* (и антонимичный *плыть против течения*), *отдать концы, выбросить за борт, брать на буксир, всплыть на поверхность, вывести на свежую воду* (из речи моряков и речников), *играть первую скрипку* (и антонимичный *играть последнюю скрипку*), *попасть в тон, сойти со сцены* (из речи музыкантов и артистов); *пускать пары, дать задний ход* (из речи железнодорожников); *попасться в сети* (на удочку), *клюнуть на крючок* (на удочку), *сматывать удочки, лезть на рожон* (где *рожон* — заостренный кол, вилы), *холостой выстрел* (из речи рыбаков, охотников) и т. д.

К жаргонно-арготическим восходят обороты (из речи бурлаков): *тянуть лямку, дело — табак* (а затем по этой модели, как отмечает Н. М. Шанский, и *дело — дрянь, дело — труба* и под.); (из речи карточных игроков): *пиковое положение, при пиковом интересе, выйти из игры, идти ва-банк, карта бита, втереть очки, рвать и метать* и др.

Диалектными, связанными с трудом и бытом дореволюционного крестьянства, являются фразеологизмы: *поворачивать оглобли*; *из кулька в розожку*; *не солоно хлебавши*; *топорная работа*; *подкавать сани* (обмануть); *попасть в переплет*; *не всякое лыко в строку*; *не мытьем так катаньем*; *дым коромыслом*; *скалить зубы*; *выносить сор из избы*; *на воде вилами писано* и др.

К собственно русским относятся многие цитаты и меткие выражения, которые превратились в так называемые фразеологизированные обороты, т. е. лексически неделимые с целостным метафорическим значением, например: *шумим, братец, шумим*; *демянова уха*; *медвежья услуга*; *а Васька слушает да ест*; *с корабля на бал*; *пир во время чумы*, *лукавый царедворец*; *герой нашего времени*; *без руля и без ветрил*; *на ловлю счастья и чинов*; *карась-идеалист*; *премудрый пескарь*; *толстый и тонкий*; *на деревню дедушке*; *человек в футляре*; *рожденный ползать — летать не может* и др.

Перевод исконных фразеологизмов и фразеологизированных оборотов русского языка вызывает трудности, так как далеко не всегда в других языках могут быть подобраны тематически и семантически близкие эквиваленты, особенно в том случае, когда фразеологизмы содержат наименования национальных реалий или топонимы (например, *Москва слезам не верит*; *ехать в Тулу со своим самоваром* и т. д.). В этом случае помочь может только

проникновение в языковую систему как родного, так и изучаемого языка (или языков). Кроме того, необходимо хорошо знать соответствующие двуязычные фразеологические словари. Например, фразеологизм *Сколько лет, сколько зим!* — <Как давно!> (восклицание при встрече после долгой разлуки) дословно нельзя перевести на немецкий язык. Он может быть передан лишь путем раскрытия значения: 1) *Wie lange hat man sich nicht gesehen!* 2) *Ich habe dich eine Ewigkeit nicht gesehen.* То же самое можно сказать о фразеологизме *обещанного три года ждут* — <о длительном невыполнении данного обещания>. Он может быть переведен описательным толкованием: *Auf Versprachene lange warten.*

Чешский лингвист А. Ф. Вурм в статье «Сходства и различия русской и чешской фразеологии» (см.: Русская речь, 1976, № 4, с. 113—117) отмечает: «Сопоставление фразеологии — весьма сложное дело потому, что эта часть словарного состава наиболее специфична, наиболее национальна и колоритна» (с. 113). Он приводит пример формального совпадения русских и чешских фразеологизмов при полном различии значений: русские *тьма тьмущая* и *смотреть сквозь пальцы* совпадают с чешскими *tma tmouci* и *dívat se skrz prsty na koho*. Но значения русских <бесчисленное множество> и <намеренно не замечать чего-либо> не имеют ничего общего с чешской семантикой <очень темно> и <смотреть на кого-либо свысока, относиться к кому-либо с пренебрежением> (с. 115). Это является причиной серьезных ошибок в переводных текстах.

Итак, исконные фразеологизмы языка, составляющие основу русской фразеологии, требуют глубокого, всестороннего изучения.

Вторую группу (или парадигму) генетически сходных фразеологизмов составляют, как и в лексике, разного рода заимствования. Известны две основные подгруппы: фразеологические заимствования из славянских и неславянских языков, в особые подгруппы могут быть выделены полные и частичные фразеологические кальки и обороты, употребляемые без перевода.

К славянским заимствованиям относится в первую очередь группа фразеологизмов из старославянского языка (точнее, из библейско-евангелических текстов, переведенных на старославянский язык). Например, *альфа и омега; в поте лица; второе пришествие; глас вопиющего в пустыне; запретный плод; земля обетованная; злачное место; имя им легион; исчадие ада; камень преткновения; краеугольный камень; кость от кости; манна небесная; притча во языцех; разверзлись хляби небесные; святая святых; хлеб насущный; Фома неверный* и др. К этим собственно старославянским заимствованиям примыкают и «возникшие позднее на базе библейских и евангельских мифов уже в русском языке» [107, с. 138], т. е. заимствованными являются те или иные образы, а не дословно переводимые обороты. Например, образ, использованный в тексте Остромирова евангелия: *«Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные»* стал основой оборота *волк в овечьей*

шкуре. Так же возникли фразеологизмы *зарыть талант в землю*, *авилонское столпотворение*, *избиение младенцев* и т. д.

К этой группе заимствований относятся и фразеологизмы, пришедшие из других славянских языков: *Люди, будьте бдительны!* — крылатое фразеологизированное выражение из чешского языка, принадлежащее Юлиусу Фучику («*Lidé, bděte!*»); фразеологизм *вешать нос на квинту* (из польского, в котором он является вторичным, контаминированным вариантом общеславянского (и шире — индоевропейского) *вешать нос* (польск. *zwiesić nos*) и *спустить на квинту* (польск. *spiścić na kwintę*, где *kwintę* — самый высокий тон) [59, с. 118].

Фразеологизмы, заимствованные или калькированные из неславянских языков, составляют значительную группу. Среди них немало оборотов из античной мифологической литературы, ставших интернациональными. Например: *авгиевы конюшни*; *аннибалова клятва*; *ариаднина нить* (и *нить Ариадны*); *аттическая соль*; *ахиллесова пята*; *бездонная бочка*; *вещая Кассандра*; *геркулесовы столпы*; *гордиев узел*; *дамоклов меч*; *двуликий Янус*; *драконовы законы*; *из рога изобилия*; *муки Тантала* (и *танталовы муки*); *прометеев огонь* и т. д. Многие фразеологизмы пришли из западноевропейских языков (например, пословицы, поговорки, цитаты или «осколки» цитат, ставшие крылатыми, лексически неделимыми оборотами, обладающие метафорическим содержанием: *с высоты птичьего полета*; *аппетит приходит во время еды*; *буря в стакане воды*; *принцесса на горошине* и т. д., а также фразеологизированные выражения, которые употребляются целиком или в усеченной форме, в переводе или без перевода: *Быть или не быть?* *Вот в чем вопрос* (как правило, используется лишь первая часть цитаты); *Мавер сделал свое дело, мавер может удалиться* (чаще встречается первая часть); *после нас хоть потоп* (известно и без перевода: *Après nous le déluge*) и т. д. Последний вид выражений представляет собой так называемые фразеологические кальки, т. е. такие иноязычные обороты, которые переводятся пословно, поэтому их смысл складывается из соединения значений каждого переведенного элемента. Например, латинские изречения, нередко употребляемые и без перевода: *Modus vivendi*; *Non multa, sed multum* и калькированные — *образ жизни*; *не много, но многое*. Ср. также итал. *Finita la commedia* — *комедия окончена*; англ. *sweating system* — *потогонная система*; *blue stocking* — *синий чулок*; *time is money* — *время — деньги*; *flying saucer* — *летающая тарелка*; нем. *Strohwitwe* — *соломенная вдова*; *aufs Haupt schlagen* — *разбить на голову*; *Da ist der Hund begraben* — *вот где собака зарыта*; франц. *tuer le temps* — *убить время*; *idée fixe* — *идея фикс*; *faire la cour* — *строить куры*; *la lune de miel* — *медовый месяц*; *être assis entre deux chaises* — *сидеть между двух стульев*; *marché noir* — *черный рынок* [4].

§ 70. Русские фразеологизмы в других языках мира

Естественный процесс развития любого языка предполагает обогащение исконной лексики и фразеологии теми или иными заимствованиями из языков тех народов, с которыми в процессе исторического развития наблюдались общественные, политические, торговые и культурные контакты.

Русский язык в послереволюционный период получил большое распространение. С 1944 г. он стал одним из пяти официальных языков мира (см. § 41). Интерес к нему возрастает из года в год. Все больше русских слов и оборотов входит в многочисленные языки народов СССР.

Некоторые из собственно русских фразеологизмов и фразеологизированных оборотов вошли в языки других стран. Так, в чешском языке есть кальки с русских оборотов: *герой нашего времени* — *hrdina naši doby*; *зеленая улица* — *zelená*; *медвежья услуга* — *medvedí služba*; *отцы и дети* — *otcové a děti*; *как прошлогодний снег* — *jako loňský sních*; *социалистическое соревнование* — *socialistické soutěžení*; *кто кого* — *kdo s'koho*; *кто не работает, тот не ест* — *kdo nepracuje, at nejí* и др. [27].

Русские фразеологизированные выражения и устойчивые сочетания освоены болгарским, польским, венгерским языком. Ср., например: в польском ранее калькирование фразеологизма *у черта на куличках* — *u czorta na kuliczkach* и более позднюю трансформацию — *u diabła na kuliczkach*; см. также недавние заимствования в этих языках; *коллективное хозяйство*; *социалистическое соревнование*; *борьба за мир* и т. д. Немало подобных оборотов освоено английским языком: *Советская власть*; *пятилетний план*; *дом отдыха*; *лагерь мира, демократии и социализма*; *парк культуры* и т. д.

Таким образом, процесс развития и обогащения различных языков всегда бывает взаимным, и русский язык активно участвует в этом процессе.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 163. Определите, пользуясь «Кратким этимологическим словарем русской фразеологии» Н. М. Шанского, В. И. Зимина, А. В. Филиппова, происхождение приводимых фразеологизмов; распределите их в две группы — исконные и заимствованные (в том числе и калькированные). Укажите источник заимствования.

Адмиралский час; алгебра революции; алые паруса; бабье лето; битый час; бросать камень; вариться в собственном соку; взгляд и нечто; висеть на волоске; во весь дух; водой не разольешь; время работает на нас; втирать очки; гомерический хохот; городу и миру; держать пари; жалкие слова; заговор молчания; зеленая улица; как пить дать; кожа да кости; купить кота в мешке; лучше меньше да лучше; мелкая сошка; на седьмом небе; не по дням, а по часам; нет дыма без огня; обратная сторона медали; от доски до доски; пятая колонна; разделить под орех; рука руку моет; строить на песке (песке); танцевать от печки; убить время;

уйти в свою скорлупу; хождение по мукам; хоть бы хны; шиворот-навыворот; яблоко раздора.

Упражнение 164. Выпишите из приводимых примеров выделенные фразеологизмы, распределяя их по группам в зависимости от происхождения. Объясните значение, подбирая, где возможно, синонимичные обороты или слова.

1. [Яичница:] Я согласен *на кулаки*: и в самом деле меня берет задор... (Г.). 2. — Да что вы на меня так уставились? Неужто же в самом деле мне было *тянуть да тянуть эту канитель*? (Г.). 3. ...Я должен сознаться, что Поликсена Ивановна ежели не прямо *вложила персты в язвы*, то во всяком случае довольно близко нащупала *больное место* (С.-Щ.). 4. ...Сытость буржуа дошла до таких *геркулесовых столпов* (С.-Щ.). 5. Перед Кашириным стояло своего рода *прокрустово ложе*, в котором он обязывался ожидать *заката дней своих* (С.-Щ.). 6. Это не *крик сердца*, а только предумышленный *отвод глаз* (С.-Щ.). 7. И что же? Представьте себе, я же должен был от него *во все лопатки удирать* (С.-Щ.). 8. Федосенч рванул дверь и, согнувшись *в три дуги*, пропустил его превосходительство мимо себя (Дост.). 9. Сергей Иванович, умевший как никто, для окончания отвлеченного и серьезного спора, неожиданно *подсыпать аттической соли* и этим изменить настроение собеседников, сделал это и теперь (Л. Т.). 10. В суфлерской будке барон исполняет свои священные обязанности, так он зарабатывает себе кусок *насущенного хлеба* (Ч.). 11. У секретаря затрепетало под сердцем. *Муки Тантала* были ему не по силам (Ч.). 12. ...Но раз он уж очутился в вагоне, на него *машут рукою* и, без всяких тасканий к начальству, просто высаживают на следующей станции: все равно *взятки с него гладки* (Верес.). 13. По гавани с коммерческих и военных судов разноголосе прозвучала медь *отбиваемых склянок* (Нов.-Пр.). 14. Хорошо вам. *Мертвые сраму не имут*. Злобу к умершим убийцам туши. Очистительнейшей влагой вымыт грех отлетевшей души (В. М.). 15. — Энергетика, — сказал строитель, — это основа, *альфа и омега* народной жизни (Пауст.). 16. А я уж на всякий случай в одном месте *закинул удочку* насчет турбины (Баб.). 17. Немцы вели себя на Украине, как временщики. *После нас хоть потоп*, рассуждали эти временщики (Рябов). 18. У вас все *получается вкривь и вкось*, — сказал Тавров, глянув через плечо Ольги на эскиз декорации (Копт.).

Упражнение 165. Приведите примеры исконных русских и заимствованных фразеологизмов, пользуясь «Словарем-справочником по русской фразеологии» Р. И. Яранцева. Дайте их полную характеристику: значение, структурно-грамматические признаки, интонационные и ситуативные особенности.

Упражнение 166. Приведите 10 примеров заимствованных фразеологизмов, употребляемых без перевода и переведенными. Для справок используйте «Словарь иноязычных выражений и слов» А. М. Бабкина и В. В. Шендеева, а также «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова.

Упражнение 167. Выпишите, пользуясь «Фразеологическим словарем русского языка» под редакцией А. И. Молоткова, из словарной статьи к фразеологизму *точить лысы (точить баясы)* данную в конце этимологическую справку. Ознакомьтесь с новой этимологией данного оборота в учебном пособии В. М. Мокиенко «Славянская филология» (М., 1980, с. 30–39) и подготовьте устное сообщение на эту тему.

ГРУППЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ,
ОБЪЕДИНЯЕМЫЕ СТИЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ
И СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ

Стилевая и собственно стилистическая классификация (см. § 48) фразеологизмов играет существенную роль — она позволяет глубже изучить семантику и наметить потенциальные пути и возможные границы использования тех или иных оборотов. В современной фразеологической системе с точки зрения выполняемых функций и сферы распространения выделяются, как и в лексической системе, две большие стилевые группы: фразеологизмы разговорных и книжных стилей. Промежуточное положение занимают межстилевые фразеологизмы. Однако стилевая маркированность еще не полностью раскрывает все свойственные тем или иным фразеологизмам собственно стилистические признаки, т. е. прежде всего их коннотативную сущность — степень экспрессивности, вид эмоциональности, характер оценочности и т. д. или отсутствие всего этого, т. е. стилистическую нейтральность оборотов.

Рассмотрим отдельные группы фразеологизмов.

§ 71. Межстилевые (стилистически нейтральные) фразеологизмы

Общеупотребительные фразеологизмы, выполняющие в разных стилях в основном номинативную функцию, сохраняя, как правило, и стилистическую нейтральность, называются **межстилевыми**. Подобные обороты *сдержан слово; из года в год; иметь в виду; раздвигать рамки; держать себя в рамках (в руках); поднять уровень; не по адресу; брать (взять) слово с кого-либо; вести свою линию; точка зрения; удельный вес кого-, чего-либо* и многие другие одинаково употребительны и в книжных, и в разговорных стилях. Ср., например: — *Ну, узнал ты, наконец, свой удельный вес, понял, какую тебе линию вести надо?* Или: — *Имейте в виду, что с точки зрения сугубо хозяйственной проблема зимнего лова не так уж важна. Его удельный вес в годовом плане рыбодобычи пока весьма незначителен* (Чак.), где одни и те же межстилевые фразеологизмы употреблены и в собственно разговорной речи, и в устной форме передачи официально-деловой констатации факта.

Однако нередко общеупотребительные межстилевые фразеологизмы сосуществуют в языке со своими разговорными (или книжными) вариантами. Так, замена компонента *вести* в обороте *вести свою линию* на компонент *гнуть* превращает межстилевой оборот в разговорный. Ср. также семантико-стилевое различие синонимичных фразеологизмов *ни за что на свете* (межстилевой) и *ни за какие блага в мире* (книжный) и т. д.

§ 72. Разговорные фразеологизмы, их стилистические свойства

Разговорные, а также их разновидность — просторечные фразеологизмы в отличие от межстилевых используются, как правило, в разговорно-бытовой сфере общения. Они

характеризуются большей образностью и некоторой сниженностью стилистической оценки (шутливые, фамильярные, иронические, бранные и т. д.). Ср. для примера межстилевые фразеологизмы с их разговорными (или просторечными) синонимами: *не мое дело — мое дело — сторона, моя хата с краю; быть на чеку — держать ушки на макушке; страх берет — душа в пятки уходит; поджилки трясутся; ни за что ни про что — за здорово живешь; отвести глаза — обвести вокруг пальца, натянуть нос; оказаться в чьей-то власти — оказаться в когтях, быть в лапах у кого-либо; мороз по коже — мурашки по спине бегут; в самой поре — в самом соку; прибрать к рукам — наложить лапу; хоть разорвись — хоть лопни; хоть бы что — хоть бы хны* и мн. др.

Разговорными являются и такие фразеологизированные обороты, которые генетически соотносятся с пословично-поговорочными выражениями: *голод не тетка; первый блин комом; после дождичка в четверг; семь пятниц на неделе* и др. Разговорные фразеологизмы все чаще используются в книжных стилях, например в газетно-публицистическом, а также в стилях художественной литературы. Являясь иностилевым вкраплением, они выполняют самые разнообразные функции (см. подробнее § 50).

К разговорной фразеологии, как уже говорилось, относятся и обороты просторечного характера. Как и соответствующие лексические группы, подобные фразеологизмы стоят за пределами литературного языка, но входят в состав общенародного. Они обладают ярко выраженной оценочностью. Некоторые из них являются бранно-вульгарными. Ср., например, собственно разговорные и разговорно-просторечные синонимичные обороты: *бить баклуши — лодыря корчить; ни аза в глазу — ни в зуб ногой, ни уха ни рыла; олух царя небесного — дубина стоеросовая; ни рыба ни мясо — ни богу свечка ни черту кочерга; не чист на руку — охулки на руку не положит; намылить голову, задать перцу — намять бока, дать по шее; точить лясы (балясы) — языком чесать; как ни так — черта с два* и т. д.

Употребление подобных фразеологизмов должно быть весьма ограничено даже в сфере устного общения. Они могут использоваться в языке художественных произведений только с четко определенной стилистической целью: передать специфику устной речи героев, охарактеризовать отдельные отрицательные стороны жизни, для создания общего сниженного тона повествования и т. д. Те же функции выполняют подобные слова и в практике устного и письменного перевода.

§ 73. Книжные фразеологизмы, их стилистические признаки

Оборотов книжного типа в языке намного меньше, чем межстилевых и разговорных. Например, «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова из 4000 фразеологизмов приводит немногим более 40 с пометой «книжный». Сфера их употребления уже, главным образом в письменных формах книж-

ных стилей (в публицистике, общественно-политической, художественной литературе и т. д.).

Книжные обороты генетически восходят к разным источникам. Это и библейско-евангельские «осколки» цитат, например: *глас вопиющего в пустыне*; *золотой телец*; *имя же им легион*; *египетская казнь*; *каинова печать*; *камни вопиют*; *колосс на глиняных ногах*; *посылать главу (голову) пеплом*; *фиговый листок* и т. д.; это и фразеологизмы, связанные с античной и классической историей, литературой, мифологией: *аркадская идиллия* — «счастливая, безмятежная, мирная, ничем не омрачаемая жизнь» (от названия Аркадии — центра гористой части Пелопоннеса, где мирно жили островоды и землепашцы); *аттическая соль* — «тонкое, изящное остроумие, насмешка» (от названия древнегреческой области Аттика — центра умственной и духовной жизни того времени); *взлететь на Геликон* — «стать поэтом» (от названия горы Геликон в Древней Греции, считавшейся местом пребывания муз); *прокрустово ложе*; *прометеев огонь*; *перейти рубикон*; *разрубить гордиев узел*; *эзоповский язык*; *ящик Пандоры* — источник несчастий, бедствий и т. д.; это и собственно фразеологизмы, а также фразеологизированные выражения из научно-терминологических и профессиональных систем: *абсолютный нуль*; *сводить к нулю*; *ставить знак равенства*; *сила притяжения*; *точка опоры*; *центр тяжести*; *путеводная звезда*; *звезда первой величины*; *сгущать краски*; *возвратить к жизни*; *горькая пилюля*; *до последнего дыхания*; *брат на бордаж* и т. п.; это и обороты, восходящие к общественно-политической, публицистической и художественной литературе: *гражданский долг*; *сын отечества*; *дух века*; *узы братства (узы дружбы)*; *по ту сторону баррикад*; *холодная война*; *административный восторг*; *последний из могикан*; *двадцать два несчастья* — «о неудачниках, с которыми постоянно что-нибудь случается»; *тридцать пять тысяч курьеров* — «чрезмерное преувеличение, хвастовство»; *держат порохов сухим* — «быть предусмотрительным, соблюдать меры предосторожности» и др.

С точки зрения стилистической книжным фразеологизмам присущи, как правило, дополнительные экспрессивно-эмоциональные оценки (риторичность, торжественность, приподнятость, ирония и т. д.), т. е. разного рода коннотативные значения. Ср. книжные фразеологизмы с синонимичными межстилевыми или разговорными словами и оборотами: *перейти рубикон* — «решаться на что-либо важное»; *бесполезный человек* — «абсолютный нуль»; *золотой телец* — «деньги»; *египетская казнь* — «беда, тяжелое положение»; *(находящийся) по ту сторону баррикад* — «враг, неприятель»; *двадцать два несчастья* — «неудачник» и т. д.

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 168. Подберите, пользуясь словарями, примеры употребления фразеологизмов разговорного и книжных стилей. Объясните их стилистическую роль.

Упражнение 169. Определите значение, стилевую принадлежность и коннотативные признаки приводимых фразеологизмов. Составьте с ними предложения.

Без руля и без ветрил; без царя в голове; вавилонское столпотворение; вековая тишина; ворона в павлиньих перьях; закадычный друг; из кулька в рогожку; олимпийское спокойствие; краеугольный камень; не солоно хлебавши; чудеса света.

Упражнение 170. Ознакомьтесь с приводимыми отрывками из поэмы Сергея Васильева «Достоинство» (первый — из части «Главный диалог», второй — из части «В Берлин»). Определите стилистические функции используемых фразеологизмов.

1. ...Врасплох попав «на агитпробу»,
не думал Карбышев, не знал,
что «залучить его особу»
сам Гитлер строго приказал.
Что Пелит* хапнул крупный куш бы
за то, чтоб, взятый на прикол,
плененный Карбышев на службу
к фашистской клике перешел.

(*Пелит — комендант Хаммельбурга, фашистского центра по обработке военнопленных)

2. <...> В чем «фокус» срочного этапа
под наблюдением двоих
елейных типов из гестапо,
излишне вежливых таких?
Сам комендант, полковник Пелит,
изволил выезд подписать.
Когда фашист так мягко стелет,
учти, что жестко будет спать.

Упражнение 171. Найдите в приводимых примерах фразеологизмы, определите их значение, стиливую принадлежность и коннотативные свойства. Укажите, в чем заключаются особенности их употребления.

1. Тонкорунная овечка панургова стада (С.-Щ.).
2. Беличье колесо компромиссов (С.-Щ.).
3. Теория ежовых рукавиц, теория макаров, где-то телят не гоняющих, и ворон, куда-то костей не заносящих (С.-Щ.).
4. Ну, и создается из этого гвоздя программы загвоздка, задерживающая открытие школы года на три (М. Г.).
5. Таким образом, дамский клуб будет поставлен совершенно на мужскую ногу (М. Г.).
6. Он когда-то имел свои прински, однако рабочие, которых он злостно эксплуатировал, выпустили его в трубу и решили убить его (Шишк.).
7. Лес берегами как руками развел — и вышла река (Пришв.).
8. Шантаж называя долгом высоким, Обман громоздя на обман, Они выжимают последние соки Из обескровленных стран (Сурк.).
9. — Только не увлекайтесь, дорогой товарищ, вместе с ним. Не витайте в облаках, когда под ногами ухабы (Кетл.).
10. Камни бывают злобные, Наглые, лупоглазые, Камни бывают подлые — Те, что лежат за пазухой (И. Снегова).

ГРУППЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОБЪЕДИНЯЕМЫЕ АКТИВНОСТЬЮ ИЛИ ПАССИВНОСТЬЮ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Фразеологическая система русского языка при всей значительности своего состава, весьма неоднородна по активности употребления тех или иных оборотов. С этих позиций в ней, как и в лексической системе, выделяются две основные группы: активно используемых фразеологизмов и пассивной части фразеологического состава, которую составляют две подгруппы: устаревшие фразеологизмы (историзмы и архаизмы) и новые. Среди последних, занимающих промежуточное положение между активной и пассивной фразеологией, основное место принадлежит общезыковым (узуальным) фразеологическим новообразованиям, но могут быть выделены и окказиональные (контекстуальные, авторские) фразеологизмы.

§ 74. Фразеологизмы активного употребления

К активным относятся фразеологизмы, широко употребляемые в разных сферах и хорошо известные и понятные его носителям. Например, *голова идет кругом* (чья, у кого) — 1) кто-либо испытывает головокружение (от усталости, переутомления и т. п.); 2) кто-либо теряет способность ясно соображать от множества дел, забот, переживаний и т. п.; *держат нос по ветру* — «применяться к обстоятельствам, беспринципно меняя свои убеждения, свое поведение»; *золотить (позолотить) пиллюю* — «смягчать, скрашивать чем-либо неприятность, обиду, причиняемую кому-либо»; *из молодых да ранний* — «не по годам опытный, изворотливый, ловкий и т. п.»; *отбиваться (отбиться) от рук* — «переставать подчиняться кому-либо».

Активно употребляемыми являются и новые обороты, сравнительно недавно возникшие, но успевшие стать общезвестными. Появление одних из этих оборотов обусловлено экспрессивно-метафорическим переосмыслением составных терминологических наименований типа *лобовая атака*; *брат штурмом*; *выйти на орбиту*; *мягкая посадка* и т. д. Другие являются следствием фразеологизации метких, образных высказываний, выражений того или иного писателя, поэта, общественно-политического деятеля. Обычно они быстро становятся крылатыми. Четкость их первоначальной авторской отнесенности и контекстуально-стилистической обусловленности стирается, так как они приобретают обобщенно-метафорический смысл. Например, в 20—30-е годы возникли широко известные в наши дни фразеологизмы *свинцовые мерзости* — «особенно темные стороны человеческой жизни» (выражение М. Горького из повести «В людях»); *как закалялась сталь* — «о жизни, полной революционной борьбы и героического труда» (Н. Островского); *дело пахнет керосином* — «о предчувствии чего-либо опасного, неприятного, нечистого» (выражение М. Кольцова, употребленное

им в одном из фельетонов); *галопом по Европам* — «о поверхностном знакомстве с чем-либо» (от названия статьи поэта А. Жарова о поездке в Европу); *хрестоматийный глянec* (выражение В. Маяковского) и мн. др.

§ 75. Фразеологизмы пассивного употребления

К пассивным запасам фразеологии относятся главным образом устаревшие обороты, а также вновь созданные индивидуально-речевые фразеологизмы, употребление которых остается контекстуально ограниченным.

Среди устаревших выделяются историзмы и архаизмы (см. § 55). Историзмами являются обороты, обозначающие ушедшие из современной жизни явления действительности: *адмиральный час*; *временно обязанный*; *забрить лоб*; *мировой судья*; *столбовые дворяне*; *черта оседлости* и др. Некоторые фразеологизмы хотя и употребляются в языке, однако до сих пор сохраняют в своем составе слова-историзмы, которые называют понятия, предметы, давно ушедшие из активного употребления. К ним относятся обороты типа *турусы на колесах* — «вздор, бессмыслица, вранье», где слово *турусы* объясняется двояко: 1) наименование древнерусской осадной башни «тур, тарасы», от лат. *turris* — башня, которая казалась чем-то необыкновенным, фантастическим; 2) искаженное наименование татарских войлочных домов «улусов», которые ставились на колеса, их появление в русских селениях в период монголо-татарского ига вызывало страх, поэтому последующие рассказы об этом представлялись чем-то невероятным, кошмарным (заметим, что первая этимология более убедительна); *гол как сокол* — «очень беден, абсолютно нищему», где *сокол* — название старинного стенобитного орудия с гладкой металлической поверхностью (таран); *ни кола ни двора* — «абсолютно ничего», где *кол* — древнерусское название надела — участка земли возле двора, т. е. дома со всеми прилегающими постройками, и т. д.

Гораздо больше сохранилось в пассивных запасах языка фразеологических архаизмов типа: *бить челом*; *беречь (хранить) как зеницу ока*; *в кои веки*; *заблудшая овца*; *ни зги не видно*; *лечь костью*; *ничтоже сумняшеся (сумняся)* — «ничуть не задумываясь, не сомневаясь в чем-либо, не колеблясь, ни перед чем не останавливаясь»; *на смертном одре* (*одр* — ложе больного); *не на живот, а на смерть* (*живот* — жизнь); *око за око*; *плести словеса*; *по градам и весям* (*веси* — села, деревни); *сгореть до тла* (*тло* — основание); *яко тать в нощи* (*тать* — вор) и т. д.

Устаревшие фразеологизмы, как и слова подобного типа, требуют особого внимания при переводе, поскольку и сами компоненты-наименования устаревших предметов, явлений, и образный смысл тех или иных оборотов тесно связаны с национальной жизнью, бытом, культурой давно прошедших лет. Поэтому необходимо глубокое освоение и современного значения и хорошее

знание этимологии семантически опорных компонентов устаревшего фразеологизма.

Контекстуально-речевые фразеологизированные выражения характеризуются тем, что они, как правило, создаются с использованием общеязыковой фразеологической модели, но являются более образными и выразительными для четко определенного контекста. В таких оборотах часть компонентов сохраняется, и это позволяет слушателю или читателю соотносить их с уже известными. Так, остается в пассивном словаре окказиональное преобразование А. П. Чеховым фразеологизма *синий чулок* «женщина, лишенная женственности, обаяния и всецело поглощенная книжными, научными интересами» в антонимичный *розовый чулок*, применяемый для определения устами героя рассказа «Розовый чулок» Сомова «женщин хорошеньких, но глупеньких, простеньких, узеньких», которые способны лишь «мужа любить, детей родить и салат резать». Обусловлено актуализацией местного северного колорита обновление фразеологизма *кот заплакал* у Ю. Семенова: *Началась война с Россией. И когда Эрика Коха, гаулейтера Восточной Пруссии, назначили рейхскомиссаром Украины, Тербовен, с завистью вздыхая, стал ненавидеть Норвегию. «Что это за страна... Сопки. Леса. Тундра. Населения морж заплакал. Угля, нефти нет, а о сельском хозяйстве и говорить не хочется»* («Северные разведчики») [58, с. 196—197].

В фельетоне А. Моралевича «Туманы — почтой» полностью переосмыслиется фразеологизм *или пан или пропал*: *«...» Только газ гармонирует с современным прогрессивным жилищем. Не место печной архаике в доме селянина... Или буган, или пропан* *«...»* (см. примеры создания других окказиональных фразеологизмов в статье Н. Ф. Шумилова «Фразеологический оборот в современном фельетоне». — Русская речь, 1978, № 4, с. 88—90).

Как и устаревшие фразеологизмы, подобные новообразования требуют особого осмысления при переводе и, как правило, подробного комментирования, чтобы точнее передать авторский замысел и стилистику текста.

§ 76. Функционально-стилистическая роль фразеологизмов

Фразеологические единицы являются одним из наиболее выразительных стилистических средств языка. Поэтому они так широко используются в разных стилях речи как готовые экспрессивные, образные определения, сравнения, как эмоционально-изобразительные характеристики тех или иных героев, их действий, окружающей действительности и т. д. Для выявления функционально-стилистической роли и собственно фразеологизмов и разного рода фразеологизированных выражений большой материал дают наблюдения над языком художественной литературы (и поэтическим и прозаическим) и публицистики (в особенности таких ее жанровых разновидностей, как памфлет, фельетон, очерк).

Собственно функциональная роль фразеологизмов сходна с той,

которая присуща словам (см. § 52). Однако в отличие от слов преобладающей для большей части фразеологизмов является не номинативная, а эмотивная, экспрессивно-синонимическая функция. Так, даже фразеологизмы, обладающие, казалось бы, номинативным значением (*адмиральский час; бабье лето; волчий билет; второе дыхание; заключительный аккорд; медовый месяц; путеводная нить; чистая доска* и др.), как правило, в устной и письменной речи кроме называния дают и дополнительную характеристику предмета, явления, действия, качества и т. д. Например: **Заключительным аккордом к 1903 году прогремели по всему рабочему югу России июльские стачки. Рабочий класс, выпрямляясь, заставлял трещать уже подточенное здание царской монархии** (П. Караваев). Или: — *Так и я женился, и начался хваленый медовый месяц. Ведь название-то одно какое подлое! — с злобой прошипел он* (Л. Т.). Заметим, однако, что в данном случае дополнительную образность создает не столько фразеологизм, сколько определение — антифразис (см. § 32) к нему, а также последующее раскрытие семантики, вкладываемой рассказчиком в этот оборот.

Еще более заметной является коннотативность фразеологизмов, обладающих, как и многие слова, экспрессивно-синонимическим значением. Приемы их использования разнообразны — и без изменения семантики, состава, формы (т. е. в общепринятом, узуальном виде), и с разного рода авторскими обновлениями (формы, семантики, состава, заменой компонентов и т. д.), т. е. в их контекстуально-речевом, окказиональном варианте. И те и другие фразеологизмы выполняют в тексте определенную стилистическую роль. Например, вместо слов *бездумно, не задумываясь* К. Паустовский в романе «Дым отечества», характеризуя действие одного из героев, использует фразеологизм *очертя голову*: *Ее [Татьяну Андреевну] привлекла в Швейцере ребячливость, склонность его увлекаться очертя голову, рыцарство, ироническое отношение к самому себе.* Для наименования способности А. Бестужева говорить свободно, выразительно, красноречиво (т. е. для длинной описательной характеристики) М. Нечкина в книге «Грибоедов и декабристы» употребляет фразеологизм *дар слова*: *Надо добавить, что в этом дружеском кругу собрались люди с широким политическим кругозором и с яркими ораторскими дарованиями. Известно пламенное, зажигательное красноречие Рылеева и дар слова декабриста А. Бестужева.* В обоих примерах и разговорный оборот *очертя голову* и стилистически нейтральный *дар слова* не только называют, но и оценивают, т. е. выполняют смешанную номинативно-эмотивную функцию. Метко и точно характеризует героя в соединении с соответствующими лексическими средствами и общеупотребительный фразеологизм *хоть куда* — «хороший, достойный человек»: *Словом, Теркин, тот, который На войне лихой солдат, На гулянке гоств не лишний, На работе — хоть куда* (Твард.).

Однако гораздо чаще в речи писателей и публицистов использование фразеологизмов сопровождается их переосмыслением, модернизацией, что превращает общезвестные обороты в контексту-

ально-речевые, окказиональные. Ср., например, меткую характеристику отдельных иностранных туристов у Л. Леонова: *Туристы тоже едут, иногда с бандерой за пазухой*, где вместо обычного компонента *камень* использован образ ярого врага советского народа, палача, фашистского прихвостня Бандеры.

Актуализируют внимание читателя и дают образно-ироническое представление о размахе деятельности одного из химических концернов Запада авторски переосмысленные и объединенные в единое целое узуальные обороты *чужими руками жар загребать* и *не хватает рук* (что-либо делать): *Бедный «И Г Фарбен»! Как тут не жаловаться, когда рук не хватает, чтобы загребать барыши* (Ф. Румянцев). Индивидуально трансформированным, ярко оценочным является и фразеологизм *волк в овечьей шкуре* в публицистическом произведении Ф. Румянцева «Спут с берегов Темзы»: *На этом можно было бы поставить точку, если бы из-под овечьих шкур недавних друзей не стало проглядывать волчье обличье*.

Прием авторской трансформации путем замены одного из компонентов фразеологизма широко использовали в своих произведениях И. Ильф и Е. Петров. Так, явно сатирическое значение имеет окказиональное обновление фразеологизма *прокрустово ложе* (замена компонента и употребление в форме множественного числа): *Пресса открыла ужасные неполадки в раскладушечном деле. Тысячи дачников и дачниц, которые приобрили эти прохвостовы ложа, ругались очень крепкими словами*. Или использование в названии главы антонимичного компонента для создания комического эффекта: *Аппетит уходит во время еды* («Одноэтажная Америка»). Антонимическое переосмысление и обновление фразеологизма в заголовке позволяет Ст. Рассадину образно, метко охарактеризовать суть одной из литературоведческих статей, посвященных анализу поэзии Фета: *Ложка меда в бочке воды* (ср.: *ложка дегтя в бочке меда*) (см.: Лит. газ., 1976, 11 февраля, с. 5).

Нередко в произведениях для углубления содержания, создания второго семантического плана, подтекста сталкиваются слово в его прямом значении и в виде компонента метафорически осмысленного, в составе собственно фразеологизма или фразеологизированного выражения. Например, в стихотворении Р. Казаковой «Не ходи за мной как за школьницей» усиление выразительности и углубление смысла достигается соединением слова *тяжела* и фразеологизированного сочетания *сила тяжести* — «совокупность нравственных и физических переживаний»:

И когда-нибудь мне, отважась, ты
скажешь так, что пойму, —
как тебе твоя сила тяжести
тяжела одному.

Ср. использование словосочетания *сила тяжести* в прямом терминологически точном значении — «энергия как причина, выводящая тело, материю из состояния покоя или изменяющая направление, скорость движения» — Арсеньева: *Сначала в каменной по-*

роде появляются трещины; они увеличиваются в размерах, сила сцепления уступает силе тяжести, один за другим камни обрываются («Дерсу Узала»).

Представляют интерес разнообразные способы семантического переосмысления фразеологизмов и усиления их экспрессии, создания образности. Это нередко достигается авторским разрушением привычной структуры и добавлениями в состав фразеологизма новых элементов, каждый из которых в свою очередь создает определенный образ. См., например, подобное употребление в одном из четверостиший стихотворения «При свете звезд» Ю. Мориц:

Солнце желтое мне освещает порой
Золотое отчаянье бездны второй,
Там три пуда тончайшей поваренной соли
Я съедаю, водой запивая сырой.

Ср. узуальный вид оборота *пуд соли съесть* с кем-нибудь — (хорошо узнать кого-либо, после долгого знакомства, общения). Заметим попутно, что такой прием не редок. В стихотворении Ю. Мориц «Снежная осень», состоящем из 11 строф, авторски переосмыслены и дополнены 10 фразеологизмов [6, с. 19—20].

Подобных примеров можно привести немало, поскольку всякое обновление или преобразование фразеологизмов позволяет полнее реализовать их исконно экспрессивную, а нередко и метафорическую сущность. Следовательно, фразеологические средства играют в языке немаловажную стилистическую роль. На трудности перевода фразеологических единиц вообще и особенно таких, которые обладают метафоричностью, указывает в ряде работ А. В. Кунин, один из исследователей английской фразеологии, составитель «Англо-русского фразеологического словаря» (М., 1967). Еще в статье «О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре» (см.: Тетради переводчика / Под ред. Л. С. Бархударова. М., 1964, № 2) А. В. Кунин объяснял сложность перевода образных фразеологических единиц тем, «что многие из них являются яркими, эмоционально насыщенными оборотами, принадлежащими к определенному речевому стилю и часто носящими ярко выраженный национальный характер» (с. 3).

УПРАЖНЕНИЯ

Упражнение 172. Ознакомьтесь с приводимыми примерами и найдите в них фразеологизмы, которые могут быть отнесены к пассивному словарю. Определите их значение и стилистическую роль, а также укажите, являются ли они полностью устаревшими или содержат отдельные архаичные компоненты.

1. [Мефистофель:] Ты думал: агнец мой послушный, Как жадно я тебя желал! (П.). 2. Я хочу принести свою лепту в сокровищницу воспоминаний об этом достопамятном своею странностью явлении (Чернышевский). 3. В годину мрака и печали, Как люди русские молчали, Глас вопиющего в пустыне Один раздался на чужбине (Огарев). 4. Посылайте свои повести хоть в «Странник» или в «Тульские ведомости», я же воздержусь от советов и указа-

ний: если моя маленькая опытность не имеет цены, а доброжелательство мое не заслуживает доверия, то мне остается только посыпать пеплом главу и хранить гробовое молчание (Ч.). 5. Я, исключенный из духовного звания причетник, сиречь овца заблудшая (С.-Щ.). 6. Папа денно и ночью мечтал о займе денег для свадьбы (Ч.). 7. Можно, пожалуй, перейти в народную половину, только там мерзость запустения (М.-Сиб.). 8. Молодого Джона зазрела совесть, что он так невежливо бросил Матвея (Кор.). 9. В пичугинской семье воцарился крошечный ад (М.-Сиб.). 10. — Да, если много таких художников, как я, — сказал Райский, — то таких артистов, как вы, еще больше: имя им легион! (Гонч.). 11. Парень — косяя сажень в плечах — поднялся во весь громадный рост (Сераф.). 12. Мечик не думал больше ни о своей жизни, ни о Варе... Он думал только о том, когда же наконец откроется перед ними обетованная земля, где можно будет приклонить голову (Фад.). 13. Но Валентине и этого было мало. Она желала полностью вкушать плоды победы, и не в ее характере было упускать возможность (Г. Ник.). 14. Твоих друзей не канут в Лету Бесчисленные имена, Ведь их мечта, как эстафета, Тебе живому, вручена (М. Дудин).

Упражнение 173. Составьте из приводимых фразеологизмов и фразеологизированных оборотов парадигмы активного и пассивного употребления. Объясните значение и происхождение каждого из них. (Для справок используйте «Краткий этимологический словарь русской фразеологии» Н. М. Шанского и др. и «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова).

Великий почин; властитель дум; всерьез и надолго; догнать и перегнать; запас прочности; казанская сирота; кисейная барышня; круговая порука; люди доброй воли; манна небесная; мелкая сошка; на деревню дедушке; не на живот, а на смерть; неопалимая купина; нести околесицу; отрясти прах от ног своих; покой нам только снится; попасть в кабалу; путевка в жизнь; пятая колонна; раздувать кадило; свинцовые мерзости; сгореть дотла; холодная война; без зазрения совести; этапы большого пути; яко тать в ночи.

Упражнение 174. Составьте из приводимых фразеологизмов и фразеологизированных выражений парадигмы, отражающие стилевую принадлежность оборотов. Раскройте при помощи межстилевых единиц (слов или словосочетаний) их значение и укажите присущие каждому фразеологизму коннотативные свойства: стилистическую окраску, оценочность, эмоциональность, экспрессию. (Обороты, употребляемые в иноязычном написании, переведите, отметив источник заимствования. Для справок используйте 4-й том «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, а также «Словарь иноязычных выражений и слов» А. М. Бабкина и В. В. Шендецова).

ab ovo; адамово яблоко; alma mater; аредовы веки; баш на баш; бобы разводить; брать в шоры; быть на ковре (вызывать на ковер); в карете прошлого далеко не уедешь; в места не столь отдаленные; в чужом пиру похмелье; вгонять в краску; вешать собак (на кого-либо); взгляд и нечто; вкушать от древа познания; власть тьмы; во весь дух; во время оно; волосы дыбом встали; вот так клюква!; времен очаковских и покоренья Крыма; всевидя-

шее око (и недреманное око); выносить сор из избы; герой не моего романа; гнилой либерализм; горе луковое; давать голову на отсечение; дать дрозда; дело в шляпе; держаться до последнего; днем с огнем не найдешь; задеть за живое; золотая лихорадка; идти в гору; *idee fixe*; квадратура круга; *cogito, ergo sum*; крестовый поход; *cum grano satis*; лебединая песня; ломать копья; медный лоб; *modus vivendi*; мышинный жеребчик; на край света; наломать дров; не хлебом единым жив человек; остаться у разбитого корыта; пальма первенства; плетью обуха не перешибешь; поднимать на щит; развесистая клюква; рыцарь печального образа; *sankta simplicitas*; свежо предание, а верится с трудом; секрет полишинеля; тайны мадридского двора; *tabula rasa*; *terra incognita*; *urbi et orbi*; язык как бритва; Янус двуликий.

Упражнение 175. Найдите в приводимых примерах фразеологизмы, определите их функции в тексте и авторские приемы употребления (без изменения, введение новых слов, изменение структуры, замена или опущение компонентов, переосмысление, столкновение свободного значения слова с компонентом фразеологизма и т. д.).

1. — Много ли турков? — спросил Семичев. — Свиньем валит, ваше благородие (П.). 2. Поймите <...> что это один из тех булжников красноречия, которых запас я постоянно держу у себя за пазухой, чтобы по временам метать ими в русскую публику (С.-Щ.). 3. Музыканты: две скрипки, флейта и контрабас — всего четыре человека, взятые, разумеется, с улицы <...> во всю ивановскую допиливали последнюю фигуру кадрили (Дост.). 4. В народе стали носиться зловещие слухи о крахе нового театра и полете в трубу (Ч.). 5. Он будет выводить всех на чистую воду, срывать с интриганов маски (Ч.). 6. Цыгана взяли под Воронежем, где он крестьянствовал, и вернули Волкову-старшему. Он опять было наострил лапти — поймали и велено было Цыгана бить кнутом без пощады и держать в тюрьме (А. Н. Т.). 7. Я иду прямым путем, не виляю душой, темного мира не приемлю (М. Г.). 8. За церковною оградой Лязгнуло железо: — «Не разыщешь продотряда: В доску перерезан!» (Э. Багрицкий). 9. <...> И будет жизнь с ее насущным хлебом, С забывчивостью дня. И будет все — как будто бы под небом И не было меня! (М. Цвет.). 10. И вдруг педагогическая почва с треском и грохотом провалилась подо мною (Макарен.). 11. — И у вас же аппарат есть, — сказал тихо Таранец, разрешив своим всевидящим гляделкам бесцеремонно исследовать председательское лицо (Макарен.). 12. Они усаживались рядом на скамейке и молча впитывали в себя новенькие, с иголочки впечатления (Макарен.). 13. Снова где-то на задворках Мерзлый грунт боднул снаряд. Как ни в чем — Василий Теркин, Как ни в чем — старик-солдат (Твард.). 14. В кабинете было накурено, хоть шапку вешай (В. Белов). 15. Легкий угар шел из кухни, там жарила лепешки свояченица уполномоченного... Дым отечества (Л. Ник.). 16. Шел кораблик, о чем-то мечтал, Все, что видел, на мачты мотал <...> (Н. Матвеева). 17. Это была речка, которая состояла из чистой воды керосина (М. Анчаров). 18. Зрите-

ля происходящее на сцене волнует не слишком: все совершенно ясно, шито ослепительно белыми, то и дело рвущимися нитками, понятно, кто — что, кто — с кем, кто — за кого (*З. Паперный*). 19. И пусть летит все мимо. И пусть подводится черта. Но жажда жить неустранима, Как пар зимою изо рта (*Винок.*). 20. Все на своем стояло месте И, твердо стоя на своем, Блюло свои понятия чести ... (*Вл. Соколов*). 21. Почти в тот же миг ска- тилась луна и над селом повисла крошечная тьма (*Анат. Иванов*).

ИЗМЕНЕНИЯ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМАХ

§ 77. Понятие об основных путях развития лексики и фразеологии

Возникновение, становление и бурное развитие первого в истории человечества социалистического государства обусловило и быстрые темпы обновления и дальнейшего пополнения лексической и фразеологической систем русского языка.

Развитие словарного состава идет тремя путями: а) возникновение новых слов и фразеологизмов (лексико-фразеологический процесс); б) обогащение словаря в результате переосмысления значений слов и оборотов, уже существующих в языке (семантический процесс); в) полная или частичная изоляция тех или иных лексико-фразеологических единиц, их переход в пассивный словарь (процесс лексико-семантической архаизации). Наиболее продуктивным является первый путь; причем появление новых слов и оборотов протекает в полном взаимодействии с общими процессами развития русского языка на разных его уровнях.

§ 78. Возникновение новых слов и оборотов

Новые слова в послеоктябрьский период весьма интенсивно возникают во всех областях жизни страны, отражая исторические этапы ее развития. Среди новообразований выделяются слова: 1) собственно русские, например: *октябренок, нарсуд, пятилетка, стахановец, свекловод; вертолет, вертолетчик, вертолетчица* и т. д.; 2) заимствованные: *блюминг, акваланг, кибернетика*, большая часть спортивных терминов и др.; 3) смешанного типа (особенно среди сложных и составных наименований): *многотиражная газета* (но *многотиражка* — собственно русское), *биодатчик, видеоманитофон* и пр.

Рассмотрим для примера некоторые периоды появления неологизмов. Так, с утверждением новой государственной власти, общественно-политического строя, общегосударственных, республиканских и местных органов власти создаются и новые наименования. Например, высшим органом государственной власти с 1917 г. был *Всероссийский съезд Советов* (с 1922 г. до 1936 г. *Съезд Советов СССР*), между съездами — *Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет*, или *ВЦИК* (с 1922 г. *ЦИК СССР*).

(Широко распространяется и слово *исполком* — сокращенное наименование местных органов власти.) В 1936 г. высшим органом государственной власти и единственным законодательным органом становится *Верховный Совет СССР*. Между его сессиями — *Президиум Верховного Совета СССР*. (Соответственный путь развития прошли и наименования органов власти в республиках, краях, областях, городах, районах и сельских местностях.)

Высшим исполнительным и распорядительным органом власти с 1917 г. становится *Совет Народных Комиссаров*, или *Совнарком (СНК)*. (Он был утвержден 8 ноября или 26 октября по ст. стилю 2-м Всероссийским Съездом Советов.) В 1946 г. был реорганизован в Совет Министров СССР. 26 января 1918 г. появляется *Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика*, или *РСФСР*. 30 декабря 1922 г. на 1-м съезде Советов СССР была утверждена Декларация об образовании *Союза Советских Социалистических Республик*, или *СССР*. В его состав первоначально вошли *РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР (Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика, объединявшая Азербайджан, Армению, Грузию)*. В дальнейшем каждая из них вошла в состав СССР как самостоятельная республика. В течение ряда последующих лет провозглашается создание новых советских республик, которые входят в состав СССР, появляются в языке и новые их наименования.

В активное употребление входили слова, отражающие укрепление и непрерывный рост Коммунистической партии большевиков — направляющей и руководящей силы советского общества и Советского государства. Так, в 1918 г. на VII съезде была принята новая программа партии и *РСДРП(б)* переименована в *РКП(б)*; затем в 1925 г. на XIV съезде утверждается новый устав и Коммунистическая партия стала называться не *Российской*, а *Все-союзной Коммунистической партией большевиков*, или *ВКП(б)*. С XIX съезда (1952 г.) наша партия называется *Коммунистической партией Советского Союза*, или *КПСС*. Вошли в широкое употребление слова *парторганизация, парторг, партийная дисциплина, партийный актив, партийный контроль; партийное просвещение (партпрос), партиец, коммунист, большевик, ленинец* и мн. др.

Создавались и добровольные общественные молодежные и детские коммунистические организации, язык пополнялся новыми словами. Так, в октябре 1918 г. был основан *Российский коммунистический союз молодежи*, или *РКСМ* (с 1924 г. *РЛКСМ*, а с 1926 г. *ВЛКСМ*), появляются слова *комсомол, комсомолец, комсомолка, комсомольский*, сочетания слов: *комсомольское собрание, комсомольский вожак, комсомольский рейд, комсомольская стройка* и мн. др.

В 1922 г. 2-я Всероссийская конференция комсомола одобрила работу детских коммунистических групп и постановила повсеместно создать пионерские организации. Так в активное употребление вошли новые слова *пионер* — «член детской коммунистической организации» (оно стало омонимом уже имеющегося слова *пионер*

«первооткрыватель, зачинатель чего-либо»), *пионерка, пионерский*, с которыми, в свою очередь, возникло немало новых составных наименований: *пионерский галстук, пионерский значок, пионерский салют, пионерское звено, пионерский отряд, пионерский сбор, пионерская линейка, пионерская дружина, пионерский лагерь (и пионерлагерь), пионерский костер* и т. д. С 1923 г. в лексику вошли слова *октябренок, октябрюта*, возникло новое словосочетание *звездочка октябрят*.

С первых дней после Великой Октябрьской социалистической революции активную деятельность развернула самая массовая в стране общественная организация — *профсоюзная*. В язык вошло немало сложносокращенных слов, связанных с работой профсоюзных организаций — *фабком, завком, местком, профком* и т. д.

Много новых слов, составных наименований, аббревиатур появилось в русском языке в связи с созданием и развитием с февраля 1918 г. *Рабоче-крестьянской Красной Армии*, или *РККА*, *Рабоче-крестьянского Красного Флота, Красного Воздушного Флота* и других родов войск. Вошли в язык новые слова *красноармеец, краснофлотец, красный командир*, или *краском*. С 1943 г. красноармейцы стали называться *рядовыми*, командиры — *офицерами*. Наименование *краснофлотец* с 1946 г. заменено словом *матрос*. В 1946 г. были введены новые наименования для армии, морского и воздушного флота и других родов войск: *Советская Армия, Военно-Морской Флот СССР (или ВМФ СССР), Военно-Воздушные Силы СССР (или ВВС СССР)* и т. д.

Большое влияние на развитие словаря оказала военная лексика в годы Великой Отечественной войны и весь последующий послевоенный период. Стали активнее употребляться известные ранее слова *медсанбат, санинструктор*. Появились наименования лиц по роду деятельности: *окопник, огневик, звуковик, связник, трофейщик, бронейбойщик, фаустник* и др.; названия конкретных предметов: *бронейбойка, дальнейбойка* (разг. наименования орудий), *запальник* (заряд), *сторожевик* (корабль), *зажигалка, термитка, фугаска* (бомбы); *тридцатьчетверка* (разг. наименование танка), *Мигуша, Илюша, Аннушка* (разг. наименование самолетов); наименования действий: *рейдовать, зуммерить, зашторить, закамуфлировать* и т. д. [45]. Возникло много аббревиатур типа *ГКО*, (Государственный Комитет Обороны), *НП* — наблюдательный пункт, *КП* (командный пункт), *КИП* — кислородный прибор, *САБ* — свещающаяся авиабомба, *ПТР* — противотанковое ружье и мн. др. Вошло немало фразеологизированных выражений — *карманная артиллерия* (ручные гранаты), *кочующая артиллерия* (орудия, меняющие место в ходе стрельбы); *идти на таран; закопаться в землю; рельсовая война; летающий танк* (самолет-штурмовик) и т. д.

Военные годы активизировали и употребление лексики, которая в разное время (начиная с 30—90-х годов XIX в.) вошла в язык из профессиональной речи военных, но была семантически обновлена, переосмыслена (см. об этом в § 79).

За годы Советской власти появилось немало слов, рассказывающих об основных этапах становления и развития социалистического сельского хозяйства в стране: *комбеды* (*комитеты бедноты*, существовавшие с июня по декабрь 1918 г.), *продразверстка*, а затем — *продналог* (в период *нэпа*), *продфронт*, *продотряды*, *сельскохозяйственные коммуны* (эти слова довольно быстро перешли в пассивный словарь, уступив место другим новообразованиям), *советские хозяйства* (в дальнейшем — *совхозы*) и др. С 1927 г. стали активно употребляться слова *коллективные хозяйства*, *колхоз*, *коллективизация*. Заметим, что составное наименование *коллективное хозяйство* В. И. Ленин употребил еще 3 апреля 1919 г. в докладе на Чрезвычайном заседании Пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов (см.: Полн. собр. соч., т. 38, с. 256), а слово *колхоз* впервые употреблено В. И. Лениным в 1921 г. в проекте «Наказа от СТО (Совета Труда и Оборона) местным советским учреждениям» (Полн. собр. соч., т. 43, с. 282).

В последующие годы все шире употребляются слова, связанные с развитием колхозов: *колхозный*, *колхозник*, в конце 20-х и начале 30-х годов употреблялись и другие вариантные формы этих двух слов: *колхозовский* и *колхозский*, *колхозец* и *колхозовец*, *колхозница*, *трудодень*, *МТС*, впоследствии *РТС* (кстати, первая МТС была создана в ноябре 1928 г. на Украине), *яровизация*, *хлебозаготовка*, *силосный*, *тракторист*, *трактористка*, *тракторные бригады*, *комбайнер*, *целинный*, *целинник*, *целинница*, *Целиноград* и т. д. Некоторые из них вошли в другие языки мира (см. § 41).

В 1939 г. возникла аббревиатура *ВСХВ* (*Всесоюзная сельскохозяйственная выставка*), которая подводила итог первому десятилетию социалистического развития коллективных и советских хозяйств. В 1958 г. *ВСХВ* вошла в состав всесоюзной *Выставки достижений народного хозяйства*, или *ВДНХ*. С дальнейшим развитием сельского хозяйства входят в жизнь колхозной деревни слова, ранее известные узкому кругу, — *агроном*, *агрономический* и многочисленные сложные слова с сокращением *агро* — от второго слова: *агропомощь*, *агропропаганда*, *агрошкола*, *агропункт*, *агротехника*, *агрофонд* и мн. др. Возникают и другие наименования, отражающие качественно новые этапы развития сельского хозяйства — *комбикорм*, *сенаж* (подвяленная трава, хранящаяся в специальных башнях), *автопоилка*, *буртоукладчик*, *влагозарядка*, *гидропоника*, *гидропонный*, *гербициды*, *глубокорыхлитель*, *грядододелатель*, *дождевальные установки*, *питательные гранулы*, *кормосмеситель*, *кормоцех*, *культивация*, *электропоилка*, *электропоилка* и мн. др. С развитием рисоводческой отрасли в ряде республик и краев вошли слова *рисосеяние*, *рисовище* (поле после убога риса), *рисоуборочные машины*. Заметим, что почти все трудоемкие сельскохозяйственные работы к настоящему времени механизированы и в язык вошли многие слова, называющие такие машины. В наши дни активный словарь пополнен новыми составными наименованиями, отражающими промышленное развитие сельского

хозяйства: специализированные комбикормовые предприятия; животноводческие комплексы; агропромышленные комплексы и т. д.

Одним из самых обширных и многообразных в лексике уже первых десятилетий советского периода является пласт неологизмов, обусловленных бурным развитием различных наук и тесно связанных с ними отраслей промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Еще в 1918 г. знаменитый «Набросок плана научно-технических работ» В. И. Ленина позволил научно осмыслить восстановление и развитие народного хозяйства СССР. Появляются первые слова, называющие планы огромного значения, например *ГОЭЛРО*, уже начальный этап реализации которого отразился в названиях новых электростанций — *Волховгэс*, *Днепрогэс* и др. В последующие годы (особенно в послевоенные) возникают небывалые по мощности электростанции *Куйбышевская ГЭС*, *Иркутская ГЭС*, *Нурекский энергогигант*, *атомные электростанции* и т. д.

В процессе досрочного выполнения первого пятилетнего плана (1929—1932 гг.) его наименование и образованное от него сложно-сокращенное слово *пятилетка* вошло не только в русскую лексику, но и в словарь других языков народов СССР и за рубежом, ср. болг. *петилетка*; нем. *Fünfjahrplan*, англ. *Five-Year plan*, франц. *plan quinquenal*, исп. *quinquenio*, чешск. *pětiletke*, польск. *pięcioletka* [107, с. 103]. Появляются названия первых крупных общенародных новостроек: *Магнитка* (Магнитогорский металлургический комбинат), *Турксиб* (Туркестано-Сибирская железная дорога), *Кузбасс*, *Ростсельмаш* (Ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения), *ХТЗ* (Харьковский тракторный завод), *ЗИЛ*, *ГАЗ* (Горьковский автозавод), *УЗТМ* (Уральский завод тяжелого машиностроения), или *Уралмаш* и мн. др. Ср. современные наименования, например *БАМ* и новообразования от него: *бамовский*, *бамовец*, *бамовка*, *бамовчата* и др.

С активным развитием разных отраслей народного хозяйства, с научно-техническими достижениями в век *НТР* (научно-технической революции, начавшейся с середины 20-х годов) возникает много новых профессий, разнообразнее становится род занятий людей, меняется их отношение к труду. Все это находит отражение в языке. Так, в последние десятилетия возросла продуктивность новообразований с суффиксом *-щик*, *-щица*, называющих лиц мужского и женского пола по их профессии: *асфальтищик* — *асфальтищица*, *автокарищик* — *автокарищица*, *автогрейдерист*, *газгольдерщик*, *генераторщик*, *зубошлифовальщик*, *конверторщик*, *компрессорщик*, *маркировщик* — *маркировщица*, *крановщик* — *крановщица*, *табуляторщик* — *табуляторщица*, *фрезеровщик* — *фрезеровщица*, *экскаваторщик* — *экскаваторщица* и мн. др. Подобные наименования создаются и с другими суффиксами: *аппаратчик* — *аппаратчица*, *высотник*, *гидроакустик*, *программист* — *программистка* и т. д. Образования с суффиксами *-ист*, *-истка* продуктивны в группе наименований лиц по роду занятий (в частности, спортивных): *аквалангист* — *аквалангистка*, *гандболист*, *раллист*, *рапирист* — *рапиристка* и др.

С середины 20-х годов стали появляться в языке слова и словосочетания, выражающие социалистическое отношение к труду. К их числу относятся названия *ударная рабочая бригада* (первая была создана в сентябре 1926 г. на Ленинградском заводе «Красный треугольник»), *ударник — ударница, ударничество*. В наши дни первое слово входит в составное наименование почетного звания — *Ударник коммунистического труда*. После 1935 г. появились слова *стахановец, стахановское движение*, которые вошли и в другие языки. Отношение к делу, к общественной работе характеризуют слова, вновь созданные от уже известных языку. Например, от слов *актив, активный*, вошедших в русский язык еще в XIX в., образуется *активист—активистка*; так же появляются слова и словосочетания *коммунистический субботник, воскресник, боевитость, мастер труда, многостаночник — многостаночница, новатор производства, социалистическое соревнование, ипатовский метод, по-ипатовски, ипатовский уборочно-транспортный комплекс* и мн. др.

Отрицательное отношение общества к порицаемым людям передают новообразования типа *анонимщик, жалобщик, прогульщик, приспособленец, халтурщик, хапуга* и др.

Немало современных новообразований связано с развитием научных направлений, с появлением новых наук или их разделов, а также с названием людей, ими занимающихся. Только терминов, которые стали сравнительно известными, в словаре-справочнике «Новые слова и значения» (1971 г.) объяснено 87, среди них *акванавтика — акванавт, акванавтка; атлантология — атлантолог; бионика — бионик; вулканология — вулканолог; наркология — нарколог; парапсихология — парапсихолог; реаниматология — реаниматолог; селенология — селенолог; спелеология — спелеолог* и т. д. В большинстве новообразований (терминологических и нетерминологических) используются иноязычные слова или элементы типа *авиа-, авто-, агро-, био-, би-, видео-, гидро-, гипер-, дис-, де-, дез-, зоо-, изо-, интер-, кино-, макро-, метео-, микро-, мото-, радио-, теле-, термо-, фото-, ультра-, электро-* и др. Слова с этими элементами создавались и раньше, но особенно продуктивным этот способ слово- и терминологического образования стал в последние десятилетия. Например, в упоминаемом выше словаре с элементом *радио-* объяснено 57 новых слов и терминов (*радиоастроном, радиолаз, радиожурналист, радиолуч, радиометеорология* и т. д.), с элементом *теле-* 43 новых слова (*телеавтоматика, телеглаз, тележурналист, телемост, телефикация, телетеатр* и пр.). В дополнениях к нему — «Новое в русской лексике — 77» (и — 78) с этими элементами приведено еще не менее чем по 10 слов в каждом.

Словарный состав национального языка пополняется новыми составными наименованиями (преимущественно терминологическими), например: *светочувствительный слой, ливневые дожди, пустотная лампа, обезболивающие средства* и мн. др. При этом нередко используется метафорическое переосмысление уже известных слов. Ср.: *колхозное поле — радиоактивное поле, поколение победителей — поколение нейтронов, дочерние письма — дочерние атомы*

и т. д. Возникло немало новых аббревиатур, например: *АРК* (авиационный работотехнический комплекс), *АВМ* (агрегат для приготовления витаминно-травяной муки), *РОС* (радиооповеститель), *САПР* (система автоматизации проектирования), *СТОА* (станция технического обслуживания автомобилей) и др.

Значительным количеством неологизмов, быстро вошедших в активное употребление, пополнился русский литературный язык в связи с научным освоением космических пространств: *космовидение*, *космопсихология*, *космофизика*, *космохимия* и др.; *космик* — 1) ученый, занимающийся проблемами космоса; 2) пришелец из космоса (в фантастической литературе); *лунолет*, *прилунение*, *луноход*, *луноходный*, *лунография* — *селенография*, *лунолог* — *селенолог*, *лунодром*, *лунная порода* — *лунный грунт*, *лунит* и т. д. Появились новые синонимические ряды — *космолетчик* — *космонавт*, *астронавт*; *космический корабль* — *планетолет*, *звездалет*; *космодром* — *космопорт* и др.

Много слов и оборотов вошло в язык в результате развития культуры, с ростом образования населения. Например, уже самые первые шаги в распространении грамотности внесли в активный словарь такую лексику, как *всеобуч*, *ликбез*, *семилетка*, затем *десятилетка*, *вуз*, *втуз*, *вузовец*, *вузовский*, *втузовец*, *ПТУ*, *рабфак*, *изба-читальня* (затем *сельская библиотека*), *красный уголок*, *клубы*, *дома и дворцы культуры* и т. д. Появляются *народные театры*, *самодетельные ансамбли*, *хоры* и т. д. Растет интерес и любовь к книге — возникают слова: *книголюбы*, *книголюбительство*, *общества книголюбов* и т. п.

Активно развиваются самые разнообразные виды спорта, вместе с тем сохраняют свое значение и первые неологизмы: *физкультурник*, *физкультурница*, *физкультурный*, рассказывающие о начале этой работы. За последние годы появилось немало новых слов, называющих спортивные состязания. Например, *аэробатика* (акробатика в воздухе), *авторалли*, *бадминтон*, *биатлон*, *картинг*, *реслинг* (вид борьбы), *сёрфинг* и мн. др.

В советскую эпоху особенно в послевоенные годы новые слова и обороты активно возникают в разных группах разговорной речи. Например, стали широко употребительными отдельные иноязычные слова: *болонья*, *батник*, *бижутерия*, *джерсовый*, *джинсы*, *джинсовый*, *нейлон*, *кондиционер*, *пепси-кола*; а также собственно русские образования типа *близняшки* (близнецы), *брезентуха* (курточка), *бытовик* (работник бытовых учреждений), *выкладка* (степень интенсивности в работе), *двухдневка* (двухдневный организованный отдых), *доминошный*, *доминошник*, *двушка* (двухкопеечная монета), *заиклиться* (о вынужденной остановке в делах), *кафешка* и *кафушка* (небольшое кафе), *компаша* и *компашка* (компания), *незавправдешный* (поддельный), *отбанкетиться* (отпраздновать), *откатать* и *откататься* (исполнить программу по фигурному катанию), *показушный* и *показушно* (неодобр.), *пятнашка* (пятнадцатикопеечная монета) и мн. др. См. также: *всю дорогу* (всегда); *в упор не видеть* (совсем не замечать); *гореть синим пламенем*

(1) испытывать недостаток во времени; 2) недоброе пожелание); *пустой номер* (о ненужных, напрасных действиях); *получить прописку* (обосноваться где-то) и т. д.

§ 79. Изменение значений слов и оборотов

Второй путь развития лексики и фразеологии — изменение значений слов и появление новых значений. Как и возникновение новых слов, разнообразные процессы внутри семантической структуры слова определяются прежде всего внешними факторами: влиянием происходящих изменений в социальной, общественно-политической, экономической, научно-технической, культурной жизни страны, воздействием новых воззрений, возникновением и осмыслением новых понятий, предметов, явлений и т. д. Все это приводит к тому, что одни значения слова переходят в пассивный запас, а другие — в активное употребление, третьи, наоборот, из пассивного в активный; значение одних слов сужается, других — расширяется и т. д., т. е. происходит движение внутри слова. Это, в свою очередь, приводит к изменениям связи слова с другими словами, к их перегруппировке в лексико-семантической системе. Например, стало историзмом значение слова *гость* — «купец; торговец, преимущественно иноземный». Перешло в пассивный запас в значении «купеческие торговые ряды в специально выстроенном помещении» и фразеологизированное выражение *гостиный двор (ряд)*. Однако в Ленинграде оно сохраняется как общее наименование многих магазинов, расположенных в одном помещении на нескольких линиях. Естественно, в его семантике главным стало значение — *торговый* с соответствующим переосмыслением и всей экономической сущности этого понятия в свете новой советской торговой политики. Активным и основным у слова *гость* стало значение «человек, пришедший навестить кого-либо» (см. § 55).

В слове *дружина* произошли иные изменения. Давно ставшее историзмом в значениях: 1) войско, рать; 2) войсковое подразделение, большей частью в нерегулярных ополченских войсках, оно вернулось в активный словарь со значением «группа, отряд, добровольное объединение» и в 1905 г. появились новые словосочетания с ним: *рабочая дружина*, *боевая дружина* «революционные отряды вооруженных рабочих». С этим значением оно употреблялось в предоктябрьские дни и в первые годы Советской власти, когда рабочие дружины вместе с организованной еще в марте 1917 г. Красной гвардией защищали революционные завоевания, а через год они стали основой Красной Армии. В годы Великой Отечественной войны возникли сочетания с этим словом: *народные боевые добровольные дружины*, а также *санитарная дружина*; давшее сложносокращенные новообразования *сандружина*, *сандружинник*, *сандружинница*. В последнее десятилетие значение слова *дружина* снова уточнено и дополнено, это — «добровольное объединение людей в группу, отряд для оказания помощи представителям офи-

циальных органов порядка, общественного спокойствия». Появились и новые сочетания, например *комсомольская дружина*.

С совершенно иным, новым содержанием из пассивных слоев в активные с 1943 г. перешли многие старые воинские звания — *солдат* (рядовой и ефрейтор), *прапорщик*, *мичман*, *капитан*, *майор*, *подполковник*, *полковник*, *генерал*, *маршал* и др. Значительному переосмыслению подверглись слова, которые в современном языке активно употребляются носителями языка, например: *адвокат*, *директор*, *министр*, *офицер*, *служащий*, *советник*, *судья* и др. [63]. Изменилось значение слова *милиция* «административное учреждение в СССР по охране порядка и общественной безопасности», которое в русском языке впервые зафиксировано Н. Яновским в трехтомном «Новом словотолкователе, расположенном по алфавиту...» (ч. 2, от К до Н. СПб., 1804). Восходит к лат. *militia* — войско. В дореволюционное время в русском языке употреблялось как название добровольной армии, состоящей из некадровых военных; так же назывались народные ополчения.

С первых дней полета в 1957 г. первого *советского искусственного спутника Земли* (или *ИСЗ*, словосочетание с семантически обновленными словами) слово *спутник* с новым значением вошло в активный словарь русского языка, всех языков народов СССР и во многие языки народов мира.

Существенные, особенно явные изменения произошли в семантике слов из сферы социальной, общественно-политической и культурной жизни страны. Преобразования в этой части словаря были в значительной мере подготовлены лексико-семантическими новообразованиями с 30—40-х годов прошлого века, когда, как отмечает Ю. С. Сорокин, началось «бурное и глубокое развитие новых демократических идей, развитие прогрессивных направлений в общественной мысли, в философии, в литературной критике и эстетике, развитие реализма в художественной литературе» [90, с. 23]. Более тысячи неологизмов выборочно включены Ю. С. Сорокиным в «Указатель слов», приложенный к его исследованию, которые активно используются и в наши дни. Большая часть их семантически уточнена, иногда существенно переосмыслена и конкретизирована. К ним относятся русские и заимствованные слова, например: *агитатор*, *агитация*, *возмездие*, *гуманистический*, *гуманный*, *идейный*, *идеология*, *классовый*, *коллектив*, *коллективный*, *коммуна*, *коммунизм*, *коммунист*, *коммунистический* (последние четыре слова, а также слова *социализм*, *социальный* семантически были связаны, естественно, только с учением утопического социализма и коммунизма, в те годы зародившегося на Западе), *кооперативный*, *кооперация*, *мелкобуржуазный*, *милитаризм*, *мировоззрение*, *мракобес*, *партийность*, *партийный*, *партия*, *прогрессивный*, *пролетариат*, *промышленность*, *пропаганда*, *равноправный*, *реакция*, *реакционер*, *реализм*, *стачка*, *убеждение*, *цивилизация*, *шовинизм*, *эксплуатация* и мн. др. [90, с. 555—562]. Заметим, что по проведенным Ю. С. Сорокиным сопоставлениям «Словаря церковнославянского и русского языка Академии Российской» 1847 г. с «Толковым сло-

варем русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова в литературный язык вошло более 10 тыс. новых слов из социально-политической и общегуманитарной сферы деятельности. Однако подобные новые слова ни в XIX в., ни в первые два десятилетия XX в. не были в активном употреблении, так как большинство носителей национального языка оставалось в массе своей малограмотным. И лишь в первые десятилетия развития страны послеоктябрьского периода, когда общенародным стал процесс *ликвидации безграмотности* взрослого населения (в язык того периода вошло новое слово *ликбез*, ставшее в наши дни уже историзмом), вводилось всеобщее начальное и семилетнее образование для детей школьного возраста (*всеобщуч*, также ставшее историзмом), широкое распространение получала периодическая печать, началась радиофикация страны и т. д., общественно-политические, экономические и другие термины и слова, наполненные новым содержанием, стали входить в активные слои лексики, становились общеупотребительными. Их состав пополнился многими новыми словами (см. § 56), а также все продолжающимся развитием новых значений или изменением старых. Например, слово *возмездие* в XIX в. первоначально обозначало «награда, воздаяние», т. е. вознаграждение любых дел и поступков, хороших и плохих. Уже в конце XIX в. отмечалось, что оно чаще употребляется в значении «воздаяние за ложь, неправду, беззаконие». В БАС основным дается значительно суженное значение: 1) кара, наказание; 2) *устар.* воздаяние, награда, благодарность. Слово *промышленность* обозначало занятие каким-либо промыслом или рукоделием (см. Словарь 1847 г.). В словаре Даля находим: «все занятия, дающие средства жизни, богатства; иногда отделяют торговлю и даже ремесла, разумея остальные занятия народа, частью случайные и временные». В современном языке значение сужается и четко конкретизируется: 1) отрасль народного хозяйства, объединяющая предприятия по разработке недр земли и по переработке сырья; 2) с определением совокупность предприятий какого-либо производства. *Тяжелая промышленность* {...} и т. д.

В первой половине XIX в. значение слова *стачка* было более широким и неопределенным: «действие стакнувшихся. *Стачка подрядчиков*». В Словаре Даля это слово определяется точнее, но с явно тенденциозным, реакционным толкованием: «круговая порука в нечистом деле, тайное условие и самый круг обязавшихся поддерживать друг друга {...}». В последующем слово все отчетливее приобретает черты общественно-политического термина, четче обособляется от глагола *стакнуться* и в активном употреблении синонимизируется со словом *забастовка*. См. подробнее об указанных выше словах [90].

Новые значения развились в советское время у слова *товарищ*: 1) о человеке нового социалистического общества; о советском человеке; 2) при фамилии человека партийной, советской среды. Возникновение этих значений было тесно связано с предреволюционным семантическим обновлением данного слова; в демократи-

ческой, партийной и революционной среде оно имело значение и оттенки значения (даются после ||) «человек, идейно связанный с другими людьми, участвующий вместе с ними в общем деле, борьбе и т. п.; соратник, единомышленник. || В языке революционеров — член своей политической партии, соратник по политической и революционной деятельности». А значение слова *товарищ*, связанное с наименованием званий и должностей (в дореволюционной России) — *помощник, заместитель* стало историзмом. Зато стал шире круг сочетаемости этого слова — оно все чаще употребляется и с неодушевленными существительными, реализуя оттенок одного из значений «человек, связанный с кем-либо узами дружбы; близкий приятель, друг»: *товарищ жизнь, товарищ песня, товарищ гудок*. См., например, у А. Безыменского в «Арифметике революции»: ...*Вот и пришла я, Товарищ станок* [73, с. 23].

За последние десятилетия значительно активизировался процесс семантико-стилистического переосмысления слов, в чем проявляется определенная тенденция к экспрессивности лексических единиц [см. § 51], наблюдаемая в русском языке в советскую эпоху. Все более заметным становится взаимопроникновение стилей. Например, элементы разговорные становятся обычными в газетно-публицистической лексике: *активистка, вечерник, заочник, курортник, передовик, подмога; смежник, жилье, задумка, впрямь, вожак, глубинка, попеть, хватка* и т. д. Вместе с тем слова книжные, нередко имевшие еще и оттенок торжественности, переходят в состав нейтральных: *грядущий, ныне, воочию, блюсти, войны, врачевать, возгордиться, избранник, свершение, останки, овеять, неувядаемый* и др. Слова (по преимуществу историзмы), которые в дореволюционное время не выполняли оценочных функций, в советском обществе приобретают оттенки неодобрительно-оценочные: *барыня, вассал, вельможа, жандарм, лакей, раскольник, слуга*. В отрицательно-оценочном значении стали употребляться отдельные историзмы и некоторые стилистически нейтральные слова: *вотчина, насаждать, навязывать, сборище, сговор, сыск, убраться* и др. Совершенно иной стала стилистическая роль слов *династия, духовный, знатный, потомственный*, которые в дореволюционное время употреблялись в официальной речи и имели оттенок торжественности: *царская династия, знатный род, потомственный дворянин*. В 20—30-е годы у этих слов появилась резко отрицательная оценочная характеристика. В последующие десятилетия она исчезает и слова становятся межстилевыми. Затем у них, при условии соответствующих сочетаний, развивается оттенок положительной оценки: *рабочая династия, потомственный железнодорожник, знатный шахтер*.

Употребление слов в новом (нередко переносном) значении в определенном контексте приводит к возникновению фразеологических словосочетаний. Например, сравнительно недавно возникли обороты *миру мир, борцы за мир; стоять на страже мира; пятая колонна; поджигатели войны, холодная война; звездный пробег; набрать высоту; выйти на орбиту, штурмовать небо, небесные братья, космический долгожитель* и др.

Наблюдается процесс регулярного качественного переосмысления слов в современном языке, который начался еще в 30—90-х годах XIX в. Он особенно активен в газетно-публицистическом стиле. Именно в газетной речи, как отмечают исследователи (В. Г. Костомаров, Г. Я. Солганик и др.), развилось новое значение у многих относительных прилагательных типа: *бархатный, бронзовый, дремучий, заводной, заматерелый, замшелый, занозистый, зоологический, матерый, неотложный, откровенный, отпетый, патологический, разнузданный, ядерный* и мн. др. Некоторые из этих значений стали общезыковыми и получили отражение в словарях (например, в Словаре Ожегова и словаре «Новые слова и значения»). Другие являются окказиональными образованиями. Например, в газетных публикациях и в устных выступлениях на телевидении встречаются такие слова, как *самые материнские матери; поистине ледовитый бод; наиболее элементарные и наиболее простые частицы; самый американский город Америки (Нью-Йорк); наиболее кибернетистый проект* и т. д.; см. также в поэтической речи С. Острового: *Какая сарафанистая ель* (...); *очень финская* [толпа читателей] у Ю. Трифонова и т. д.

Постоянным стал процесс образно-оценочного переосмысления профессионально-терминологических единиц. При этом наблюдается постепенная фразеологизация сложных терминов. Например, в оценочном значении употребляются: *акция, атака* (мозговая атака), *зажим, зависть* (белая зависть), *панцирь* (белый панцирь), *стратегия* (стратегия наркотиков), *эрозия; заложить фундамент, взять на буксир, бить тревогу, спустить на тормозах; испытать на прочность, открыть огонь, стоять на посту* и мн. др.

§ 80. Выпадение слов и оборотов из словаря

Наряду с пополнением лексической и фразеологической систем в языке постоянно происходит и обратный процесс — выпадение слов и оборотов из употребления, отмирание их отдельных значений, а затем — переход из активного запаса в пассивный.

Процесс изменения значений слов и выхода их из активного употребления связан прежде всего с коренными изменениями в социально-политическом строе, в экономике страны, в ее государственном аппарате, с исчезновением старых условий быта и т. д. Так, после Великой Октябрьской социалистической революции стали историзмами слова *царь, столоначальник, урядник; градоначальник, городской, земство, гувернантка, гимназия, гимназист, гимназистка, институтка, классная дама, экзекутор; богадельня, богаделка, приют; инородец* и мн. др. В пассивный словарь перешли элементы дворянско-буржуазного жаргона, например: *благовоспитанный, галантный, мезальянс, светский*, а также отдельные устойчивые выражения из обихода в дореволюционной среде: *милости прошу* (приглашение), *не откажите в любезности* и др.

Исчезли из употребления многие слова, возникшие в первые

послереволюционные годы, особенно сложносокращенные и аббревиатуры, например: *комбед, нэп, нэпман (непмач), нэповский, продфронт, продналог; агитпроп, беспризорность, беспризорник, всеобуч, женотдел, женотделка, наробраз, пролеткульт, политпросвет, фабзауч, шкраб* (школьный работник); *военспец; совден, губком, уком, волком* (от сохранившегося до 1923 г. административно-территориальных единиц — губерний, уездов, волостей); *ВЧК* (Всероссийская чрезвычайная комиссия), *ВСНХ* (Высший Совет народного хозяйства), *СТО* (Совет труда и обороны), *ИФЛИ* (институты философии, литературы, истории в Москве и Ленинграде, в дальнейшем слились с университетами), *ФЗУ* (фабрично-заводские училища) и т. п. Уходят из употребления слова и обороты *чернорабочий, провинция, соха, скородить* (южн.) и *орать* (сев.). Оба слова вытеснило литературное — *бороновать* и мн. др.

Забыто немало фразеологизмов, которые семантически тесно были связаны с церковнокнижным языком. Большая часть их восходит к старославянскому языку (или содержит отдельные архаичные компоненты), а также к древнерусскому языку. Например, к первым в той или иной мере относятся: *аки лев рыкающий* (о чем-то или о ком-то устрашающем); *почить в бозе* «скончаться»; *покинуть юдоль сию* «умереть», (*юдоль* — жизненный путь с его заботами и печалью); *погибоша аки обри* «совсем исчезнуть» (*обри* — наименование полностью истребленного, вымершего племени); ко вторым восходят такие, в составе которых — слова с архаичными значениями: *жить не по глаголу* «не по написанному или сказанному» (*глагол* — слово, речь); *не отличать от ижицы аза* «о полной безграмотности» (здесь в составе две буквы славянской азбуки, первой, *аз* — *а* и последней *ижица* — *и*; ср. в устаревшей поговорке, отражающей трудность постижения грамоты: *От аза до ижицы — к порке ближе*); *писать (выписывать) мыслете* «идти нетвердой походкой на заплетающихся ногах», где *мыслете* — название буквы *м*; *стоять фертом* «подбочениться», где *ферт* — буква *ф*; *быть (сказаться) в нетях* «отсутствовать, исчезнуть»; *простыня* — *человек* «простой, прямодушный» (ср. сохранившиеся фразеологизмы с близким значением *душа-человек* «добродушный, сердечный», *золото-человек* «неоценимый, бесценный» и др., где в составе используются атрибутивные существительные).

Перестали употребляться и такие обороты, которые называли исчезнувшие из действительности те или иные понятия, явления, например *великий немой* «кино звукового периода»; *сукольное рыло* «простолудины» и мн. др. См. подробнее [72].

§ 81. Роль разных функциональных стилей и стилей художественной литературы в развитии лексики и фразеологии

В развитии лексической и фразеологической систем значительную роль играют функциональные стили (например, научный и

газетно-публицистический), а также стили художественной литературы. Они (особенно последние) не столько способствуют возникновению слов и оборотов, сколько являются средством так называемой актуализации, т. е. путем употребления в газетах, журналах, в произведениях, имеющих широкий читательский адрес, помогают обратить внимание читателя на слово, оборот и тем самым их осмыслить, а может быть, и запомнить. Например, постоянно появляющиеся в научном стиле слова и обороты терминологического характера, в силу большой общественной значимости рассматриваемых проблем, нередко широко используются в научно-популярных очерках, в газетных статьях ученых, писателей, публицистов, а также в произведениях художественной литературы. В стихах и прозе постоянно находит отражение актуальная для общества терминология и тем самым вводится в активные лексико-фразеологические слои.

Так, Л. Мартынов, говоря о трудностях творчества, о поисках единственно верного и нужного слова, использует яркий образ в виде физического оборота *атомный распад*:

Так
Велика
Гора черновилов,
Бумаги каменеющая масса,
Что кажется, за несколько веков
Мне разобраться в этом не удастся.
И не отточишь
Никаких лопат,
Чтоб все пласты поднять вот эти снова,
Где происходит *атомный распад*
Неуловимых элементов слова. («Гора»).

Творчески осмыслены техницизмы маховик и подшипник у А. Вознесенского в стихотворении «В эмигрантском ресторане»:

Посреди Вселенных сшибленных,
На *маховиках* судьбы
Блещут лунными *подшипниками*
Эти лагерные лбы.

У Г. Николаевой в произведении «Я люблю нейтрино» можно найти немало узкопрофессиональных элементов, которые творчески используются автором. Например:

— Настоящие ученые — всегда люди «*жесткой фокусировки*», — сказала я.

— «*Жесткая фокусировка*» — это когда электроны мчатся в ускорителе несмотря на большие метанья без уклонений. Энергия их от этого возрастает во много раз [43, с. 86—103].

Об употреблении переосмысленного оборота *знатный человек* и слова *знать* пишет в своем романе «Донбасс» Б. Горбатов:

Именно в эти же тридцатые годы появилось в советском словаре понятие *знатный человек*. Слова были старые, а понятие — новое, совсем новое, как новой, невиданной в истории человечества была и сама наша советская *знать* <...>

Значительна роль газетно-публицистического стиля в процессе развития словаря литературного языка. Характеристике языка этого стиля многие современные исследователи посвятили специальные работы (например, В. Г. Костомаров, М. Е. Тикоцкий, Г. Я. Солганик, А. Н. Васильева и др.). Большая часть общественно-политических терминов, слов и оборотов, являющихся основной приметой газетно-публицистического стиля, вошла в широкое употребление благодаря их активному использованию на страницах газет и журналов. Немало новых слов и оборотов из разных научно-технических, специально-профессиональных сфер деятельности также вошло в активный словарь через широкое употребление в разных жанрах газетно-публицистической речи (см. § 51). Через посредство газет и журналов носители языка чаще всего знакомятся со многими примерами переосмысления значений слов.

ТЕКСТЫ ДЛЯ ПОВТОРИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

[Отрывки из воспоминаний К. И. Чуковского о современниках. — См.: Корней Чуковский. Современники. Портреты и этюды].

Чехов

...Но стиль Чехова — огромная тема, и о ней особый разговор. ...Скажу только несколько слов.

Когда-то мне случилось прочитать произведения Чехова, вышедшие в городе Филадельфии (США) в переводе на английский язык. Имя переводчицы твердо запомнилось мне: мисс Мэриан Фелл. Я тогда же написал об ее переводе рецензию, где с негодованием отметил, что ею буквально на каждой странице допущены чудовищные отклонения от подлинника. Встретив у Чехова неизвестное ей имя «Добролюбов», она решила, что это не имя, а просто «любитель добра», и перевела: «Франциск Ассизский». Из поэта Батюшкова сделала «батюшку». Из собаки Каштанки — каштановое дерево (chestnut tree) и т. д.

На таком уровне был весь перевод. Теперь уровень переводов Чехова сильно повысился. К чеховским текстам переводчики стали относиться любовно и бережно.

Но даже перед самыми лучшими из них встают порою почти непреодолимые трудности при переводе Чехова на тот или иной иностранный язык. Я уже не говорю о мелодическом звучании чеховской речи, о том «духе музыки», которому властно подчинены и «Дом с мезонином», и «По делам службы», и «В овраге», и «Дама с собачкой», и «Анна на шее».

Во всех этих новеллах есть внутренний, глубоко скрытый музыкальный ритм, и, если в переводе не воспроизвести этой музыки, чеховские новеллы лишатся значительной доли своего обаяния.

Но предположим, что переводчику вполне удалось совладать с этой сложной мелодикой Чехова, перед ним возникнет другое препятствие, коренящееся в богатстве его языка.

«...» Таких слов у Чехова великое множество. Как перевести на какой бы то ни было иностранный язык такие, например, чеховские слова, как: «Она *окошкодохлилась*» [Курсив автора. — М. Ф.]

«Внутри все *сарайно*».

«Сию и *околеванца* жду».

«Прежние баре наполовину генералы, а нынешние — сплошные *мездрюшка*».

«Соня провожает глазами прусака и думает о его детях: Какие это должно быть, маленькие *прусачата*».

И немислимую сравнительную степень:

«А в молодости (я) Печорина и Базарова разыгрывал. *Базаристей* меня и человека не было».

Или эту сравнительную форму словца «балалаечный», которое по школьной грамматике не имеет и не может иметь этой формы. Мы говорим «балалаечный оркестр», и нам в голову не приходит сказать, что один оркестр *балалаечнее* всех остальных. А у Чехова в одном из его писем читаем: «*Балалаечней* нашего брата трудно найти кого другого».

Правда, в этом чеховском неологизме совершенно отсутствует представление о балалайке: судя по контексту, оно означает «безалаборнее», «бестолковее», пожалуй — «разнузданнее», но куда бедней и худосочней покажется Чехов, если выразить его мысль такими словами, лишенными той смелой экспрессии, какая имеется в подлиннике!

Чехову именно потому, что он был могучим хозяином слов, таквластно подчинял их себе, было доступно труднейшее в литературе искусство: при помощи одной какой-нибудь единственной фразы создавать характеристику всего человека...

«...» В свои тексты Чехов охотно вводил жаргонные слова и обороты, от которых начисто отказался впоследствии.

В его молодых произведениях то и дело встречаются такие вульгаризмы, как «толкастика», «задать храповицкого», «целкаши», «рикикикнуть рюмку», «пересобачиться», «запускать глазенапа» «...» и сотни других столь же залихвастских речений, в которых нетрудно узнать лексику московских студентов и мелкой чиновничьей братии. Этот залихвастский жаргон всецело относится к тем временам, когда Чехов был Антошей Чехонте. В ту пору он отлично владел всевозможными «фыренками», «вертикулясами», «шмерцами», которых и следу не осталось в его позднейших творениях. Как справиться с этими словами и оборотами иностранный переводчик, не знаю. Думаю, что в каждом языке есть слова такого же забубенного типа и найти сходные сечения хоть и трудно, но возможно.

Другое дело — простонародные слова и словечки, очень скупо внедряемые в произведения зрелого Чехова:

«Не *добытчик* ты, Николай Осипович».

Или:

«Толстый был, так и лопнул вдоль».

Или:

«Барина Лесницкого я еще *эконького* помню».

Таких словечек у зрелого Чехова мало: он артистически воспроизводил простонародную речь, почти не прибегая к диалектизмам и по-мужицки исковерканным словам. Простонародность речи он передавал главным образом ее синтаксическим складом, и такие искаженные формы, как «цоцкай» и «эконький», у него величайшая редкость. Тем более старания должен применить переводчик при передаче этих редкостных слов. Плохую службу окажет он Чехову, если *толстый* у него окажется *толстый*, а «сам *нищий-разнищий*» превратится у него в *бедняка*. <...>

А. Кони

Когда я познакомился с Кони, он был почетный академик, сенатор, действительный тайный советник, член Государственного совета, кавалер самых больших орденов. Знающие люди в ту пору учили меня, что на конвертах писем, обращенных к нему, я должен будто бы непременно писать: «Его высокопревосходительству». Я так и писал. Из всех моих тогдашних знакомых то был самый именитый сановник...

Но пришла революция — сразу, в какой-нибудь час, все это ушло от него и в обглоданном войной Петрограде он сделался просто Кони, такой же гражданин, как и все.

И замечательно: ему и в голову не пришло пожалеть о своем благоденственном прошлом, обидеться на революцию, лишившую его всех званий, орденов и чинов. Семидесятипятилетний старик, сгорбленный дугою, с большими ногами, он взял свои костыльки и пошел, ковыляя, по улицам, в самые дальние концы Петрограда — читать лекции красноармейцам, курсантам, рабочим в неоплаченных промозглых помещениях, которые носили громкое название клубов. Из-за гражданской войны и блокады эти клубы были так ограничены в средствах, что за двухчасовую лекцию вознаграждали его — да и то не всегда! — ржавой селедкой или микроскопическим ломтиком заплесневелого хлеба.

<...> Потому-то уже в самые первые месяцы нового, советского режима он без всяких колебаний и оглядок нашел «свое место в рабочем строю» и встал в ряды безвестных «просвещенцев», отдавая все свои огромные знания и убогие стариковские силы делу строительства новой культуры и, так как его талант не угас, вскоре стал одним из популярнейших лекторов в городе. Приближаясь к девятому десятку, этот больной и переутомленный старик завоевал себе новое имя, сделал новую карьеру. <...> У него было великое множество тем, но о чем бы он ни читал, всякая его лекция звучала как моральная проповедь, всякая упорно твердила о том, как прекрасна человеческая совесть, сколько счастья в служении добру.

⟨...⟩ Голос у него был тогда слабый, стариковский, простуженный, но слушали его с таким жадным вниманием, что шепот его доходил до самых далеких рядов.

⟨...⟩ С начала революции и до последней, предсмертной болезни Анатолий Федорович, по подсчету друзей, прочитал около тысячи лекций!

⟨...⟩ Но я боюсь, что у меня получился слишком пресный и постный образ елейного праведника, вместилища всех добродетелей — не портрет, а скорее икона. Спешу заверить, что Анатолий Федорович не имел ничего общего с этой утомительно скучной породой людей.

⟨...⟩ У него было несколько неожиданных свойств, которые как будто совсем не пристали суровому судье, исправителю нравов, пекущемуся об искоренении пороков. И первое свойство — «веселонравие», юмор. Не помню случая, даже в годы его стариковских болезней, чтобы, придя к нему, я не услышал от него забавной истории о каком-нибудь житейском гротеске. Он был переполнен юмором, совершенно исключавшим какое бы то ни было ханжество.

«Мода...»

[Часть незаконченной в 1969 г. статьи В. Шукшина. — См.: Василий Шукшин. Вопросы самому себе].

Взялся порассуждать на эту тему, но дал себе слово, что буду краток и осторожен, потому что легко можно наговорить «сорок бочек» или — еще хуже — очутиться в позе человека, все время показывающего пальцем, — поза противная, вовсе не смешная.

Мода... Тема «модная» — и это тоже рискованно. А мне еще надо бы и покаяться: я в свое время боролся с узкими брюками, и не так уж это было безобидно. Только не поднимается рука — бить себя в грудь. Не могу. Потом объясню почему.

Итак — мода. Мобилизовал свой «сельсовет» — думаю, как умнее начать. «Мода есть некая приятная несамостоятельность». «Мода — добровольное, не унижающее человека рабство». Нет, не то. Не так все просто.

Насчет самостоятельности...

Нельзя, неверно, моду (по крайней мере, на платье, прически, речевые штампы) связывать с этим понятием — самостоятельность. Этак можно с большой легкостью отместить целые группы людей, причем сюда, в эти группы, войдут наиболее подвижные, восприимчивые, способные чувствовать красоту люди. Но если отместить нельзя, то разобраться следует. Чем были плохи узкие штаны? Да ничем. Меньше пыли подымали с пола, некая экономия материи. Правда, ничего особенного в них не было. Отчего же возня была? Вот почему. Если, например, армия молодых людей зашагала по улицам в узких штанах, то часть их, этак с батальон, обязательно выскакивает вперед и начинает отчаянно обращаться на

себя внимание. И они-то, думая, что они народ крайне интересный, смелый, скоро начинают раздражать. Потому что искусства здесь нет, а есть дешевый способ самоутверждения. Здесь налицо пустая растрата человеческой энергии, ума, изобретательности — почему же на это не указать? Другое дело, мы указывать не умеем. В борьбе за их (батальона молодых людей) самостоятельность утрачиваем разум и спокойство. Я, например, так увлекся этой борьбой, так меня раззадорили эти «узкобрючки», что утратив еще и чувство юмора, всерьез стал носить... сапоги. Я рассуждал так: они копируют Запад, я «вернусь» назад, в Русь.

Мода — это чисто человеческое «изобретение», возникло с людьми и с людьми умрет. Это нечто выдуманное, цепкое, крикливое и пустое. Живая природа не знает моды: там, где решаются коренные вопросы бытия, мода молчит. Если бы это было не так, нам надо было бы очень важно знать: красиво ли, элегантно ли бежали солдаты в атаку? Почему поле вспахано вдоль, а не в елочку? Как ведет себя боксер в своем углу между раундами — обзорекает светски рассеянным взглядом толпу или только успевает надышаться? Как написано: «Сказались бессонные ночи, полные сжимающей душу тревоги, раздумий, бесконечных давлений, сопоставлений, ассоциаций...» или «Ванька устал», если нам, в данном случае, важно знать про Ваньку, а не про автора что он «может»?.. Ну и так далее.

Мода — тема обширная, мне ее не поднять в статье, поэтому я, говоря «мода», буду подразумевать только способность человека, не задумываясь, сделать так, как сделали уже другие. Преследуется цель: более или менее отчаянное самоутверждение. И — доказательство сопричастности передовому, новому.

[Выступление Юрия Бондарева на VII съезде писателей СССР. — Лит. газ., 1981, 8 июля, с. 4].

Я не сомневаюсь, что современный художник окунает кисть в свет, солнце, воздух, но вместе с тем в грязь, в кровь, в страдания людские, схватывая неоднозначное время.

Истина лежит в природе, правда — в человеке, горькая, многоликая, заявляющая о его скорбном несовершенстве.

Должен ли художник создавать идеал, поклоняясь ему, рабски следуя избранному методу и образцу? Пожалуй, нет: искусство не должно быть похожим на симметрию, что есть всего лишь привычка ума. Литература — дочь памяти, без которой исчезнет прошлое и наступит лень и покорность сознания. Соединяя прошлое и настоящее, память формирует подлинное время действительности. Поэтому смерть литературы подобна смерти человека: когда он уходит из времени или время уходит от него.

Как это ни печально, конечно, для часовых от формальной эстетики, охраняющих догмы, но таланты заразили словесность индивидуальным произволом, чувствуя себя неподкупным свидетелем, судьей и адвокатом одновременно.

Что ж, от века до наших дней литература — концентрация пространственных умонастроений. Соль и терпкая горечь сегодняшнего западного романа — в растерянном обнажении героя, гибнущего в ловушке утраченных иллюзий, безрадостного потребления, заменившего смысл жизни, когда вместе с простодушием ушла надежда кальвинистской земной удачи и властвуют престиж, безвольные удовольствия, холод равнодушия и зависть — эта ничтожная рабыня пороков, ставшая знатной госпожой.

Деньги и власть — два столпа нынешнего века — навязывали и навязывают мировому обывателю столько соблазнов, обманчивых сладких снов, опасных забав и привычек (а люди почему-то принимают это с покорностью роботов), что теперь излишне удивляться духовной развращенности, бездумности, тупому согласию с насильем так называемой машинной цивилизации, диктующей весь образ жизни.

Через сколько нелепостей прошло и проходит доверчивое человечество за последние тридцать лет! — От навязанных и внушенных (как необходимость) капрона и нейлона, мини и макси, от пожаром вспыхнувшей умопомрачительной славы джинсов и целой эры американского рока, проникшего без исключения на все континенты, до неуклюжих прямоугольных коробок из бетонных панелей и стекла, до сладкой тирании телевизора, заменившего старое естественное общение приятной его тенью, до пресловутой сексуальной эмансипации, извратившей святая святых в любви мужчины и женщины. Она не объединила, а разъединила людей, эта цивилизация Запада, состоящая из фраз, двуокиси углерода и больных неврозами века — прохожих на улицах загрязненных городов.

Как это ни горько утверждать, нравственный прогресс и у нас кое в чем начал заметно отставать от прогресса технического. Понятие хорошей жизни подчас повенчано лишь с мечтой об урбанистическом удобстве (что бы вы ни говорили о душевной радости, но для очень многих мягкие кресла предпочтительнее мягкой травы на солнечном косогоре), в то время как идеи материальной полезности вряд ли способны соревноваться с настроением духа: состояние его определяется совсем уж не силой практицизма, которому не свойственно чувствовать боль ближнего.

Всего вероятнее, что лучшее, чем еще держится человечество нравственно (философия, живопись, литература, наконец, сами вещи как произведения искусства), прочное и вечное, чем питаемся мы духовно, создано не в век атомной энергии, а, к нашему удивлению, во времена минувшие. Что же это значит — назад к свечам? Нет, назад к нравственности, основанной на опыте народной жизни, освещенной революционным пониманием добра, вперед к истинному смыслу нашего коллективистского существования: к естественному исполнению своих скромных и вместе великих обязанностей перед собой, перед другими и обществом, а не к мечте о сладком урбанистическом кайфе.

Люди во многом сами повинны в своих бедах, ибо редко призывают в свидетели, в помощники далекую и близкую историю,

которая почему-то остается забытым опытом, но в каждой культуре любвеобильные чудаки, разочаровываясь, страдая, но не теряя веры в людей (а может быть, счастлив тот, кто безумен в своей вере?), по-прежнему говорят о добре, о концепции любви, земли и человека.

Эти художники знают и чувствуют, что никогда после войны не было так неприятно их герою в обстановке мира последних лет, разрушаемого страхом перед возможным ядерным апокалипсисом и экологической катастрофой. Может быть, поэтому любвеобильные чудаки думают об энергии исторической памяти, а значит, о самосознании, что объединяет нации в годы опасности, и, вместе с литературными героями нащупывая то и дело ускользающую истину, задают вопросы действительности? <...>

Картины, свернутые в трубки

[Воспоминания и стихи Евг. Евтушенко, написанные к 100-летию со дня рождения Пабло Пикассо. — Лит. газ., 1981, 21 октября, с. 15].

1. Весной шестьдесят третьего года я был в гостях у Пабло Пикассо в его доме на юге Франции.

Маленький быстрый человек со сморщенным лицом старой мудрой ящерицы, столько раз оставлявшей хвост в руках тех, кто пытался ее схватить, приручить, показывал мне свои работы. Сам он смотрел не на них, а на меня. Лукавые, искрящиеся любопытством глаза, казалось, раскладывали меня на составные элементы, а потом вновь складывали уже в каких-то иных, подвластных только воображению этого человека сочетаниях. Рама написанной в грязно-розоватых тонах картины «Похищение сабинянок» покачивалась, поставленная на загнутый сверху эскимосский шлепанец из тюленьей шкуры, надетый на босу ногу. Руки, поросшие седыми, но какими-то веселыми волосами, с молниеносностью фокусника показывали мне то мифологические композиции маслом, то иллюстрации тушью к Достоевскому, то условные карандашные наброски. Уверенные и небрежные, взаимоотношения рук Пикассо с его работами были похожи на взаимоотношения рук кукольника с его героями, выведенными на парад-алле при помощи еле видимых ниточек. Работы плясали в руках, кланялись, исчезали...

— Ну что, понравилось что-нибудь? Только честно... Что понравилось — подарю... — так и ввинчивался в меня Пикассо глазами, вращающимися, как у хозяина тира из книги «Белеет парус одинокий». Я чувствовал себя Гавриком, но честно пробормотал, что мне больше нравится голубой период, а не эти последние работы.

Два молодых человека с напряженными оливковыми лицами подпольщиков, не представленные поименно, очевидно, по конспиративным причинам (Пикассо попросил фоторепортера из «Юманите» не фотографировать их), еще более напряженно переглянулись.

Пикассо неожиданно для всех восторженно захохотал, потребовал шампанского, которое немедленно возникло на подносе в руках хозяйки, как будто было на наших глазах создано из ничего воображением гения.

— Жива Россия-матушка! Жива! — кричал Пикассо, размахивая бокалом. — Жив дух Настасьи Филипповны, бросающей в огонь деньги! Ведь каждая моя подпись даже под плохоньким рисунком — это не меньше десятка тысяч долларов!

Пикассо обнял меня и поцеловал. От него пахло свежими яблоками и свежей краской. Два молодых человека с напряженными оливковыми лицами тем временем скатали в трубки три холста, указанных жестом хозяина, и, не попрощавшись, растворились в огромном, наполненном тюрьмами и заговорами мире.

— Меня упрекают в том, что мой «Голубь мира» слишком агрессивен... Наохлился, клюв наготове для драки, — сказал Пикассо. — А почему он должен быть добрым? Он уже не будет голубем мира, если станет клевать крошки из грязных рук...

Я спросил Пикассо о Маяковском, с которым он встречался в молодости.

— Маяковский? Это мой поэт. Он и, пожалуй, еще Элюар. В Маяковском было нечто огромное. Что не умещалось...

Он так и сказал, без уточнений — где не умещалось, в чём не умещалось. Может быть, в чьих-то головах, в чьих-то схемах...

В крошечном, по сравнению с ростом Маяковского, Пикассо было тоже нечто огромное. Что не умещалось. Нет ни одного другого художника, без которого XX век так непредставим, как без Пикассо. Вся современная архитектура, весь современный дизайн вышли из его опытов. Он был революционером в живописи, и поэтому революционер поэзии Маяковский был его поэтом.

Пикассо продавал картины, но душу — никогда. Спор после его смерти между наследниками был так же позорен, как кража гроба Чаплина. Но тогда, весной 1963 года, я видел двух настоящих наследников Пикассо — посланцев молодой Испании. Они шли по мокрому гравию садовой дорожки крупно хрустящими шагами, и трубки холстов торчали у них под мышками, как дула.

Пикассо помахал им, но они не обернулись.

II. Картины Пабло,

свернутые в трубки,
вас принимали

молодые руки,
пропахшие в подполье деловитом
гектографами

или динамитом.

Картины Пабло,

свернутые в трубки,
какие совершали вы поступки!

В каком-нибудь замыганном подвале
подпольщики вас грустно продавали,
но этим никогда не предавали.

Миллионер
 чуть левый
 из Нью-Джерси
 рукой боксера в рыжеватой шерсти
 отсчитывал им деньги,
 на которые
 печатала воззвания
 история,
 и на Мадрид
 листовок стая падала,
 как живопись, разодранная Пабло.
 Картины Пабло,
 свернутые в трубки,
 возможно, краски ваши были хрупки,
 но вас,
 как дополнительная краска,
 скрепляла кровь
 кастильца или баска.
 Для тех картин,
 лишенных света, воздуха,
 в стране распятой
 не нашлось ни гвоздика.
 Гвоздей десятки тысяч
 уходили
 на грузные портреты каудильо,
 ценителя,
 как он хвалился,
 классики,
 которому мешали
 все «пикассики».
 И стали стены столькие пусты
 из-за жандармской той переоценки.
 Когда людей всех лучших ставят к стенке,
 со стен сдирают лучшие холсты.
 Был запрещен Пикассо,
 но выласкивали
 по-ханжески Эль Греко и Веласкеса.
 Для классика живого — нету места.
 А мертвый классик тих —
 не жди протеста.
 Но от такого лицемерья века
 хотел свернуться в трубку
 и Эль Греко.
 Но войны Веласкеса
 под латами,
 но мальчики Мурильо под заплатами
 Пикассо в трубках
 на груди запрятали!
 Но инсургенты Гойи

на расстреле
сквозь эти трубки
на убийц смотрели!
Картины Пабло,
свернутые в трубки,
вы мчались на конях,
садились в шлюпки
и даже становились парусами,
себя спасая от погони сами!
И, может быть,
подпольщик в Барселоне,
взяв эту трубку
в юные ладони,
как будто в потайной трубе подзорной
в ней видел мир прекрасный —
не позорный,
лишь совести и небу поднадзорный.
Картина в трубке,
как сестра Эль Греко,
к маслиновым глазам прижавшись крепко,
дарила им возможность видеть что-то,
что невозможно видеть из болота.
Увидел глаз волшебный той трубы
то, что не видно трусам и невеждам:
изгнание искусства из страны
кончается всегда
победным въездом.
Картины Пабло,
свернутые в трубки,
вам приносили голуби, голубки
из кузниц
и Урала,
и Уэски
в усталых клювах
гвозди для развески.
И запоздало поклоняясь гению,
Испания в слезах
встречает «Гернику»,
и край холста,
еще в пыли изгнания,
целует,
словно край пробитый знамени.
Бессмертные страницы и холсты
всегда пробиты пулями незрячими.
Сворачиванье в трубки красоты
становится
всемирным разворачиваньем!
Изводятся фашисты
от стараний

Но и блестинка горизонта в трубке,
как форточка надежды — в мясорубке.

Но и бараний рог
 от боя к бою
становится подзорною трубою!
Тяжка труба подзорная искусства,
но без нее на горизонте пусто...
Мой современник,
 белый, желтый, черный,
сверни мои стихи
 трубой подзорной.

На станции Зима
или в Гранаде
приникни глазом
к свернутой тетради,
и голубей Пикассо эскадрильи
увидишь ты

в Перудже и Севилье,
Когда-то нарисованные птицы
размножились,
летят через границы,
нацелясь по-бойцовски, петушино
на атомные страшные машины.
И я —

один из этой эскадрильи,
а если мне порой ломают крылья,
их чуть подправит кисточка Пикассо,
и крылья вновь работают прекрасно.
Мой современник,
мы не одиночки.

И если ты,
 свернувший трубкой строчки,
увидишь даже в крохотном кружочке
кусочек просто неба, а не рая, —
я этим буду счастлив,
 умирая.

Мне смерть не в смерть,
и старость мне не в старость, —
лишь бы кусочек неба вам оставить
и знать, что жизнь со смертью не погасла,
как жизнь отца бессмертных птиц —
Пикассо.

Пикассо.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Языкознание — общественная наука. — Русская речь, 1971, № 5.
2. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
3. Аюпова Л. Л. Русско-башкирское языковое взаимодействие. — Русская речь, 1976, № 1.
4. Бабкин А. М., Шендцов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов. В двух книгах. М. — Л., 1966.
5. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.
6. Бакина М. А. О некоторых традициях в творчестве Ю. Мориц. — Русская речь, 1980, № 4.
7. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
8. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., 1975.
9. Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С. Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. Словарь-справочник. М., 1968.
10. Бельчиков Ю. А. Лексическая стилистика. М., 1977.
11. Боброва Т. А. Об изучении заимствований из языков народов СССР в русский язык. — Русский язык в школе, 1981, № 3.
12. Брагина А. А. Неологизмы в русском языке. М., 1973.
13. Брагина А. А. Синонимы стиливые и стилистические (от тождества до антонимии). — Филологические науки, 1976, № 2.
14. Брагина А. А. Русское слово в языках мира. М., 1978.
15. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1965.
16. Булаховский Л. А. Введение в языкознание. М., 1954.
17. Вакуров В. Н., Калинин А. В. Язык и стиль газеты. — В кн.: Работа над словом. М., 1971.
18. Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1969.
19. Виноградов В. В. Язык Пушкина. М. — Л., 1935.
20. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. — Вopr. языкознания, 1953, № 5.
21. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. — Тр. Юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филол. наук. Л., 1946.
22. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.
23. Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях. — Вopr. языкознания, 1960, № 5.
24. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. — В кн.: Шахматов А. А. Сборник статей и материалов. М., 1977.
25. Винокур Г. О. О славянизмах в современном литературном языке. — В кн.: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
26. Вишнякова О. В. Паронимы в русском языке. М., 1974.
27. Вурм А. Ф. Сходства и различия русской и чешской фразеологии. — Русская речь, 1976, № 4.
28. Галь Нора. Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора. М., 1972.
29. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразеобразования. Ростов-на-Дону, 1977.
30. Голетиани Г. Г. Грузинская лексика в русском языке. Тбилиси, 1972.
31. Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.
32. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
33. Гришанова В. Н. К вопросу разграничения значений полисемичных фразеологических единиц. — Русский язык в школе, 1979, № 6.
34. Даниленко В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов. — В сб.: Исследования по русской терминологии. М., 1971.
35. Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1979.
36. Дубродомов И. Г. Из истории изучения тюркизмов русского языка. — В кн.: Тюркологический сборник 1977 года. М., 1981.

37. *Евгеньева А. П.* Введение. — В кн.: *Словарь синонимов русского языка*/Под ред. А. П. Евгеньевой. В 2-х т. М., 1970, т. 1.
38. *Еськова И. Б.* Русский язык в Норвегии. — *Русская речь*, 1980, № 4.
39. *Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.
40. *Ившинский П. И.* Русский язык в Польше. — *Русская речь*, 1981, № 1.
41. *Исаев М. И.* Взаимодействие и взаимообогащение национальных языков. — *Русский язык в школе*, 1972, № 6.
42. *Калинин А. В.* Лексика русского языка. 3-е изд. М., 1978.
43. *Каландадзе Л. А.* Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики. — В сб.: *Развитие лексики современного русского языка*. М., 1965.
44. *Касаткин А. А.* Новые слова русского происхождения в итальянском языке. — Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1952, вып. 18, № 161.
45. *Кожин А. Н.* Из истории развития словарного состава русского языка в советском обществе. — Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. М., 1963, т. 88, вып. 8.
46. *Кожин А. Н.* Составные наименования в русском языке (на материале военной лексики). — В сб.: *Мысли о современном русском языке*/Под ред. В. В. Виноградова. М., 1969.
47. *Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В. В.* Функциональные типы русской речи. М., 1981.
48. *Кондрашов Н. А., Ондрус П.* Русские слова в словацком литературном языке. — *Русская речь*, 1971, № 4.
49. *Копорская Е. С.* О смысловых соотношениях книжно-славянских и русских слов в литературном языке конца XVIII — начала XIX в. — *Филологические науки*, 1969, № 5.
50. *Котелова Н. З.* Значение слова и его сочетаемость. Л., 1975.
51. *Крылов А. И.* Термин и контекст. — В сб.: *Языковые единицы и контекст*. Л., 1973.
52. *Кузнецова Э. В.* Лексикология русского языка М., 1982.
53. *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов). — Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1956, вып. 24, № 198.
54. *Левковская К. А.* Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962.
55. *Мансветова Е. Н.* Славянизмы в поэзии среднего жанра. — *Русская речь*, 1973, № 6.
56. *Миллер Е. Н.* Характер и форма функционирования лексической и фразеологической антонимии в речи. — *Русский язык в школе*, 1980, № 3.
57. *Михалик Т. В.* Венгрии учат русский. — *Русская речь*, 1979, № 3.
58. *Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.
59. *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М., 1980.
60. *Новиков Л. А.* О семантическом переоформлении заимствованных слов в русском языке. — *Русский язык в школе*, 1963, № 3.
61. *Новиков Л. А.* Антонимия в русском языке. М., 1973.
62. *Новиков Л. А.* Семантика русского языка. М., 1982.
63. *Ожегов С. И.* Основные черты развития русского языка в советскую эпоху. — Изв. АН СССР. Отд. литературы и языка, 1951, т. 10, вып. 1.
64. *Ожегов С. И.* Советский. — *Русская речь*, 1967, № 6.
65. *Орлов Л. М.* Семантические варианты в диалектной лексической системе (на материале говоров Волгоградской области). — *Филологические науки*, 1969, № 6.
66. *Орлов Л. М.* Диалектизмы и литературный язык. По материалам районных газет Волгоградской области. — *Русская речь*, 1972, № 2.
67. *Оссовецкий И. А.* Народные говоры. Лексика. — В кн.: *Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование*/Под ред. М. В. Панова. М., 1968, кн. 4. Фонетика современного русского литературного языка.
68. *Оссовецкий И. А.* Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50—60-х годов. — В кн.: *Вопросы языка современной русской литературы*. М., 1971.
69. *Павлова Р. К.* К вопросу о русском языковом влиянии в Болгарии. — *Русский язык в школе*, 1980, № 5.
70. *Палевская М. Ф.* Синонимы в русском языке. М., 1964.
71. *Пономаренко Т. Г.* Паронимы и контекст. — В сб.: *Языковые единицы и контекст*. Л., 1973.
72. *Попов Р. Н.* Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. М., 1976.

73. Протченко И. Ф. Развитие общественно-политической лексики в советскую эпоху. — В сб.: Развитие лексики современного русского языка. М., 1965.
74. Протченко И. Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект. М., 1975.
75. Рашидов Ш. Р. Могучее средство единения советских народов. — Коммунист, 1979, № 13.
76. Реформатский А. А. Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1967.
77. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М., 1974.
78. Русинов Русин. Русские слова в болгарском языке. — Русская речь, 1976, № 3.
79. Русская разговорная речь / Под ред. Е. А. Земской. М., 1973.
80. Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. М., 1968, кн. 1. Лексика современного литературного языка.
81. Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. М., 1968, кн. 3. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка.
82. Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР. Сб. статей. М., 1980.
83. Селищев А. М. Выразительность и образность языка революционной эпохи. — В кн.: Селищев А. М. Избранные труды / Под ред. Е. А. Васильевской. М., 1968.
84. Сенкевич М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М., 1976.
85. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
86. Скацел Йозеф. Русский язык в Чехословакии. — Русская речь, 1977, № 5.
87. Скацел Йозеф. Язык друзей. — Русская речь, 1979, № 6.
88. Скворцов Л. И. Жаргоны. — В кн.: Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
89. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова»). — Тр. ин-та языкознания АН СССР, 1954, т. 4.
90. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М. — Л., 1965.
91. Супрун А. Е. Русский язык советской эпохи. Л., 1969.
92. Телия В. Н. Что такое фразеология. М., 1966.
93. Телия В. Н. Фразеология. — В кн.: Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
94. Терминология и норма / Под ред. В. П. Даниленко. М., 1972.
95. Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян. — Вopr. языкознания, 1975, № 2.
96. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974.
97. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
98. Фадеев В. И. Русские слова в английском языке. — Русская речь, 1969, № 3.
99. Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М. — Л., 1962.
100. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
101. Филин Ф. П. Некоторые вопросы функционирования и развития русского языка. — Вopr. языкознания, 1975, № 3.
102. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
103. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М., 1982.
104. Хрусов Г. В. Японские слова в русском языке. — Русская речь, 1971, № 3.
105. Хрусов Г. В., Хрусова В. В. Русский язык в Японии. — Русская речь, 1972, № 2.
106. Чуковский Корней. Высокое искусство. О принципах художественного перевода. М., 1964.
107. Шанский Н. М. Слова, рожденные Октябрем. — Русский язык в школе, 1967, № 5.
108. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 2-е изд. М., 1969.
109. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. 2-е изд. М., 1972.
110. Шанский Н. М. Слова нашей эпохи. — Русский язык в школе, 1978, № 1.
111. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.
112. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

- Аж. — В. Н. Ажаев
 А.К.Т. — А. К. Толстой
 Акс. — С. Т. Аксаков
 А. Кулеш. — А. П. Кулешов
 Ант. — П. Г. Антокольский
 А. Лунач. — А. В. Луначарский
 А.Н.Т. — А. Н. Толстой
 Арс. — В. К. Арсеньев
 А. Остр. — А. Н. Островский
 Ахм. — А. А. Ахматова
 Баб. — С. П. Бабаевский
 Баж. — П. П. Бажов
 Бел. — В. Г. Белинский
 Бл. — А. А. Блок
 Б. Пол. — Б. Н. Полевой
 Б. Сл. — Б. А. Слуцкий
 Брюс. — В. Я. Брюсов
 Буб. — М. А. Бубеннов
 Бун. — И. А. Бунин
 В. Бел. — В. Беляев
 Верес. — В. В. Вересаев
 Винок. — Е. Винокуров
 Вс.Ив. — В. В. Иванов
 В. Кож. — В. Кожевников
 В. Лид. — В. Г. Лидин
 В. М. — В. В. Маяковский
 В. Пан. — В. Ф. Панова
 Возн. — А. А. Вознесенский
 Г. — Н. В. Гоголь
 газ. — газета
 Гарш. — В. М. Гаршин
 Герц. — А. И. Герцен
 Гиляр. — В. А. Гиляровский
 Гладк. — Ф. В. Гладков
 Г. Ник. — Г. Е. Николаева
 Гонч. — И. А. Гончаров
 Горб. — Б. Л. Горбатов
 Гр. — А. С. Грибоедов
 Гран. — Д. Н. Гранин
 Григор. — Д. В. Григорович
 Г. Усп. — Г. И. Успенский
 Дост. — Ф. М. Достоевский
 Есен. — С. А. Есенин
 Инб. — В. М. Инбер
 И. Никит. — И. С. Никитин
 Исак. — М. В. Исаковский
 И. Уткин — И. П. Уткин
 журн. — журнал
 Кавер. — В. А. Каверин
 Кат. — В. П. Катаев
 К. Ванш. — К. Ваншенкин
 Кетл. — В. К. Кетлинская
 Кольц. — А. В. Кольцов
 Копт. — А. Д. Коптяева
 Кор. — В. Г. Короленко
 Кочет. — В. А. Кочетов
 Кр. — И. А. Крылов
 Купр. — А. И. Куприн
 К. Чук. — К. И. Чуковский
 Л. — М. Ю. Лермонтов
 Лаврен. — Б. А. Лавренев
 Леон. — Л. М. Леонов
 Л. Март. — Л. Мартынов
 Л. Ник. — Л. В. Никулин
 Леск. — Н. С. Лесков
 Л. Оз. — Л. Озеров
 Л. Ош. — Л. Ошанин
 Л. Соб. — Л. С. Соболев
 Л. Тат. — Л. Татьяничева
 Л.Т. — Л. Н. Толстой
 Макарен. — А. С. Макаренко
 М. Ал. — М. Алигёр
 М. Г. — М. Горький
 М. Кольц. — Михаил Кольцов
 М.-П. — П. И. Мельников-Печерский
 Михалк. — С. В. Михалков
 М. Свет. — М. А. Светлов
 М.-Сиб. — Д. Н. Мамин-Сибиряк
 М. Цвет. — М. С. Цветаева
 М. Шаг. — Мариэтта Шагинян
 Нагиб. — Ю. М. Нагибин
 Н. — Н. А. Некрасов
 Нов.-Пр. — А. С. Новиков-Прибой
 Н. Остр. — Н. А. Островский
 Н. Усп. — Н. В. Успенский
 О. Бергг. — О. Берггольц
 П. — А. С. Пушкин
 Павл. — П. А. Павленко
 Пауст. — К. Г. Паустовский
 Перв. — А. А. Первенцев
 Песк. — В. М. Песков
 Писарж. — О. Писсаржевский
 Писем. — А. Ф. Писемский
 пог. — поговорка
 Помял. — Н. Г. Помяловский
 посл. — пословица
 Пришв. — М. М. Пришвин
 Рек. — А. Рекемчук
 Р. Рожд. — Р. Рождественский
 С. Ант. — С. Н. Антонов
 Сераф. — А. С. Серафимович
 Сим. — К. М. Симонов
 С. Марш. — С. Я. Маршак
 Сок.-Микит. — И. С. Соколов-Микитов

Сол. — В. А. Солоухин
С. Орл. — С. Орлов
С. Остр. — С. Островой
Станюк. — К. Станюкович
Степ. — А. Н. Степанов
Сурк. — А. А. Сурков
С.-Щ. — М. Е. Салтыков-Щедрин
С.-Ценск. — С. Н. Сергеев-Ценский
Т. — И. С. Тургенев
Твард. — А. Т. Твардовский
Тендр. — В. Ф. Тендряков
Тих. — Н. С. Тихонов

Фад. — А. А. Фадеев
Фед. — К. А. Федин
Фурм. — Д. А. Фурманов
Ч. — А. П. Чехов
Чак. — А. Б. Чаковский
Шишк. — В. Я. Шишков
Шол. — М. А. Шолохов
Шукш. — В. С. Шукшин
Ю. Герм. — Ю. Герман
Ю. Ж. — Ю. А. Жуков
Ю. Каз. — Ю. Казаков
Я.К. — Я. Козловский

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

(основные понятия и термины)

Актуализация

- слов 48, 66, 106, 122.
 - фразеологизмов 308
 - алфавитный, -ое (порядок, расположение слов и оборотов) 15, 16, 18, 19, 20
 - алфавитно-гнездовой, -ое (порядок, расположение слов и оборотов) 16, 17, 19
 - антитеза 122
 - антифразис
 - лексический 124
 - фразеологический 290
 - антонимия (лексическая);
 - как проявление системных отношений в лексике 11, 14, 113
 - и многозначность 117—119
 - антонимический (ряд) 119, (перевод) 124, (ситуация, употребление) 89, 114, 120, 121
 - антонимы
 - лексические (определение) 113
 - — различительные признаки 114—115, 117—119
 - — типы по структуре и функционально-семантической сущности
 - — — разнокорневые 115
 - — — однокорневые 115—116
 - — — внутрисловные (энантиосемы) 116
 - — — эвфемизмы 116
 - — — конверсивы 116—117
 - — — общезыковые (узуальные) 120
 - — — контекстуальные (оказиональные) 120—121
 - — функционально-стилистическая роль 121—124
 - — ряды антонимов (антонимические) 119
 - — отражение в словарях 124—125
 - фразеологические (определение) 265
 - — семантические признаки 265—266
 - — структурно-грамматические группы 266
- арханизмы
 - лексические 226, 227, 228, 307
 - фразеологические 288, 289, 307
- Варваризмы (лексические) 151
- вариантность (и вариативность) 7, 201
- внеязыковой (см. неязыковой)
- Денотат (предмет или явление) 11
- денотативный, -ое (значение) 11, 30
- derivационные отношения (связи) в лексике 14

детерминологизация 180—181

дифференциальный, -ые (и дифференцирующий признак) (см. различительный)

дихотомизм 9

доминанта 81

Займствование, -ия

- лексические
 - — славянские 137—140
 - — неславянские 140—143
- фразеологические
 - — славянские 279—280
 - — неславянские 280

значение

- лексическое 22, 23, 24 (определение), 25—26, 27, 30, 242, 251
- — основные типы:
 - — — прямое (основное, первичное) 30, 257
 - — — переносное (вторичное) 30—31, 257
 - — — непронизводное (немотивированное) 31—32
 - — — производное (мотивированное) 32
 - — — свободное 32
 - — — несвободное (фразеологически связанное) 33, (синтаксически обусловленное) 33, (конструктивно ограниченное) 34, 85
 - — — номинативное 34
 - — — экспрессивно-синонимическое 34—35
 - — — оттенки значения 35, 147, 262, 305
 - — — общезыковое (узуальное) 45
 - — — контекстуально-речевое (оказиональное, авторское) 46—47
 - — — способы развития:
 - — — перенос по сходству (метафорический) 42—44, 206, 257
 - — — перенос по смежности (метонимический), 44, 206, 257, (соподразумеванию (синнекдоха) 45
 - — — расширение 45
 - — — сужение 45—46
 - — — стилистически нейтральное (см. межстилевая лексика)
 - — — стилистически оценочное (см. оценка, оценочный, а также коннотация, коннотативный)
- фразеологическое 242, 245, 251—254
- — различительные признаки 251—252
- — основные типы 252—253

Идиоматичность (немотивированность)

9, 10, 31, 32, 242, 251, 254

исконная русская

- лексика 132—136
- фразеология 277—279

историзмы

- лексические 227, 231, 305, 306—307
- фразеологические 288, 306—307

Каламбур 66, 106

калька, -и (и полукальки)

- лексические 146—147
- фразеологические 280

коннотативность 197, 290

- коннотативный, -ая (также стилистически-оценочный, эмоционально-оценочный, экспрессивно-стилистический, эмоционально-экспрессивный и др.) 11, 14, 24, 88, 196, 197, 198, 200, 201, 203, 211, 212, 214, 261, 283, 285, 305, 306

коннотация 11 (определение), 24, 196, 200, 213

Лексика (лексический состав) 6—8, 9—240, 295—307

- активного употребления 225, 295—309
- бранно-вульгарная 6, 203, 204
- газетно-публицистическая 205, 209—212, 303, 309
- генетически объединяемая 133—146
- диалектная 84, 171—175
- жаргонно-арготическая 182—183
- заимствованная 136—143, 146
- интернациональная (международная) 140, 141, 151, 153
- книжная 204—212
- литературная (нормированная) 6—8
- литературно-разговорная 200—201
- межстилевая 84, 88, 198, 199
- научная 205, 207—209
- национальная 6—8
- новая (неологизмы) 13, 105, 228—230, 230—233, 295—307
- объединяемая активным или пассивным использованием в речи 225—230
- объединяемая стилевой принадлежностью и экспрессивно-стилистической характеристикой 195—212
- объединяемая сферой распространения (или социально-диалектной принадлежностью) 171—184
- официально-деловая 90, 195, 196, 199, 204, 205, 206—207
- пассивного употребления 201—202, 295, 302, 306, 307
- профессиональная 179—182
- развитие и изменения в лексике 295—307

- разговорно-бытовая 201—202
- разговорно-жаргонная 203—204
- русская лексика в других языках мира 155—159
- специальная 175—182
- стилистически нейтральная 198—199
- стилистически окрашенная 196—198
- терминологическая 175—179, 299, 300, 308
- устаревшая 88, 227
- устаревающая 226
- этнографическая 172—173
- лексикография (лексикографический, -ая, -ое) 6, 15—20, 67—68, 91, 107, 124—125, 160—162, 184—186, 215—217, 233—235, 266—268
- лексикология 5, 6
- историческая (диахроническая) 6
- общая 5
- описательная (синхроническая) 5—6
- сопоставительная 6
- частная 5
- лексико-семантическая система 10—20, 148
- лингвистические словари как способ характеристики системы 15—20 (см. также лексикография)
- общее понятие 10—11, 14—15
- связь с другими уровнями языка 10
- различительные признаки:
 - лингвистические (парадигматические) 12—13, (синтагматические) 13—14, (деривационные, или словообразовательные) 14
 - лингвистические 11
 - нелингвистические (неязыковые) 11—12
 - паралингвистические 15
- лексико-семантическая парадигма (см. парадигма)

Межстилевая (см. лексика; слова; фразеологизмы)

многозначность (или полисемия)

- слов 37 (определение), 42—47, 57—58, 63—64, 79, 118
- фразеологизмов 257—261
- модальность 205, 210—212, 252 (см. также оценочность)
- моносемия (см. однозначность)

Норма (языковая) 6—8, 174, 179, 201, 203, 204

- неязыковой (и внеязыковой, нелингвистический, экстралингвистический) признак 11, 25, 38, 147, 200, 205, 225, 227, 281, 295—309

Однозначность (или монопосемия)

- слов 37
- фразеологизмов 257
- оксюморон (и оксиморон) 123—124
- омонимия
 - лексическая 14, 55—72
 - фразеологическая 257, 260—261
- омонимическое употребление 60—61
- омонимы
 - лексические (определение) 55
 - — полные и неполные 56
 - — существенные признаки 56
 - — семантические и структурные типы 57—60
- фразеологические 257, 260—261
- омонимы
 - графические (или омографы) 61
 - морфологические (или омоформы) 61
 - словообразовательные (или оморфемы) 61
 - синтаксические 61
 - стилистические 61
 - фонетические 61
- омографы (см. омонимы графические)
- оморфемы (см. омонимы словообразовательные)
- омоформы (см. омонимы морфологические)
- омофоны (см. омонимы фонетические)
- омостилемы (см. омонимы стилистические)
- ономасеология 6
- оценка (оценочность, оценочный, см. коннотация, коннотативность, коннотативный)

Парадигма

- лексико-семантическая (определение) 12, 13, 30—36, 79, 86
- фразеологическая 246
- парадигматические отношения
 - в лексике 12—13
 - во фразеологии 245—247
- паронимия 14, 103, 105
- паронимы 103—107, 107—108
 - сходство (с омонимичными словами) 103 (с однокоренными синонимами) 103
 - причины смещения 103—105
 - ошибки в употреблении и в переводе 106
- парономасия (и паронимазия) 105
- понятие (логическое) 22—24
- предмет (см. денотат)
- предметно-логическая (и понятийно-логическая) отнесенность, связь 13, 22, 23, 25, 30, 33, 78
- противопоставление (логическое) 113, 114, 123, 124

Различительный (и дифференциальный, дифференцирующий, а также категориальный, стилообразующий) признак 5, 11—15, 118, 200 (определение) 205, 241, 242, 245

Семантическая структура

- слова 13, 22—26, 37 (определение), 49
- фразеологизма 251—254, 258
- семасиология 6, 22
- семасиологические связи (отношения, характеристики и т. д.)
 - слов 9—20, 22—26, 30—38, 42—50, 55—67, 78—91, 103—107, 113—125
- фразеологизмов 245—247, 251—268, 272—274, 277—280, 283—285, 287—289
- синонимия лексическая 78
 - семантические признаки 78—79
 - синонимия и полисемия 79—80
- синонимы
 - лексические 78 (определение)
 - — связь с многозначностью 79—80
 - — семантические признаки 78—79
 - — лексико-грамматическая соотносительность 81—82
 - — ряды синонимов 81—83 (синонимические ряды)
 - — структурно-генетические группы (разнокорневые — однокорневые; производные — непроизводные; исконные — заимствованные) 82
 - — функционально-семантические и функционально-стилистические группы (смысло- и стилеразличительные, собственно стилистические) 82—83
 - — общеязыковые 86
 - — контекстуально-речевые 86—87
- фразеологические 261 (определение)
- — связь с многозначностью 264
- — семантические признаки 262
- — соотносительность с частями речи 262
- — структурно-грамматические группы 263
- — сходство синтагматических отношений 263—264
- — типы (группы) 264
- — фразеологические варианты 265
- синтагматические отношения
 - в лексике 13—14, 32—33, 114, 117, 119
 - во фразеологии 246—247, 252, 253
- слово 9, 10 (определение)
- словари (см. также лексикография)
 - лингвистические
 - антонимов 124—125
 - — диалектные (и областные) 184—185

- — иностранных слов 161—162
- — исторические 233—234
- — новых слов и значений 20, 235
- — омонимов 67—68
- — паронимов 107
- — синонимов 91
- — толковые 15—20
- — фразеологические 266—268
- — этимологические 160—161
- — языка писателей 235
- энциклопедические (и терминологические) 185—186
- сочетаемость (лексическая) 13—14, 64, 85, (синтаксическая) 13—14, 114, 117, 118 (см. синтагматические отношения; фразеологическая) 242, 245
- старославянизмы (и церковнославянизмы) 137—140, 148—150, 279—280
- старославянский язык 137
- стилевая (и функционально-стилевая) отнесенность, принадлежность, характеристика 14, 65, 88, 104, 195—217, 283—285
- стили
 - функциональные 195—219
 - литературно-художественные 204—205, 212
- стилистический, -ая, -ое, -ие (оттенок, окраска, помета и др.)
 - окраска 196 (определение) (см. также коннотация, коннотативная)
 - помета, -ы (в словаре) 15—20 (см.: словари)
 - фигуры 105, 122, 123, 124
- Тематические группы (классы и т. д.)
 - слов 11
 - фразеологизмов 175—179, 246 (см.: лексико-семантическая система)
- термин, -ы 175, 179, 185, 186, 207, 209, 256, 300—301
- Устаревающая и устаревшая
 - лексика 226—228
 - фразеология 288, 307 (см. лексика и фразеология пассивного употребления)
- Фразеология
 - наука 5, 6, 241 (определение)
 - — историческая (диахроническая) 5
 - — общая 5
 - — объект ф. 241
 - — описательная (синхроническая) 5
 - — сопоставительная 6
 - — частная 5
 - состав оборотов языка (см. фразеологический состав)
 - границы 241
- фразеологизм, -ы, (фразеологический оборот, фразеологическая единица) 5, 241, 245 (определение)
- активного употребления 287—288, 295—306
- архаизмы 288
- заимствованные 279—280
- исконные 277—279
- историзмы 288
- книжные 288—285
- лексико-грамматические группы (именные, глагольные, адъективные, наречные, междометные) 272—274
- межстилевые 283
- многозначные 257—261
- однозначные 257
- отражение в словарях 266—268
- пассивного употребления 288—289, 306—307
- разговорные 283—284
- сопоставление со словом 241—243, 245
- сопоставление со свободным словосочетанием 243—245
- структурно-грамматические 272—274
- структурно-семантические 272
- типы по семантической слитности 254—256 (сражение, единства, сочетание, фразеологизированные выражения)
- фразеологическая система 5, 245, 287
 - связь с разными уровнями языка 245—247
 - виды системных отношений (парадигматические и синтагматические) 246
 - различительные (категориальные) признаки
 - — нелингвистические 246
 - — собственно лингвистические 246
 - русские фразеологизмы в других языках мира 281
- фразеологическая система как фразеологический состав, фразеология 6, 8, 241 (определение)
 - национальная 6, 8
 - ограниченная 6, 8
 - литературная 6, 7, 8
- фразеологические антонимы (см. антонимы)
- фразеологическое значение (см. значение)
- фразеологические синонимы (см. синонимы)
- функции языка (см. язык)
- функциональные стили (см. стили)
- Эвфемизм (эвфемистический) 86, 116, 117
- экспрессивно-стилистическая (стили-стическая, эмоционально-стилистиче-

ская, экспрессивно-стилистическая) окраска, оценка, роль, характеристика и т. д.) 196, 197, 204, 210, 212, 213, 214, 242, 245, 251, 255, 259, 267, 283—285, 289—292, 305
экзотизмы (лексические) 151 (определение), 152, 181
экстралингвистический (см. неязыковой)
эллипсис (семантический) 47, (фразеологический) 243—244
энантисемия (см. антонимы внутрисловные)

эпидигматические отношения в лексике 14

этимология 6

Язык русский

— литературный 6, 7, 195
— национальный 6, 8
— художественной литературы 204—205
— уровни (ярусы) 10, 245
— функции 22—23, 195

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абаев В. И. 48, 57, 63
Аваллани Ю. Ю. 274
Александрова З. Е. 91, 92
Амосова Н. Н. 32
Архангельский В. Л. 247
Ахманова О. С. 26, 35, 58, 60, 64, 67, 68, 107, 126, 185, 248
Ашукин Н. С. 267
Ашукина М. Г. 267
Аюпова Л. Л. 143

Бабкин А. М. 162, 248, 268, 280
Бакина М. А. 292
Бархударов Л. С. 26, 124, 184, 197, 213, 214, 233, 292
Бархударов С. Г. 26, 160
Белинский В. Г. 153, 185
Бельчиков Ю. А. 8, 105, 107, 108
Беляева О. П. 185
Белянская З. Ф. 226, 228
Берында Памва 15
Боброва Т. А. 143
Богданов Н. Т. 185
Богораз В. Г. 185
Бодуэн де Куртенэ И. А. 17, 18
Бородин В. 217
Брагина А. А. 44, 82, 85, 88, 92, 156
Будагов Р. А. 26, 37, 68, 88, 92, 116, 126, 133
Булатов М. А. 267
Булаховский Л. А. 26, 45, 69, 92, 114, 126

Вакуров В. Н. 90, 154, 216
Васильева А. Н. 309
Васнецов Н. М. 185
Введенская Л. А. 69, 108, 121, 125, 126, 208
Ведерников Н. В. 217
Виноградов В. В. 5, 7, 8, 24, 25, 26, 33, 34, 35, 38, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 69, 116, 148, 150, 241, 248, 251, 252, 254
Виноградова В. Л. 234
Винокур Г. О. 7, 92, 139, 242

Винокур Т. Г. 92, 139
Вишнякова О. В. 103
Волоцкий В. 185
Воронцова В. Л. 212
Вурм Альфред 279, 281
Вяземский Б. А. 185

Галкина-Федорук Е. М. 57, 126
Галь Нора 90, 153, 214
Гальперин И. Р. 26
Гвоздарев Ю. А. 265
Гвоздев А. Н. 108
Герасимов М. Г. 185
Годжа М. М. 158
Голеттани Г. Г. 143
Гончаренко Г. Е. 121
Горбачевич К. С. 7, 8, 20, 212, 216, 217, 226
Горяев Н. В. 160
Греков Б. Д. 234
Григорьева А. Д. 92
Гришанова В. Н. 259
Грот Я. К. 18

Даль В. И. 17, 18, 83, 154, 184, 215, 233, 235, 266, 304
Даниленко В. П. 176
Диброва Е. И. 265
Добровольский В. Н. 185
Добродомов И. Г. 141
Дыбина Т. В. 69, 108, 126
Дювернуа А. Л. 234

Евгеньева А. П. 20, 78, 91, 93, 124
Еськова И. Б. 156
Ефимов А. И. 93

Жуков В. П. 243, 246, 248, 251, 257, 263, 265, 267

Звегинцев В. А. 26
Зеленецкий А. 217
Земская Е. А. 201
Зизаний Лаврентий 15
Зимин В. И. 161, 267

Иванов В. В. 160
Ивинский П. И., 158
Исаев М. И. 143

Калинин А. В. 27, 45, 69, 90, 126, 154,
179, 249

Капанадзе Л. А. 308

Касаткин А. А. 158

Кацнельсон С. Д. 11

Кипарский В. Л. 155

Клюева В. Н. 91

Ковтун Л. С. 27, 217

Кодухов В. И. 11, 93

Кожин А. Н. 198, 243, 256, 297

Колесников Н. П. 67, 70, 103, 107, 108,
125, 126

Колшанский Г. В. 27

Кондрашов Н. А. 157, 158

Копорская Е. С. 149, 151

Костомаров В. Г. 306, 309

Котелова Н. З. 10, 20, 25, 27, 177, 235

Кочин Г. Е. 234

Крупнов В. Н. 106

Крылов А. И. 176

Крылова О. А. 198

Крысин Л. П. 215

Кузнецова Э. В. 15

Куликовский Г. И. 185

Кунин А. В. 249, 292

Куницкий В. Н. 217

Ларин Б. А. 161, 217, 252

Левковская К. а. 5, 6, 9, 27

Ленин В. И. 19, 154, 165, 186, 298, 299

Лехин И. В. 162

Ломоносов М. В. 18, 148, 215

Львов М. Р. 125

Максимов С. 267

Мансветова Е. Н., 149

Маркс К. 186

Мельниченко Г. Г. 185

Миртов А. В. 185

Михаликне Т. 158

Михельсон А. Д. 162

Михельсон М. И. 267

Мокшенко В. М. 249, 277, 280

Молотков А. И. 243, 249, 257, 265, 267,
273, 289

Морозов М. М. 50

Никонов В. А. 161

Новиков Л. А. 25, 89, 114, 116, 117, 119, 125,
126, 127, 144, 145

Ожегов С. И. 19, 215, 228, 235, 267, 303

Ондрус П. 157, 158

Орлов Л. М. 173, 174, 175

Оссовецкий И. А. 174, 185

Откупщиков Ю. В. 161

Павлова Р. 157

Палевская М. Ф. 88, 93

Панюшева М. С. 107, 108

Петрищева Е. Ф. 212

Петров Ф. Н. 162

Подвысоцкий А. 185

Покровский М. М. 11

Покровский Н. А. 161

Попов Р. Н. 249, 307

Потебня А. А. 257

Преображенский А. Г. 160

Протченко И. Ф. 305

Расторгуев П. А. 185

Рахманин Л. В. 216

Рахманова Л. И. 216

Рашидов, Ш. Р. 143

Реформатский А. А. 45, 58, 71, 94, 126,
127

Рецкер Я. И. 48, 124, 155, 184, 198, 214

Рогожникова Р. П. 7

Ройзензон Л. И. 274

Розенталь Д. Э. 71, 107, 108, 127, 173,
185, 216

Русинов Русин 157

Сабинин С. 155

Селищев А. М. 212

Сенкевич М. П. 209

Сикорский Н. М. 186

Сиротинина О. Б. 199, 200

Скацкел Йозеф 157, 158

Скворцов Л. И. 182, 216

Смирницкий А. И. 9, 27, 58

Смирнов И. Т. 185

Солганик Г. Я. 212, 306, 309

Сорокин Ю. С. 13, 20, 128, 235, 250,
303, 304

Срезневский И. И. 234

Стурлусон Снорри 155

Тарабасова Н. И. 216

Теленкова М. А. 71, 107, 108, 127, 173
185, 216

Телия В. Н. 247, 250, 265

Тикоцкий М. Е. 309

Толмачева З. А. 57

Толстой И. В. 216

Толстой Н. И. 137

Толь Ф. Г. 185

Трубачев О. Н. 160, 161

Улуханов И. С. 121

Успенский Л. В. 161

Уфимцева А. А. 11, 12, 27, 51, 94, 220

Ушаков Д. Н. 19, 235, 266, 304

Фадеев В. И. 156

Фасмер М. 160, 161

Феллер М. 161

Филин Ф. П. 7, 8, 134, 135, 136, 150,
155, 162, 164, 176, 185
Филиппов А. В. 161, 267
Формановская Н. И. 216

Хабло Е. П. 217
Хруслов Г. В. 143, 158
Хрулова В. В. 158

Цыганенко Г. П. 161

Чернышевский Н. Г. 185
Чешко Л. А. 91
Чуковский К. И. 87, 89, 90, 214

Шайкевич Я. 217
Шамурин Е. Н. 185
Шанская Т. В. 160
Шанский Н. М. 5, 9, 25, 27, 67, 72, 94,
108, 114, 116, 128, 135, 136, 144, 160,

161, 243, 250, 253, 256, 257, 258, 259,
262, 265, 267, 272, 278, 279, 299
Шахматов А. А. 18
Шендецов В. В. 162, 268, 280
Шерцель В. И. 116
Шимкевич Ф. С. 160
Шмелев Д. Н. 5, 9, 10, 13, 14, 25, 27,
30, 32, 35, 46, 47, 57, 64, 72, 78, 88,
94, 125, 127, 173, 176, 197, 250
Шумилов Н. Ф. 289

Шеболева И. И. 69, 108, 126
Шерба Л. В. 95

Юшманов Н. Ф. 162

Эльянова Н. М. 267

Якушкин Е. И. 185
Яновский Н. М. 162, 303
Яранцев Р. И. 268

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
§ 1. Понятие о лексикологии и фразеологии русского языка	5
§ 2. Функции лексикологии и фразеологии, их основные направления. Роль смежных наук	5
§ 3. Понятие о национальной и литературной лексике и фразеологии	6

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ЛЕКСИКА

Часть I

Семасиологическая характеристика современной лексической системы

§ 4. Слово как единица лексики русского языка	9
§ 5. Понятие о современной лексико-семантической системе русского языка	10
§ 6. Толковые словари русского языка как один из способов характеристики системных связей слов	15
Упражнения	20
<i>Семантическая структура слова</i>	22
§ 7. Понятие и слово. Значение слова	22
Упражнения	26
§ 8. Основные типы лексических значений слов	30
§ 9. Однозначность и многозначность слов русского языка	37
Упражнения	38
§ 10. Развитие значений слова	42
§ 11. Функционально-стилистическая роль полисемии	47
Упражнения	51
<i>Омонимы, их типы и роль в лексико-семантической системе русского языка</i>	55
§ 12. Понятие о лексических омонимах	55
§ 13. Возникновение омонимов в русском языке	57
§ 14. Языковые явления, сходные с лексической омонимией	60
§ 15. Омонимия и полисемия в русском языке	62
§ 16. Функционально-стилистическая роль омонимии и близких к ней явлений	65
§ 17. Словари омонимов	67
Упражнения	68
<i>Синонимы, их место и роль в лексико-семантической системе русского языка</i>	78
§ 18. Понятие о лексических синонимах	78
§ 19. Синонимия и полисемия	79
§ 20. Понятие о синонимических рядах слов	81
§ 21. Возникновение синонимов в русском языке. Синонимы общезыковые и контекстуально-речевые	83
§ 22. Функционально-стилистическая роль лексических синонимов	87
§ 23. Словари синонимов	91
Упражнения	92
<i>Явление паронимии в русской лексике</i>	103
§ 24. Понятие о словах-паронимах	103
§ 25. Причины смещения паронимичных слов	103
§ 26. Стилистические функции слов-паронимов	105
§ 27. Словари паронимов	107

Упражнения	107
<i>Антонимы, их типы и роль в лексико-семантической системе русского языка</i>	113
§ 28. Понятие о лексических антонимах	113
§ 29. Типы антонимов по структуре и семантической сущности противоположности	115
§ 30. Антонимия и многозначность. Различительные языковые признаки антонимов	117
§ 31. Антонимические ряды, их виды	119
§ 32. Антонимы общезыковые и контекстуально-речевые. Стилистические функции антонимов	120
§ 33. Словари антонимов	124
Упражнения	126

Часть II

Основные этапы исторического формирования лексико-семантической системы русского языка

§ 34. Место русского языка среди других славянских языков	132
§ 35. Общая генетическая характеристика русской лексики. Основные пути ее формирования	133
§ 36. Исконная лексика русского языка	134
§ 37. Заимствованные слова в русском языке	136
1. Заимствования из славянских языков	137
2. Заимствования из неславянских языков	140
§ 38. Освоение иноязычных заимствований	143
§ 39. Лексические кальки	146
§ 40. Причины иноязычных заимствований. Их функционально-стилистическая роль в лексико-семантической системе русского языка	147
§ 41. Русские слова в других языках	155
§ 42. Этимологические словари. Словари иностранных слов	160
Упражнения	162

Часть III

Системные связи слов современного русского языка, определяемые разным характером функционирования

<i>Группы слов, объединяемые сферой распространения (или социально-диалектной принадлежностью)</i>	170
§ 43. Лексика общеупотребительная и лексика ограниченного употребления	170
§ 44. Диалектная лексика, ее роль в языке	171
§ 45. Специальная лексика, ее функции	175
§ 46. Жаргонная и арготическая лексика	182
§ 47. Диалектные (областные) словари. Терминологические словари	184
Упражнения	186
<i>Группы слов, объединяемые стилевой принадлежностью и экспрессивно-стилистической характеристикой</i>	195
§ 48. Понятие о стилевом расслоении лексики и ее экспрессивно-стилистической характеристике	195
§ 49. Понятие о межстилевой, стилистически нейтральной лексике	198
§ 50. Лексика разговорных стилей речи	199
§ 51. Лексика книжных стилей	204
§ 52. Роль функционально-закрепленной и стилистически окрашенной лексики	213
§ 53. Отражение функционально-стилевой и экспрессивно-стилистической характеристики слов в русских словарях. Словари языка писателей	215
Упражнения	218
<i>Группы слов, объединяемые активным или пассивным использованием в речи</i>	225
§ 54. Понятие об активном и пассивном составе лексики	225

§ 55.	Устаревающие и устаревшие слова, их типы	226
• § 56.	Новые слова и их типы	228
• § 57.	Функции устаревших слов и неологизмов	230
§ 58.	Исторические словари. Словари устаревших слов. Словари новых слов и значений	233
Упражнения		235

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ФРАЗЕОЛОГИЯ

Часть I

Семасиологическая характеристика современной фразеологической системы

§ 59.	Фразеологизм — основная единица фразеологической системы. Его отличие от слова и свободного словосочетания	241
§ 60.	Понятие о фразеологической системе	245
Упражнения		247
§ 61.	Фразеологическое значение, его отличие от лексического. Основные виды фразеологических значений	251
§ 62.	Типы фразеологизмов по степени семантической слитности и мотивированности значения	254
§ 63.	Однозначность и многозначность фразеологических единиц, их омонимизация	257
§ 64.	Фразеологические синонимы, их типы, роль в языке. Отличие синонимичных единиц от фразеологических вариантов	261
§ 65.	Фразеологические антонимы, их типы и роль в языке	265
§ 66.	Отражение фразеологического значения в современных толковых и специальных фразеологических словарях	266
Упражнения		268

Часть II

Системные связи фразеологизмов, определяемые разными признаками и характером функционирования

Группы фразеологизмов, объединяемые структурно-семантическими и лексико-грамматическими признаками

§ 67.	Структурно-семантические типы фразеологизмов	272
§ 68.	Лексико-грамматический состав фразеологизмов	272
Упражнения		274

Группы фразеологизмов, объединяемые генетическими признаками

§ 69.	Исконные и заимствованные фразеологизмы	277
§ 70.	Русские фразеологизмы в других языках мира	281
Упражнения		281

Группы фразеологизмов, объединяемые стилистической принадлежностью и стилистической характеристикой

§ 71.	Межстилевые (стилистически нейтральные) фразеологизмы	283
§ 72.	Разговорные фразеологизмы, их стилистические свойства	283
§ 73.	Книжные фразеологизмы, их стилистические признаки	284
Упражнения		285

Группы фразеологизмов, объединяемые активностью или пассивностью употребления

§ 74.	Фразеологизмы активного употребления	287

§ 75. Фразеологизмы пассивного употребления	288
§ 76. Функционально-стилистическая роль фразеологизмов	289
Упражнения	292

*Изменения, происходящие в современной лексической
и фразеологической системах*

§ 77. Понятие об основных путях развития лексики и фразеологии	295
§ 78. Возникновение новых слов и оборотов	295
§ 79. Изменение значений слов и оборотов	302
§ 80. Выпадение слов и оборотов из словаря	306
§ 81. Роль разных функциональных стилей и стилей художественной литературы в развитии лексики и фразеологии	307

Тексты для повторительного анализа	309
Использованная литература	320
Список сокращений	323
Предметный указатель	325
Именной указатель	329